

**HERETICUS TENEBRAE:
Astra tiranium
dominatorum est**

Максим Кухаренко

18+

Максим Кухаренко

**HERETICUS TENEBRAE:
Astra tiranium dominatorum est**

«Автор»

2026

Кухаренко М. Ю.

HERETICUS TENEBRAE: Astra tiranium dominatorum est /
М. Ю. Кухаренко — «Автор», 2026

Таинственное небесное тело появляется в случайных местах сектора Каликсис, знаменуя о череде необъяснимых происшествий, после чего бесследно исчезает. Имперская инквизиция безуспешно пытается расследовать это явление. На этом фоне остаётся незамеченной история одного беспризорника, ставшего пешкой члена святой инквизиции, который затеял свою собственную игру.

© Кухаренко М. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
***	11
***	12
***	17
***	18
***	21
***	26
Глава 2	29
***	32
***	36
***	37
***	41
Глава 3	44
***	48
***	50
Глава 4	52
***	65
***	67
***	69
INTERLUDIUM	85
Глава 5	87
Глава 6	108
***	114
***	123
***	127
***	135
***	136
INTERLUDIUM	141
Глава 7	143
***	150
***	154
***	157
***	161
***	164
Глава 8	170
INTERLUDIUM	192
Глава 9	194
Глава 10	207
Конец ознакомительного фрагмента.	227

Максим Кухаренко

HERETICUS TENEBRAE:

Astra tiranium dominatorum est

Пролог

In corporis sanctus Spiritus aberrata ergo sum

Странные дома, выполненные из блестящего гладкого белого камня и полированного металла, возвышались повсюду. Мальчик никогда раньше не видел ничего подобного. Плавные, закруглённые линии строений были совсем не похожи на ту архитектуру, к которой он привык и наблюдал каждодневно.

Обычно его окружали жёсткие, прямоугольные конструкции шпилей, похожих на острые зубы невероятных размеров существа, с вытянутыми витражными окнами и многочисленными статуями крылатых людей. Или просто разных мужчин и женщин в просторных одеяниях. Здесь же невероятно чистые и ухоженные улицы, покрытые по бокам странным зелёным ворсом и множеством зелёных образований неправильной формы на коричневой ножке, покачивающихся и шелестящих от ветра, свежий воздух и голубое небо. Почему оно голубое, а не серое как обычно? Ответить на этот вопрос, видимо, не было суждено никому, ибо вокруг было безлюдно.

Несколько парящих в небе обтекаемых металлических машин и мелькающие фигуры за окнами были единственным подтверждением того, что здесь кто-то живёт. Матово-белый металлический шар размером с большой чемодан неожиданно и бесшумно выплыл из-за края эллипсоидного дома. Он аккуратно облетел мальчика и короткими вспышками узко направленных лучей тусклого света заставлял затянуться трещины и дефекты в каменном тротуаре, сделав его как новым. Таким же способом он заставил исчезнуть кучку мусора, принесённую порывом ветра.

Ведомый любопытством, мальчик решил заглянуть внутрь ближайшего здания. Подойдя к округлому подобию двери он обнаружил, что она просто исчезает и появляется вновь из ниоткуда стоит от неё отойти. Он же привык к массивным металлическим створкам, открывающимся со скрипом или отъезжающим под гул моторов в сторону. Внутреннее убранство комнат отсутствовало. Дом выглядел пустым, но когда он решил коснуться стены на ней заморгал тусклый огонёк и стал доноситься женский голос. От внезапности мальчик неуклюже попятился назад и чуть было не упал, но обнаружил себя на мягком кресле, возникшем также из воздуха. Голос из стены что то говорил, но мальчик не понимал ни слова. Просто набор непонятных звуков. Следуя своей привычке, он решил сначала убежать, а потом думать. Кинувшись к первому попавшемуся на глаза проходу он обнаружил себя в ярко освещённой комнате, полной зелёных образований, расставленных вдоль стен.

Смутные воспоминания наконец подсказали, что кто – то называл это растениями, показывая на похожие изображения, однако вживую они выглядели совсем по-другому. В центре комнаты парила идеально чистая и гладкая белоснежная капсула. Медленно приблизившись к ней, мальчик увидел через прозрачную крышку лицо молодого мужчины. Лишённая волос голова была усеяна тонкими, едва заметными металлическими вставками. Человек в капсуле растеряно моргал и оглядывался по сторонам. Когда прозрачная крышка исчезла, он начал говорить такие же непонятные слова, будто спрашивая что то, но мальчик чувствовал себя

последним у кого стоит искать ответы на что бы то ни было. Единственное что он знал хорошо, это как спрятаться так, чтобы никто не отобрал еду.

– My AI assistant went offline and all services stopped working. Do you know anything about it? You're tech – bot? You've odd skin... change it...

Мальчик решил что мужчине просто нехорошо и стал вытягивать его из капсулы на улицу. Тот не сопротивлялся, но оглядывался по сторонам так, словно всё вокруг для него также в диковинку как и для ведущего его ребёнка.

Снаружи уже было гораздо оживлённее. Сотни таких же растерянных людей в разноцветных облегающих костюмах неуверенно бродили по округе. В здание неподалёку камнем рухнула летающая машина, но звук падения заглушил пронзительный гул, как если бы он приложил ухо к силовому генератору. Внезапно, залитая светом улица погрузилась в тень. Небо закрыло чем-то огромным и металлическим с множеством светящихся точек и полос на поверхности. Будто бы огромное круглое здание парило в небе, совершенно непонятным образом. В центре парящего здания разгорался огненный шар ярче любой светосферы в столько раз, во сколько мальчик даже думал не существует цифры. В этот момент мужчина вложил в руки мальчику странный металлический жезл с кнопками. Ребёнок лишь непонимающе посмотрел в ответ и шар бесшумно вспыхнул ещё более ослепительным светом, который оплавил всё вокруг в считанные мгновения, превратив тротуары в раскалённые реки, а дома в клубы пыли. Воздух наполнился удушающей гарью и воплями тысяч голосов, от которых, мальчик думал, у него лопнет голова. Но потом всё исчезло...

Глава 1

*Парнишка упомянул об этом разок. Он, значит, сказал, шо псайкеры они не такие, как мы, костяные ныряльщики. Они сами целиком постоянно сидят в морюшке чёрном и ждут того дня, покуда рыбушка – зубатушка их сожрёт.
Дермай, моределец с Спекториса.*

Сон в большом городе.

Кошмар... очередной, бессмысленный и болезненный, каких было слишком много, чтобы надеяться сохранить рассудок. Казалось бы, можно привыкнуть к тому, что почти каждую ночь не удаётся выспаться. Привыкнуть так же, как к стрельбе на улицах по ночам и воплям умирающих прямо под твоим порогом. К голоду, скручивающему живот. Смраду сточных каналов и необходимости быть готовым в любой момент бежать к герметичным шлюзам, вместе с многими другими жителями трущоб, чтобы спастись от ядовитых газов, спускающихся откуда-то сверху, но не-е-ет...

К этому он привыкнуть не мог, как ни старался, хотя жил в этом всё сколько себя помнил... вот только сколько именно, он не знал. Ощущения во сне были слишком противоестественными, чтобы воспринимать их спокойно и не просыпаться каждый раз в поту и дрожа от холода. Почему всегда после кошмаров было так холодно и угол, в котором он ютился, оказывался покрыт инеем? Почему с тряпок, в которые он обматывает себя, осыпаются кристаллики льда, как на криогенных радиаторах? Слишком много сложных вопросов с утра для вымотанного кошмарами ребёнка, пытающегося каждый раз заснуть в жуткой духоте.

Все эти странные сны, они мучили его уже очень долго, и с этим никак не получалось справиться. Совершенно неизвестные места, люди и не только люди, всегда разные и всегда чуждые... Разум мальчика был не в силах понять, хоть как-то объяснить, или даже описать то, что видел в этих снах. Одно он мог сказать точно: ему всё это определённо не нравилось. Вдобавок ко всему, те жуткие ощущения, похожие на то, как за твоей спиной постоянно кто-то стоит, но ты не можешь увидеть кто. Только чувствуешь, как когтистые лапы сжимаются вокруг горла и как что-то голодное и большое тихо рычит, пуская свои тягучие, зловонные слюни прямо тебе на затылок. Они начали появляться не только во сне, но и наяву, отчего мальчик уже перестал понимать спит он сейчас, или нет.

Как бы там ни было, хрон на противоположной, покрытой плесенью, стене показывал, что уже рассвет. А это значит, что он опаздывает к местному барыге Сфорчу на раздачу поручений и за это получит очередной нагоняй, вместо порции еды или горстки тех замечательных белых крошек, от которых ему становится так спокойно, и он может спать без всех этих кошмаров. Как назло, крошек вечно на всех не хватает. Нужно срочно бежать к нему! Иначе другие, такие же оборванцы, всё разберут.

Мальчик, второпях, поправил свою свалывшуюся робу и выскочил из железного контейнера, служившего ему пристанищем. Изъеденная ржавчиной дырявая дверь, протяжно скрипя, заболталась в стороны на расшатанных петлях. Улица встретила мальчика привычными потоками тёплого несвежего воздуха и шумом бесчисленных агрегатов вокруг. Он бежал, не обращая внимания на окружающее, ибо прекрасно знал, что ничего нового не увидит. Справа завод по переработке трупной муки в пищевые брикеты, слева литейные цеха какого-то мануфактория. Даже, едва не споткнувшись о что-то мягкое и податливое, он продолжал бежать не оглядываясь. Наверняка кому-то просто не повезло.

Впереди виднелся знакомый пролом в стене, через который он, как обычно, попадал на мост. Прямо над проломом были нарисованы гигантские буквы, но мальчик не умел читать, однако слышал, как другие люди произносили глядя на них что-то вроде «Общий жилой модуль G21». Выбежав на решётчатый металлический мост, ему, вдруг, показалось, будто кто-то стоит у него за спиной, и даже почувствовал дыхание, но, обернувшись, не обнаружил никого.

«Наверное всё из-за ветра», – подумал он, глянув вниз, в открывающуюся под мостом бездну, наполненную движением исполинских механизмов непонятного ему назначения. От раскалённых до красна узлов поднимался сильный жар, и мысль показалась вполне убедительной. Наверху же, между уходящими в бесконечную высь шпилями громадных домов, испещрённых окнами и огнями, мельтешили бессчётные облака чёрных точек, напоминающих рой насекомых над мусорной кучей. Наверное поэтому некоторые люди называют это место «Улей», или «Мир-улей»... Неважно! Как всегда, из-за своей задумчивости, он опаздывал и немедленно продолжил бег.

Узкие улочки между громадами зданий словно обходили стопы толпящихся в тесноте гигантов, чьи головы скрыты за тучами и петляли подобно лабиринту, захламлённому самыми разнообразными постройками из скрепленного между собой металлолома и мусора. Они заполняли любое свободное пространство на нижних уровнях этого, казавшегося бесконечным, перенаселённого города и принимали в себя всех, кто не мог заработать на жильё получше, или просто хотел спрятаться... О-о да, спрятаться тут можно было так, что тебя вовек не найдут. Это он выяснил лично, когда играл в прятки с другими детьми. В одном из таких проулков он отыскал неприметный люк и скользнул внутрь.

Технические коридоры, в которые спустился мальчик, второпях перебирая ногами ступеньки, представляли из себя ещё более запутанную паутину тоннелей, ветвящихся подобно трещинам на стекле и обложенных пучками кабелей, толщиной с руку, и труб, оставлявших минимум места для перемещения. Тусклый свет фонарей почти не отгонял царящий здесь полумрак и запустение. Наверное, лишь благодаря тому, что мальчик жил здесь всегда, он интуитивно понимал куда идти, иначе бы потерялся сразу же. Отсчитав десятую дверцу электронного пульта, предназначения которого он не понимал и не интересовался, мальчик, пыхтя и тяжело дыша, постучал в неё три, потом четыре раза. Из динамика раздался хриплый приглушённый механический голос, который всегда был ему неприятен, однако сейчас почему-то особенно раздражал.

– Контрольная панель №B38 зоны вспомогательных коммуникаций. Энергоузел общего жилого блока G21. Введите коды доступа.

– Малис, ну пожалуйста, перестань! Я опаздываю! Сфорча опять меня побьёт!

Спустя секунду дверь немного приоткрылась, за ней располагалось помещение, которое сильно отличалось от всего, к чему он привык, и это в который раз вводило его в замешательство. Стены, покрытые позолоченными тканями, люминесцентные сферы, парящие под потолком, пурпурный ковёр, по которому было непривычно мягко ступать, а по краям стояли скульптуры, изображающие неизвестных ему людей из самых разнообразных материалов, но всё это было опять неважно. Он торопился.

В дальнем конце комнаты стояла высокая стройная молодая женщина в обтягивающем кожаном костюме и с фиолетовыми коротко стриженными волосами. Сколько бы мальчик ни наведывался сюда за поручениями, Малис всегда была здесь и всегда у неё на поясе висело множество непонятных предметов.

– Тебе сегодня повезло, парнишка, у хозяина настроение получше, чем вчера, когда он вас отделал с той девчонкой из шестого блока... кстати, где та рана на твоём лице? А? Я точно помню, как вчера ты уходил с рассечённой губой и бровью.

«И правда... где?» Мальчик машинально дотронулся рукой до лица, но нащупал лишь корку запёкшейся крови. Он даже забыл, что засыпал вчера в слезах от боли и с металлическим привкусом во рту. Справа висело зеркало, встроенное в стену как картина в рамке. На него смотрело грязное, голодное лицо ребёнка. Чёрные растрёпанные локоны свисали до подбородка, а от ран остались только синяки.

– Н... не знаю...

– Ладно, крысёныш, иди к нему.

За спиной Малис была ещё одна дверь в комнату, где изо дня в день сидел за столом похожий на шар толстяк Сфорча. Его кабинет был ещё более непривычным, но мальчик не осмеливался разглядывать тут всё. Вполне хватало самого Сфорча.

– Ты почти опоздал, парень, другие букашки из твоей шайки уже расплзлись по поручениям.

– Я...

– Ой, завали, все вы мямлите одно и тоже! Короче, вот тебе пакет.

Мужчина протянул ему небольшой бумажный свёрток, скреплённый восковой печатью. Тут мальчик в очередной раз убедился, почему ему не нравится здесь находиться. Левый глаз хозяина был не настоящий, а механический, похожий на кусок мятой железки размером с кулак, который воткнули Сфорчу прямо в башку и который двигался, как будто по своей собственной воле, дёргая в случайном направлении красный огонёк окуляра с тихим жужжанием. У других людей мальчик тоже иногда наблюдал нечто подобное, но на ожиревшем лице Сфорча это выглядело наиболее устрашающе. Пакет оказался тяжелее, чем можно было ожидать, а внутри находилось нечто твёрдое. Механический глаз вдруг перестал метаться из стороны в сторону и устоял прямо на него.

– Если откроешь, потеряешь, или ещё что-нибудь выкинешь... помнишь, что случилось с тем сивым заморышем пару дней назад?

Мальчик нервно кивнул, вздрагивая от воспоминаний о тех издевательствах, на которые толстяк заставил их всех смотреть в назидание за небрежное обращение с товаром.

– Во-от, говна ты кусок, так что тащи быстро его на нижние уровни к настоятелю часовни Бирингу! Помнит твоя тупая башка где это?

Мальчик ещё раз кивнул, только уже с помрачневшим видом. Нижние уровни были ещё более неприятным местом: там почти всегда темно, ещё более душно, и все нечистоты стекаются именно туда. Что однако не мешает проживать там огромному числу людей.

– Всё, вали с глаз долой! Плата у него.

Мальчик было развернулся, как услышал какой-то невнятный шёпот, словно толстяк бормотал ему прямо на ухо. Он оглянулся, но тот лишь быстро перебирал пальцами по некоему аппарату на своём столе и совершенно не обращал на него внимания. Неважно. Быстро добраться до нижних уровней отсюда можно было только на штуке, которую называют «элеватор», а попасть внутрь получалось только у каких-то странных людей в красных балахонах и с торчащими из спины механическими руками. Мальчику же оставалось только прятаться на верхней площадке этого аппарата и ждать, благо ждать долго не приходилось. Через некоторое время элеватор начал двигаться, перемещаясь в специальной шахте между уровнями то вверх, то вниз.

Равномерный гул моторов начинал убаюкивать, как вдруг... Шёпот. Снова тот же шёпот в ушах, возникающий и исчезающий одинаково неожиданно. От испуга мальчик обернулся так резко, что чуть не свалился с платформы и не выронил свёрток в чернеющую бездну внизу. Тем временем воздух становился всё более влажным и горячим, а запах отходов всё более раздражающим и тошнотворным. Элеватор уже достаточно долго двигался вниз, чтобы можно было без особого труда добраться до места.

Он спрыгнул в коридор, удостоверившись что человек в красном балахоне скрылся в бесчисленных ответвлениях и переходах. Необъяснимое чувство направления подсказало ему, куда надо двигаться и вскоре череда однообразных переплетений проводов и труб привела его к люку, через который он выбрался на одну из безликих, перекрещивающихся под самыми всевозможными углами, улиц нижнего города. Люди называли это место подульем, что было вполне понятно. Дневной свет сюда не доходил совсем, будучи заслонённым, уходящими в облака шпилями и переходами улиц верхних уровней, поэтому единственным освещением здесь были специальные фонари на столбах и многочисленные мерцающие разноцветные вывески почти над каждой дверью или окном.

Вокруг было как всегдалюдно и очень шумно, а от висевшего в воздухе запаха мальчика бы вывернуло наизнанку, если бы он не торопился так покинуть это место. Нужно было постараться добраться до часовни, не померев по дороге в случайной разборке между здешними бандами, на которые он уже порядком насмотрелся. Поэтому было решено срезать путь через подворотню.

Почти выбравшись из потока людей, мальчик наткнулся на фигуру в грязном дырявом плаще. От остальных этот мужчина почти не отличался, да и он сам выглядел почти также, за исключением того, что у мужчины из правого рукава, на мгновение, вместо руки выглянуло что-то гладкое, розовое и гибкое как язык. От внезапного столкновения свёрток выпал из рук прямо в истоптанную грязь и был бы тут же погребён в ней десятками сапог, если бы мужчина его не поднял. Несколько долгих мгновений казалось, что время остановилось. Мужчина устоялся на свёрток в левой руке, не обращая внимания ни на что вокруг.

Времени придумывать что-либо у мальчика не было, поэтому он сделал то, что первым пришло ему в голову, а именно просто выхватил свёрток, но размокшая в грязи бумага сразу же порвалась и, уже забегая в тёмный переулок, мальчик почувствовал в руке нечто гладкое, похожее на коробочку из металла или полированного камня. Пальцы, сжимавшие её, внезапно, стало обжигать, как если бы он достал коробочку из костра, а в голове всё закружилось. Ноги стали подкашиваться и неуверенным, пьяным шагом мальчик чуть не влетел прямо в угол дома. В этот момент он почувствовал как голень обхватило что-то влажное и холодное, и он полетел навстречу земле. Удар лицом о грязь смягчила небольшая лужица, по запаху похожая на мочу. Он обернулся и в расплывающемся образе позади себя узнал того самого мужчину. Больше никого вокруг, кто мог бы помочь. Хотя, даже если и были бы, вряд ли кто-либо стал помогать.

– Меффкий ты гоффнюк!

У мужчины, похоже, недоставало зубов, а его голос булькал, как у больных «пузырной чумой». То самое нечто, похожее на язык, обвивало правую ногу мальчика и уходило в рукав. В приступе паники он метнул коробочку мужчине в лицо. Послышался влажный хруст, когда она разбила тому нос.

– Ну ффука, я тфебя ещё попольфую фа эфто!

«Язык» отпустил ногу и больно хлестнул по лицу, отчего мир вокруг закрутился с новой силой, а вокруг горла стало сжиматься кольцо холодных скользких тисков. Мысли метались подобно тем точкам в небе между зданиями, сердце колотилось от страха, как неисправный генератор, а тело становилось ватным и не слушалось. Сквозь пелену перед глазами мальчик заметил, как мужчина расстёгивает правой рукой свои брюки. Сознание начинало покидать его, в этот момент он почувствовал себя странно, почти также как чувствовал себя во сне. Он не мог этого объяснить, но на самом деле чувствовал, слышал и видел целую кучу мелких зверьков и насекомых вокруг. Копошашиеся мусорные слизни в куче за углом будто бы извивались прямо перед носом, а люди за стенами и на улицах словно прислонились к его уху грудью, давая послушать своё неровное сердцебиение. Лишь только конечность, что держала его за горло не чувствовалась никак. Всё казалось каким-то неправильным. Он успел лишь возненавидеть этого человека перед тем как всё исчезло...

* * *

Холод. И тьма. Вокруг, куда ни глянь, не было больше ничего, кроме крохотных светящихся белых точек, казавшихся бесконечно далёкими, но, непонятным образом, манящим к себе. Где-то их было больше, где-то меньше, а в некоторых местах они были словно рассыпаны поверх разноцветных клякс неровными комками. Всё было застывшим в бескрайней чёрной пустоте.

Картина завораживала, хотя он уже не раз наблюдал её раньше. Ни с того ни с сего, в одном из мест, подобно тому как сминается ткань, или бумага, смялось само пространство, вытягивая и искажая узоры белых точек, после чего на этом месте возникли две огромные башни, плывущие в пустоте. Они были усеяны множеством светящихся окон, а из основания выходили потоки пламени. Эти башни, выкрашенные в чёрный цвет, были гораздо больше чем все здания, которые ему доводилось видеть и в голове не укладывалось, как такое может существовать. Они плыли абсолютно беззвучно и мальчик почувствовал уже знакомый ужас от ощущения, что он здесь не один. Снова этот неразборчивый шёпот... только теперь кто-то положил ему руку на плечо и он обернулся.

Это был сон? Нет... не может быть, он же не ложился спать. Он нёс какой-то пакет настоятелю и за это надеялся, наконец-то, поест хоть раз за пару дней. Он помнил как спустился на нижние уровни, как бежал через толпу, потом какой-то тип... Вспоминать было больно. Что-то пошло не так, потому что ему было больно вообще от всего. Мальчик обнаружил себя лежащим в грязи посреди тёмного переулка и не мог даже моргнуть. Боль пронизывала каждую частичку тела.

Даже когда Сфорча охаживал его палкой везде, докуда дотягивался, у него болело меньше мест чем сейчас. Особенно голова, она была готова расколоться, лопнуть как пузырь в любой момент. Он закричал, но получился лишь протяжный хриплый писк. Сквозь боль после нескольких попыток получилось сесть и слёзы потекли по щекам двумя ручейками, собираясь красной лужицей в ладонях. Только сейчас он заметил, что почти весь забрызган кровью, а вокруг шеи обмотан обрывок той самой скользкой конечности. Она воняла даже сильнее, чем всё здесь вокруг, поэтому мальчик как смог стянул её дрожащими руками и отбросил в сторону.

Странного мужчины нигде не было, а коробочка всё также лежала в грязи неподалёку. Попытка встать не увенчалась успехом, ибо грязь под ногами оказалась покрыта гладкой коркой льда. Но вставать было надо, ведь неизвестно сколько времени прошло и можно было легко остаться без еды, а есть хотелось дико. Во второй раз подкашивающиеся ноги всё-таки не подвели и мальчик, шатаясь, побрёл к коробочке. Она выглядела холодной, но он решил не рисковать и аккуратно завернул её в лоскут своей робы и, как мог, пошёл в направлении часовни.

Атмосфера на улицах подулья не изменилась и, почти через каждые десять шагов, его чуть не сбивал с ног торопившийся куда-то человек, или пьяная компания. Отовсюду доносились голоса, зазывающие в заведения или предлагающие услуги, о которых мальчик не имел даже малейшего представления и иметь не хотел. Посему они все сливались в фоновый шум.

Здание часовни сильно контрастировало с остальными. Небольшое, но высокое строение из серого камня с узкими вытянутыми окнами из которых лился тёплый золотой свет. На дверях, высотой в два человеческих роста, был изображён грозного вида мужчина в массивной железной одежде, окружённый сиянием и величественно смотрящий на входящих. Несмотря на такой вид, мальчику хотелось верить словам Биринга о том, что он, кем бы он ни был, заботится обо всех людях и приходит им на помощь. Жаль, что ему ещё никто не помог. Мальчик постучал.

– Кхе-кхе... ворота храма Его, сущего на... кхе-кхе открыты для всех, кто открыл себя для света Его.

Голос настоятеля Биринга всегда был слабым и скрипучим как двери в трущобах, а ещё он периодически толи посмеивался, толи покашливал, было непонятно. И, что самое главное, он не отвешивал оплеух, точнее делал это реже других, особенно если говорить слова, которые ему нравятся.

– П... правду говорите, настоятель, у меня для вас посылка.

– А-а-а... кхе-кхе... это ты, сучий выродок! Сколько можно тебя ждать? А?.. Кхе-кхе... А?!

Тощая рука схватила мальчика за шиворот и затащила внутрь через приоткрытую дверь. Внутри часовня казалась гораздо больше, чем снаружи. Воздух здесь был не такой затхлый, а уличная вонь перебивалась запахом дымящихся в специальных тарелочках пахучих жидкостей. Все стены были полностью покрыты давно выцветшими и потрескавшимися образами неких людей, изображавшимися в бою с совершенно невероятными чудовищами, а за центральным алтарём был самый большой рисунок того самого человека, что изображён на две-

рях. Он выглядел так, как если бы хотел обнять вошедших. Любое свободное место также было заполнено письменами, смысла которых мальчик и не надеялся понять.

Настоятель Биринг был как всегда облачён в свою серую мантию и выглядел очень невыспавшимся стариком. Он был одним из немногих людей, к которым у мальчика были тёплые чувства. Сегодня старик оказался необычайно возбуждён, даже подрагивал иногда, но, тем не менее, оставался в глазах мальчика хорошим человеком.

– Ну? Где она? Давай же её, сука, сюда! Если у тебя её нет...

Мальчик тут же развернул складки одежды и едва чёрная блестящая коробочка оказалась в них, её тут же схватил настоятель и сжал в своих ладонях. Его глаза так странно задрожали под закрытыми веками, что мальчик забеспокоился, но лицо Биринга изображало неподдельный восторг. Радужное выражение настоятеля, почему-то, совсем не успокаивало. Даже наоборот. К тому же возникло ощущение будто воздух в часовне стал тяжелее и гуще.

– О-ох...ох! Ладушки, прощу тебя на этот раз.

Биринг неверно зашаркал ногами в сторону подсобки и прокряхтел:

– Мэн, дорогуша, принеси пожалуйста питательной суспензии, если осталась.

При звуке этого имени мальчик заметно оживился и прямо-таки воспрял. Он даже улыбнулся, впервые за пару дней. Из-за колонны выбежала девочка в таких же лохмотьях как и на нём. Ростом чуть выше и с жёлтыми слипшимися растрёпанными волосами. В руках у неё была отрадно большая миска с мутной густой жижей, не имеющей ни вкуса ни запаха, но от этого не менее желанной. Трудно было сказать кому именно он обрадовался больше. Жадными глотками мальчик выпил всё что было за один заход, наслаждаясь тем, как пропадает чувство режущей пустоты в животе и видя боковым зрением обеспокоенный вид Мэн.

– Где ты успел так замараться? Ой! Это что? Кровь... Это Сфорч?

– Гм... Нет... Я на самом деле не помню откуда она, но, вроде как, не моя... кто-то пытался меня убить по дороге сюда и...

Он осёкся, не желая вспоминать совсем недавние события, дымка которых только-только начинала сходиться. Девочка же отличалась завидной проникательностью и не стала продолжать, за что он ей был премного благодарен.

– Рада, что всё обошлось. Ты ж, как никак, живучий ублюдок. Этого у тебя не отнять.

Она мягко улыбнулась и осторожно обняла его, от чего мальчик почувствовал неожиданную слабость и спокойствие, тёплой волной расходящиеся по телу. Мэн... Она жила в таких же трущобах, как он и совсем недалеко. Также бегала по поручениям Сфорча и также отхватывала тумачков, правда поменьше. Видимо Сфорч не хотел обижать своего постоянного клиента Биринга, ведь тот дорожил ею, ибо она одна из немногих, кто помогает ему, как говорил сам настоятель: «поддерживать свет Императора в этих местах, полных заблудших душ».

На деле же они пели непонятные песни перед алтарём и разговаривали с проходящими сюда людьми. Мальчика всё это мало волновало. Куда важнее было то, что она являлась единственным человеком, который относился к нему с пониманием и заботой. Единственной, с кем он делился своими тайными страхами и последними запасами краденной еды. К его великому сожалению это было то немногое, чем он мог отплатить ей, потому что был не таким умным и, зачастую, не понимал о чём та говорит, но это было не так уж и важно. Он уже не представлял себе жизни без её общества и, по воле обстоятельств, ей тоже не к кому было пойти.

– Я тоже рад тебя видеть, но, может, пойдём отсюда? Сегодня мне здесь как-то не по себе...

Огорчение в её глазах было для него страшнее, чем что угодно, однако необъяснимое беспокойство, начавшееся всего пару мгновений назад, уже начало захлёстывать его с головой.

– Раньше тебе нравилось в храме... что-то случилось?

– Мне... просто, вдруг, стало страшно здесь находиться... не могу сказать почему, но...

Мэн скрестила руки на груди и блаженно прикрыла веки, разговаривая с придыханием как бывало всегда, когда речь заходила о чём-то, связанном с её увлечениями в этой часовне.

– Император защищает, дружище. Тебе стоит хоть иногда возносить ему молитвы, и он одарит тебя своим благословенным светом, ведь он всегда рядом с нами, всегда готов помочь, откройся ему, и твои тревоги уйдут прочь.

Спорить с ней ему никогда не нравилось, но сейчас он, почему-то, чувствовал, что должен.

– Ни разу его не видел и из всех людей только ты мне помогаешь.

В ответ она лишь внимательно посмотрела ему прямо в глаза, наклонившись достаточно близко, чтобы невзначай коснуться кончиком носа, как любила делать всегда.

– Эй! Ну ты чего, Хмурик?

«Хмурик» – только она его так называла и возражать он не видел причин, ибо нормального имени всё равно не знал.

– ...

– Просто поверь, настоятель человек умный и знает, что говорит.

– Может и так...

Разговор прервал рёв двигателей на улице прямо под дверями, которые практически сразу с грохотом распахнулись, осыпав часть рисунка около себя. От резкого звука Мэн даже подпрыгнула вместе с ним. В проёме стояло трое здоровенных мужчин, чьи тела были туго перетянуты множеством ремней, увешанных целыми гирляндами мешочков и сумок. В их руках опасно поблёскивали тесаки и пистолеты, а на головах красовались ядовито яркого цвета причёски. Все трое замерли, осматриваясь по сторонам.

Члены ульевых банд, опасные и неприятные люди, убивающие и грабящие и без того нищих жителей трущоб. Раньше мальчику удавалось спрятаться от них вместе с Мэн в тех самых технических коридорах, куда те не совались вообще никогда, но теперь деваться было совсем некуда, и он сильно сжал её руку. В какой-то момент единственным, кто нарушал спокойствие, оказался спотыкающийся в попытках настоятель, выбежавший на шум.

– В обителе Его сущего... – он замер встретившись глазами с тем, что посередине – А... это вы...

– Да, старый хер, а ты, я смотрю, время зря не терял. А? Развлекаешься тут с сопляками?

– Я же сказал, что ещё пару дней и я всё отдам, составлю полную симфонию, как и заказывали, работа...

– Работа? – мужчина в центре показушно сплюнул на мозаичный пол – А вот босс считает, что ты тут тупо гоняешь лысого и торчишь под кайфом от тех безделушек, что тебе приносят, и судя по всему, так оно и есть! К тому же, теперь ещё начал пялить этих малолеток... Мне, конечно, срать на то, чем ты тут занимаешься, но авторитетные люди недовольны.

Мальчик никогда раньше не видел такой ярости на лице Мэн, которая бросилась между мужчинами и настоятелем.

– Как вы смеете осквернять обитель Его и говорить без почтения...

Короткий хлопок разнёсся эхом под сводом часовни, прервав её на полуслове и почти оглушая всех присутствующих. Мэн застыла в воцарившейся тишине, широко распахнув глаза и наблюдая как на груди расплывается красное пятно. Серая мантия настоятеля, не успевшего даже зажмуриться от испуга, оказалась покрыта красной рябью от ног до безмолвно трясущихся губ. Сжимавший же пистолет мужчина лишь недовольно разминал шею.

– Потаскуха низкорослая! Ненавижу, когда меня перебивают, так о чём это я?

Для мальчика время остановилось мгновенно. Он видел только Мэн и как её ноги подкашиваются, бессильно роняя её на каменный пол. Оцепенение удалось побороть лишь в последний момент, чтобы подхватить её голову. Мужчина с пистолетом просто перешагнул через них и ткнул дуло настоятелю прямо в полураскрытый рот, выбивая передние зубы. Глаза Мэн

забегали из стороны в сторону, будто ища ответ на множество вопросов. Тяжело дыша, она вцепилась мальчику в плечи, и по её лицу потекли ручейки слёз.

– Что... происходит?... Мне... страшно...

А он и не знал что ответить. В горле застыл ледяной ком, а на его руках прямо сейчас угасал его единственный друг и родной человек. Всё, что было хорошего в его жизни исчезало и он не мог ничего с этим поделать.

– Н... Не умирай... пожалуйста!

Он прижал её к себе дрожащими руками и единственное, о чём он думал сейчас, это чтобы всё обошлось, чтобы всё было хорошо... чтобы стало как прежде. Вдруг голова начала странно зудеть прямо изнутри, да так сильно, что можно было разбить её об пол.

Сквозь пелену слёз стало видно, как мозаика вокруг них начала покрываться тонким слоем изморози, ползущей в стороны как разлитый густой бульон и начинала покрывать их одежду. Одновременно с этим, рана на груди, по какой-то причине, перестала испускать тонкие пульсирующие волны крови. Побледневшая кожа Мэн стала почти не отличаться от белой изморози на одежде, но, по крайней мере, её взгляд стал менее отсутствующим и она сделала глубокий вдох, после чего закашлялась, как если бы освободилась от удушья.

– Ч... что? Мне... почти не больно... Это ты сделал?

– Я... не знаю... я ничего не делал...

– ТВОЮ Ж МАТЬ!

– ЧТО ЗА?..

Внезапные возгласы мужчин разносились по часовне, отражаясь от стен. Те двое, что остались в дверях, с неподдельным ужасом наставили своё оружие куда-то вверх лежащих на полу в лужице подмёрзшей крови детей.

– Импефлатол везвефуфий! – донёсся приглушённый хрип настоятеля, пытающегося произносить слова с дулом пистолета во рту, с другой стороны зала.

Мальчик посмотрел наверх и тоже хотел было закричать, но горло пережало от такого резкого порыва. Прямо над ним клубилось облако розового мерцающего дыма, приобретающего постоянно меняющиеся очертания десятков разных лиц с жуткими гримасами боли и мучений. Они завывали и кричали хором диких голосов, от которых замирало сердце и первобытный, необъяснимый ужас схватывал все внутренности своими когтями... Прямо как в его снах.

Все трое бандитов принялись в панике стрелять по облаку, но ничего не происходило. Пули просто пролетали сквозь него и обрушивали остатки расписанной штукатурки на пол. Стрельба прекратилась, когда искажающиеся лица резко разлетелись в разные стороны. Одно из них попало в настоятеля и тот, вытаращив глаза ещё сильнее, принялся неистово царапать своё горло, разодрав его всего за несколько ударов сердца, после чего упал, дёргаясь в луже собственной крови.

От расслабленной бравады главаря не осталось и следа, когда после увиденного он обмочившись стал отползать к дальней стене с неслыханными ругательствами. Второй, внезапно, начал выкрикивать непонятные слова и с разбега ударился головой о стену с такой силой, что послышался влажный хруст, и обмяк. Третий же расплылся в такой улыбке, на которую, мальчик думал, неспособно человеческое лицо, после чего залился совершенно самозабвенным, истеричным смехом, подобного которому нельзя было услышать нигде и от которого он, просто навсегда, не смог дышать.

Спустя короткое время мужчина потерял сознание и упал без движения, однако сумасшедшая улыбка, исказившая его лицо, так и осталась. Мэн безучастно смотрела в даль, видимо не имея уже сил на проявление эмоций. Для всех здесь присутствующих происходящее было далеко за гранью понимания. Поэтому мальчик решил действовать проверенным спосо-

бом. «Сначала беги, а уж потом думай сколько влезет», к тому же Мэн тоже была сторонницей этого правила и ей срочно нужна помощь какого-нибудь медикуса. Какого угодно.

Когда он потащил её к выходу она даже не отреагировала, как и на появление ещё одного молодого человека в той же одежде как и те трое. От увиденной сцены, парень с дубинкой на плече отшатнулся назад.

– Сиф? Перч? Монсман? Что за ботва?

От неосторожного движения рана на груди Мэн вновь начала кровоточить и та нахмурилась от боли. Мальчик запаниковал. Он не понимал что произошло в прошлый раз, но решил попытаться ещё раз. Почему-то, он решил, что если очень сильно чего-то захотеть, то... Голова опять начала сильно зудеть, когда мальчик принялся вспоминать все те мысли, которые были у него в прошлый раз и, неожиданно для себя, увидел Мэн сквозь свои зажмуренные веки, но как-то совсем необычно. Он видел её как будто изнутри, видел её изодранное тело и, по неведомой причине, оно слушалось его, закрывая раны там, где он хотел. Правда чем больше он увлеклся, тем меньше оно слушалось и начинало протестующе вибрировать.

Зуд в голове сменился резко пульсирующей болью, а Мэн вся затряслась в конвульсиях. Из её глаз, носа и ушей потекли струйки крови, заливая лицо, после чего она сразу же замерла, бессильно уронив руки с его шеи на пол и запрокинув голову.

Смотревший на всё это молодой человек не издавал ни звука и, казалось, даже не дышал, а главарь в дальнем углу сидел в жёлтой луже и дрожащей рукой с пистолетом водил из стороны в сторону.

– Что это?.. Что ты за тварь? НЕ ПОДХОДИ! НЕТ!

Он вставил пистолет себе в рот и выстрелил, не медля ни мгновения. За его спиной одновременно с хлопком расцвело большое красное пятно на стене.

– Тво-о-ою ма-а-ать!.. Карл, зови ребят и тащи со спидера скрипт-пиктер, иначе босс не поверит во всё то дерьмо, что здесь случилось.

Сразу после этих слов молодого человека стошнило прямо на пол.

* * *

Голоса... мужские, женские, детские. Они доносились со всех сторон, создавая какофонию звуков среди бесконечного множества чёрных столбов, воткнутых в землю. Столбы были неровными с бороздами и выщерблинами, утоньшающиеся и разветвляющиеся сверху. Их окутывал синеватый туман от которого видно было только на десяток шагов перед собой, не более того.

Мальчик бродил здесь не в силах найти выход уже очень долгое время и порядком устал. Детский смех эхом рассекал воздух между столбами вместе с множеством непонятных фраз. Как он ни старался разобрать хоть слово, всё было тщетно, а постоянное ощущение чужого присутствия заставляло вздрагивать от каждого шороха и движения теней. Неожиданно впереди возникло кресло на небольшой полянке. В нём сидел некий дряхлый старик и что-то напряжённо записывал с закрытыми глазами, бормоча себе под нос.

Огромная стопка бумажных листов была сшита чем-то похожим на пучок седых волос, а от надписей поднимался дымок. Спустя некоторое время старик тоже начал постепенно дымиться и с болезненным выражением лица застонал, но писать не бросил. Его руки уже дрожали и покрывались ожоговыми струпами, но он всё равно писал. Мальчик очень хотел остановить его, но неведомая сила удерживала на месте и не позволяла произнести ни слова. В конце концов старик испустил дух, развалившись на бумаге и тлея как самый настоящий уголь.

Тут же из тумана появились бесформенные тени, взявшие тело старика с собой, а откуда-то сверху на звенящих металлических цепях спустился уже другой человек и сразу же принялся писать с того самого места на котором остановился старик, закатив глаза так, что было видно только белки. За спиной неожиданно раздался мелодичный женский голос:

– Эл? Эл! Вот ты где, а я тебя обыскалась, мальчик мой. Тебе опять приснился страшный сон?

Мальчик до дрожи боялся увидеть того, кто стоит у него за спиной, но когда чья-то рука легла ему на плечо он всё-таки обернулся...

* * *

В маленькой тёмной комнатке не было ничего, даже окон. Мальчик проснулся глядя на светосферу под потолком, испускающую тусклый жёлтый свет из-за налипшей на неё пыли и грязи. Рядом с куском ткани, на которой он лежал стояла железная миска с давно высохшим, превратившимся в потрескавшуюся корку супом.

У него не было ни единой мысли в голове. Ни одного вопроса. Он просто взялся слизывать с неё всё что было, будучи ведомым лишь животными инстинктами. Тарелка оказалась достаточно холодной, чтобы язык чуть не примёрз к ней.

– Ого! Вот это ты вскочил!

За решётчатой дверью комнаты сидел на стуле молодой мужчина с ярко рыжими волосами, торчащими строго вверх как прутья ржавой проволоки. Он не торопясь покуривал папиросу, пуская густой белый дым сквозь решётку и внимательно наблюдал за мальчиком. Из одежды на нём была только коричневая майка и штаны с множеством карманов, заправленные в потёртые ботинки с металлическими заплатками.

– Странный ты мальчуган, скажу я тебе, никогда не видел чтоб... а хотя нет, вру, был как-то один случай... Одна баба вдруг начала гореть в тот самый момент, когда бедолага Цивитас, боже Император прими его душу, решил порадовать её своим достоинством... Хех! Горячая штучка, не правда ли? Хотя что с них взять, это ж женщины. Но ты вроде таких фокусов не выкидываешь и это хорошо.

– Кто вы и... Где я?

– А ты не помнишь что ли? Тебя нашли в часовне в окружении пяти трупов. Дик говорил, что ты всё время сидел, дрожал и нёс совершенно несвязную пургу, потом тебя посадили сюда от беды подальше, но ты просто уставился в пол и не двигался пару дней. Не ел, не пил, ходил под себя, в общем как овощ, потом уснул на сутки и вот мы с тобой теперь болтаем.

Воспоминания оказались похожими на удар чем-нибудь тяжёлым по голове. Все эти события... ему не хотелось верить. Он не мог найти в себе силы что-либо делать или даже думать. Мэн... ведь это он убил её! Сам... убил. Также как Биринга и тех троих. Он не знал как и почему стал причиной всего этого, но это точно был он. Руки снова затряслись сами по себе. Он хотел исчезнуть, просто перестать существовать. Всё это было неправильно! Почему она умерла? За что? Что теперь делать? Мальчик не знал как ответить на все эти вопросы ибо всё потеряло смысл.

– Эй! Эй! Не пропадай опять, чувак! У нас ещё куча дел.

– Вы... арбитр?

– Чё? Хахаха-а! Эй, Фони, слыш, он назвал меня арбитром!

– Ты и так не паинька, а будь ты арбитром, то пристрелила б на месте. Этот маленький говнюк очухался? Тогда тащи его к боссу! Хватит жопу просиживать, ты не король!

– Ладно-ладно, только не горячись.

Мальчик пребывал в состоянии полного безразличия к происходящему и с пустым взглядом смотрел перед собой, когда его вели по коридору. Из боковых комнат доносился хохот и перебранка множества людей, складывающихся в утомительный гомон. Прямо перед ними из одной комнаты вышла, покачиваясь, совершенно голая женщина с бутылкой в каждой руке и, смеясь, сразу же зашла обратно. Из другой вывалилась пара дерущихся мужчин, которых рыжий парень просто обошёл, продолжая вести мальчика со скучающим видом. Наконец они подошли к сдвоенным дверям по бокам от которых стояло двое вооружённых мужчин, мало чем отличавшихся от тех из часовни.

– Босс у себя? Приказывал притаранить ему какого-нибудь чудика.

Парень слегка толкнул мальчика вперёд и один из охранников достал с пояса металлический ошейник, заморгавший кучей лампочек при приближении к шее мальчика. Когда его защёлкнули в голове стало необычайно пусто, словно все разом перестали галдеть и приглушили свет. Мальчик впервые на своей памяти почувствовал себя одиноким и словно свободным от некоего тяжкого груза.

– Всё, теперь топайте. – кивнул второй охранник на дверь.

Когда мальчик вместе с «Рыжим» вошёл в зал ему, почему-то, сразу вспомнился кабинет Сфорча, только здесь было больше оружия, чем тех замысловатых предметов и скульптур. Пока двери зала закрывались за спиной до него долетели обрывки фраз перешёптывающихся охранников.

– Это он что ли? Тот самый...

– Без понятия, врятли пацан мог положить троих...

– Но... Фоника ведь никогда не ошибается...

В центре зала стоял длинный стол, за которым вели оживлённый спор несколько человек, одетых в разноцветную несуразную одежду с множеством непонятных деталей, казавшихся мальчику совершенно лишними и неудобными. Хотя уж в чём, а в одежде он точно не разбирался. Рыжий не сбавляя шаг наклонился к нему.

– Видишь вон того лысого? Это самый большой хер во всей округе... не буквально, конечно, ну ты меня понял. Будь с ним пообходительней, а то мало ли.

Лысый мужчина и вправду выделялся. Он был одет только в короткие штаны и прямо бугрился мускулами разрисованными всевозможными символами и узорами, а лысый череп оказался покрыт местами металлическими пластинами с разъёмами для проводов. Правая рука и нога блестели свежесмазаннными механическими узлами и деталями. Когда он заметил приближающегося мальчика, то поднял свою «живую» руку, останавливая галдёж за столом и сидящие как по команде проследили за его взглядом в сторону вошедших.

– Про этого заморыша ты нам вчера рассказывал, так?

– Может проще было бы нанять нормального чудика?

– Я вам, по моему, ясно сказал, что все средства ушли на поиск и добычу элементов песни, а время поджимает, уже завтра утром всё должно быть собрано, к тому же Ливьяр заверил, что хватит и «Z», а может и ниже, главное чтоб был относительно стабилен.

– Раз нам так удачно подвернулся этот пацан, то возможно сие стечение обстоятельств весьма порадует владыку.

Лысый кивнул, не разделяя, однако, оптимизма женщины в огромной шляпе, обвешанной гирляндами бусин и обратился к рыжему.

– Как эта херня называется?

– Какая, босс?

– На шее, идиот!

– А, пси-блокатор, босс.

– Снимай.

– Но...

– Снимай!

Едва металлический ошейник сняли, как мальчик снова ощутил груз реальности вокруг, будто мир снова стал насыщеннее, стараясь заполнить все чувства бессвязными сигналами, а голова зазудела изнутри. Слабо, но от этого не менее раздражающе. Тем временем лысый присел на корточки прямо напротив него и пристально посмотрел ему в глаза. Мальчик не мог объяснить себе этого, но каким-то образом ему стало понятно, что этот человек страдает... страдает и испытывает почти то же бессилие, что и он сам.

– Мда-а-а, жалко, конечно, Биринга... нормальный был мужик. Знаешь, парень, я уже порядком насмотрелся на эти ваши потусторонние фокусы и то дерьмо, что вы вытворяете с порядочными людьми. Так что скажи мне вот что: он умер быстро?

Мальчик не знал куда ему деться и что ответить. Даже просто смотреть в глаза этому человеку было тяжело и неприятно, однако удалось удержать себя от резких движений и он просто пялился на его подбородок. Вот только лысый, как оказалось, говорил с закрытым ртом. В этот момент мальчик не смог удержаться от удивления. Мужчина напротив просто продолжал также молча смотреть на него, но слова продолжали звучать почти также, как если бы он на самом деле говорил.

– Святые яйца Императора! Походу он тупой как братец Шик... что ж за невезуха то!

Слова задели его неожиданно для него самого.

– Я... не тупой!

Глаза лысого немного округлились и он начал говорить нормально, открывая рот.

– Ого! Ну уже что-то. Совсем другое дело. Тебя как звать?

И правда... как? В памяти не было людей, которые звали бы его по имени. Да и не интересовался никто... Кроме Мэн... Мэн... Слёзы одна за другой закапали на ковёр. Лысый почти никак не отреагировал.

– Хм... Ну, в общем, они все, вроде как, немного двинутые, так что... (вставая) Лис, одень ему обратно эту чтуку, а то мало ли что и собирай ребят.

– Всех?

– Вообще всех. Чтобы через час каждый сукин сын был готов к выезду! (поворачиваясь к столу) Дамы и господа, можете начинать.

* * *

*Кончилась эра человека – животного! Да здравствует эра
человека – псайкера!
Еретик Тайфо Сакс, последние слова.*

Так бывает, когда смахиваешь тучу мух с мусора, они начинают мельтешить перед глазами беспорядочно и быстро, создавая гул. Также было и сейчас. Множество людей сновало туда-сюда, в спешке надевая одежду и распахивая по карманам всевозможные предметы. Мальчик же тихо сидел на заднем сиденье грунтового транспортника, наблюдая за всем через боковое окно.

Ощущения были новыми, ведь раньше ему доводилось лишь видеть эти машины изда-лека, а теперь он чувствовал всем телом вибрацию двигателя и запахи всех этих машин-ных жидкостей. Вибрация и тепло подействовали неожиданно убаюкивающе, отчего мальчик задремал и с удивлением обнаружил, когда проснулся, что не было снов. Даже намёка на них, просто закрыл глаза и открыл. К этому моменту машины уже неслись по ночной дороге, освещаемой светом фонарей и фар.

Россыпь светящихся окон нависающих над ними громад тянущихся к облакам домов вызывала странные ощущения, как будто огромные существа с мириадами глаз смотрят на него. Рядом сидел тот самый парень с необычной рыжей причёской, которого назвали «Лис» и что-то увлечённо рассматривал в тоненькой металлической пластине, водя по ней периодически пальцами. Любопытство внезапно возобладало над безразличием и мальчик решил посмотреть. Лис лишь искоса глянул на него с ухмылкой.

– Что? Тоже интересно да? Мне не жалко, только вряд ли ты в таком возрасте оценишь... (он протянул пластину с ехидной улыбкой) Люблю глянуть свежую порнушку перед делом, бодрит, если понимаешь о чём я.

Увиденное на экране действие вызвало в мальчике смешанные чувства и вывело из равновесия. Оно было одновременно отталкивающим и, по непонятным причинам, притягательным. Чем-то похожим на мимолётные образы из дурманящего розового тумана, иногда появляющегося во снах. Лис аккуратно забрал пластину.

– Для начала, думаю, хватит, а то у тебя сейчас сердце выпрыгнет, хах! Потом познакомлю тебя с лучшими экземплярами моей коллекции.

Дабы перевести дух, мальчик снова устался в боковое окно. Проносящиеся мимо тоннели и разноцветные светящиеся фасады зданий, неким образом действовали успокаивающе. Давно ставшие знакомыми, городские пейзажи сменились рядами однотипных металлических конструкций.

– Где это мы?

– Если честно, то я сам здесь никогда не бывал. Босс говорил что-то про заброшенные ангары СПО, видимо это они.

– С...ПО?

– Ну эти, как их... «Силы планетарной обороны», хех... Солдатики оставили их хрен знает когда, но Магистратум до сих пор ничего не распорядился сносить.

Несмотря на разъяснения осталось больше вопросов, чем ответов. Машины со свистом остановились и люди начали спешно выходить и разбегаться в разные стороны.

– Вот мы и на месте, пойдём, паренёк, у тебя сегодня серьёзная роль. Владыка смотрит...

В глазах Лиса промелькнула некоторая грусть, но потом он сразу же вернул себе неестественно воодушевлённый вид и потащил мальчика за собой. В этом месте оказалось не так

душно и непривычно просторно, а небоскрёбы уже почти не нависали над головой, оставшись многоярусной стеной на небольшом отдалении.

Они быстро шли по широкой площадке между ангарами скрипя каменным крошевом под ногами. Все вокруг тащили на себе ящики и мешки с очень сосредоточенным видом, направляясь в один из покосившихся ангаров, ничем не отличавшийся от остальных. Внутри под сводчатым потолком оказалась целая многоуровневая конструкция из рядов горящих свечей и ламп, установленных поверх статуи ростом в пару десятков человеческих и имеющей не так уж и много человеческих черт, как он ожидал и привык видеть.

Лысый уже был на площадке, установленной на плечах статуи и с виноватым видом что-то объяснял фигуре в ярко-фиолетовом плаще, которая напротив, казалось, не двигалась вообще. Лис приложил правую руку к уху и начал говорить в воздух, словно разговаривал с кем-то невидимым.

– Да? Да, на месте... понял, будем готовы через десять минут.

На несколько коротких мгновений его обеспокоенный взгляд остановился на мальчике.

– ... Хорошо, босс.

Убрав руку от уха, Лис аккуратно принял металлический контейнер из рук девушки с чёрной кожей и зелёными волосами. Они оба поклонились друг другу пробормотав что то содержащее «истинный свет» и «счастье верным», после чего извлёк оттуда необычного вида стеклянный пистолет с иглой на конце.

– Тихо, парень, не дёргайся, это почти не больно.

Короткий укол в плечо и вправду оказался почти незаметным, а через короткое время вообще перестал чувствоваться, однако сердце внутри начинало колотиться всё быстрее, вызывая дурноту и головокружение.

– Вооот, а теперь пошли. Не терпится увидеть как ты откроешь верным их путь.

С каждым шагом к вершине статуи Лис хмурился всё сильнее.

– Что-то не так?

– Да ничего, просто раньше мы прессовали лохов и так далее, а теперь... резкая смена деятельности не по моему профилю.

После этих слов на его лице снова засияло безумное выражение счастья, которое пугало больше чем всё остальное.

– Те кто отрицает правду останутся гнить, а мы взойдём к счастью!

Наверху их встретила всё та же сцена: лысый, сложив ладони вместе, выглядел просящем милостыню у фигуры в плаще.

– Г... Господин, мы сделали всё как вы распорядились, симфония...

Незнакомец поднял руку в лёгком останавливающем жесте, словно танцевал, а не разговаривал с татуированным бугаём. Раздавшийся голос был мягким и приятным на слух, напоминая колыбельную, которая ласкает изнутри и успокаивает.

– Довольно, суета и подхалимство смущают твой разум, ты теряешь всё важное из виду и копошишься как оторванный хвост ящерицы без цели и смысла.

Лысый покорно уставился в такую же металлическую пластину как была у Лиса и стал быстро барабанить по ней пальцами. Сам же Лис смиренно стоял у края платформы, придерживая мальчика возле себя. Незнакомец медленно, лениво обернулся на них. Молодое бледное лицо исхудавшего мужчины с тонкими чертами, будто бы, светилось, а глаза блестели, как от слёз. Его невероятно добродушная улыбка, правда, никоим образом не могла исправить того отталкивающего эффекта, который производили странные чёрные «зубы», растущие прямо на коже лица, всё равно что прыщи, а особенно крупный торчал прямо над правой бровью, извиваясь вверх.

Мальчик понимал почему остальные смотрят на этого человека с таким благоговением. Несмотря на свои черты он казался самым прекрасным из всех кого можно было встретить.

Внезапно лучезарная улыбка покинула лицо странного человека, уступив место не менее яркому негодованию.

– КАК?! Как вы посмели совершить такое кощунство, против священных даров варпа? НЕМЕДЛЕННО снимите оковы с этого дитя! Освободите его! Откройте его бездне и пусть спящий в нём бог пробудится!

Лис спешно повиновался, промедлив лишь не надолго в сомнениях. И как только ошейник был снят, мальчик чуть не потерял сознание от резко возникшего гула в голове, словно он просунул её в вентиляционную шахту с огромными заводскими турбинами. Болезненное покалывание пронизало всё тело, от чего ему сразу вспомнился тот случай, когда он свалился в кучу битого стекла. Хоровод образов и мыслей людей, сновавших по ангару, практически парализовал его. Картины их прошлой жизни, хорошие и не очень воспоминания, многие из которых ему было знать совсем ни к чему, но он узнал, ибо никак не мог закрыть глаза, смотревшие на это.

Среди огромного клубка переплетённых чужих судеб было так легко потерять самого себя... Вот идёт Ребекка Сайнслай, ей уже сорок лет и без омолаживающей терапии она быстро потеряет всех своих клиентов, а её навыки затупятся и станут никому не нужными. Она готова взяться за любое сомнительное дело, чтобы заработать на препараты. Теперь он был Ухрусом «Брадобреем», прозванным так за привычку резать глотки кому угодно ради удовольствия. Он сидел на ящике с оружием и размышлял о том, как же хорошо у него это получается и как мягко вошёл нож в шею той последней напыщенной дамочки из космопорта. Потом он стал Сарой Виленрой, крепко матерившей своих поединённых за неправильную установку оборудования и горящей от ненависти на свою работу. «Нельзя показывать слабость этим гнилым стервятникам» «Ой да в бездну всё это!».

И вот, неожиданно, он Карий Релесс по прозвищу «Лис» и всё чего он хочет, это отомстить за смерть брата в той роковой перестрелке, когда они были членами банды «Чёрные кровопийцы». Отомстить этому тупорылому мужику, которого он называет «Босс» с тех самых пор, как втёрся в доверие к этим «Рейдерам из трущоб». Но всех этих людей объединяет лишь одно: они верят в приход лучшего мира сегодня, они верят в прекраснейшего владыку и их пророка на пути от всей этой грязи их ужасной жизни во лжи Императора и его псов. Но... кто же он сам? Кто он на самом деле? Он был воздухом, которым все дышат, был влажным грунтом под ногами, был каждой неведомой гадкой тварью в округе... он был одновременно всем и ничем... Может быть этот мальчик, свернувшийся на полу? Не-е-ет... зачем быть им, когда можно быть кем угодно? Даже эти жалкие крысы, копошащиеся в мусоре, наверно, лучше...

Мальчик кричит, физически чувствуя присутствие каждого, находящегося здесь, он плывёт в бушующем потоке голосов, просящих, желающих и рассказывающих имена, названия, события... существующие и нет. Он боится, что этот поток смоеет его как песчинку. А этот незнакомец в плаще... его лицо трудно узнать из-за гримасы экстаза, искажившей, бывшие до этого утончёнными, черты.

– Ах-ха-ха-а-а! Да-а-а! Почувствуй эти сладостные потоки варпа, дитя! Как они прекрасны! И ты – их повелитель! Такая мощь в таком слабом теле! Взывай к ним и они ответят!

– Господин, всё готово, можем начинать.

– Чтож... Давно пора! Открывайте скрижали и пусть дитя споёт для нас! Сегодня владыка явится на зов своих подданных!

Люди вокруг, как замороженные, побросали все свои дела, чтобы в акте неестественного ликования объединиться с этим незнакомцем в плаще, величественно взирающим на них сверху. Остатки сознания, сохранившиеся в мальчике, позволили ему заметить как вокруг расставили коробочки, подобные той, что он нёс в часовню. Они засветились леденящим душу светом и безумный поток мыслей смялся под напором странной мелодии, исходившей от них

и наполняющей всё его естество. Она была так... прекрасна... Её хотелось слушать вечно и подпевать её мотивам, но потом...

Мощный хлопок и вспышка света заполнили пространство ангара, ворота которого разлетелись на куски. Дождь из обломков ещё несколько секунд осыпался в облаке дыма и, повисшей от оглушения, тишине. Откуда-то с улицы в опустевший дверной проём начали залетать металлические шарики, взрывающиеся при падении, и несколько людей, стоявших ближе остальных к воротам, оказались мгновенно разорваны на куски. Те же, кто выжил, принялись, как по команде, стрелять из всего, что было в их руках.

Всполохи света и огня превратили ангар в карнавальное представление, на котором никому, в здравом уме, не захотелось бы побывать. Тем временем, сквозь рассеивающийся дым стали видны три фигуры: некто похожий на металлическую статую женщины в закрытом шлеме грохотал массивным орудием в своих блестящих железных руках. Каждое его попадание лопало людей как воздушные шарики, а она сама, при этом, даже не пыталась укрыться от шквала выстрелов, выбивавших из брони снопы искр.

Фигура в центре была одета в длинный коричневый плащ и широкополюную шляпу, показавшуюся мальчику слишком неудобной и причудливой для обстановки. Фигура быстро перебежала от ящика к ящику, выпуская из своего оружия визжащие яркие огненные лучи, обугливающие всё, чего коснуться. Третья фигура оказалась тощим долговязым мужчиной, закутанным в тряпье. Его голова была почти полностью оплетена кабелями, входящими внутрь. Лёгкие взмахи рук этого человека заставляли людей подниматься в воздух невидимым и непонятным образом, после чего те врезались в стены и крышу ангара с такой силой, что превращались в кровавые ошметки, медленно сползавшие вниз. Летевшие же в него пули, просто напросто, замирали в паре метров перед ним и падали на пол.

Один из взрывов прогремел прямо под конструкцией, верхняя платформа которой закачалась и начала сползать вниз, отчего светящиеся шкатулки покатались по наклонной прочь, унося с собой эту дивную мелодию и оставляя лишь холодную пустоту в голове. Настолько холодную, что можно было обжечься. Мальчик пополз за шкатулками чтобы хоть на мгновение услышать мелодию ещё раз. Панические движения прервал резкий рывок за рукав. Его держал Лис, зацепившийся за поручни.

– Держись давай, мать твою!

Мальчик не видел пожар внизу, порождённый бушующей бойней, всё что он искал было шкатулками. В воздухе что-то просвистело, после чего хватка рыжего парня ослабла, а мальчик в последний момент заметил, что у того нет половины головы и он, вместе с ним, дёргаясь, сползает вниз.

Платформа резко сорвалась с места, когда конструкция под ней начала окончательно рассыпаться и мальчик слетел с неё, бессильно упав на чьи-то тела посреди горящих обломков. Из груди выбило весь воздух, а в голове от удара всё смешалось в кучу. Отчаянные попытки сделать хоть один вдох увенчались успехом уже почти на грани потери сознания, и без того висевшего на волоске. О том, чтобы встать и убраться отсюда мальчик решил даже не думать. Скорее всего, он сгорит прямо здесь, среди уже мёртвых и совершенно незнакомых людей.

Мимо промелькнула чья-то тень и мальчик узнал в ней того странного мужчину в фиолетовом плаще. Тот двигался так быстро, что был не более чем размытым пятном, проносившимся меж грудями обломков сквозь неразбериху пожара и перестрелки. Уродливый костяной серп, заменяющий ему правую руку, казалось, не встретил никакого препятствия, когда срезал голову долговязому вместе с кабелями.

Металлический человек сразу же понёсся ему навстречу, снося на своём пути любые преграды, как мальчик, в своё время, распинывал лёгкий мусор. Пушка в руках «статуи» вновь заревела, но град выстрелов неожиданно прошёл прямо сквозь незнакомца, будто он был лишь дымкой. Молниеносным движением серп вошёл между стыками металлических пластин, сми-

ная их подобно бумаге и изнутри статуи раздался пронзительный женский вопль, приглушаемый массивным шлемом с горящими жёлтым светом глазницами.

Статуя казалась чуть больше человека в плаще, а под её ногами трескался каменный пол, но, тем не менее, она двигалась необычайно быстро и увернулась от пары следующих взмахов, успев сделать ещё несколько выстрелов с тем же успехом. Мальчик не успевал даже просто увидеть многие движения и вот серп вонзился ещё глубже, превратив крик внутри в затихающий хрип.

По исчерченным выбоинами ногам статуи начала струиться алая кровь всё увеличивающимся потоком, но та, каким-то образом, извернулась и одним движением оторвала незнакомцу левую ногу с лёгкостью выдёргиваемого волоса. Grimаса боли беззвучно отразилась на покрытом «зубами» лице незнакомца, который остервенело попытался выдернуть серп из покорёженного металла как раз в тот момент, как мужчина в шляпе оказался у него за спиной, готовясь выстрелить.

Красный огненный поток лишь воспламенил фиолетовый плащ, не более. Несмотря на горение и отсутствие ноги, незнакомец замедлился не так уж и сильно, но этого хватило, чтобы мужчина в шляпе поднырнул под просвистевшем в воздухе серпом и пинком повалил оппонента наземь, после чего, сразу же, обуглил следующим выстрелом его голову со словами:

– Властью, данной мне богом – Императором человечества и от его святого имени я приговариваю тебя, нечестивое отродье хаоса, к смерти!

Мужчина окинул взглядом окружающую его картину разрушений и довольно кивнул неизвестно кому, ведь в живых здесь остался только он. Мальчик пытался отползти как можно тише и дальше, но его кряхтение и кашель оказались слишком заметны. Мужчина придавил его ногой, обутой в тяжёлый ботинок, к полу и наставил оружие в лицо. Здесь, вблизи и при свете пожара, мальчику удалось разглядеть, как он думал, последнего человека, встреченного им при жизни.

Жёсткое, суровое лицо мужчины средних лет с короткой чёрной бородкой вокруг рта. В его глазах была ярость и непреклонная решимость. Мародёров и прочих громил можно было уговорить или подкупить, но его определённо нет. Уже не оставалось сил, чтобы сопротивляться или бежать, он мог только молить, но и губы не слушались.

Тело свело от страха перед тем, что если он умрёт, то уже никогда не сможет проснуться от всех тех кошмаров. Они будут длиться вечно. Вот чего мальчик боялся сильнее всего. Сейчас это стало ясно как никогда. Да... смерти он боялся по-настоящему и этот страх заполнял сейчас всё.

Раньше он почти не пугался, ведь, в конце концов, что может быть страшнее того, что ему доводилось видеть по ночам? Только перспектива видеть это постоянно. «НЕТ! Пожалуйста! Не стреляй!» Он только думал об этом, пытаясь произнести слова, но мужчина неожиданно приподнял бровь с удивлённым видом, не сводя при этом дуло с лица и лишь немного отстранился.

– Хм... интересно... вот же как оно бывает...

Голос мужчины оказался также груб, как и внешность, но он поразительно мягко вскинул мальчика на плечо, убрав оружие за пояс.

– На твоём месте я бы просил об обратном.

* * *

– Имя?

– Не знаю...

– Возраст?

– ... Тоже...

– Место жительства?

– Эм... Третья дверь направо от вывески торговца животными... Там где два завода, как раз между такими позолоченными башнями, которые далеко наверху...там оставил кто-то лежанку, вот я и...

– Нету, я поняла. Родственники?

– Кто?

– Родители, братья, сёстры.

– Не слышал о таком...

– Схолум? Номер и имя ответственного сотрудника?

– О таком тоже... ни разу...

– Ох! Мальчик, ты мне добавляешь лишней работы. И так вас полно, да ещё начальник, почему-то, любит приводить людей без документов, а теперь вот ещё и без памяти.

– Я всё помню! Просто не понимаю о чём вы спрашиваете...

Женщина напротив была немолода, но имела очень бодрый и ухоженный вид, а её голос всегда оставался холодным и размеренным, хотя она уже столько всего хорошего для него сделала. Помыла, накормила, одела... А теперь ей зачем-то понадобились ответы на все эти необычные вопросы. Взяв маленькую пластинку с светящимся экраном со стола, она вновь принялась водить ею перед лицом мальчика.

– Ну да, всё верно, повторное сканирование тоже не выявило признаков тяжёлых черепно-мозговых травм и критичных нарушений в работе центральной нервной системы... Чуж... придётся отправлять запрос с биопробой.

Когда тот мужчина в шляпе вынес мальчика из ангара можно было предположить что угодно, но никак не то, что его привезут на «летающей машине» в жильё на верхних уровнях, почти там, где начинались облака и, впервые в жизни, помогут и переоденут. Это было непривычно, хотя и приятно. Эта женщина встретила их за раздвижными дверьми, одетая в строгий костюм и с тугим пучком серых волос на затылке. Мужчина молчаливо поприветствовал её и передал мальчика, после чего удалился.

Видимо она уже знала что к чему и теперь у него снова висел на шее металлический обруч с огоньками, только немного другой. Почти всё время, что он здесь пробыл, женщина делала записи и расспрашивала о прошедших событиях таким тоном, будто бы ничего особенного в них не было. Однако вспоминать их было очень неприятно и, местами, даже болезненно, но совершенно ясно чувствовалось, что спорить с ней не стоит.

Она внимательно осмотрела все раны и ссадины, просветила с головы до пяток странными приборами и снова всё записала. Мальчик же при этом постоянно озирался по сторонам, никак не привыкнув к новой обстановке. Вокруг было слишком чисто и совершенно ничем не пахло, а ещё эта тишина, настолько полная, что он слышал шорох своей новой одежды, выглядывшей как белое полотно тонкой ткани, обмотанной вокруг тела наподобие бинтов от горла до щиколоток. Голове было непривычно холодно от того, что все волосы сбрили.

Смотреть на себя в зеркало стало совсем неприятно и он заскучал по своему старому рваному, но такому удобному одеянию. Мальчик чувствовал себя голым. Затем снова появился тот мужчина, только уже в сопровождении множества людей, одетых в чёрные плащи, скрывающие лица.

– Сестра Жулианна, позвольте взглянуть на ваш отчёт.

Женщина протянула ему стопку исписанных совсем недавно бумаг.

– Данные биометрического сканирования отправлены в магистратум, ответ удалось получить только по вашим идентификационным кодам. Элифас Харлок, уроженец мира-улья Кассион-5, город-улей Альрабис. Пол мужской, биологический возраст 10 стандартных лет. Сведений о ближайших родственниках не имеется, место жительства не зарегистрировано, есть просроченная фальшивая приписка к Схолуму №595 общего жилого блока «D», данных за генетическую патологию не получено, имеются множественные физические травмы, в том числе застарелые неправильно сросшиеся переломы 20 разных костей, общее физическое и психическое истощение.

– Это всё? Ребёнка коснулся варп, сестра, вы уверены?

– Психо фон на данный момент стабилен и на подавление не реагирует. Признаков одержимости нет, но, возможно, требуется провести молебны и наложить печати чистоты... Видимо, у Императора свои планы на это дитя, господин Инквизитор.

– Он готов?

– Общие приготовления к отправке завершены, а данные об остаточном психо-следе, оставленном касанием, внесены в отчёт.

– Благодарю за работу, а что касательно его связей с еретиками?

– По всем признакам, завербован случайно, понимание деятельности культа отсутствует, но, зато, удалось получить энграммы, содержащие некоторые имена и образы. Судя по всему, мы имеем дело с непосредственным ответвлением культа четвёртого бога хаоса под названием «Блаженный зов», уничтоженного более века назад инквизитором Гишем. В показаниях также присутствуют описания еретических артефактов, с которыми субъект имел физический и ментальный контакт. Предсказать последствия их воздействия на неподготовленный разум не представляется возможным, к тому же эмоциональная изоляция субъекта мешает полному анализу. Вероятно, конклав счёл бы целесообразным поместить его под карантин, или полностью уничтожить...

– С этим я разберусь, сестра, продолжайте.

– Также были найдены следы уникального наркотического вещества, используемого только членами культа. Наркотик обладает мощным психомодулирующим действием, повышая уровень пси способностей, но сильно истощающий организм. Судя по всему, доза была небрежно рассчитана слишком маленькой, потому что предыдущие реципиенты не выживали из-за остановки сердца или будучи разорванными силой имматериума.

Мужчина выглядел очень озадаченным и быстро зашагал по комнате вдоль строя фигур в плащах.

– Таааак... получается какой-то босяк с пси потенциалом где-то между «Эта» и «Омикрон» за пару дней, просто прогуливаясь, сделал для нашей миссии больше, чем целая толпа подготовленных оперативников Ордо Еретикус во главе с уполномоченным дознавателем!.. Симеон, ты ничего не хочешь мне сказать? У тебя был целый год на расследование дела, но, если бы я лично не заявился на огонёк, мы бы сейчас удирали, поджав хвосты, от целой орды демонов в этом прогнившем мире! Видимо ты не знаешь, каково это приговаривать свою родную планету к вирусной бомбардировке. Планету, на которой с миллиардами невинных жителей погибли и твой дом и все твои близкие!

Одна из фигур повернулась в сторону мужчины и из-под капюшона стал виден гладко выбритый подбородок.

– Вы правы, сэр, не знаю... и глубоко сожалею о благородной жертве господина Дэ Вуадье и сестры Брилии, но, при всём моём уважении, вы распорядились действовать скрытно и мы...

– Довольно! Сестра Жулианна, «Чёрные корабли» уже пересекли границу субсектора?

– Да, инквизитор, «Omnibus» и «Fidea litanium» приближаются к нашей звёздной системе согласно штатному протоколу сбора дани. Рассчётное время прибытия 48 часов, 15 минут.

– Лорд-Губернатор, надеюсь, уже подготовил группы?

– Минуту...

Женщина начала быстро водить пальцами по металлической пластине в руках.

– Гильдия Астропатикус докладывает о 125007 случаях несанкционированного использования пси способностей и задержании 73068 новопробудившихся псайкеров, готовых к транспортировке на святую Терру.

– Это хорошо, пора и нашему новому другу предстать перед Его светом. Подайте заявку на ещё одного человека. Нам пора.

– Да укажет Император вам верный путь.

– И деяния наши будут во славу Его.

Все присутствующие скрестили руки на груди и склонили головы, как когда-то любила делать Мэн. А мальчик даже и не подозревал к чему могут вести все эти непонятные разговоры. Единственное на что он сейчас надеялся это то, что самое страшное уже позади.

Глава 2

*Страх – ничто! Ибо вера моя сильна!
Литания мужества.*

Билет в один конец.

Сильная встряска разбудила почти всех в камере №386 исполинского размера трюма космического корабля «Всеобъемлющий». Точнее вывела из бессознательного ступора. Здесь невозможно было уснуть. Постоянный шум из динамиков давил на разум своими беспорядочными гармониками. Тусклый свет сотен восковых свечей, коими были утыканы закопченные металлические переборки, в случайные моменты времени затмивался быстро моргающими вспышками сотен прожекторов, бьющим по глазам. Также в случайный момент времени всех переводили в другие камеры. В этом месте нельзя было быть ни в чём уверенным и хоть как то собраться с мыслями. Счёт времени потерял всякий смысл и был попросту невозможен. Пытка казалась вечной и многие не выдерживали падая замертво от истощения. Одна из фигур обернулась.

– Эл! Эл, что это было?

– Я знаю не больше твоего, Плик, спроси лучше у Ним, она уже взрослая, может знает.

– Ага! А ещё лучше у того дядьки с железной рукой на спине, он постоянно что-то ремонтирует.

– Это технопровидец, лучше не подходи к нему, а то превратит тебя в тех пускающих слюни болванов.

Из другой кучки людей появилась ещё одна лысая фигура.

– Тихо вам! Сейчас придёт надзиратель!

– Опять?

– Чего ты на меня так смотришь, Плик? Я тебе уже говорила как меня раздражает этот твой странный глаз. Можешь хотя бы им не коситься?

Честно говоря, Плику он и самому не особо нравился, ибо был бесполезен и, как он сам говорит, «Просто живёт в моей голове».

– Ты стоишь прямо на чьей то груди, Ним...

– Он уже давно сдох, если ты не заметил, так что ничего страшного.

Ним, будучи старше их обоих чуть ли не в два раза совсем не походила на взрослых женщин, будто бы не смогла вырасти. Несмотря на дружелюбное отношение, Эл всё никак не мог привыкнуть к своему имени и порою забывал откликаться на него, думая что зовут кого-то другого. Тем не менее он старался не терять их из вида, ибо эти двое оказались единственной компанией, на которую он мог рассчитывать в этом месте на протяжении бесконечного полёта в некой «пустоте». Вдобавок они одни из немногих кто говорил на понятном языке. Все остальные либо слишком коверкали слова, либо мычали полную тарабарщину. Он не знал что довелось пережить конкретно этим двум, но они, похоже, совершенно не замечали болтающихся на цепях мертвецов и постоянные завывания каждого второго здесь. Этот хор жутких мычаний хоть и не был сравним с тем, что Эл слышал в своей голове, тем не мене был слишком навязчив. Большинство из тех, с кем он пытался заговорить либо вообще никак на него не реагировали, продолжая смотреть в стену или бормотать себе под нос абсолютную бессмыслицу, либо начинали вести себя совершенно непонятным образом, как те два парня, принявшихся вместо приветствия раздевать его... А ещё все здесь, кроме надзирателей и экипажа корабля, выглядели почти одинаково: толпа детей, подростков, изредка взрослых людей и даже стари-

ков, полностью лишённых волос и одетых в давно потерявшую свой цвет ткань, обёрнутую вокруг их истощённых пытками тел. У всех металлические ошейники и расфокусированный взгляд от невозможности спать.

Эл всё никак не мог уложить у себя в голове тот факт, что они сейчас находятся в огромной летающей машине, перевозящей множество людей по бескрайнему пространству бесконечной черноты и холода и что весь тот мир, который он считал своим домом, за пределами которого ничего нет, оказался всего лишь маленькой песчинкой в бесчисленном множестве мест, отдалённых друг от друга расстояниями, оценить которые его разум был ещё не в силах. Все эти люди вокруг были из разных. Но самое тягостное это то, что он, как и все здесь присутствующие, оказался проклят, причём с рождения. И сила этого проклятия такова, что их всех собирают и держат здесь, дабы спасти от невообразимых ужасов всех остальных. Одно было ясно абсолютно точно: у него не было выбора и шанса оставить всё как есть. Только быть здесь и никак иначе «для блага его и всех остальных». Вдобавок ко всему вышесказанному, его тяготило безумное чувство вины, простить которую он даже не допускал мысли. Эта тяжесть отравляла его изнутри, заставляя часами прокручивать в голове события, на которые уже никто не мог повлиять, но перестать заниматься этим оказалось выше его сил даже несмотря на то, что он уже почти не держится на ногах. Эл начинал думать, что становится зависимым от своих внутренних страданий. По крайней мере теперь у него есть ответ. Виноват только он. В подтверждение этому на них на всех неустанно были направлены стволы ручного и стационарного вооружения экипажа. Как будто все эти валяющиеся с ног люди могут представлять для кого бы то ни было опасность. Страх пропитывал каждый сантиметр холодной пластали корабля.

Когда люди стали поскользываться на слое собственных нечистот их всех окатили напором воды, затем был приём пищи, точнее супового концентрата и прессованных сухих белковых брикетов похожих по вкусу на бумагу. Тех кто подавал признаки рассудка в цепях и под ещё большей охраной отводили на изнуряющие песнопения в месте, очень напоминающем часовню бедняги Биринга... прерываемые лишь очередным приёмом пищи или уроками правил языка «Имперский готик» и основными положениям «Имперского кредо». Также проводились всевозможные проверки. Зачем всё это проклятым узникам никто не говорил. Выбора также не было и тех, кто не слушал жестоко наказывали, слишком жестоко... И слишком много новых слов, которые он узнал за эту неделю, пожалуй больше, чем он успел узнать за всю свою предыдущую жизнь. А ещё в помещении, где проходили занятия, были огромные окна наружу, в космос, наполненный бесчисленными множествами звёзд – тех самых белых точек, которые он видел во снах и то огромное чёрное здание с рядами светящихся окон, летящее в пустоте также как и они – космический корабль «Сила молитвы» летел рядом и, как поговаривали, там были точно такие же пассажиры. Как –то Эл смог подслушать от экипажа, что истинное назначение этих окон это выбросить всех пленников в космос в случае бунта. Для обзора же они открывались редко. Надзирательница говорила, что только на время нахождения в материальном мире, всё остальное время корабль находился в некоем «Варпе», ужасном месте, от которого и призваны защитить все эти бесконечные молитвы тому самому Императору, о котором столько рассказывали здесь. Говорят он бог – такое бесконечно могучее и бессмертное существо, которое следит за всеми нами, говорят он единственная наша защита от губительных сил, обитающих в варпе... может быть так оно и есть, по крайней мере все вокруг в этом абсолютно уверены. Вот только Эл не привык верить на слово, в его прошлой жизни это было смертельно опасно, а здесь совсем наоборот. Либо ты веришь, либо висишь в холодной тёмной комнате на цепях, больно впивающихся в кожу зазубренными крючками пока не согласишься и это в лучшем случае. Научиться говорить то, что нужно неожиданно оказалось самым важным. Может быть по этой же причине и Биринг иногда на него ворчал? Ним, по крайней мере, говорит что он был «старым больным маразматиком» и что все они такие эти «сукины сыны». Говорила «Радуйся, что он тебя не насиловал», хотя она его совсем не знала... Её, кстати, уже несколько

раз наказывали кнутами за «недостаточное усердие в молитве» содрал всю кожу до мяса со спины. Честно сказать, Эл тоже не особо старался, но предыдущая жизнь научила его изображать уважение и благоговение достаточно убедительно. Вдобавок ко всему ему действительно очень хотелось верить, что существует некто, способный защитить его и спасти от вечных ужасов по ту сторону. Элу вполне хватало и тех кошмаров, что творились наяву, но, несмотря на то, что он ещё никогда не чувствовал себя так плохо как здесь, ему хотя бы пытались подарить надежду.

Тесные тёмные коридоры с пугающими фресками на стенах, предостерегающими от ужасов и соблазнов имматериума наполнились жуткими полумеханическими людьми, молча шаркающими повсюду с одним им известной целью. Они постоянно убирали трупы тех, кто впал в безумие или не выдержал испытаний. Надзиратели называли их сервиторами, безвольными слугами своих хозяев из числа жрецов некоего бога – Машины. Некогда они были людьми, но в наказание за совершённые преступления были осуждены на вечное служение в таком виде. Будучи абсолютно покорными и способными выполнять только перечень запрограммированных задач, могли ли они сохранить хоть часть своей прошлой личности? Ответа Эл не знал. Зато теперь точно знал что нет в жизни человека ничего кроме вечного служения. Оно может быть почётным в награду или быть наказанием, но никто и никогда не смеет отринуть его. Лишь смерть, может освободить человека от этого долга перед Императором и остальным человечеством. Нет ничего более неотвратимого чем кара за его неисполнение.

Хотя бы вокруг было чуть чище и воздух немного свежее чем в улье... Улей, раньше он жил там и было крайне волнительно наблюдать в смотровое окно челнока как, казавшиеся раньше гигантскими, здания уменьшаются до маленьких точек, рассыпанных по поверхности планеты. Пока Ним с возбуждённым видом шла к нему с Пликом, он уже догадался что произошло что-то значительное.

– Нам нужно собираться и следовать в трюм! Сказали, что течения варпа оказались благоприятны и мы уже прилетели! Мы увидим колыбель всего человечества – святую Терру!

– Ты так говоришь будто уже была там и тебе невероятно понравилось.

– Да что ты можешь понимать, мелкий.

И правда... в этом он точно ничего не понимал.

Шум узлов, опускающегося на полированную ферро-рокритовую посадочную площадку, огромного трапа почти заглушал монотонную речь из динамиков, установленных вдоль дорог, ведущих куда-то вдаль. Едва трюм разгерметизировался как в нос ударил резкий запах гари и кислоты, пробивающийся даже сквозь специальные защитные маски, которые им раздали вместе с плащами перед выходом. Холодная механическая речь разрезала туман и влетала в стальную коробку челнока с неприятным эхом.

– Внимание! Особо охраняемая зона! Всем новоприбывшим группам требуется следовать согласно указаниям начальников групп для регистрации и распределения. Неповиновение карается смертью! Повторяю...

Волна людей в сером рванье, развеваемом на хлестающем ветру, захлопала голыми ступнями по рокритовой дорожке. Когда Эл покинул трюм перед ним открылась перехватывающая дыхание картина грандиозного шествия сотен тысяч людей под пасмурным небом, рассекаемом косяками летательных аппаратов от одноместных спидеров до тяжёлых трансатмосферных грузовых и пассажирских челноков и шаттлов всевозможных форм и размеров. Шествие подобно бурлящим ручьям стекалось от посадочных площадок во всё более крупные потоки, пока в итоге не переходило в один огромный серый океан из человеческих тел, мерно бредущих к многометровым в высоту и ширину воротам исполинского дворцового комплекса, уходящего вверх за тучи своими шпилями и в стороны на сколько хватало видимости. Блеск золотой отделки сильно контрастировал посреди пепельной безжизненной пустыни и россыпи монументальных бункеров вокруг. Из динамиков над дорогой помимо команд и предупредений начали разноситься хвалебные возгласы в честь святых, которые Эл механически повторял хором с остальными. Он старался держаться поближе к Ним и Плику, боясь потеряться или быть раздавленным в толпе. Ноги начинало немного пощипывать от кислотных луж. Не переставая читать молитвы они втроём буднично наблюдали, как в метрах десяти от них один из молодых людей в толпе начал навязчиво чесать шею и цепляться за свой ошейник.

– Чешется! Боже Император, как же чешется! Этот ваш чёртов усмиритель! Слышите вы?! Эээй! Я больше этого не вынесу!

Никто из сопровождающих надзирателей не реагировал и парень попытался сломать свой ошейник, но как только у него начало получаться раздался протяжный писк, а затем короткий хлопок, после которого тело молодого человека, содрогаясь, упало, забрызгивая всех окружающих алой кровью из рваных остатков шеи. Толпа доведённых до безволия людей даже не обратила внимания и продолжила шествие, хором мыча псалмы под уколами длинных, потрескивающих электричеством, копий. Ним растерянно стряхнула с себя кусочек окровавленного скальпа, долетевшего сюда, не в силах до конца понять случившееся. Плика же, несмотря на всё уже пережитое вырвало. Но останавливаться было нельзя ибо корчиться на полу под уколами шоковых разрядников тоже не самая завидная участь. Эл уже видел смерти людей и воочию и ещё больше в своих снах... гораздо больше, чем можно было вынести без вреда для своего рассудка, даже, сам того не желая, убил... однако условия жизни не позволяли давать волю чувствам. Во главе угла всегда стояли вопросы выживания, нежели сочувствия и сожаления. Через пару часов монотонной изматывающей ходьбы они уже начали проходить под сводом ворот и избавление от обжигающего кислотой и холодом ветра оказалось подобно великому благословию.

– Как думаешь, что с нами будет?

– Ну... раз нам давали еды и пытались чемунибудь научить, значит мы ещё нужны, я надеюсь...

– На моей родине некоторых животных специально хорошо кормили, чтобы больше мясаросло.

– А их учили молиться?

– Нет, но...

– Тихо вам! Сколько раз повторять, что болтовня до добра не доводит?

Эл наконец отвлекся от созерцания спин впереди идущих и посмотрел в стороны. По бокам от дороги, среди череды многочисленных, сияющих золотом, статуй в сотни метров высотой, стояли отряды вооружённых людей, пристально следящих за толпой. Под невероятно красиво расписанными сводами дворца летали целые стаи странных черепов со светящимися глазами и разнообразными механическими приспособлениями внизу. Куда не падал взор перехватывало дыхание от великолепия и благоговения перед величием фресок с изображением великих героев древности и самого бога – Императора когда он ещё ходил среди людей.

– Группа №386, в сектор 3Н

Участок толпы, в которой шагал Эл, отделился в боковой коридор, где на каждом изучали нанесённые за время полёта клейма и метки, смысла которых никто не объяснял. Кого-то уводили дальше, кого-то загоняли в отдельные помещения. Внутри которых ждала лишь пустота, мрак и стеснение, но хотя бы с него сняли этот ошейник и оставили одного с небольшим хроном в руке. Экран начал отсчитывать 5 минут. Вначале не происходило совсем ничего, но постепенно пустота в голове начинала заполняться тихими шёпотами и мимолётными образами во тьме, очень похожими на простую игру воображения. Потом он начал понимать, что такое большое количество ощущаемых людей вокруг сдавливает его и удушает почти также как если бы он продолжал находиться в толпе. С каждым мгновением становилось всё невыносимее и через какое-то время он уже обнаружил себя задыхающимся на четвереньках, а воздуха становилось всё меньше. Впереди виднелась приоткрытая дверь, через щель которой дул свежий ветерок. Вполне естественный позыв пойти к ней сдерживался чем-то, он не знал почему ему было страшно открывать её, но откуда-то взялась уверенность, что не стоит.

Снова шёпот за спиной, как всегда непонятный, но уже знакомый. Эл обернулся и обнаружил другую дверь, старую и ржавую, чем-то напоминающую его собственную. Он пошёл туда. За дверью оказалось светлое помещение, в котором чувство удушья наконец пропало, но появилось новое, до боли знакомое. В центре стоял столик с едой и напитками коих он никогда не видел, но тут же воспылал жадой и живот скрутило от голода. Дрожащая рука тянулась к дарам, ноги подкосились окончательно, голод и усталость готовы были захлестнуть целиком. Однако что же будет если время на хроне закончится? Что-то подсказывало, что ответ ему бы не понравился. Сможет ли он убежать от опасности набив живот? Срепя сердце с усилием достаточным чтобы сдвинуть тяжеленный люк, он взял только один кусок и направился к следующей двери. Третья комната была заполнена свисающими с потолка тонкими, едва заметными нитями, сквозь которые виднелась следующая дверь. Стоило шагнуть к ней, как от прикосновения первой же нити по телу прострелила такая резкая боль, что он едва не упал, зажмурившись и отстранившись. «Может нельзя касаться каких-то определённых?» Но на вид они все были одинаковыми и он попробовал ещё раз.

Когда заделись сразу три нити Эл не сдержав судорог скорчился на полу. В этот момент голова начала гудеть от вкрадчивых настойчивых мыслей, твердивших повернуть обратно, туда, где хорошо. Хрон показывал 2 минуты. Отдышавшись, Эл всё же решился прыгнуть через всю комнату. Он не знал что его ждёт и что от него хотят. Ни его прошлый опыт ни чувства не могли подсказать в полной абсурда ситуации. Только тысячу раз повторённые слова «Лишь в служении долг, лишь в боли спасение, лишь в смерти избавление» хоть как то могли указать путь. Он слишком устал.

Разбежавшись как следует мальчик нырнул и приготовился к худшему, но болезненные конвульсии, доведшие до грани потери сознания прошли также быстро, как и появились, а

когда он разжал зажмуренные и мокрые от слёз веки, то обнаружил, что висит над бездонной пропастью, держась за небольшой каменный уступ. Сверху кто-то протянул руку, это была... Мэн? «Этого не может быть!» «Нет...» «Что она тут делает? Почему так улыбается?»

– Держись же! Скорее, дружище, ну!

Сердце сразу же заколотилось бешеным темпом и он схватил её руку.

– Как ты здесь оказалась? Я не понимаю...

– А так! Потому что кто ещё о тебе позаботится кроме меня? А?

– Т... Ты умерла! Ты...

– Я всегда буду с тобой, Хмурик. Пойдём, ты натерпелся достаточно. Хватит с тебя.

Послушай свою подругу хоть раз. Настоятель не заметит, если мы всего раз прогуляем.

Он не мог поверить в неё, она была чужая, не такая как он запомнил, но отсюда был только один выход и он шагнул в заполненную мраком бездну...

Очнувшись словно ото сна Эл обнаружил, что всё это время стоял в той же тесной комнате в окружении жужжащих летающих черепов, светящих в лицо красными огоньками из глазниц и щёлкающих металлическими лапками. Пришли надзиратели. Ноги ещё не совсем слушались, поэтому неизвестный мужчина в серой робе вел его под руку к большому скоплению людей, поделённых на группы. У каждого на одежде стояла печать чёрными маслянистыми буквами, которые он совсем недавно научился читать, но не понимать. У него прямо на груди блестела расплывающаяся надпись «Sholastica». В соседней группе стоял Плик, хлопая глазами и разглядывал печать «Adeptus astra telepatica». Ним удалось заметить уже только когда её группа уходила по длинному коридору под огромной выбитой в камне надписью «Astronomicum». Из коридора лился приятный белый свет, поэтому Эл решил, что она попала в хорошее место и тут его взгляд попал на группу сервиторов, вывозящих бездвижные груды белых тел на парящих в воздухе платформах из параллельного коридора и заворачивали тех в чёрную ткань, после чего увозили в неизвестном направлении.

Через какое-то время к его группе присоединилась ещё пара сотен человек и надзиратели повели их в другое крыло дворца, которое почти ничем не отличалось от предыдущего за исключением ещё более вычурной росписи на стенах, невообразимо высокого потолка и лившегося на ряды скамей яркого света из череды узких вытянутых до потолка окон. В дальнем конце зала виднелся пьедестал на фоне гигантской статуи Императора, горящего золотыми отблесками от пересечения лучей настолько ярко, что почти ослеплял. Только сейчас Эл обратил внимание на то, что больше ни на ком не наблюдалось ошейников. Всю огромную группу людей начали рассаживать по скамейкам, но ему не удавалось усидеть на месте из-за гомона голосов в голове, не прекращающегося ни на минуту при том, что вокруг была относительная тишина и все молчали. А ещё этот навязчивый зуд, растекающийся тонкими струйками из головы по всему телу, который никак не удавалось унять. По всему залу эхом стал разноситься хор голосов, поющих, уже ставшую такой же привычной как дыхание, «Литанию покаяния». Как всегда на третьей строфе сразу после «Dominus astra, dominus Terra» нужно было начинать подпевать и он запел.

– Imperator nostra, qui es in Terra! Beatus facies adveniat galaxia impera, et omnes...

Затем была «Литания очищения», а на псалом «Поклонения Золотому трону» он почувствовал как тело начало неметь. Перед глазами опустилась пелена и в какой-то момент всё вокруг перестало существовать. Он как будто плавал в густой розовой жиже, но при этом спокойно дышал и слышал. Кругом была бесконечность, наполненная переливающимися всеми цветами завихрениями облаков, среди которых блуждали яркие и не очень огоньки разных размеров. Сам он оказался почти незаметным огоньком, и среди водоворота был неразличим. Все они кружились и двигались беспорядочно в любых направлениях. Тут его внимание привлёк один самый яркий и невероятно огромный источник света где-то вдалеке. Он успокаивал и манил к себе, по мере приближения заполняя собой всё пространство вокруг. Теперь он уже

стал обжигать, пронизывая раскалёнными иглами несуществующие здесь части его тела, но при этом даруя необычайное умиротворение. Затем всё резко исчезло.

* * *

Эл очнулся, глотая воздух так жадно, как если бы дышал в первый и последний раз, а сердце нещадно било в грудь. Красные струйки крови текли у него из носа, окропляя пыльную робу. Голова стала свинцовой и сильно кружилась, но больше не зудела, а кавалькада голосов словно отошла на второй план. Он попытался встать, но смог лишь забраться обратно на скамью. Рядом сидящие пребывали в таком же состоянии, некоторые вообще не двигались и их остекленевшие взгляды недвижимо уставились куда-то вдаль. На ногах же были единицы, не считая надзирателей и солдат, осматривающих всех и складывающих на носилки тех, кто не двигался. Тех же кто подавал признаки жизни снова собирали в группы и уводили. Неожиданно Эл встретился взглядом с сидящей рядом женщиной, странно и неестественно завалившей голову на бок в его сторону. Её лицо не выражало никаких эмоций, но он почувствовал страх от интонации её ослабленного голоса.

– Оно придёт! Оно придёт за тобой ибо видело тебя и попробовало на вкус! Но ты будешь не один... ты уже никогда не будешь один...

Затем женщина безвольно сползла со скамьи и больше не двигалась. Воздух стал тяжёлым и защищал нос. Похоже пришла его очередь и мужчина в чёрной форме взял его за шиворот и толкнул в проходящую мимо толпу. Двое детей перед ним всё нашептывали себе под нос, но он не разобрал что именно. Группа медленно зашагала в один из тёмных коридоров и всего через несколько минут оказалась под огромным стеклянным куполом с которого во все стороны стекали потоки воды, льющейся непроглядной стеной с неба. Эл мысленно поблагодарил судьбу за то, что им не довелось попасть под ливень на улице, потому что эта вода с неба сильно жжётся и оставляет болезненные шрамы. Впереди их уже ожидал шаттл с заведёнными двигателями, создававшими целые вихри горячего воздуха, проходящего сквозь безликую белую массу людей, хлопающих ступнями по полу. Едва Эл успел подумать о том как быстро и непредсказуемо стала меняться его жизнь как днище шаттла уже задрожало под ногами и его начало вдавливать в жёсткое металлическое кресло. Через маленькое смотровое окно было видно как удаляется полностью усеянная огнями поверхность планеты и облака роящихся вокруг неё космических кораблей. Тот, к которому пристыковался их шаттл был сравнительно небольшим, приблизительно 1-2 километра в длину и, в отличие от многих, практически без украшений. На левом борту виднелась потёртая надпись «Грааль». Вопреки всем ожиданиям, жизнь на борту этого корабля оказалась почти идентична предыдущему и суточные циклы снова начали сливаться в один. Только в этот раз с Элом уже никто не хотел разговаривать и ему почему-то тоже. Тишину камер отныне прерывали только команды надзирателей, потому что никто не нарушал порядок и режим. В нём самом тоже что-то изменилось. Эл не мог сказать что именно, но после того как он увидел этот яркий свет во сне... Забыть его уже было нельзя.

* * *

– Плохо! Пробуй ещё раз!

– Я пытаюсь, но он не двигается.

Электрический разряд. Пронзающая боль. Судорога.

– Аааааай яйяй... мммммм...

– Ещё раз!

– ...

Электрический разряд.

– ...

– Техноадепт Кинус, требуется осмотреть учебное место R12 на предмет неисправности дисциплинарного электродума. Схолару, приписанному к месту, выйти в общие помещения до момента устранения неисправности.

Эл смиренно встал и, вытирая ладонью капельки крови с верхней губы, направился к выходу из учебной комнаты, заставленной изолированными индивидуальными капсулами для тренировки психофокусировки, выглядящими со стороны как склад из металлических коробок. В коридоре он столкнулся с Ив. Девушка была на пару лет старше, но из-за отсутствия волос разница была незаметна. Здесь в «Sholastica Psaicani Calixis» – огромном учебном центре для несанкционированных псайкеров, то есть тех, что еще не прошли всех необходимых ритуалов и обучения, она была назначена старшей над его учебной группой, потому что училась здесь уже несколько лет. Центр располагался на глубине в 3 километра под поверхностью ледяной планеты Фавус-Прима и был столь обширен, что обойти его целиком не представлялось возможным, да и шататься просто так не разрешали. Дисциплина здесь воспитывалась во всём и если Чёрный корабль был испытанием, то схоластика явно была его продолжением. Лишь закалённый железом и кровью разум имеет шанс выстоять пред теми, кто обитает в эмпиреях и прожить достаточно, чтобы успеть послужить Императору, чтобы обрести возможность умереть во имя его, а не в лапах тварей извне. Другой истины и цели никто здесь не знал и знать не мог. «Обучение твой долг. Размышления ведут к сомнениям. Сомнения к ереси. Ересь неотвратимо ведёт к смерти.»

В подтверждение этих слов каждое помещение оснащалось системами подрыва, заливки горящим прометием или ещё чемнибудь.

Пугающая правда о том насколько огромен реальный мир, масштабы которого не идут ни в какое сравнение с жилыми блоками города-улья а также нематериального мира, который не меньше, а может и больше, реального заставляет его ёжиться с завидной регулярностью. Или это уже нервный тик от постоянных наказаний и пыток. Знания же росли и вместе с ними росла и тревога ибо знания эти не просто так называются запретными ибо открывают дорогу к порче губительных сил и их лживым соблазнам. Но Ив каким-то образом всегда удавалось его успокоить и приободрить, при этом ни разу не покопавшись в его голове, в отличии от многих других. Возможно именно поэтому Эл доверял ей гораздо больше. Однорупник Константин тоже никогда не пытался читать его мысли, но скорее всего просто не умел.

– Опять ты начинаешь, Эл?

– Что начинаю? Меня просто выгнали, пока чинят кресло.

– Ох, Император милосердный, кого ты пытаешься надуть? Я с другого конца Схоластики учую когда ты балуешься. Вдобавок, не стыдно тебе гонять старенького Кинуса? Он и так еле ходит на своих проржавевших протезах.

– Я просто не хочу, чтобы у меня лопнули глаза как у Константина. Когда меня заставляют двигать этот гадский камень начинают дико болеть глаза.

– Плохое сравнение. Константин пытался прыгнуть выше головы и поднял не маленький камушек, а здорового сервитора... Эх, но я не об этом, ты хотя бы потрудись изобразить, что тебе больно, иначе наставники быстро сообразят, что ты втихаря научился приглушать физическую боль. Ну или я им расскажу.

– Ладно, ладно.

– И вот ещё что, ты же из новеньких?

– Угу.

– Значит ещё не получал свой фокус?

– Нет, а что это?

– Безделушка по сути, но бывает некоторым помогает в занятиях. Сходи в инвентариум, скажи что от меня и вот ещё что.

Она достала небольшой кусок серой тряпочки с застиранными поблёкшими красными кляксами.

– Мне он уже почти не нужен, так что носи этот платок при себе, а то вон уже вся ладонь и лицо измазаны кровью. Все через это проходят, когда пытаются научиться.

Эл благодарно принял платок и побрёл по близким серым коридорам, которые лишь совсем недавно перестали быть для него однообразным лабиринтом. Несмотря на то, что он жил раньше в улье, где сеть тоннелей и коридоров была естественной средой, здесь расположение проходов не поддавалось обычной логике и как будто менялось со временем, что не позволяло хоть как-нибудь накидать план на бумаге или запомнить число поворотов и шагов. И тем не менее бюро инвентариума уже было перед ним. Электронная панель в стене справа от бронированной двери легонько мерцала в режиме ожидания. Эл осторожно приложил руку к панели и за дверью раздалось приглушённое жужжание узлов включившегося сервитора.

– Схололар R12... идентификация... доступ закрыт.

Щёлкающий голос оставшейся от человека гортани был как всегда неприятным.

– Я от Ивилин

Через пару секунд за дверью послышались шаги и она со свистом отползла вверх. В проёме стоял иссохший мужчина средних лет с маленькими глазками и редкими засаленными волосами, прилипшими ко лбу. Он был одет в стандартную униформу служителей Схолы: серебристый костюм без карманов и знаков отличия, приходившийся конкретно ему не по размеру. Вся его голова была обмотана лентами с молитвами и священными писаниями, а металлические части черепа покрывал воск от закреплённых на них свечей, что никогда не затухали. По неизвестному стечению обстоятельств писклявый голос мужчины всегда имел извиняющийся тон.

– Оооо, не видел тебя раньше, как звать?

– Элифас, господин.

– Ты сказал тебя прислала Иви, я так понимаю за фокусом?

– Да, господин.

– Микфи, меня зовут старина Микфи, думаю мы будем часто видеться, пойдём.

Жуткого вида сервитор, испещренный проводами и выжженными на бледной коже символами проводил их взглядом безжизненных биомеханических глаз и отключился. В тесном помещении, заставленном грудями инфопланшетов, фолиантов и стопками пергаментов всё светилось от рядов из сотен покосившихся свечей.

– Присядь, пожалуйста вон в том углу на кучу книг. Ох, всё не хватает времени прибраться с этими отчётами.

Со своего места Элу не удалось разглядеть что набирает Микфи на своём когитаторе, установленном внутри высокого металлического ящика, но скорее всего это были коды. Через минуту он направился к дальней стене, пришедшей в движение и превратившейся от этого в калейдоскоп быстро сменяющихся полок, пока наконец не остановилась. Теперь она представ-

ляла собой ряды ячеек с маленькими пронумерованными дверцами. Из одной Микфи достал тряпочный мешочек с камнями размером с фалангу пальца и разложил их на столе перед собой.

– Гм... совсем забыл спросить, а почему у тебя его нет до сих пор?

Эл лишь пожал плечами.

– Эх, как я не люблю, когда на меня спихивают ещё и это! Иди-ка сюда.

Эл подошёл прямо под вытянутую руку Микфи, который вдруг замер и закатил подрагивающие глаза. В голове начало покалывать.

– Стой! Не двигайся! Мне нужно сосредоточиться.

Через минуту Микфи отстранился, приняв нормальный вид и источая запах озона.

– Тааак... склонность к биомантии, посредственность при прорицании и телепатии, при определённом усердии можешь стать и телекинетиком, но вот пиромантией лучше вообще не занимайся. Очень нестабильные гармоники. А это значит, что нам нужно что-нибудь с большим содержанием гематита и серебра, но без примесей серы...

Микфи сгрёб все камушки со стола и принялся копаться в остальных мешочках.

– Вот он. Похоже что он.

Мужчина держал в руках вытянутый матово коричневый кристалл размером с мизинец.

– Это «Диамантум» минерал, встречающийся иногда на астероидах внешнего пояса. Психоактивные свойства не самые сильные, но отлично подходит к твоему профилю.

– Эм... спасибо.

– Да не за что, а теперь лучше возвращайся в класс.

Эл спрятал камень в складках своей зеленоватой шерстяной мантии и поторопился обратно, надеясь что его кресло ещё не «отремонтировано» и его не ищут. За очередным поворотом он чуть не сшиб двух совершенно одинаковых мальчиков в таких же мантиях как у него. На его внезапное появление они обернулись синхронно. Эти близнецы Рин и Рен почти всё делали синхронно, даже говорили, потому что постоянно обменивались мыслями между собой на таком глубоком уровне, что Эл не мог даже осознать и по сути у них была одна голова на двоих, что делало диалог с ними достаточно неприятным для человека не привыкшего к постоянным продолжениям фраз другого или синхронной речи.

– О! Привет, Эл! Мы как раз искали кого-то вроде тебя.

– Ну привет, только я тороплюсь.

– Да

– Мы

– Не

– Задержим

– Тебя

– На долго.

– Мы только хотели тебя попросить выйти, скажем,...по нужде после окончания этого суточного цикла. Потом мы тебе всё расскажем. Главное это чень важно.

– Вообще то за нарушение режима строго наказывают...

– Не

– Волнуйся.

– У нас всё схвачено. Ты просто выйди. Обещаем, будет интересно.

Эл чувствовал, что пожалеет об этом, но всё равно кивнул и побежал дальше. За следующим углом уже должна быть дверь учебной комнаты.

– Повторяю: Схолару R12 немедленно занять своё учебное место!

Голос из динамиков не оставлял шанса на возражения и Эл залез обратно в капсулу. Ненавистный кусок гладкого камня лежал как и раньше строго в центре письменного стола. Он всем телом ощущал как наэлектризован воздух от напряжения других схолариев в этой комнате. Как они боятся неудачи и той боли, что она принесёт. «В боли смирение, в смерти искуп-

ление. Служением своим я стираю руки до костей ибо император со мной. И да не познают верующие страха»

– R12, продолжить занятие!

Эл сжал в руке кристалл, как если бы сам Император наблюдал за ним. От него исходило тепло и лёгкая вибрация когда Эл проникал в него своими мыслями. «Сомневаюсь, что это может помочь, но других вариантов всё равно нет» Он в очередной раз вцепился взглядом в камень на столе и попытался коснуться его своей волей, заставить его повиноваться, доказать ему прочность своей веры. Камень как обычно задрожал, а свежие капельки крови рядом с ним сразу же свернулись, но в этот раз немного приподнялся над столом и повис в воздухе. Эл не знал чему он сейчас больше радуется. Успеху или тому, что голова больше так не болит.

* * *

*Император, сохрани и направь нашу поступь. От всех грязных
помыслов и ужасов варпа огради нас*
© Катехизис о защите. Постулат второй.

Спальные модули вот уже несколько часов как были закрыты все до одного и Эл осторожно приоткрыл крышку своего. Дверь, ведущая в коридор между спальными помещениями была заблокирована, о чём сигнализировали красные огоньки по краям. Он настороженно оглянулся от странного шёпота, которого уже давно не слышал и вот опять. Похоже именно он его и разбудил. Такое ощущение, что его кто-то зовёт, но кто? И слов не разобрать. Стараясь идти как можно тише он подкрался к двери, которая неожиданно сама по себе разблокировалась и с тихим шипением отъехала в сторону. Странно... Так быть не должно. Коридор впереди освещался приглушенным светом настенных ламп и от абсолютной тишины становилось не по себе. Даже вентиляционные генераторы на время затихли, чтобы остыть, а встроенные в стены пси-подавители лишь изредка потрескивали, возвещая о своей готовности включиться по первой команде.

– Мы уже подумали, что ты не придёшь. – раздалось сразу два голоса в его голове за секунду до появления близнецов, одинаково облокотившихся о стену.

– А вас не беспокоит, что везде устройства слежения и патрульные сервиторы?

– Их

– Не

– Трудно

– Обмануть.

– Пойдём с нами.

Втроём они пошли по основному проходу в сторону модуля для физических упражнений. К нескрываемому удивлению Эла сервошерепа, пролетавшие мимо, полностью игнорировали их как и датчики движения. Хотя решётки на потолке, ведущие к бакам с нейротоксином, призванном убить их всех на случай если подавители не сработают, по прежнему заставляли его вздрагивать. Хрон над дверью показывал всего 2 часа нового суточного цикла и в это время никого из живых в этих помещениях как правило не бывало. Теперь же, посреди тренировочной площадки стояло семеро подростков, которых Эл не знал.

– Как вы это делаете? Никогда бы не подумал что их можно заставить не поднимать тревогу. Вы даже открыто воспользовались телепатией вне учебной комнаты и ни одна сигнализация не сработала.

– Нас научила Маннас. – С довольным видом в очередной раз передали мысленное сообщение близнецы.

– Кто?

– Сейчас всё узнаешь, она тебе понравится. Ты же любишь играть?

Эл неуверенно кивнул, не до конца понимая о чём идёт речь и не решаясь пользоваться телепатией для разговора. Когда троица присоединилась к остальным они все вместе образовали идеальный круг по краям необычного рисунка на полу, сделанного не пойми откуда взятой краской. От жирной чёрной точки в центре расходилось десять стрелок по одной к ногам каждого.

– Вставай сюда, рядом с Весалием, это он познакомил нас с ней.

Повернувшийся к нему молодой человек выглядел очень необычно, причём нельзя было сказать как именно. Набухшие синие вены отчётливо просвечивали сквозь неестественно тонкую кожу прекрасного молодого лица одновременно похожего и на мужское и на женское, а

ярко жёлтые, почти светящиеся в полутьме глаза периодически подрагивали. От парня исходил очень приятный сладковатый аромат, при вдыхании которого слегка начинала кружиться голова и пропадали страхи и сомнения. Парень был одновременно привлекателен и противен, отчего не получалось принять определённого решения, однако чем дольше Эл находился здесь, тем большей симпатией проникался к этому... удивительному человеку.

– Она пришла ко мне во время занятий и просила никому не рассказывать, кроме тех кого выберет сама. Это теперь наша общая маленькая тайна. Маннас многому нас научила и о многом рассказала во время игр. Мы стали гораздо лучше справляться с учёбой и за успехи нам дали больше свободы. Благодаря чему мы могли ещё больше играть с ней в тайне ото всех. Ты ей очень понравился, Эл и она хочет поиграть с тобой тоже.

Эл был в замешательстве. Неужели одна из наставников или старших схоляриев решила организовать свой тайный кружок? Врядли кто-нибудь здесь мог на такое пойти, ведь сама мысль об этом могла плачевно закончиться для всех участников и привести к участи куда страшнее смертной казни. Уж об этом то на занятиях как раз говорилось во всех подробностях. Тем временем Весалий протянул ему руку с самой искренней и добродушной улыбкой, какую приходилось видеть.

– Присоединяйся к игре, друг.

После минутного замешательства любопытство всё-таки взяло верх и Эл встал в круг.

– Соединись с нами!

Эл послал мысленный импульс в сознание каждого из присутствующих и сразу же получил синхронный ответ. Все были готовы и настроились на общий поток. Начинать коллективный спиритический сеанс контакта с варпом своим разумом, что было похоже на подглядывание через окно или маленькую щель было несложно. Вот только такие занятия всегда проводились под строгим контролем и в составе группы всегда был опытный преподаватель, обвешанный священными печатями, а всех участников до и после сеанса водили на многочасовые молебны. Так просто он этого ещё ни разу не делал и прекрасно знал что за это будет, но остановиться оказалось не так то просто даже когда он заметил бездыханное тело в углу зала от которого вела смазанная дорожка той самой... «краски».

Без каких бы то ни было договорённостей все синхронно стали шептать «Маннас... Маннас... Мы твой, заberi нас. Маннас... Маннас...»

Воздух наполнился густым, тяжёлым ароматом пряностей и сладостей, а мысли стали уноситься ввысь от нахлынувших приятных ощущений, окутавших всё тело. Они были такими необычными и притягательными, что страх улетучился мгновенно, хотя раньше, во время таких сеансов кроме страха он не испытывал ничего. Раньше его практически выворачивало от тех отвратительных образов, которые приходилось видеть. Сейчас же всё было совсем по-другому и почему наставники скрывали от них это прекрасное место в варпе? Может быть потому, что хотели оставить его только себе? Он утопал в мягких перинах и ласкающих ароматах, как лёгкой мелодией слуха коснулся тёплый и заботливый женский голос.

– Эл!

Нечёткий силуэт впереди образовался из облаков, переливающихся оттенками розового и фиолетового, а вокруг не было совершенно никого.

– Дорогой мой, иди же ко мне. Тебе так не хватало простой заботы и любви. Теперь всё хорошо. Пойдём со мной и все тревоги закончатся.

Отказать было невозможно. Но все эти удовольствия, как оказалось, имели и обратную сторону. Они были подобны воде в жаркий день. Сначала ты пьёшь её жадными глотками, а потом уже не можешь, потому что ещё один глоток и лопнешь. Вдобавок к этому он стал чувствовать, как чьи-то холодные пальцы опутывают его с ног до головы и даже... проникают внутрь. Это мгновенно отрезвило его и в приступе нахлынувшего отвращения он выплеснул наружу всю энергию, скопившуюся за время сеанса. Это был самый грубый, но единственный

известный ему способ закончить всё прямо сейчас без всех этих длительных восстановлений оберегов. Хоть его и наказывали за это, иногда он просто не мог выдержать увиденного. Всё это было так похоже на его кошмары. Странные существа, безумные люди и неведомые миры... Вот и сейчас он лежал в абсолютной растерянности пытаясь восстановиться от оглушения, вызванного столь резким возвращением разума в реальный мир, который теперь двоился и плыл. Размытые образы окружения пестрели моргающими лампами и криками людей, сквозь которые с трудом пробивалась тревожная сирена и топот нескольких десятков сапог по металлическому полу.

Глава 3

Невиновность ничего не доказывает!

© – *верховный лорд-инквизитор Фёдор Карамазов.*

Очищение.

Если и была во вселенной такая тьма, которая являлась бы абсолютной, вездесущей, такой, что проникает внутрь и растекается по венам чёрной тягучей смолой, заполняя все внутренности, то это, скорее всего, именно она... Прошло столько времени с тех пор, как его глаза последний раз что-то видели, что если бы они не болели от воспаления после систематического попадания в них пыли, то легко можно было бы про них забыть. Когда же они в последний раз видели? Вообще время приобрело слишком абстрактный характер ибо понять хоть что-то в полном мраке невозможно. Да и не нужно оно, это время. Какая разница вообще? «Неизвестно даже жив ли я...» Может быть так выглядит смерть? Вот все удивятся... Все..., а кто это? Он помнил какие-то лица, имена, но что это могло значить здесь? Имеет ли здесь хоть что-то значение и мало мальский смысл? Наверное нет. Также как и слова, сотрясающие воздух, но ничего не меняющие. Раньше он много молился, но Император всегда оставался глух к его молитвам, много произносил слов... разных слов, и был уверен, что они важны, а теперь? Интересно получится?

– Т...П...М...

«Вроде бы раньше они звучали по-другому... так, кто-то грызёт мои пальцы! А, нет, это я сам» «Я? А кто это?» «Хахахах ну надо же!» «Стоп! погодите-ка, что я делаю?» «Ты смеёшься, идиот» «Смеюсь? Мне... смешно? А как это?» «Не мне тебе объяснять» «А ты тогда кто?» «Я это ты» «Аааа... ну тогда всё в порядке» Где-то в дальнем углу послышался металлический лязг перемещаемой задвижки, теперь это был самый приятный звук, потому что он возвещал о подаче еды. Холодной и липкой безвкусной субстанции, но от неё становилось хоть немного легче. Правда нужно было поторопиться, иначе ничего не останется... Обнаружить, что он здесь не один было поначалу страшно, но он привык к этим ползучим тварям, вылезавшим из щелей, несмотря на их постоянное желание украсть его обед или съесть его самого. Их нельзя было в этом винить. Они такие же заложники этих мест и, как выяснилось, гораздо вкуснее той липкой массы в миске. И он пошёл к ней, звеня цепями на своих руках и ногах. Двигаться было тяжело и ничто по сути не мешало ему просто подтянуть к себе миску силой воли, но так совсем не интересно, соревнование с ползучими тварями являлось его единственным развлечением помимо тех периодических телепатических наставлений и заданий от кого-то за стеной. Хотя нет... иногда появлялись образы смутно знакомых людей и предлагали избавиться от страданий, от смерти, обрести знания обо всём на свете, обрести власть и силу, освободиться наконец... но с него уже было достаточно всех этих уловок, кто бы их ни придумывал. Может он и начал сходить с ума, но дураком всё-таки не стал и у него было достаточно времени, чтобы поразмыслить над тем как он здесь очутился и избавиться от соблазнов пообщаться с потусторонними голосами дабы развеять скуку. Внезапно, подобно удару дубинкой, в голову врезался уже знакомый мощный импульс, сопровождаемый величественным голосом, звонким телепатическим эхом бьющим по вискам, а по ощущениям принадлежащим какому-нибудь великану.

– Кто ты?

– Я проводник священной воли Его!

– Зачем ты здесь?

– Нести свет праведным и возмездие предателям!

- Кому принадлежит твоя душа?
- Единственному истинному богу – Императору человечества!
- А боги Хаоса?
- Ложные идолы недостойных.

Допрос проводился уже столько раз и столькими разными способами, что стало казаться будто бы другого в его жизни и не было никогда. Однако в этот раз, едва псионическое эхо утихло в его голове, как кандалы на руках и ногах разомкнулись, с грохотом повалившись на холодный рокритовый пол, ставший скользким от свежей наледи. Он уже так привык к их весу и давлению, что ощущения свободы оказались практически шокирующими, словно он потерял части своего тела. Приоткрывшийся люк под потолком впустил небольшой лучик света, разрезавший тьму напополам и словно воткнувший раскалённые иглы в глаза. Теперь то он как следует вспомнил о их наличии и испуганно спрятался в тень. Благо он научился прекрасно видеть и без них.

- Карантин окончен, схоларий R12. Следуй за мной.

Настоящий голос мужчины за дверь, в отличие от телепатического, оказался слабым и болезненным, что привело сначала в небольшое замешательство. Тем не менее серебристая форма придавала этому человеку достаточно бодрый вид. Жужжание сервомоторов его аугментических конечностей оказалось единственным звуком, нарушающим тихое колебание пламени в чашах, установленных по краям небольшого коридора и отдававших множество пугающих теней на неровной сырой поверхности оголённого льда. Лишь только добравшись до кованых дверей элеватора, удалось достаточно привыкнуть к свету, чтобы полностью открыть глаза. Упиваясь теплотой внутреннего помещения, Эл едва не потерял равновесие, когда элеватор, с ощутимым рывком, пришёл в движение под скрип шестерней и лебёдок. На зеркальной поверхности полированной медной таблички с выгравированными предостережениями отразился облик, который он уже успел забыть, или он так сильно изменился... с поверхности на него смотрело лицо молодого человека, покрытое рядами символов и целыми куплетами из священных текстов. Такие же были на лентах, обматывающих конечности и тело. На губах, дёснах и языке виднелись уже поблёкшие печати молчания и чистоты. Он решил попробовать ещё раз произнести какое-нибудь слово.

- Ч...Ч...Что...т...теперь?

До этого невозмутимый мужчина изогнул бровь, в пол оборота взглянув на Эла, пытающегося с натугой произносить слова.

– Ну как тебе сказать... Твои когнитивные показатели, с учётом пятилетнего карантина достаточно высоки для назначения в какую-нибудь имперскую службу, если, конечно, ты пройдёшь санкционирование... А то, что ты можешь говорить с ещё действующими печатями даёт основания полагать, что воля твоя достаточно окрепла для этого. Так, нам пора, наша остановка.

Терминал элеватора показывал дрожащее изображение «-147». За распахнувшимися створками была суета, показавшаяся совсем чуждой и жуткой после абсолютного одиночества и тишины. Здесь же ряды медицинских модулей проводили безостановочное сканирование нескончаемого потока людей в старых выцветших мантиях. Мужчина неожиданно остановился на полушаге и прижал к уху миниатюрный вокс-передатчик, вошедший в пазы металлической пластины, вживлённой в висок.

– Надзиратель Руфий слушаю... что? Вы наверное шутите... Но он же только...гхм, слушаюсь.

Как бы Эл ни хотел узнать что произошло, он словно бился лбом о стену. Ментальный барьер этого человека оказался совершенно непроницаемым.

- Ты и так сейчас всё узнаешь.

Раздалось в голове болезненным уколом, после чего мужчина снова заговорил в слух.

– Видимо кто-то совсем не любит ждать и соблюдать правила... Впрочем, со службой тебя уже определили, если выживешь. И когда ты успел завести таких нетерпеливых друзей?

Похоже вопрос был риторическим, потому что надзиратель после этих слов сразу же удалился лишь показав рукой знак стоять здесь и начиная следующий разговор по воксу. Эл отчётливо ощущал как учащённо бьётся сердце почти у каждого из присутствующих в благоговейном страхе перед грядущим, но чего именно они боятся понять не мог. То ли из-за нехватки сил, то ли из-за мощных психических полей, создаваемых таким количеством псайкеров в одном помещении. Пять лет... подумать только... будучи человеком, прожившим совсем немного, такой срок казался целой эпохой, наполненной мраком, бесконечными проверками и наставлениями. Ощущение чего-то большого за спиной прервало размышления.

– Я думал тебя казнили на месте ещё тогда, поганый еретик!

Невысокий молодой человек за спиной выглядел бледным и чересчур худощавым с парой проводов, входящих в череп над правой бровью и повязкой поверх отсутствующих глаз, обозначенных двумя впадинами с проступающими капельками крови. Но за всем этим скрывалась такая ментальная мощь... она подавляла и ощущалась как гора, нависающая над холмом. Эл знал только одного человека с такими способностями и совсем не ожидал его здесь увидеть, к тому же разговаривать вслух было всё ещё непривычно.

– Эм... М... Мне н... не гов... ворили почему... му.

– Зато я вижу тебя насквозь, жалкое ничтожество. Да, они выбили из тебя всю дурь, ты научился говорить как им нравится, думать, как им хотелось бы чтоб ты думал, но глубоко внутри ты всё тот же...

Не договорив, он зашагал в направлении медицинских модулей. Константин Браск, которого знал Эл, был раньше значительно спокойнее, но эти перемены не являлись чем-то удивительным, так как являясь псайкером чуть ли не «Гамма» уровня, тот мог заглядывать и в самые глубины человеческих душ и видеть многое из переплетений судеб как в прошлом так и в будущем, недоступных для таких как Эл. Возможно он узнал его лучше чем Эл мог знать сам себя, поэтому спорить не стал и, несмотря на такие таланты, нисколько ему не завидовал, ведь к таким гениям было и значительно больше внимания, больше требований, но самое главное это то, что его душа горела гораздо ярче в имматериуме и одному императору известно, кого могла привлечь такая яркая душа и насколько более навязчивые и ужасные видения приходили к нему. Элу и со своим «Эта» потенциалом вполне хватало проблем, он не сомневался, что будь он как Константин, то точно съехал бы с катушек ещё в улье и в лучшем случае просто умер бы от мутаций.

Он бы с радостью, может быть, и отказался от своих скромных способностей, пошёл бы работать на мануфактуром или продолжал работать на барыгу, но, как оказалось, это уже не ему решать. Точнее от него не зависело совсем ничего. По воле Императора он таким родился, по Его же воле и найдёт свою смерть... Всё на что такие как он могут повлиять это благочестие и стойкость в исполнении долга. Большого и не требуется.

Надзиратель вернулся с парой вооружённых лазганями солдат в близких шлемах с дыхательными фильтрами и начищенной до блеска чёрной панцирной броне.

– R12, за мной!

Минуя величественные арки, они привели его в помещение, очень напоминающее операционную, только вместо медикариев, хирургов и магос-биологов вокруг блестящего металлического стола стояли странные женщины в белых мантиях с пустым ничего не выражающим взглядом и загадочным символом на лбу. Из-под пола к их спине и голове тянулись толстые кабели, входящие в них разветвлёнными пучками, а над оголёнными контактами периодически потрескивали тонкие электрические дуги. У изголовья стола стоял уже совсем жуткого вида мужчина, или это была женщина... понять оказалось невозможно, ведь от человека в этом существе остался только маленький участок лица, всё остальное поблёскивало смазанными

детальями аугметики, оплетено связками проводов и мигало сигнальными лампами, соединяясь множеством кабелей с массивным когитатором над столом. По углам комнаты у потолка в покое мерцали ауспексами сервотурели с массивными лаз установками. Зачем они здесь догадаться было нетрудно, ведь если он в очередной раз даст слабину, если не справится с испытанием, к которому готовили всех в Схоластике с самого начала... Лучше об этом не думать. От прикосновения холодной стали к голому телу Эл задрожал, но удерживающие ремни, больно врезавшиеся в кожу, не давали даже шелохнуться. Холод снаружи стал по ощущениям проникать и внутрь, цепляясь ледяными пальцами в каждый орган.

– Инициировать процесс санкционирования субъекта R12. Уровень угрозы «media minus».

Эл слышал этот скрипучий синтетический голос уже на грани потери сознания от резко обрушившихся на него болезненных ощущений. Причём сказать что большее: десятки холодных игл, впившихся под кожу или вихрь чужих сознаний, вероломно обшаривающих каждый уголок его разума, словно живую перебирая внутренности. Вместо крика получился лишь сдавленный протяжный писк. Ряды люминисфер на потолке начали беспорядочно моргать, а затем стали расплываться в нахлынувшей дымке. Он не мог достичь даже минимальной концентрации, чтобы начать сопротивляться. Но как будто этого было мало... Разряды электричества заставили его забиться в судорогах, волна за волной. Он начал думать, что это длится уже целую вечность как раздался громкий голос в голове.

– Кто ты?

Хор звенел в голове перебивая его собственный вопль.

– КТО ТЫ?!

– Я...х-х-х...аааах!...я... Слуга Императора!

– Что есть твой долг?!

– Испол...нять волю Его!

– Что есть воля Его?!

– Сражаться и умереть!

– Что есть смерть?!

– Смерть это мой долг!

– Что есть твой долг?!

– Ааааааа!

– Кто ты?!

Так продолжалось слишком долго, чтобы можно было сказать сколько именно и Эл потерял всякую надежду выбраться отсюда живым, хотя ему этого хотелось сейчас больше всего на свете. Он хотел бы стать полезным слугой Его, но страшился оказаться недостойным. Какая то часть его предпочла бы умереть с этим позором, какая –то хотела выжить любой ценой, даже ценой собственной души. В какой-то момент, подобно раскату грома вдаль, раздался тихий, едва слышимый шёпот, переходящий в низкий утробный булькающий бас, исходящий из глубин собственного сознания и полностью отличающийся от всего слышанного когда-либо.

– Покой... Всё прекратить...отринуть смерть... оставить всё...

Невиданное ранее отчаяние и желание спастись утягивало Эла в трясину собственной слабости перед ситуацией, в которой он оказался. Как в переносном, так и в прямом. Он на самом деле стал ощущать как тонет в смолянистой вонючей жиже, а его лицо облепляет целая гудящая туча здоровенных мух, пытающихся заползти всей толпой ему в рот, пока, наконец, он не погрузился в неё полностью и перестал барахтаться, ведь боль и страх уходили, а большего он и не смел желать.

Непролазная густая растительность закрывала горизонт со всех сторон, оставляя совсем немного пространства для пробивающегося сквозь кривые желтеющие ветки дневного света. Внушительных размеров стаи всевозможных жуков рассекали влажный затхлый воздух вокруг в беспорядочном танце тысяч жужжащих, пищущих и стрекочущих насекомых. Дышать стало трудно ибо воздух был тягучим как слизь от поднимающихся с земли испарений, легко дающих фору тем, что довелось обонять в подулье, а от жары и сырости начинало мутить. Мягкая податливая почва практически двигалась от того количества червей, что ползали в ней и каждый раз как Эл наступал на новое место, на ногу тут же заползал целый ворох разноцветных блестящих вытянутых тварей, пытающихся прорыть себе путь даже под кожу. Всё, куда ни глянь, бурлило и двигалось. В особенности лужи мутной серой жидкости, разбросанные то тут, то там. Они кипели от поднимающихся газов и движений тех, кто в них обитал.

– Жизнь... ценнее... всего... и ничто... не может... быть выше...

В трёх метрах от себя Эл увидел беззаботного вида мужчину, безмолвно бредущего по зарослям. Как только он коснулся ногой одной из луж, из воды лениво вывалился двухметровый слизень, начавший медленно утягивать его внутрь себя, а тот даже не обращал на это внимания.

– Эй! Держись!

Хлюпая ногами по грязи, Эл бросился к нему, изо всех сил ухватившись за расслабленную руку. Тело мужчины уже скрылось почти наполовину в утробе слизня, но его удалось вытянуть и существо просто скрылось в луже без попыток вернуть свою добычу.

– Всё в порядке?

Взгляд человека не фокусировался на собеседнике, а голос хрипло продирался сквозь горло.

– Мы спасены... Всё закончилось... Боли не существует... Смерти нет...

Всего на мгновение померещилось, будто человек выглядит как раздувшийся от разложения утопленник и Эл отстранился, оставив неестественно счастливого лежать на земле. Тем временем вдалеке сквозь заросли стал поблёскивать маленький огонёк, излучающий смутно знакомое тепло. Эл решил пойти к нему, но сколько бы он ни шёл, заросли не кончались, а огонёк не становился ближе. Вдобавок тряпочная обувь Схолы уже насквозь промокла и ноги начало обжигать кислотой всё сильнее с каждым шагом. Внезапно он наткнулся на причудливо выгнутое дерево, образующее навес над входом в наполовину утонувший в трясине домик из веток и гнилых останков. Из него выбежал, весело переваливаясь на коротких ногах, раздувшийся от гнойных ран, маленький тучный человечек, волочащий за собой свои внутренности и при этом улыбающийся неестественно широкой улыбкой.

– Вижу вижу ты устал, вижу вижу тебе надо отдохнуть.

Писклявый пронзительный голос человечка сильно действовал на нервы, но в его доброте и искренности сомневаться не приходилось.

– Мне нужно найти выход...

– А зачем? Здесь и так хорошо. Давай дружить? У меня много подарков!

– Боюсь, что не смогу пережить такой дружбы...

– Все подарки есть продолжение жизни. Смерти нет.

– Смерть... Это мой долг...

– Погоди – погоди, я знаю короткую дорогу, пойдём!

Человечек протянул ему свою ручку, но Эл отстранился сразу же, заметив как вздуваются на коже воспалённые волдыри. И человечек, пожав сморщенными плечами, побежал вперёд, напевая какую-то писклявую песенку. В принципе Элу было без разницы каким образом, глав-

ное, что он шёл в сторону огонька. И вот, проходя мимо покрытого мхом валуна он услышал детский плач. Маленькая девочка, лет пяти от роду, сидела на камне в грязной рваной одежде и тёрла покрасневшие глаза.

– Дяденька, мне страшно. Не уходи!

– Пойдём со мной, здесь нет ничего хорошего.

– Нет! Я боюсь! А на этом камешке тихо и никто меня тронет. Не оставляй меня!

– Я не могу...

– Помоги мне!

– Император защищает детей своих...

– Нет! Ты.

– Я... лишь исполняю Его волю.

Эл обернулся и сделал ещё один шаг, после которого всё исчезло...

Он очнулся дрожа от холода на том же столе, где всё началось. Края стола блестели кристалликами льда, а комната была пуста и бесшумна. В зеркале напротив отражалось его бледное голое тело, покрытое красными точками и синяками в местах, куда входили иглы. Символы на лице исчезли, а правый висок болезненно стучал от металлического импланта. Было странно... он не чувствовал ничего кроме холода и пустоты внутри, а серые стены вокруг выглядели как-то ещё более безжизненными и унылыми чем обычно.

– Ну как тебе? Чувствуешь себя заново родившимся?

Голос молодого человека был ровным и абсолютно безэмоциональным. Он стоял, прильнув спиной к стене, засунув руки в карманы своего бежевого плаща. Русые короткие волосы были зачёсаны назад, открывая высокий лоб и гладко выбритое лицо с благородными чертами. Под расшитым золотой нитью плащом проглядывалась белая кружевная рубашка, расстёгнутая на вызывающий манер и строгие чёрные брюки с лакированными сапогами того же цвета. Элу ещё не доводилось видеть знатных людей вблизи, в их дорогой и наверное невероятно удобной одежде, но удивляло его не это. Почему он его совсем не чувствовал? Даже сейчас, видя и осознавая своим умом присутствие он всё равно не верил в его существование. Причём он не просто не чувствовал живого человека перед собой, а даже наоборот. Там, где он стоит ощущалась полнейшая абсолютная холодная пустота, как если бы это место вырезали из мира и оставили зияющую в бездну дыру в пространстве. Эл ничего не знал об этом человеке, но испытал сильнейшую неприязнь от нахождения рядом с ним и еле сдерживаемое желание сбежать как можно дальше. Непознаваемый первобытный ужас и неприятие сквозили из этой черноты, а голова начинала болеть. Последний раз он ощущал нечто подобное на чёрном корабле, но не знал источника. Эл машинально дотронулся до шеи и не обнаружил «Усмирителя». Его давно не одевали, но ощущения были сейчас почти такие же, а молодой человек вальяжно достал из кармана фляжку и сделал пару глотков.

– Ну... или что вы там чувствуете после всех этих ваших жутких ритуалов?

Заметив наконец на лице Эла отчаянную внутреннюю борьбу с желанием убежать, парень театрально хлопнул себя по лбу.

– Ах, ну да, совсем забыл.

Он нажал на кнопку некоего устройства, выглядывавшего краем корпуса из-за воротника плаща и душающая «дыра в пространстве» уменьшилась до границ силуэта этого человека. Привычное ощущение объектов вокруг заметно снизило неприязнь и позволило собраться с мыслями.

– Вы...кто?

– Я? Ну, допустим,...друг.

То, что этот молодой человек ни мимикой ни взглядом, ни даже малейшей интонацией голоса не выражал эмоций сильно настораживало.

– Пока не забыл, вот держи!

Эл поймал брошенную ему верёвочку с нанизанным на неё красным кристаллом.

– Это твой новый пси-фокус. Тот, который у тебя изъяли, оказался заражён и был уничтожен.

– Эм...спасибо. Чт...что теперь?

– Если честно, малой, я не знаю. Мне сказали мол бросай все дела, топай туда...ну ты знаешь как это бывает.

Эл неуверенно отрицательно качнул головой и повисшее молчание длилось бы, наверное, вечно, если бы он произвольно не поёжился от холода.

– Что-то ты какой-то скучный, не как прошлый «перчик». Ни тебе пылающих столбов, ни безумных пророчеств... ты вон даже не нарисовал ничего своей кровью... А говорили, что ты интересный.

Эл лишь пожал плечами, не до конца понимая смысл фразы, на что парень в плаще устало вздохнул.

– Эх... расслабься, ничего мне не говорили.

– Мне холодно.

– Ааааа, вот в чём дело. Тряпки в сумке справа от тебя.

Небольшой пакет с аккуратно сложенной стопкой непривычно новой и чистой одежды без какого либо намёка на форму лишь сейчас попал в поле зрения.

– Я так понимаю, что моё обучение здесь подошло к концу?

– Здесь, пожалуй, да, а вообще придётся, похоже, изрядно попотеть, если ты, конечно, на что-нибудь сгодишься.

– А на что я могу сгодиться?

– Ну смотри: лететь нам отсюда до следующей остановочки, я думаю, от недели до месяца. Это если шторм не будет особо сильным и у навигатора не потекут из ноздрей расплавленные мозги. Из экипажа на «Светящей» только сервиторы и пара прокуренных обскурой бородастых мужиков. А ты гладенький весь такой, согреешь мне кровать.

– Не понимаю...

– Ты что, здесь ни с кем не развлекался?

– Меня держали в цепях в тёмной камере в течении пяти лет, если верить надзирателю Руфию.

– Ого. Да ты, оказывается зверь. Затрахал тут половину Схолы до такой степени, что тебя закрыли в...

– Так что мне нужно делать?

– Работать, мой друг. Нам предстоит много работы прежде чем из тебя можно будет сделать хотя бы годный расходный материал.

–...

– Я тебе не нравлюсь да? Не переживай. Честно сказать, я вообще никому не нравлюсь и далеко не за болтовню.

– Я просто не понимаю о чём ты говоришь.

– Неудивительно (указывая кивком на висок), им пришлось заменить часть мозга, ведь ты едва не отдал Императору душу на этом столе. Хорошо хоть говорить не разучился, а то бывали и такие. Ладно, шучу. Но над этим мы, кстати, тоже поработаем. Боже Император, вы только представьте: неприкасаемый учит псайкера... малышка Виви будет в восторге.

Эл вздохнул тяжело и безнадежно.

– Меня зовут Ленз, кстати... грёбанный чёртов дознаватель Ленз.

Глава 4

"Если случилось худшее и ваш уоррент – савант поддался порче, молитесь, чтобы кондиционирование псайканы выдержало. Если вам повезло, он бросится на свой кинжал милосердия прежде, чем что-то ужасное сумеет воплотиться. Если же он не вскрыл себе вены... чтож, это уже тема другой лекции."

(с) – офицерские занятия, 104й "Латунный".

Антракт.

061.847.M41. Пространство Империиума. Сегментум Обскурус. Сектор Готика. Субсектор Верония.

«Lumenaria» на малом ходу приближалась к перегруженной трансорбитальным трафиком планете. Как выяснил Эл из местного новостного потока, это связано с предстоящим на следующей неделе праздником в честь вступления в должность нового планетарного губернатора и масштабных торжественных мероприятий, которые планируется проводить целый год на всех шпилях. На жителей незнатного происхождения это, конечно же, не распространяется и без этого работающие в авральном режиме мануфактурумы ульев получают новую нагрузку, чтобы привелигированные дома ни в чём не нуждались.

Аллериум когда то очень давно представлял собой планету с тропическим климатом на большей части поверхности, испещренной реками и водоемами. В смотровое окно же было видно три улья, которые с высоты орбиты казались усыпанными мириадами алмазов металлическими вставками на теперь уже серой поверхности планеты. Два из них охватывали полярные шапки и один, самый крупный, располагался вдоль экватора как рваный пояс вокруг живота. Вся эта композиция обрамлялась тучами космического мусора, кораблями от небольших челноков до километровых грузовых барж и множеством орбитальных станций самого разнообразного назначения и размеров. Все это создавало картину копошащегося логова потревоженных насекомых.

– «Каппадокия 1», говорит борт № 182 «Светящая». Прошу разрешение на стыковку по протоколу ХХ9В.

– «Светящая 182», говорит: «Каппадокия 1» стыковка разрешена к двадцать третьему шлюзу. Конец связи.

Капитаном этого малого грузового шлюпа всего на семь тысяч человек экипажа, принадлежащего торговому дому «Ниал», был самый настоящий карикатурный мужчина из юмористических пикт-архивов, которыми снабдил Ленз. Полноватый и небритый с устремлённым в пустоту сосредоточенным взглядом из под мятой фуражки. Через фронтальный витраж капитанского мостика виднелась, мерцающая огнями, станция, которая являла собой парящий в пустоте кафедральный собор, мало чем отличающийся от множества подобных по всему Империиуму. С каждой секундой она все больше заслоняла обзор, пока ее, оказавшиеся гигантскими, детали полностью не закрыли панораму.

– Эх, клянусь жопой святого Эзры, давненько я сюда не летал!

Капитан Борхис оказался заядлым игроком в регицид и таро. И Эл с радостью научился играть в них, но после этого ни Ленз, ни Борхис не захотели продолжения. « Это все из-за твоего дара или проклятья, называй как хочешь, только не обижайся парень, но играть с тобой бесполезно, ты все равно выиграешь». Впрочем, времени играть за эти две недели было не особо много. Ленз несмотря на свой отстранённый, безэмоциональный вид оказался очень дотош-

ным наставником. Он при каждом удобном случае задавал сложные логические задачи и в самые неудобные моменты заставлял пересказывать зазубренные статьи из «Biblio militarum». Один раз он вообще заставил Эла попадать тренировочными лазерными зарядами по мишеням, которые тот выбрасывал из соседней кабинки в туалете. Как раз в тот момент, когда Эл мучился от несварения. При этом необходимо было одновременно рассказывать основные правила твистерского жаргона и последовательность сборки стабберного пистолета шаблонной модели МК1. Эл начал ненавидеть его еще больше, даже священники Схолы так не делали, а Ленз еще и издевался при каждой ошибке (а их было много). «Даже сломанный сервитор справился бы лучше тебя» Правда это задевало не так сильно, как он надеялся.

Небольшая вибрация увенчалась ударом, прошедшим волной по корпусу судна и оповестившим о стыковке.

– Подождите нас здесь, капитан. Не волнуйтесь, простой тоже оплачивается.

Борхис довольно кивнул и удалился в каюту. Эл почувствовал небольшой толчок пониже спины, а затем звук замыкающегося магнитного замка на поясе. Ленз стоял сзади, наклонившись к уху так близко, что иногда задевал его губами.

– Это твой дружочек, будь с ним ласков иначе придется на самом деле стать моей сучкой.

И, как ни в чём не бывало, вальяжной походкой Ленз направился к стыковочному шлюзу в сопровождении нескольких технических сервиторов, а Эл пытался повнимательнее рассмотреть потертый лазпистолет на поясе. Он выглядел как стандартная военная модель, только едва видимая гравировка на рукоятке под имперской аквиллой отличала его. «Дружочек» – это слово уже почти стерлось за те многие годы, что им пользовались. «Что ж лучше, чем ничего» Эл проверил заряд батареи и спрятал его обратно на пояс под кожаную накидку.

Рука невольно скользнула по чехлу для ритуального ножа. «Последняя воля» или "Кинжал милосердия" – его выдавали всем, кто покидал Схолу. Он никогда не забудет те уроки. «Когда плоть ваша и тело принадлежать будут губительным силам, когда спесь ваша возобладает над осторожностью и благочестием, когда оскверните себя одержимостью, последний ваш долг перед Императором, что вы будете обязаны совершить – это принять его последнюю волю». Раз за разом детей учили преодолевать страх перед самоубийством. Эл понимал, что, возможно, это единственный выход, когда в тебя вселяется сущность варпа, но сотни тренировочных падений на нож были для него большим воспоминанием.

Вопреки ожиданиям, на станции из вентиляционных решеток дул такой же многократно регенерированный воздух, точнее уже дыхательная газовая смесь с запахом пота и сырости многих человеческих тел, а также застарелой еды, горелого жира, намёка на уборную и вездесущий запах ладана от постоянно проводящихся ремонтных работ для поддержания древних механизмов.

В стыковочном модуле было очень людно, по сути рынок и жилые отсеки начинались сразу при выходе с корабля. Шум толпы после тишины космоса утомил его почти мгновенно. Из потока разношерстных людей поднялась рука, зазывающая к себе. Это был Ленз, набивающий рот неким блюдом, похожим на запеченную змею.

– Эфто зе хфотт пифилийфкофо Лфа! М-м-м. Попробуй, не тормози, когда еще такую редкость поешь... Эх, а торговец уже смылся, сука.

После пищевых концентратов и корабельных пайков горячая ароматная пища была и правду самым прекрасным, что было в его жизни за последнее время.

– В этот раз, пожалуйста, не приставай ко мне в туалете, если вдруг станет плохо.

– Тебе разве не было весело? Гм... а мне показалось, что просроченные пайки – это твое призвание. Ладно, не отставай и постарайся не схлопотать ножик в бок по дороге, здесь это не сложно.

Пробираясь через толпу, они вышли к большой платформе, от которой в разные стороны расходились натянутые металлические струны толщиной с руку.

– Так будет быстрее.

Ленз ввел номер своего личного счета в терминал и через минуту по струне приехал небольшой вагончик. Он с шипением на большой скорости вывез их из тесных помещений в более просторные отсеки, отдаленно напоминающие город из детства, только вид уходящих в чистое безоблачное небо зданий был лишь голо-проекцией. На выходе из вагончика их встретил мужчина в темно-синей форме, кепке и с шоковой дубинкой на поясе.

– Коммерческий отдел. Вход только по специальным пропускам. Прошу вас покинуть...

– Э-э-э-эй, спокойно. Мы представляем леди Бахем, у нас дело к распорядителю.

До этого собранный мужчина на секунду растерялся.

– Эм... Да? Ваши документы.

Сотрудник службы безопасности был немного удивлен видом и манерами «представителей», но карточки, протянутые Лензом, успокоили его, хотя было отчётливо видно как тот поморщился, словно от линза несло лютым перегаром и двухнедельными носками разом. Эл же старался выглядеть спокойно и как бы отвлеченно почесывал щетину на затылке. Он чувствовал тоже самое многократно сильнее, но хотя бы понимал природу этого иррационального отращения.

– Документы в порядке. Проходите, прямо и направо.

– Благодарю вас за бдительность, офицер, Император защищает.

– Император защищает.

Все втроем почтительно скрестили руки на груди ладонями вверх и склонили голову к груди. Этот жест был самым первым символом веры, которому учили каждого. Впереди расположился каскад массивных металлических зданий с вытянутыми вверх окнами, на которые указал офицер, но Ленз направился совсем не по тому пути и через пару минут они уже были в центре небольшой площади рядом с позолоченной статуей графа Вильяма, основателя станции. Эл понятия не имел, кто такой Вильям, но судя по вычурным украшениям и одежде, он был очень богат. Вокруг в спешке ходили сотни людей с одинаковыми выражениями лица в одинаковых черно-белых или серых робах. От постоянного недосыпа и изнуряющей монотонной работы их кожа была бледной, а веки синюшными. Их мысли даже не приходилось читать, сотни сознаний жили в одном ритме и резонировали одинаковыми образами каждодневной работы с терабайтами данных, огромными стеллажами пергаментов и инфопланшетов, а также банальными домашними заботами. Каждый человек по отдельности здесь лишь незначительная, легко заменяемая частичка, но вместе они один большой организм титанической бюрократической машины Империи, пытающейся разгрести весь тот беспорядок, который ежедневно возникает на сотнях тысяч планет по всей галактике, включая и этот.

Ленз, после небольшой заминки, видимо, вспомнил куда идти и поторопился в сторону вестибюля под вывеской «Локум частных торговых операций». Сканеры, стоящие на входе, почему-то не сработали на оружие, но обнаружили нож Эла, который охранники с невозмутимым видом приняли и встали обратно на свои посты.

– Друзья всегда должны держаться вместе – сказал Ленз, бросая взгляд на пояс Эла и коротко подмигивая.

– А зачем мы здесь? Ты говорил, что мы летим в некий «Бордель» или что-то вроде того.

– Все верно, только планы немного изменились, и я решил заглянуть на чашечку рекафа к старому другу.

Всегда ровная и монотонная речь Ленза не оставляла шанса на понимание сути, а уж тем более подтекста некоторых фраз. Тем более Эл ещё ни разу не смог угадать врет тот в очередной раз, шутит или говорит серьёзно.

Богато отделанные помещения пестрели всевозможными удобствами. Все было новым и вычищенным, а двери и обсуживающие сервиторы не издавали ни малейшего скрипа своими обильно смазанными деталями. Позолоченная дверь под номером 361 с тихим шипением

скрылась в стене, покрытой тёмно-бурым бархатом с золотой вышивкой. Ленз вошел первым и мужчина, сидевший за столом мгновенно побледнел. Представительского вида человек в расшитом драгоценностями кафтане держался за подлокотники своего кресла, побелевшими от напряжения, пальцами, однако его лицо, затронутое начинающимся старением, было сосредоточенным и решительным.

– Можете не вставать, господин управляющий.

Ленз расслабленно плюхнулся на диван у противоположной стороны стены и почти утонул в его мягких подушках. Эл не испытывал такого страстного желания привлечь к себе внимание и просто встал недалеко от входа, в углу, глядя как постепенно начинает багроветь до этого бледное лицо управляющего.

– Думаешь, можешь вот так заваливаться ко мне после всего? Я уже позвал охрану, они засунут тебя по макушку в отстойник и отправят в свободный полет!

Ленз демонстративно ковырялся в носу и вытирал палец о диван.

– К чему весь этот фарс, Диди ? Мы оба знаем зачем я здесь и было бы весьма любезно с твоей стороны сэкономить нам время, перейдя к делу.

– Если ты о поставках, то я уже говорил арбитру-майорис, что оборвал все связи много лет назад и занимаюсь исключительно легальной деятельностью.

– А вот Флавия говорит, что нет... и выходит слова твои даже огринского дерма не стоят, кстати, Эл, дорогой, покажи нам какой-нибудь безобидный фокус... ну только не убивай никого, а то как всегда, потом тебя хрен остановишь. Я знаю тебе очень хочется, но не в этот раз.

Обращение Ленза вывело Эла из приятного любования безмятежными разноцветными рыбами, плавающими в огромном аквариуме, встроенном в стену. И первое, что пришло ему в голову это направить туда легкий импульс своей воли. Простая, почти не требующая усилия команда для примитивного разума созданий, рождающихся и умирающих в этой лазурной стеклянной коробке. И через мгновение все рыбы синхронно закружились вода хоровод вокруг прислонённой ладони. Настроение у управляющего ухудшилось еще сильнее и если бы Ленз мог, то определённо изобразил сейчас глубокое удовлетворение. Обычные граждане Империи не видят большой разницы между санкционированным псайкером, ведьмой или мутантом. Достаточно лишь помнить о главных заповедях веры. Убей мутанта, сожги еретика.

– Не заставляй меня просить его выпотрошить твои мозги как молочного грокса, они тебе еще пригодятся.

– Квонтихорум, через неделю сразу после начала программы представлений. Это все, можешь меня пытаться столько сколько захочешь, но больше я все равно не знаю... А теперь исчезни с глаз моих, поганый ты ублюдок!

– Мо-ло-дец. Я еще найду как-нибудь, когда захочу обставить свой дом такими же замечательными диванчиками. Не забудь где их брал.

* * *

068.847.M41. Аллериум. Улей Волрум. Штаб-квартира в общем жилом блоке А23.

Нужно успокоить разум... не думать ни о чем... но вот проклятье, даже когда пытаешься ни о чем не думать, то как раз думаешь именно об этом. Замкнутый круг. А тут еще эта фрагова музыка, долбящая по ушам. Неважно... Нужно восстановить ментальные барьеры и печати иначе могут быть осложнения при каждом проявлении психосил. Вот как сейчас. Всего лишь легкое касание волей электрических контактов звуковоспроизводящего устройства приводит машинный дух в бешенство, от чего аппарат искрится, а голову наводняют целые кавалькады потусторонних воплей. Они доносятся прямо из бурлящих потоков эмпирей в незащищенное сознание и легко перебивают ругань Киллик, раздающуюся из соседней комнаты.

– Только не снова! Святые яйца Императора, я же только что молилась и извела на тебя весь освящённый ладан! Да простит меня святая Омниссия...

Нужно сконцентрироваться... "Именем света Его, сущего на тверди любой где ступает нога сынов и дочерей Его, верных заветам и наследию Его, заклиная дабы противные взору Его не смели ступать на твердь сию. Ave Imerator! Ave". Эл сжимал в руках свой фокус кристалл, пропуская всего себя через него. Он чувствовал как мир вокруг сжимается до крошечного угла, в котором он сидит и расширяется до бесконечности вселенной и как с каждым таким разом слабеет поток энергий, вытекающих из небытия в его разум и пространство вокруг. Люмино-сферы под потолком почти перестали моргать, а вибрации, расходящиеся по полу, утихли. Внутри и снаружи воцарился относительный покой, а дышать стало намного легче. Он повторил первый и второй псалмы покаяния, затем литанию чистоты. Гладь умиротворения прервалась только звуками бесцеремонно открывшейся двери.

– Эй! Новенький, как тебя там?... Эсм... Эфри... В общем ты закончил эти твои сидения с закрытыми глазами? Час уже прошел. Пойдем, ты мне нужен.

Нэк, он был, наверное, немногим старше, худощавый парень с растрепанными короткими волосами, вытравленными химикатами в неестественный синеватый цвет и смуглой кожей, поблескивающей где попало, кольцами и прочими украшениями. Он всегда вёл себя странно, видимо из-за тех веществ, что смешивал, варил и сам же употреблял.

– Знаешь че?

– Врятли...

– Ну ты это... торчишь иногда ведь? Я то знаю эту тему, когда видишь то, что другие не видят.

– Мне кажется, ты путаешь некоторые вещи.

– Да л-а-а-адно тебе заливать! Не хочешь делиться, не надо, у меня свое есть, пойдем что покажу.

Нэк всегда одевался в простую одежду из грубой ткани, которая висла на нем как на вешалке. В общем зале были почти все, с кем Элу довелось познакомиться за эти несколько дней в этой полузаброшенной конторе, выглядящей сейчас ещё более захламлённой чем обычно из за вчерашней большой попойки в честь удачного закрытия дела о пропаже детей из приютов, о которой он почти ничего не помнил. Каждый занимался своими делами. Нокам-бывший арбитр, а нынче простой наемник, начищал до блеска черные сапоги, почти такие же черные, как и его кожа. Киллик – техноадептка местного аббатства Механикус. Только что вернулась с службы в честь бога-машины и пыталась отдохнуть, но Эл видимо ей испортил веселье и она вновь раскуривала священный ладан над проигрывателем, чтобы он заработал. Зот – бывший сержант Имперской гвардии, уволенный за «ранения несовместимые со службой», но судя по его бодрому виду, он не очень удачно соврал. Зот, как говорили, никогда не расставался с Мелиссой, его, выдавшей лучшие времена, лонг-лаз винтовкой. Нилклим – помещанный на чистоте, педантичный клерк из Муниторума, единственный, кто хоть как-то здесь убирался и не давал зарости пылью и плесенью. Жардон – отчисленный из академии Астра Милитарум мужчина, уже много лет подрабатывающий доставкой контрабанды и взамен на помилование решивший сменить род деятельности на содействие имперским службам. Ну и скромная Айнур, молодая архивистка из Администратума, занимающаяся основной бумажной работой, в которой, как выяснилось мало кто мог разобраться.

Не хватало только Ленза и Марии Саленар, собственно начальницы всей этой конторы, хотя Эл и не заметил, чтобы Ленз ей подчинялся. Зачем здесь собрали столько разных людей и чем предстояло заниматься было не особо понятно. Либо никто, также как Эл, не знал чем они занимаются, либо очень умело не договаривали. Главным было то, что они служили Императору и Элу этого было достаточно.

В данный момент стояла задача добраться до конкретной личности. Некогого Зигмунда Лаффентеэра – человека, который якобы владеет информацией о перевозках и торговле запрещенными предметами искусства и прочих вещей из за пределов Империиума. Если на эти штуки не выдавали лицензию даже вольным торговцам, то, наверное, там действительно было что-то опасное. Ленз, еще на борту «Люминарии» говорил как-то о богохульных ксенотехнологиях, предметах созданных не людьми, а чужими и что они в крайней степени раздражают духовенство Марса одним фактом своего нечестивого существования, но это слишком дерзкая теория, чтобы применять ее к текущей работе, заключающейся в бесконечных скучных попытках проследить связи между очередными денежными счетами с подозрительными операциями и их настоящими владельцами, выйдя в результате на банального работоторговца. Как пояснил Ленз, Императору нет дела до того, какие порядки устанавливает каждый конкретный планетарный губернатор, пока выплачивается десятина и соблюдается чистота веры, поэтому любые нарушения законов следует игнорировать в угоду миссии.

Мария обещала вернуться с наводками, и все были в напряженном ожидании конца бумажной работы и начала хоть каких-то действий. Нэка же, естественно, больше волновали свои бредовые идеи и токсичное варево.

– Представляешь! Короче, вот люди ходят-ходят и не обращают внимания на всякую ползучую хреновину, что живет прямо под городом, у нас под ногами...ну ладно, намного глубже, чем прямо под ногами, но это неважно. Короче, они же живут на наших отходах, а значит умеют переварить все что угодно, и тут я подумал э-э-эй! А вдруг, если в них запихать одни веселые таблеточки, то на выходе могут получиться другие. А? Никто же так не пробовал.

Нэк не был дураком. Ленз завербовал его с какой то далёкой планеты, где он был специалистом по биохимии в крупной банде торговцев наркотиками и биомодификациями, но то с каким энтузиазмом он говорил многие безумные вещи, подталкивало к неприятным выводам. Он завел Эла в свой укромный уголок, где обосновал импровизированную лабораторию. В центре стола, окруженная сосудами с неизвестными жидкостями, лежала серая пупырчатая и покрытая зловонной слизью туша конической формы и размером с человеческий торс. Оно медленно дышало, но не двигалось. В узкой части тела были сконцентрированы присоски и крючки, а в широкой подобие наполненного зубами рта.

– Ульевой головогрыз. Хищник. Охотиться на других зверьков, понял да? А называют его так потому, что если он упадет на тебя сверху, то первое, что попадает ему в рот, будет твоя тупая башка, ха-хах, он при мне отгрыз моему корешу черепушку за пару секунд, но был уже сыт и не смог убежать.

– Если честно, то я не вижу в этом ничего смешного.

– А я да. Знаешь сколько я ему денег должен был? Ты не поверишь! Короче, мне надо, чтобы ты заставил его схватить все, что в этой тарелке. И не делай такое удивлённое лицо! Раз ты смог заставить рыб танцевать... Короче, попробуй его заставить.

– Я могу попробовать, но ничего не обещаю.

Эл всмотрелся внимательнее в существо на столе и взгляд стал проникать глубже под израненную, искаженную плоть, пульсирующую остатками жизни. Оно умирало, но могло еще что-нибудь сделать. Тонкие невидимые струйки энергии варпа потекли по каналам внутри существа, пробуждая его ото сна. Но по мере того как Эл проникал своим сознанием внутрь существа, что-то в противовес пыталось просочиться в него. Это было неожиданно, и он потерял концентрацию. Потоки стали нестабильны и образ внутреннего устройства существа сменился расплывчатой картиной как во сне: две человеческие фигуры, их лица не узнать. Они проплывали по улице словно дымка... Камень разбивается на мелкие кусочки о стену, залитую кровью... Все накрывает непроглядной тенью... Чьи-то клыки впиваются Элу в шею посреди темноты... Стук в дверь... Резкий запах вывел его из полусонного состояния. Нэк сидел на корточках, держа в руках пробирку с зеленой жидкостью.

– Бодрит, да? Ну у тебя и закидоны! Стоял себе пару секунд назад спокойно, потом возьми и давай орать на меня с остекленевшими глазами мол – «Идут! Они придут! 9,3,748!» Потом ты тихонько сполз по стеночке. Классный приход чувак! Когда-нибудь ты мне все-таки расскажешь, что за дурь употребляешь. Эл его почти не слушал, находясь в самой настоящей панике. Он вскочил и побежал к двери через все помещения конторы к входной двери, обычной механической двери на примитивном задвижном замке. Трясущиеся руки еле-еле справились с замком и он встретился лицом к лицу с Лензом, едва занесшим руку для того, чтобы постучать.

– Ух ты. Ну надо же, ты так по мне соскучился, что ждал у двери всё это время. Это так мило.

– Мы на 86 этаже, Симеон, здесь кругом металлические переборки и нас слышали еще как только мы зашли на этаж, так что не паясничай и собирай всех.

Мария Саленар обладала сильным властным голосом и жестким характером. Она была бы образцовым арбитром, если бы в свои 92 года не занималась выброшенными в мусор, безнадёжными расследованиями, по собственной инициативе. Благодаря ювенант-терапии никто навскидку бы не дал ей больше сорока, но вела она себя порой как самая настоящая вредная старая карга. Аккуратно зачесанные назад каштановые волосы, с небольшой челкой на лбу, строгий бордовый жакет и брюки. И никаких украшений или очевидной косметики. Она всегда была занята делом с фанатичностью, который позавидовала бы и Эклезиархия.

– Значит так, слушаем все внимательно! Говорю один раз. Краткая вводная: Квартал G31 промышленного блока №305 (Мария вывела над столом перед собравшимися постоянно искажающуюся и вновь фокусирующуюся голо-проекцию с планом квартала) Здесь располагается одно из древнейших сохранившихся до наших дней зданий на всем Аллериуме и, в частности, в Улье Волрум. Вероятно, Квонтихорум является одним из шедевров архитектора Юзия, возводившего такие театриумы еще в первую волну колонизации. Так что если вы повредите здание, то сам Император и верховные лорды Терры не остановят меня от того, чтобы казнить вас самым неприятным способом.

Такая ересь с ее стороны была, возможно, следствием усталости от напряженной работы, но тем не менее резала слух Элу, отвыкшему от гораздо более простого восприятия вопросов веры обычными людьми.

– Айнур, все верно? Я ничего не забыла?

– Да, госпожа Саленар, все верно, Квонтихорум обладает рядом давно утерянных технологических и архитектурных решений, которые...

– Довольно, подробности оставь для отчета. Итак, по наводке наших информаторов нам предстоит проникнуть на закрытое представление, во время которого состоится сделка. Где именно и во сколько нам не известно, поэтому всем быть предельно осторожными. Задача – идентифицировать участников сделки и установить слежку. Никаких столкновений быть не должно! В свете недавних терактов, охрана мероприятия будет усилена. Население встревожено деятельностью местных культистов, но они не наша забота. (При этих словах Ленз неожиданно поперхнулся набитым в рот очередным местным угощением, навлекая на себя недовольный взгляд начальницы) Симеон, чтоб тебя! Распредели роли, а я пока соберу снаряжение.

– Увуф!... То есть да, мэ. В общем, народ, я долго думал и решил, что поступим так: Нокам, Киллик и Нэк, вы маскируетесь под рабочих и заходите через служебный вход, Нокам – ты старший.

– Понял

– Зот, Жардон и... «Одуванчик», прячетесь в грузовых контейнерах, заготавливаемых под цирковых зверей, на всякий случай раздобудете униформу грузчиков. Зот – ты старший.

– Есть, сэр.

– Айнур, ты на связи, будешь координировать действия с коммуникативного модуля.

- Хорошо.
- Нилклим, идешь со мной и Марией, будем изображать зрителей, думаю из тебя прекрасно получится сынишка какого-нибудь графа.
- Я не против, всяко лучше, чем гоняться за бомжами по канализации как в прошлый раз.
- Тогда расходимся, времени до вечера.

* * *

068.847.М41. Погрузочные терминалы промышленного блока №305.

- Одуванчик? Почему он меня так назвал? Это из-за волос?
- Молча сидим.
- Но...
- Тссс!

Контейнер зашатало, когда погрузочный сервитор небрежно поставил его на склад. Хотя Эл и не мог сказать точно, оставалась ли в нем частичка прежней личности, он все равно, в какой-то мере, сочувствовал этим, обреченным на вечный рабский труд, созданиям, ибо мало какие преступления достойны такого наказания. Тусклый свет, пробивающийся через щель в контейнере, выхватывал из пыльного мрака коробки и ящики с неизвестным содержимым и троих человек. Жардона было почти не видно, его роба словно была одета поверх темноты. Перекошенное шрамом, переходящим на лысину, лицо Зота было напряженно, он внимательно вслушивался в звуки снаружи и Эл решил его успокоить.

- Людей здесь нет, в округе по крайней мере.

Зот впервые за все это время посмотрел на Эла дольше чем вскользь и через секунду коротко кивнул. Определить по его суровому лицу что-либо было трудно, и Элу становилось всякий раз не по себе, когда он вспоминал, кто этот человек и насколько быстро, он может убить любого из присутствующих. Тем неожиданной для Эла стали невольные прочитанные поверхностные мысли своих спутников, содержащие точно такие же опасения по поводу его самого.

- Хорошо, Жар, приоткрой дверь и осмотрись.

Жардон по всей видимости не брился для того, чтобы его щетина маскировала впалые щеки, хотя странно, он не был настолько худым.

- Вроде никаких средств наблюдения... кроме двух ауспексов на входе.
- Значит пошли, Одуванчик, иди первым.

Эл крадучись вышел из контейнера и направился по заранее намеченному маршруту в сторону посадочных площадок. Нужно было попасть на лестницу. Сводчатая пристройка к театриуму сильно отличалась от главного здания. Металлическая каркасная конструкция никак не сочеталась с величественной гранитной кладкой, один блок которой был в человеческий рост. Казалось, тысячи лет никак не повлияли на облик этого огромного здания, больше похожего на храм, уходящий ровной, почти полированной стеной за крышу склада. Жардон и Зот делали вид, что идут по рабочим делам как ни в чем не бывало и невзначай оглядывались по сторонам. Коммуникатор в ухе раздался робким голосом Айнур:

- Все внутри? Подайте сигнал о готовности.

Спустя мгновения голоса остальных участников подтвердили явку и Эл неуверенно зашагал по гранитной лестнице вверх. Даже здесь он чувствовал вибрацию трибун и возгласы зрителей, распространяющиеся по камню. "Представление началось". Внезапно из боковой двери на лестничном пролете вышел мужчина в форме охраны с бронежилетом и дробовиком наперевес. Примитивное, но очень эффективное вблизи оружие было взведено. Эл чуть не оступился от испуга, но мужчина, к счастью, не посмотрел в его сторону. Зот и Жардон тихо спрятались за угол. Едва у Эла отлегло как в проёме появился другой, и он сразу посмотрел прямо Элу в

глаза... Ничем не приметный мужчина, одетый и вооруженный так же как первый, заморгал в недоумении. Эл хотел сбежать, но это было бы еще глупее, чем стоять столбом. Ступени как будто стали уходить из под ног...

– Эй!

На возглас второго обернулся первый, но лишь озадаченно посмотрел вдаль.

– Чего тебе?

– В смысле? Ты видел? Видел? Тут только что стоял какой-то шуплый паренек- грузчик.

– Нет тут никого! Пошли уже!

– Да он был прямо тут, я сам видел!

– Еще раз будешь курить обскуру на работе, я первый на тебя доложу, понял?

– Да я к ней уже неделю не притрагивался!

Оба они, горячо споря, продолжали подъем по лестнице, а Эл так и стоял с бешено коло-тящимся сердцем в груди. Он не видел собственных рук и ног. Все его тело превратилось в прозрачную мерцающую дымку, практически не видимую в этих слабоосвещенных помеще-ниях. Это был единственный способ спрятаться от Ленза в темных углах «Люминарии», правда когда тот подходил на расстояние в нескольких шагов, маскировка тут же исчезала, и он его находил. Заставить свет усилием воли, огибать тело и проходить сквозь него было нетрудно, но невероятно полезно еще в стенах Схоластики, жаль это работало только на сервиторах и младших учениках. Несмотря на простоту, даже такой фокус мог не получиться без должной подготовки. Эл расслабил сознание и вновь принял обычный вид. Зот и Жардон перегляну-лись, зачехлив обратно свои пистолеты.

– Недурно, Одуванчик, но что-то мне подсказывает, что ты из тех, кто умрёт первым в заварушке.

– В пикт-фильмах, Жар, может быть, а в жизни умирает кто попало.

– Не будем спорить, ты у нас ветеран.

И правда, Эл еще не задумывался над этим, но Зот, вероятно был на самой настоящей войне, где ежеминутно гибнут тысячи солдат и, судя по пикт-слайдам исторического архива, выйти живым из того хаоса, что был на них изображен, представлялось настоящим чудом. А эти двое так легко об этом говорили... Неважно, они уже пошли дальше наверх, и лучше от них не отставать. Вокс коммуникатор в ухе зашипел:

– Всем, ...ем, как слыш...те? Это Ма...ия. Будьте предель... осто...жны, вокруг постав-лено оцеплен... и, скорее всего, внутри тоже б...дет много охраны. Похоже намечается что-то серьёзное...

Её голос почти полностью заглушался музыкой со сцены и гулом ликующей публики.

– Говорит Нокам, у нас ничего.

– Говорит Зот, вижу ангары для особых гостей, все машины заглушены, кроме одной. Темно-зелёный Лифтер, небольшой, на 5 может на 7 пассажиров, номер 9...9...PR...32...S Вокруг него около десяти человек. Предположительно вооружены.

– Говорит Жардон, это новая атмосферная модель, выпускаемая только по спец. заказу мануфактурой «Виктус Машинериум» таких всего 15-20 на весь Волрум. Думаю, будет не трудно пробить владельца...

– Уже...

– Зот, это Ленз, а среди людей у Лифтера есть мужик в желтом костюме?

– Так точно.

– У-у-у не начинайте без меня, шучу, интересно о чём они там болтают...

– Вас понял.

Зот поманил за собой и нырнул в дверь, ведущую на площадки, заставленные разномаст-ными обтекающими машинами и множеством ящиков. На улице уже чернела ночь, и столбы небоскребов ярко блестели тысячами огней. Бесконечные потоки летательных средств как змеи

проползали между ними. Ослепительные лампы в навесе над площадкой делали ее настолько светлой, что после полумрака лестницы было неприятно смотреть.

– Жар, заходи справа, вон за этой белой машиной, я сяду у аварийной лестницы вон там, а ты, парень, если сможешь, покажи нам еще разок тот фокус и подберись как можно ближе. Запись разговора нам еще может пригодиться.

Разбежавшись в стороны, они оставили Эла одного. Ему было совсем неудобно от нахлынувших ощущений смешавших страх ответственности, любопытство и беспокойство по поводу того, какой оборот приобретёт дело в целом. Ходить и задавать вопросы это одно, а лезть на рожон совсем другое и он явно был не готов к такой работе. Но всё равно пошел, пригибаясь и прячась за каждой машиной и ящиками. Концентрация, небольшое усилие воли и вот руки стали похожи на стекло, почти невидимые... почти. Когда до группы людей оставалось чуть больше десяти шагов, он замер, скрывшись в небольшой тени, отбрасываемой массивной колонной. Один из мужчин, не участвовавший в разговоре на несколько секунд задержал взгляд на том месте, где стоял Эл. Он слышал даже отсюда, как в голове того человека копошатся сомнения и думал что его собственное колотящееся сердце сейчас выдаст его. Тот уже собирался шагнуть навстречу, дабы рассмотреть поближе странные блики в тени, но небольшой укол в его сознание заставил забыть об этой затее. Контролировать сразу две психосилы было тяжело, а для неопытного адепта и вовсе опасно. Дыхание стало сбивчивым, по лицу потекли капли пота, ноги задрожали и подкосились пока Эл провожал взглядом мужчину, решившего вернуться к собеседникам.

– ...Ага, прямо как твоя мамаша! Ха-ха-ха...

– Нет, ты серьезно что ли ? Ждать до конца? Ну что за срань!

– А может мы это... свалим, а? Не ну а че? Бабло то отвалили заранее.

– Я те щас свалю по морде! Сказано и все тут, не шебурши!

– Господин, мы не можем уложиться в те сроки, что вы нам дали, мы работаем день и ночь, но не успеем!

– Напомни, почему меня должно это волновать?

– Но, Господин...

– Терпение, Стир, помнишь про мое терпение?

– Еще два ящика!

Голоса доносились из толпы, смешиваясь в одну единую массу, из которой было не просто вычленишь что-то осмысленное и ценное. Седой мужчина, в желтом деловом костюме, выглядел скучающим. Он равнодушно поглядывал в свои инфопланшеты, лениво водил по нему пальцем, а трое молодых парней в неуклюжих сюртуках безрезультатно пытались порадовать его хорошими новостями из мира торговли. Вокс коммуникатор разразился гневным возгласом Марии, оглушающим еще больше из-за щёлкающей статики.

– Ах ты чертов ублюдок самонадеянный!

– Я не специально! Ребята, план "Бета"!

План «Бета» ? Не было никакого плана «Бета» или, что вероятнее, ему просто не сказали. Как бы то ни было через пару секунд все десятеро людей на площадке всполошились подобно муравьям из пикт-передачи про фауну миров, где дикие участки поверхности еще сохранились. Пронзительный прерывистый визг сопровождал росчерки красный лучей, обугливших двоих мужчин, бежавших к Лифтеру. Внезапно возникший грохот и треск стабберных винтовок едва не оглушил Эла, сжавшегося у подножья колонны. Неизвестно почему, но он решился выглянуть посмотреть. За спинами стрелявших людей, спрятавшихся за машинами и ящиками, крался Жардон. В суматохе перестрелки на него, казалось, внимания не обращал никто, все были заняты попытками подстрелить Зота, засевшего на возвышении из кучи металлических контейнеров. Его окружали фонтаны искр и потоки пуль. Он казался неуязвимым и

одиночными вспышками лазерных зарядов прожигал противников вместе с их укрытиями. Из оцепенения Эла вывел вокс сигнал, еле слышимый из-за помех:

-...пш-ш-ш...нибудь...з-з-з...лифтер...ш-ш-ш... это брат Зигмунда...кш-ш-ш...остановите!

Жардон по всей видимости, как раз этим и занимался, уже почти подобравшись к машине. Один из охранников в нескольких шагах от Эла заметил Жардона и уже начал прицеливаться как Эл, неожиданно для себя самого, выстрелил. Короткий щелчок и из потёртого пистолета с визгом устремился красный луч, за долю секунды оплавивший стенку металлического ящика в полуметре от головы бойца в бронежилете поверх повседневной одежды. Тот резко обернулся по направлению выстрела, но недоуменно заводил винтовкой из стороны сторону, не понимая куда стрелять в ответ, Эл нажал на кнопку еще раз и теперь луч угодил прямо в горло, сделав разорванную температурным перепадом плоть черной и дымящейся. Мужчина с хрипом распластался на рокритовом полу, хватая воздух ртом как рыба на суше, а рука, сжимавшая оружие, задергалась судорожно сжав курок и поливая округу градом быстро закончившихся пуль. Эл больше не мог держать концентрацию и его тело обрело видимые очертания вместо прозрачного «стекла». Он тяжело дышал от напряжения и уже не мог унять дрожь в руках и ногах. Он только что убил человека своими руками и наблюдал как в нем угасает жизнь, а тот так и не увидел своего убийцу...нет...это наглая ложь! Он уже убивал...жестоко и хладнокровно... человека, который ему доверял. Удержаться от этих мыслей и воспоминаний, приходящих без его желания, оказалось как всегда трудно. Страх затмил разум и велел бежать. Хотя бы куда-нибудь...И он побежал...

- Какого хера парень!? Ложись, мать твою!

Свист пуль и резкая боль в правом боку. Настолько сильная, что Эл упал на четвереньки, но всё равно продолжал ползти в неизвестном направлении. Еще два свиста прямо над головой. Ползти становилось все тяжелее, а глаза стал застилать белый туман. Словно забираясь на вершину высокой горы, он завалился в дверной проем и попытался отгородиться от того хаоса снаружи, оставив размазанный красный след от ладони на активационной руне подвижной двери. Правая штанина блестела темно-красной, почти черной кровью и прилипла к ноге. Все просто, если он сейчас не соберется и не сделает хоть что-нибудь, он умрет очень скоро и кошмары из его снов станут реальностью. Эл только сейчас обнаружил, что до сих пор сжимает «Дружка» в руке с такой силой, что побелели пальцы. Убрав пистолет и тяжело дыша, он постарался успокоить мысли. Сейчас это удалось поразительно легко, видимо сил думать о посторонних вещах просто не оставалось. Концентрация, освобождение сознания. Перед глазами его собственная разорванная плоть, такая слабая и беспомощная... что ж, тем проще. Он пропустил через себя ниточки энергии, рождающейся в самой настоящей неведомой пустоте, находящейся вне пределов восприятия и понимания "нормального" человека. Почувствовал её холод и...чью то непознаваемую волю, непознаваемую форму бытия. Направил их, соединил внутри себя в отчаянной попытке выжить. Рана хотя бы перестала болеть и пульсировать кровью. Можно было бы попробовать еще раз, но лучше подождать несколько часов, иначе варп-резонанс разорвет его, как в тот раз...который очень хотелось забыть. По крайней мере, у него теперь есть немного времени. Вокс опять зашипел в ухе.

- ш-ш-ш...нас...жали...в...это рядом с кухней...гите!

Это был голос Киллик. Ирония достойная внимания Симеона Ленза. "Ну и кто из нас двоих больше нуждается в помощи?" Звук стрельбы утих и Эл решил не узнавать кто победил. Укрытие Зота, когда Эл в последний раз его видел, было почти разрушено, а Жардон вообще крался по открытому пространству. Двое против где-то пятерых...нет, лучше уходить. Вдобавок в воздухе стали ощущаться странные, неестественные вибрации, исходящие из той самой пустоты и усиливающиеся со временем, словно из ниоткуда мир наполнился первобытной зло-

бой и жадной разрушения. Темный коридор впереди освещался только дисплеем аварийной помощи, на котором высвечивался план эвакуации.

– Уважаемые зрители и персонал Квонтихорума, просим вас не поддаваться панике, следуйте указаниям ответственных лиц и сохраняйте спокойствие. В связи с чрезвычайной ситуацией просим вас организованно покинуть помещение.

На схеме в уголке виднелась комната со столовыми приборами. Это недалеко, пройти пару поворотов, потом направо и вниз. Идя по коридору, украшенному множеством картин со сценами из жизни великих исторических личностей, Эл отчетливо слышал всю "организованность" и "спокойствие" публики, чей топот и крики наполняли все помещения амфитеатра. Вот и сейчас небольшая толпа людей с безумными глазами появилась из-за поворота и чуть не снесла его. Их богатые одежды и дорогие ароматы духов совсем не сочетались с диким страхом и желанием спастись, превративших их в загнанных зверей. Они даже порвали «Явление на Марс». Кошунство, но их можно было понять.

Эл брел дальше, осторожно опираясь на стену и стараясь не тревожить рану. За поворотом он чуть не споткнулся о что-то мягкое, это оказалась девочка лет шести-семи в розовом платье. Она немигаючи смотрела в потолок, лежа в луже начинающей сворачиваться крови. На груди рдело большое красное пятно, а совсем рядом лежал мужчина в торжественном мундире и с разбитой головой. Его карманы обшаривал кто-то похожий на тех людей с посадочной площади. Он был так занят своим делом, что не замечал ничего вокруг. "Почему? Почему это всегда происходит? Прошло столько лет, это совсем другая планета и место вдали от трупоб, но люди ведут себя так же, как и в той подворотне у подножья улья, где он жил когда-то! Что сделали эти люди? Этот ребенок!?" Руки Эла затряслись от злости, вытеснившей все мысли и переживания, поднимавшейся из глубин и заполняя все тело обжигающим жаром. Хоть он и понимал, что это всё некое наваждение, сейчас сопротивляться ему не мог. Имматериум бурлил и его собственные чувства бурлили в такт. Рука с пистолетом сама дернулась вперед. Короткий взвизг и голова грабителя лопнула, разметав опалённые, испаряющиеся мозги по, бывшему когда-то шикарным, ковру. Из соседней комнаты послышался голос Киллик и шум борьбы.

– Только попробуй, тварь!...

Эл ворвался в некое подсобное помещение со сложенным по углам инвентарём. В дальнем углу двое мужчин постепенно перебарывали брыкающуюся Киллик. Один заламывал руки, а другой пытался сорвать с нее рабочий комбинезон. "Всегда...одно ... и тоже! Это не кончится никогда!" Рука снова дернулась вперед, а палец спастически зажал кнопку. Раз за разом красные лучи выжигали на спине, руках и ногах, ближе стоящего мужчины черные оплавленные круги пока заряд батареи не кончился. Мужчина сполз на пол, дымясь из множества участков обугленной плоти. Крик боли сдавило предсмертными судорогами. Эл в ярости бросил в него, ставший бесполезным, пистолет.

Второй уже вырубил девушку её же гаечным ключом и несся на Эла, занося полуметровый армейский тесак над головой. Эл вперился в него полным ненависти взглядом и того мгновенно скрутило в конвульсиях. Наполняя сознание болью, какую только мог вообразить он заставил все его мышцы сжаться с всей доступной им силой. Раздался хруст ломаемых костей и мужчину скрутило в неестественной позе под спастический хрип.

Удар в лицо ботинком был неожиданным. Третьего Эл не заметил или тот пришел на звук стрельбы. От удара Эла развернуло и впечатало в пол. От потери сознания удерживала только пульсирующая боль разбитого лица и вновь открывшейся рваной раны. Необычная, неведомая ранее, ярость готова была вскипятить его изнутри. Боец перехватил стаббер за приклад, по какой то причине желая добить, а не застрелить. Рыча словно гроксы оба сцепились на полу в порыве, который был одновременно чужд и естественен. От запаха крови хотелось кричать, и они кричали, надавливая все сильнее друг другу на горло.

От удара Киллик по затылку мужчина на мгновение ослабил хватку и Эл смог вогнать тому нож под ключицу. Тот попытался отползти, но Эл не мог остановиться. Шепот в голове, появившийся минуту назад настаивал продолжать... убить их всех! Подчиняться ему оказалось приятно, этот шепот давал сил. К тому же эти твари заслужили смерти. Самой жестокой и неотвратимой! Разум наводнился образами расправы и торжества грубой силы, а руки продолжали колотить ножом по груди противника, постепенно превращая его в месиво и покрывая Эла целиком кровью. В голове пульсировала отчётливая мысль что её должно быть ещё больше. Киллик удалось остановить это только потому что Эл быстро терял сознание от кровопотери.

Лишь когда опускалось небытие он ужаснулся самому себе и от осознания сколь нечестив он и слаба его воля...

* * *

068.847.M41. Штаб-квартира в общем жилом блоке А23.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь?

В конторе, обозначенной как место сбора в случае непредвиденных обстоятельств не было никого, а вокс молчал как мертвый. Никаких вестей. Пока они вдвоём сюда добирались на заготовленном заранее лифтере оба сидели молча, смотря в одну точку и пытаясь хоть как-то прийти в себя от произошедшего. Сейчас Эл, держался под действием стимуляторов и боевых наркотиков Нэка в надежде что это его не добьёт.

Киллик невысокая с непослушными волосами шоколадного цвета и ещё не заменёнными на аугметику частями тела ещё не умела общаться с духами машин напрямую, поэтому машину потряхивало в воздухе и все раны отдавались уколом при каждом повороте. Её сильные натруженные руки, с почти не сходящими с них следами освященного машинного масла, поблёскивали в свете уличных ночных огней, пробивающихся сквозь прорехи в оконных задвижках.

– Ну где же все? Ох, боже Император! Что с твоими глазами?

– А... что?

– Они красные... полностью.

Эл, шатаясь, посмотрел в зеркало. Все сосуды полопались, залил глаза кровью.

– Меня отделали сильнее чем когда либо...

Эл безвольно поник на диван. Дырявый и пыльный, но по ощущениям мягкий и прекрасный как царская перина. Киллик чувствовала себя не лучше и присела рядом.

– Ты тоже не знаешь, что произошло?

– Если честно, то я большую часть жизни не знаю, что происходит... сколько себя помню, рано или поздно начинают происходить события, к которым я не имею никакого отношения и никак не могу на них повлиять... а потом, я оказываюсь в новом месте и все повторяется.

– Так, наверное, у всех... не строй из себя жертву. Буквально пару дней назад ты был чрезвычайно довольным сукиным сыном.

– Это всё из за алкоголя, я даже не помню что тогда было.

– Нэк предложил покурить его новую смесь, которая кстати оказалась совсем недурна, но Лензу этого оказалось мало и он предложил тебе наверстать упущенное, залил в тебя личную порцию Мерovejских настоек, после чего повёл к незатейливым барышням на шестах, но ты оказался уже не в состоянии воспользоваться их заманчивыми предложениями.

– А что же остальные?

– Как всегда дурачились, а Жар в очередной раз получил по лицу от Марии за распущение своих слишком... ловких рученок. Мы все здесь в одной лодке, хочешь ты этого или нет и все так или иначе обязаны своей относительной свободой Марии и её связям в Администрации.

– А как ты здесь оказалась?

– Также, как и большинство, не от хорошей жизни. Меня поймали на торговле реликвиями и храма и предложили вместо каторги отработать таким способом. Оказалось, что специалистов по инфосети не так уж и много за пределами храмов Омниссии.

– А где твоя... семья?

– Семья? Гм... одно название. Сестру мать забрала к себе в притон в верхнем городе, а меня выгнала за то, что я убила отца...

– Своего родного... Зачем?

– Затем! Он постоянно насиловал и меня, и сестру, но всем было плевать! Может на твоей родной планете это нормально, но мне совершенно не по нраву!

– Я... не знал...

– Извини...

– Что?

– Я простая технодептка и всегда хотела смиренно служить Омниссии, познавая его древние дары, начиная от простых энергоячеек, заканчивая священными кузницами тёмной эпохи... может быть даже присоединилась бы к исследовательскому флоту в поисках утерянных святых, а тут меня чуть не вернули в те времена, от которых я бежала...если бы не ты... спасибо.

– Нечасто удавалось слышать нечто подобное.

– Ну тем ценнее эти слова для тебя... наверное... О колдунах много чего рассказывают, но никто не знает что из этого правда.

– Просто я не уверен, что то, что произошло, это именно то, что ты видела.

– Мне плевать, главное я не досталась этим хмырям. Всегда хотела спросить: неужели это все, что вам от нас нужно?

Пока Киллик ходила за аптечкой и доставала препараты Эл растерянно пытался понять что она имела ввиду.

– Боюсь, я не понимаю, о чем ты говоришь и как я могу отвечать за всех? И кто это «мы»? И ка...аааай!

– Тебе бочину прострелили и размазали лицо сапогом, а ты пищишь от укола маленьким инъектором?

– Наркотики перестают действовать и наступает расплата. Всё болит... Вообще всё...

– Ну по крайней мере ты не откинешься прямо сейчас.

– Обнадёживает...

Чтобы не сидеть сложа руки, пока она размазывала регенеративный гель по его лицу, Эл тоже решил соорудить импровизированную повязку ей на разодранное плечо. Любая психосила его сейчас добьёт. Придётся делать это как нормальные люди.

– Ты так и не ответил на мой вопрос.

– Прости, но я всё равно не понимаю...

– Да всё ты понимаешь! Думаешь, я не вижу куда ты уставился?

– Это всё от недостатка молитв и праведности.

Пока она не обратила на это внимание Эл совсем не отдавал себе отчет. Истощение и воздействие препаратов ослабляло контроль. Нужно было бы прочитать литанию чистоты, но... Разорванный рабочий комбинезон Киллик настойчиво привлекал внимание. Эти новые ощущения...Такого раньше не происходило и он не понимал, что делать.

Спасение пришло откуда не ждали. Действие стимуляторов подошло к концу и голова безвольно повисла вниз. Эл сполз с дивана на пол подобно мешку с требухой, чем и являлся по своим ощущениям.

Лениво разомкнувшиеся веки открыли ещё размытому после сна взору хрон на его ручном коммуникаторе, который показывал уже десять стандартных часов нового суточного цикла, который на Аллериуме длился чуть больше 27 стандартных часов. Давно отработавшие своё системы вентиляции гудели изо всех своих скромных сил, но в конторе всё равно было душно, а скромные лучи дневного света, доходящие до таких низин как их 86 этаж пробивались через задвижку и ещё сильнее прогревали воздух. Килик видимо положила его обратно, а сама уснула за письменным столом.

Стоило попытаться встать, как резкий укол в правом боку вернул ему память о недавних событиях. Осмотревшись внимательнее, он обнаружил в кресле у дальней стены задремавшего и похрапывающего Ленза. В руке у него был зажат стабберный пистолет, а всегда выглядевшая безупречной одежда оказалась безнадежно изорвана и перепачкана. Голова запрокинута назад с раскрытым ртом. Видимо он уснул сразу же как сел. Эл осторожно приблизился, с трудом преодолевая даже подавленное нуль поле и потерял его за плечо. Прикасаться к нему было ещё болезненней, чем находиться рядом, но беспокойство пересилило подсознательный ужас и желание отстраниться хотя бы на 3-4 шага. Симеон очнулся и потерял глаза пистолетом. В его мутном потерянном взгляде как обычно не удалось найти даже намёка на любопытство или хоть что-нибудь ещё кроме постоянной пустоты и холода.

– О! Как чудно, что ты здесь. Тебя, наверное, разрывает любопытство, что да как... Но сначала мне нужно выпить сраный рекаф.

Они проследовали на импровизированную кухню с маленьким термо-модулем и столовыми принадлежностями. Молчаливое приготовление напитка несколько настораживало ибо Лензу похоже впервые нечего было сказать.

– Ну что, друг мой, я бы хотел тебя порадовать, но не могу. Честно сказать такого оглушительного провала не ожидал никто... В следующий раз замолви и за меня словечко Императору, потому что ты, как оказалось, самый везучий хер из всего того сброда, что мне удалось набрать.

Ленз сделал пару глотков.

– Знаешь, мне раньше казалось, что быть в гуще событий гораздо интереснее... да, это было ровно до того момента, когда я узнал о каких событиях может иногда идти речь... И ты узнаешь со временем, и тебе тоже будет не весело... В общем нам несказанно «повезло» вчера: в одном и том же театре, в одно и то же время решили проверить свои дела наркоторговцы, безобидные ребята, по большому счету, ну ты их видел, и, собственно, культисты, которых мы проворонили. В результате они тихо, спокойно сотворили демонхоста, который отужинал Марией и Нилклимом, после чего... а хрен его знает что было потом, ибо я драпал со всех ног.

– Как же ты ушел?

– А я не вкусный... костей много... Потом выяснилось, что нас кто-то сдал, Жардон представил запись переговоров, в которых Айнур связывалась с культистами и снес ей голову, после чего выяснилось, что он нас и сдал, но было уже поздно и он улетел, не обещав вернуться. Всё это время он сливал материалы по главному направлению нашей работы, подкидывал нам ложные наводки и оставался вне подозрений. Чрезвычайно хитрожопый товарищ... Итого: у нас три трупа, один предатель, четверо без вести пропавших, множество жертв среди невинных толстопузых дворян и, разгуливающий по семидесяти миллиардному улью демон из самой тёмной задницы имматериума, только в теле ничем не примечательного клерка.

– Трое без вести пропавших... Киллик здесь.

– Блеск. Это коренным образом меняет картину. – Только сейчас его сарказм стал различим в голосе.

Ленз встал и подошел к окну.

– Прежде чем нас казнят, было бы справедливо, если б ты знал на кого на самом деле работаешь... Мы ако...

Его речь прервалась пронзительной сиреной от которой завибрировали окна. Тревожный вой разносился по улицам в течении пары минут, а затем из динамиков начала скандироваться жёсткая, повелительная речь.

– Внимание! Введено военное положение! Высшая степень опасности! Всем гражданам требуется немедленно явиться на пункты сбора СПО для получения снаряжения и распределения! Лица, не явившиеся по истечению суток, будут расстреляны на месте! Повторяю...

Эл слушал речь, теряясь в догадках по поводу того, что произошло, а Ленз, казалось, даже сгорбился от напряжения, но так и продолжал смотреть в окно.

– Хорошие новости, мой друг. Судьба избавила нас от мучительного ожидания правосудия и предоставила шанс умереть за Императора прямо сейчас.

* * *

Сражайтесь за Императора и вы, возможно, умрете. Не сражайтесь за Императора и вы точно умрете. Нам нравится делать ваш выбор проще.

хулиганская надпись на стене собора Эклезиархии

075.847.M41. Руины коммуникационной секции среднего уровня улья.

Каска была великовата и постоянно сползала на лоб из-за тряски, создаваемой «Химерой» – гусеничной боевой транспортной бронированной машины, с мультилазером в башне и бойницами по обоим бортам. Гул её двигателя почти оглушал не привыкших к нему людей, ехавших в десантном отделении. Восемь напуганных до смерти людей. Пара стариков, видимо еще недостаточно дряхлых, раз их отправили в бой, три женщины и четверо молодых мужчин. Все они даже не знали чего бояться, их скорее пугала неизвестность и для того, чтобы это понять, не нужно было даже читать мысли. Эл чувствовал тоже самое. Он тоже, как и они не был солдатом, он тоже понятия не имел о том, что такое война и он тоже хотел сначала сбежать, но расстрельные команды, одетые в чёрную блестящую броню, пугали его гораздо больше, чем неизвестный враг, кем бы он ни был.

Всё, что знали эти люди это то, что неказистое оружие в их руках называется "лазган", что его нужно держать стволом к врагу, стрелять по приказу и ни в коем случае не отступать. Это было самое главное. Ты можешь не уметь сражаться, но быть трусом – значит предать Императора. А еще в машине ехал капрал, человек лично ведущий их в бой и по сути единственный хоть как-то обученный солдат. На рукаве его формы белым по серому были написаны литеры «BNO 139». И он тоже боялся не меньше остальных, но хотя бы пытался это скрывать... ради нас. Правда скрыть чувство безысходности, глядя на то войско, что ему доверили, не получалось. Этот человек не имел никаких иллюзий по поводу выживаемости ополчения против армии вторжения. Либо они погибнут сразу как увидят врага, либо чуть позже при попытке бежать, только уже от огня расстрельной команды. Эла несколько нервничало, что капрал старается не задерживать на нём взгляд и нервно потирал кобуру, хотя внешне он ничем не отличался от остальных, за исключением выгравированного над налобной аквиллой черепа на шлеме и нашивки «Савант Милитант». Может этого и было достаточно... мало кто любит псайкеров... по вполне понятным причинам, тем более среди тех, кто в курсе на что они способны помимо выведывания твоих потаенных секретов. Десантные створки Химеры распахнулись еще раньше, чем остановился лязг гусениц.

– Вперед! Выходим! Живо!

Все высыпали наружу и бронежилет, вместе с ремнем от лазгана за спиной, снова неприятно врезался в плечи. Осколки выбитых стекол захрустели под ногами, отражая заволоченное густым дымом небо, кипящее от тысяч взрывов, от тысяч рождающихся и гаснущих звезд. В тучах исчезали бесчисленные потоки снарядов и кружили целые рои истребителей, ведущих ожесточенный бой между собой. Казалось, что с момента когда прозвучали первые выстрелы прошла уже целая вечность. Эти дни оказались самыми долгими в жизни Эла, когда он с ужасом наблюдал как в небесах взрываются корабли губернаторского флота и орбитальные защитные станции, сопротивлявшиеся ожесточенно, но недолго, после чего их обломки расчертили небо огненным дождём, предвещая спуск вражеских десантных посудин, больше напоминавших горы металллома, сваренного между собой в конструкции, непременно оскорбившие бы своим видом любого техножреца. Воздух был наполнен запахом гари, а за треском непрерывно работающих многоствольных пушек не был слышен даже рёв двигателя уезжающей на всех порах Химеры, казавшийся мгновения назад оглушительным.

– Оружие на изготовку! Зарядить батареи! Пристегнуть штывки!

Сотни людей закопошились, неумело пытаясь воткнуть батареи в свои лазганы и снять ножи с пояса. Все они залегли на краю огромного металлического котлована, прорытого обломком космического корабля, разрезавшего городской квартал надвое и дымящегося где-то вдаль. Из пустых разбитых окон полуразрушенных домов выглядывали сотни дул винтовок. А ведь еще совсем недавно, всё выглядело совсем иначе, город жил обычной жизнью, не ожидая орбитальной бомбардировки, а Ленз отпускал свои непристойные шуточки в баре на 127м этаже... кстати, где он сейчас? Его увели почти сразу как проверили документы на сборном пункте, Киллик забрали техножрецы, а его...

Раздался короткий хлопок мгновенно вскипевших телесных жидкостей от попадания лазерного луча в тело одного из бедолаг. Кто то решил по тихому отползти в сторону, пока все были заняты приготовлениями и умер мгновенно. За линией беспорядочно распластавшихся ополченцев с важным видом выхаживал мужчина в необычной форме: удлинённый чёрный мундир, перевязанный на поясе яркой красной тканью, значительных размеров погоны с бахромой и большая фуражка с высоко задранном козырьком. Он недовольно стряхнул с лазпистолета хлопья медленно падающего пепла. Люди вокруг зашептались, стараясь делать вид что ничего не произошло.

– Комиссар!

– Это комиссар!

Что значит данный титул Эл даже не догадывался, но это и не требовалось в текущей ситуации. Тренированный голос комиссара звенел в котловане подобно мощному рупору, перебивающему грохот отдалённых взрывов.

– Отважные граждане Империиума! Сегодня, в момент испытания, мы должны показать врагу нашу решимость, нашу веру и силу нашего оружия! Пусть они увидят (он ткнул дулом своего лазпистолета вдаль, в сторону пролома между зданиями) что верные подданные Императора не знают страха, не дрогнут ни перед чем, дабы защитить его священные владения. Пусть они увидят, что МЫ их самый страшный кошмар! За Императора!

– За Императора! – откликнулось ему из оборонительной линии, но не так рьяно и не отовсюду.

Как бы Эла не терзали сомнения и ввевшиеся до мозга костей наставления, он решил не надеяться на защиту Его и уж тем более слов в Его честь. Слишком много раз приходилось видеть безразличие с Его стороны по отношению к обычным смертным. Империиум невообразимо огромен и у Императора безусловно очень много дел, так что Эл молча защёлкнул крепления энерго-ячейки и устался в пролом, за которым бушевал пожар от земли до небес.

Практически сразу в проем влетело несколько колесных машин, выглядящих как неведомым образом работающий конгломерат ржавых труб, наспех окрашенных дрожащей рукой в красный цвет и облепленных криво прикрученными листами мятого железа. Тех, кто сидел внутри с такого расстояния было не разглядеть, но они явно были сумасшедшими, что-то кричали и размахивали грубо сделанными топорами и огромными пистолетами. Первые две машины были в мгновение ока разрезаны визжащим лучом мультилазера, стоящей в отдалении Химеры, на отдельные расплавленные кусочки, ещё три лопнули от попадания ракет, выпущенных откуда-то из зданий, а точные короткие всполохи красных лучей добились оставшихся. Похоже, там в домах сидели настоящие солдаты и это внушало небольшую надежду дожить до следующего утра.

Остальные, видимо, тоже оказались воодушевлены таким началом и бодро выкрикивали радостные возгласы, резко прерванные упавшими с неба некими объектами, оставившими за собой густой чёрный дымный след. Эл сначала подумал, что это обломки, но оказалось это дико ревущие и хохочущие создания, чем-то напоминающие человека, только сторбленные, массивные, бугрящиеся мышцами. Их кожа блестела зелёным, а лица имели дикий животный оскал с

опьянённым от ярости взглядом. К их могучим спинам были цепями примотаны дребезжащие и коптящие реактивные двигатели, сделанные на тот же манер, что и колёсные машины, а в руках сжимались заточенные куски металла самой разной формы и размеров, а также кривые, неказистые пистолеты пугающе большого калибра.

Эти создания налетели как вихрь, беспорядочно стреляя куда попало и также размахивая своими тесаками. К такому никто не оказался готов и люди открыли беспорядочную стрельбу, попадая и в своих, и в чужих. Раздались пронзительные крики...от боли и паники. Несколько попаданий лазерных лучей, каждый из которых убил бы человека, только заставили замедлиться этих тварей, они казались неуязвимыми и это отнимало у ополченцев силы и намерение сражаться даже за свою жизнь. Эл видел как в десяти шагах от него приземлился один такой бугай, раздавив под своим весом пару человек, еще нескольких он разрубил своим топором, едва те успели наставить на него ружья и в диком порыве кровожадного восторга запрыгал над изрубленными телами. Эл выстрелил очередью коротких всполохов когерентного света существу в спину без явного эффекта. Пучки лазерных лучей прожгли кожу и обуглили мышцы в нескольких местах, но всё это лишь привлекло внимание существа, скорее воодушевившегося при виде нового противника, нежели разозлившегося. Оно обернулось и начало стрелять в его сторону из своего грубого оружия, совершенно не целясь. Тем не менее две пули взрыли землю прямо у головы Эла, и он в панике метнул невидимый мысленный импульс. Пистолет заклинило, но существо продолжало жать на курок в приступе боевого куража, после чего тот с глухим хлопком взорвался, оставив бугая без кисти. Пока тот удивленно смотрел на свою, пульсирующую тёмной кровью, культю, Эл вдавил со всей силы активационную руну лазгана и из фокусирующей трубки полился веер красных лучей, прожигающих монстра от колен до лба, после чего тот, наконец, упал.

На небольшом отдалении от себя Эл заметил, как тот самый комиссар сошелся в рукопашной схватке сразу с двумя такими чудовищами. Человек в чёрном кителе резкими движениями обходил их, отбивая все размашистые удары своим гудящим мечом. Быстрый выпад и пузо существа оказалось разорвано в клочья зубьями, бегущими по кромке этого странного оружия. Едва оно касалось плоти врага, как само вгрызалось с диким воем в эту плоть. Еще один разворот, выпад, и второй монстр лишился ноги, а затем и головы. Один из монстров, слишком увлекшись превращением подвернувшегося ополченца в фарш, получил несколько очередей в реактивный двигатель за спиной и взорвался вместе с ним как фейерверк на праздничном шествии. Меткие выстрелы со зданий постепенно добились остальных, но картина поля боя не приводила никого в победный восторг. Котлован был залит алой кровью и завален кусками разорванных человеческих тел, вперемешку с дымящимися зелеными трупами монстров. От ополчения осталась едва ли половина. И вид этой бойни заставлял людей дрожать и цепенеть одновременно. Некоторые попытались бежать, бросая оружие и сразу же были скошены грабительским огнём. Людям хватало одного попадания мимо бронезилета, чтобы скорчиться от боли в грязи. Их вопли агонии не могли состязаться с тысячей нечеловеческих глоток заоравших хором со стороны пролома, где, как оказалось, тоже шёл ожесточенный бой.

– WAAAAAAAAAAGH!

Этот рев заставлял кровь леденеть ещё больше, потому что на котлован неслась целая зеленая волна этих существ. Эл видел, как оставшиеся люди решили, гонимые уже животными инстинктами пустились наутёк от этого неумолимого врага. Капрал с надеждой посмотрел на окружающих. Он ничего не говорил, но все понимали «Если мы побежим одновременно, то расстрельная команда может не успеть перестрелять всех».

-Держать строй! Держа-а-ать стро-о-ой!

Комиссар оседлал башню Химеры и верхом на ней выехал к переднему краю котлована, наматывая на гусеницы павших боевых товарищей и отстреливая из пистолета ближайших отступающих. Мультилазер вновь протяжно завизжал и буквально испепелил первые ряды

наступающих с ревом монстров. Даже сквозь сковывающий страх приходило осознание, что если и существует вероятность выбраться отсюда живым, то она скорее всего существует где-то за линией этого фронта. Сразу вспомнилась фраза с пропагандистского плаката, гласящая "Победа или смерть". В возникшей череде взрывов, вскидывающих почву и раскрошенный рокрит в воздух было видно как и расстрельные отряды бросились бежать вперемешку с людьми, которых ещё секунду назад выщеливали через мушку лазгана, а комиссар всё не унимался и продолжал палить из пистолета в тщетных попытках восстановить безнадежно потерянный боевой дух и дисциплину среди простых жителей улья, переодетых в военную форму и впервые в жизни столкнувшихся с опасностью гораздо большей, нежели задержка заработной платы или неудачи в личной жизни. Несколько мужчин и женщин залезли на броню Химеры и принялись стаскивать комиссара, одновременно тыкая в него грязными штыками и обломками рокритовых стен.

– Предатели! Жалкие предатели! Будьте вы про...

Комиссар не успел договорить, ибо его зубы вдавились внутрь от камня, заталкиваемого в разбитый рот. Все-таки если выбирать гарантированную смерть или почти гарантированную, второй вариант лучше. Из смотровой щели боевой машины стали доноситься отчаянные молитвы экипажа, просящего Императора защитить их от ксеносов и всех других врагов человечества, но что-то подсказывало всем здесь присутствующим, что не в этот раз. Пожалуй только капрал ещё на что-то надеялся и начал надиктовывать шифрованные команды в скрипящий вокс передатчик на бездыханном теле какого-то бедолаги и Эл, вместе с добивавшими комиссара людьми, задержался, дабы не оставлять его одного и силком стал толкать в сторону противоположную зелёной волне, приблизившейся уже достаточно близко, чтобы их ещё более чем у ополченцев беспорядочная стрельба начала становится пугающе плотной, высекающая на броне машины пучки искр. На её фоне Эл почувствовал свою группу из не более чем десятка человек колоском травы на пути у стада разъярённых диких гроксов. Наконец капрал оторвался от вокса и пустился наутёк вместе с ними, поднимая пыли не меньше, чем гусеницы машин. Орудийные башни и автоматические турели наспех сооружённого оборонительного периметра стали видны из за ряда посечённых осколками гигантских статуй, держащих на своих плечах уже обрушенную автомагистраль. Началась канонада взрывов за спинами беглецов. Целые ворохи снарядов свистели в небе и обрушивались на то место, где они совсем недавно "держали" оборону. Земля задрожала словно живая и норовила выйти из под ног.

– Судя по переговорам, все подразделения понесли критические потери и отступают к промышленной зоне. Единственный шанс для нас это удержать мост святого Грегора вон там впереди, пока по нему проведут гражданских, после чего мы сможем отступить вместе с остальными и не попасть под трибунал. Взгляд капрала безмолвно пресёк любые попытки возражения и вся группа посеменяла между островами покосившихся небоскрёбов прямо за ним. Величественный мост, о котором говорил капрал, оказался в сотню метров шириной и простирался над бездонной пропастью, разделяющей две части горного хребта, являющегося, как оказалось, основанием улья. Вереница наземного транспорта и пеших колонн перепуганных людей показалась нескончаемой и Эл утратил надежду дожить до момента, когда им будет разрешено бежать вместе с ними.

– Всё, залегайте здесь! Это наш последний шанс.

Позиции из горящих обломков не внушали особой уверенности, но это лучше чем ничего. Сотни таких же загнанных в угол "солдат" смотрели на прибывших полными безразличия глазами из под оцетинившихся дулами лазганов остатков зданий, хоть и едва не пристрелили их мгновение назад, приняв за горстку зеленокожих.

– Кто здесь старший?

– Я!

С обломка рокритовой лестницы спрыгнул мужчина в офицерской форме и механическими руками, вместо настоящих, а его лысый череп был испещрен швами и металлическими заплатками.

– Савант-лейтенант Амон Гикус, 6бй полк сил планетарной обороны, точнее то, что от него осталось.

– Капрал Варий Юститус, 139й батальон нерегулярного ополчения, точнее уже отделение... мы отступили из жилого блока С28 вызвав огонь артиллерии на себя.

– Да, я слышал... чтож, надеюсь нам удастся забрать побольше этих тварей с собой в варп, капрал. Занимайте оборону у западной баррикады, отступить пока что больше некуда.

– Идуууууууут!!!

Град снарядов из автотурелей обрушился на перекрёсток вдали раньше чем Эл успел понять кто и откуда нападает, а прилетевшая оттуда по кривой непредсказуемой траектории ракета разнесла в щепки позицию неподалёку. Ударной волной Эла отбросило к стене и он почти потерял сознание, непонимающе хлопая глазами в беззвучном от оглушения мире. Зажимая левый глаз, перед ним возник капрал и после недолгого осмотра потащил свободной рукой за шиворот по изрытому снарядами рокриту к указанной ранее баррикаде. Когда звуки пальбы вновь начали возвращаться Эл уже пытался снять с плеча дрожащими руками свой запылённый лазган и просунуть в свободную щель между кусками покорёженного металла, бывшего когда то, вероятно, частью корпуса броневедомобиля сил правопорядка. Зеленокожие мельтешили перед прицелом и постоянно стреляли, прячась за любыми подвернувшимися укрытиями, что сильно удивило, ведь он посчитал их поначалу бездумной массой, готовой снести всё на своём пути, но раздумывать над этим не было времени и Эл стал методично пытаться попасть хоть в когонибудь. Плотные потоки лазерных лучей опаляли куски рокрита и мусора, пока враг короткими перебежками подбирался всё ближе и беспорядочно палил в ответ. Один из зелёных нёс на плечах искрящийся неизолированной проводкой трансформатор и угрожающе раскаляющуюся трубу в руках. Лазерные лучи, казалось, отскакивали от невидимой стены перед этим бугаём, который на голову был выше остальных. Эл решил не выяснять что оно может и собирался уже спрятаться в воронку поглубже. По счастливой случайности на шоссе упал подбитый истребитель, немного отогнав врагов взрывом прометиевых баков, заливших улицу пылающим топливом. Эл не знал способен ли он также как этот пилот выполнить свой долг до конца...

– Держать линию, сукины дети! Держать я вам говорю! Так, чтобы Император гордился вами!

Сквозь стену огня на баррикаду с бешеной скоростью нёсся очередной комок металлолома на колёсах, отдалённо напоминающий грузовик с тараном вместо капота, которым он вспахал их позицию как плуг мягкую почву. Глядя на это Ленз непременно бы пошутил, что он прошёл через них как Нэк через пирог с равным количеством оставленных крошек.

– Тащите мельту, вашу мать!

Один из солдат выбежал из за угла с массивным оружием в руках и успел только нацелить его на "грузовик" как торчащие из борта ржавые трубки начали поливать округу потоками пуль, изрешетив молодого парня на тряпки, однако тот успел активировать своё оружие и поток раскалённого газа расплавил половину транспорта. Какими бы стойкими ни были защитники, разница в численности оказалась слишком подавляющей и зеленокожие монстры начали нетерпеливо перелезать через баррикады, не дожидаясь разрыва собственных гранат. Резня на огневых позициях была бы слишком дисциплинированным определением для того действия. Стрельба велась в упор. По неведомой случайности Эл перекатился со своего поста на разваленной стене в воронку неподалёку как раз в тот момент как на позицию закатилась граната с резким хлопком разметав укрытие. Через пролом ввалилась целая ревущая орава с топорами и ему удалось сделать лишь несколько выстрелов прежде чем они подобрались

слишком близко. Лезвие просвистело прямо перед лицом и Эл от резкого рывка в сторону потерял равновесие, свалившись в колею, оставленную горе-грузовиком зеленокожих. Батарея закончилась как нельзя не кстати, а времени менять не было и оставалось надеяться только на перепачканный в грязи штык. Им он и проткнул горло нависшего над ним существа, слишком увлѣкшегося перестрелкой, чтобы смотреть себе под ноги. Почти чёрная густая горячая кровь хлынула Элу прямо в лицо, застилая обзор, однако её запах и вкус пробудили в нём нечто... словно первобытная ярость этих существ начала охватывать и его разум. Он надавил сильнее и безумными амплитудными движениями стал отделять голову зеленокожего от могучего тела. Странный жар и уже знакомая эйфория растеклись по телу, заставляя забыть о былой слабости и ранах. Кривой и тяжѣлый тесак врага помог довершить дело быстрее бесполезного штыка. Зеленокожий в агонии пытался душить Эла и тому это начинало казаться смешным. Бойня пульсировала в такт сердцу и поглощала без остатка, пока он не в ужасе обнаружил себя по уши в потрохах. Прямо над головой прожужжали лазерные лучи, превратив в чёрное месиво морды нескольких приближающихся зеленокожих. Остальные попрытались.

– Сюда иди, фрагов контуженный придурок!

Капрал и ещё пара десятков бойцов залегли за запасной линией обороны в виде груды пустых контейнеров из под боеприпасов к турелям, чьи стволы уже раскалились до красна и стали клинить, беспомощно щѣлкавая автоматикой, перегруженной от постоянно возникающих целей. Едва Эл перескочил через ящик и сменил батарею лазгана, пригибаясь от свистящих над головой пуль, как всю их позицию накрыл полупрозрачный мерцающий купол, кипящий от сотен вязнувших в нём снарядов и осколков гранат. В центре стоял Гикус в полный рост с крайне сосредоточенным и почти страдающим выражением лица. Он нашѣптывал себе под нос священные литании и в самом воздухе ощущалась мощь его сознания. Эл прекрасно понимал чего могло стоить всё это спасительное чудо для лейтенанта, а значит дело приняло самый свой худший оборот и пора подыскать себе приличное место упокоения. Однако всё ещё кипящая неестественная ярость подталкивала его скорее к другому исходу. Мысли оставшихся солдат были едины в своей направленности, касательно осознания безысходности своего положения одновременно с желанием продать свои жизни как можно дороже в этой бессмысленной бойне перед мостом. Простые эмоции, за которые можно было легко ухватиться и Эл сделал то, что казалось единственно возможным для него. Направил свой полный злости психический вой в сознание каждого человека поблизости. Сейчас не то время чтобы беспокоиться о чём бы то ни было, кроме собственного гнева к тем, кто прилетел сюда убивать. Раненные и скорчившиеся от боли солдаты вновь взяли своё оружие и встали в строй. Истекая кровью они оставались в сознании только под давлением чужого отчаяния. Казалось что голова сейчас взорвѣтся, но Эл надавил волей ещё сильнее. Он хотел залить всё вокруг кровью этих тварей и солдаты связанные с его сознанием разделяли это чувство до последней капли.

– Заааалп!

Стена лучей почти ослепляла, а в нос ударила резкая вонь жѣёного мяса.

– Залп!

Подбежавшие вплотную монстры были встречены синхронным рядом штыков и огнём в упор волна за волной. Кому-то из людей отрывало руку осколками или прорубали грудь, но они всё равно продолжали стрелять и колоть, пока кровавая дымка не уступала место навалившейся черноте небытия, сквозь которую отдавались очередные команды. "Залп! Залп!, Заряжай!"...

* * *

101.847.M41. "Хребет основателя". Позиции 401й тяжѣлой артиллерийской батареи СПО.

Орки... проклятые зеленокожие... бесчисленные орды безумных племен с дальних звезд, никогда не знавших света Императора. Они уже были здесь пару столетий назад, а как поговаривают, если они однажды познали битву в одном месте, то обязательно вернуться ради неё снова, ибо это смысл всего их существования. Так говорил некий комиссар Яррик, герой первой и второй войны за Армагеддон, бушевавшей много веков назад, но тем не менее до сих пор не дающей покоя гражданам той планеты. Где находится Армагеддон и кто такой Яррик Эл не знал и знать не хотел, но если он и вправду говорил такое, то его слова оказались болезненной правдой для жителей Аллериума и всего Империиума. Они пришли и беспечность местных властей сыграла с ними злую шутку. Мы отступали под напором многократно превосходящих как в живой силе, так и в чудовищной технике войск противника не имея возможности противостоять той стихийной ярости, что этот враг из себя представлял. Они сыпались с неба бесконечным потоком на облепленных строениями метеоритах, напичканных кровожадными зеленомордыми тварями до краёв и на месте тысячи убитых вставали десятки тысяч... сотни тысяч... миллионы. СПО таяли на глазах. Каждые сутки по всей планете в чудовищной резне гибли миллионы людей, а все три города улья, сдавая квартал за кварталом, превращались в руины. Сигнал бедствия был подан как только системы дальнего обнаружения засекали их флот, но... Варп слишком непредсказуем и бывало так, что Имперский флот с гвардейскими полками на борту приходил через пару дней, а бывало через десять лет... Прошло уже три недели после возвращения в строй, но Эл все никак не мог отойти от тех кошмаров, что мучали его во время комы, в которую он сам себя и загнал, доведя свой организм до истощения тем выплеском силы. Потом ему рассказали хирурги местного лазарета, что он пролежал почти четверо суток. Что он был одной ногой на том свете и с множественными кровоизлияниями внутренними органами. Большую часть горстки, что выжила в этом бою спасти не смогли, лишь единицы оказались достаточно крепкими, чтобы выкарабкаться из комы. В основном причиной смерти было истощение и кровоизлияния по всей центральной нервной системе. Эл не сомневался в своей причастности к этому. Любое грубое телепатическое воздействие на неподготовленный мозг вызывает его немедленное разрушение. Это он их убил, а Гикус непременно знал об этом, но ничего не сказал, несмотря на то, что это были его собственные солдаты. И даже если бы та победа изменила хоть что-то, даже если бы она остановила войну, такую цену он был не готов заплатить, даже понимая насколько она мала по сравнению с ежедневными потерями СПО в этой мясорубке. И тем злее оказалась ирония, что именно на его груди теперь висит значок в виде позолоченного черепа в лавровом венце. Комиссар Жиньяр Кит – командир новоиспечённого 254го сводного полка оказался столь "любезен", что причислил остатки ополчения к основным силам, в том числе и отряд капрала Юституса и лейтенанта Гикуса. На армейском жаргоне их называли «недобитками», так как сводные полки формировались из оставшихся в живых после почти полного уничтожения подразделений. Правда из-за того, что в состав 254 го вошёл и третий пси-батальон, полностью состоящий из псайкеро-примарис, слово «недобитки» звучало в их адрес очень редко. Сам Эл видел их лишь один раз. Строй бойцов с серых удлинённых мундирах и посохами в человеческий рост, украшенными аквиллами сверху. Воздух звенел от одного их присутствия, а враг тысячами обращался в пепел. Их готовили только для одного. Для войны. Их учили с детства сеять смерть и разрушения во имя Императора по одному лишь приказу своего Уоррент-командора. Его же самого к ним не переводили. Командование называло его 15й взвод "бешеным" прекрасно понимая, или преступно игнорируя тот факт, что психические эманации не до конца контролирующего себя Эла действуют на сослуживцев, доводя их до боевого безумия. Они называли это образцовым рвением. Но ладно линейные офицеры, Эл не верил, что никто из штатных псайкеро не докладывал об этом. Тем не менее он надеялся, что эти игры не зайдут слишком далеко и кто нибудь успеет его застрелить, если он сам не сможет. Все эти позывы могут однажды взять верх и...

– Сэр, с вами все в порядке? Вы заполнили формуляр на получение оружия?

Белокурая молодая девушка в серой военной форме казалась слишком хрупкой для всего того, что творилось на этой Императором забытой планете и в частности для комнаты хранения оружия «Inventa militarium». Эл знал ее. Мира Юэн из 78 механизированного, а ныне младший интендант гарнизона. Почти весь ее отряд расстреляли за трусость на поле боя. А она здесь стоит лишь потому, что громче остальных кричала «За Императора». Внешне казалось, что с ней все в порядке. Внешне... Но Эла больше заботило то, почему она ни разу не позвала его по имени, ведь она тоже его знает. У неё было соседнее место в общем душевом помещении, и она всегда просила протеиновую плитку из обеденного пайка, которую Эл не ел, потому что та была совершенно безвкусной. Вчера она даже улыбнулась уголком рта в ответ на неуклюжую попытку Эла пошутить на манер Соломона Пайка из популярного романа "Fluidum iuvenale" периодически повторявшего фразу "Так называемые широкие взгляды – вернейший способ не замечать других людей"

– Сэр?

– Меня зовут Элифас.

Девушка заметалась взглядом и выглядела так, словно ей надо срочно спешить. Она выхватила листок из рук Эла движением больше похожим на судорогу и быстро скрылась из вида. В вытянутом футляре на столе лежал легкий цепной пиломеч модели МК:4 и армейский лазпистолет. Стандартный набор имперского псайкера на войне...наверное. Эл с интересом держал оружие, поразившее его своей смертоносностью. У него возможно есть несколько минут, чтобы хоть немного привыкнуть к нему иначе он просто отрубит сам себе руку или ногу неумелым взмахом. Хотя даже если он весь день будет тренироваться, скорее всего так и будет. Пол задрожал и затих одновременно с низким грохотом, от которого посыпалась пыль с потолка. «Сотрясатели» и «Василиски» дают залп каждую минуту практически без остановки всё то время, что он здесь находился и где-то вдалеке через несколько секунд начинают слышаться хлопки от разрывающихся снарядов размером с целый шкаф. Эл уже практически не замечал их работы. Гикус говорил, что к их позициям приближается большая группа орков во главе с «нобами» это какая-то особенно большая и хитрая разновидность этих тварей. Благодаря горной местности их можно попытаться удержать на достаточном расстоянии от артиллерии и выжить...Можно попытаться... Эл вышел на улицу, покидая мобильный складской модуль, по сути являющийся просто железной коробкой. Прохладный горный воздух нравился ему гораздо больше душных городских улиц, пылающих у подножья гор. С такой высоты шпили улья казались кристаллическими наростами над каньонами и вершинами меньших гор. Глядя на них Эл как будто своими глазами видел тот ужас, что творится там прямо сейчас. Эти образы словно утягивали его туда, вниз к многоуровневым проспектам, изрытым бомбардировками, небоскребам заваливающимся друг на друга, людям, сжигаемым заживо из самодельных орочьих огнеметов.

– Прозрением лучше не увлекаться, боец.

Эл вздрогнул, выскакивая из своих видений и покосился на осунувшегося Гикуса, неизвестно когда вставшего рядом.

– Лейтенант?

– Иначе можно увидеть то, чего совсем не желал.

– Я всю свою жизнь вижу то, чего не хотел бы.

– Как и все мы, боец... На нашу долю выпало страшное испытание и вынести его с честью, всё что нам остается...За мной!

Эл поспешил за широко шагающим офицером в истерзанном осколками бронежилете.

– Слушай свою задачу, в составе засадной группы твой взвод должен будет отрезать от наступающих сил командное звено. Командиры зеленокожих крупнее и предпочитают в первую фазу наступления идти чуть позади, чтобы выбрать наиболее выгодное направление для личного участия. Твоя непосредственная задача: прикрывать вокс-оператора. Разведка

доложила, что наступление начнётся через час, поэтому будет общее построение. И ещё... постарайся в этот раз не...

Ниже по склону затрещали автопушки и болтерные турели. Суэта в передовом лагере резко ускорила как по команде.

– Фраг их раздери! В машину! Живо!

Разбрасывая вокруг крупные комки почвы, к ним на большой скорости подъехала легкая разведывательная гусеничная машина типа «Саламандра» Из люка стрелка-наводчика высунулась Мира в шлеме, который болтался на голове как солдатская кастрюля.

– Лейтенант, подразделение построено и ожидает вас на исходной позиции.

Едва она договорила свою фразу как тут же скрылась под бронёй. Гикус позвал рукой подбегающих солдат и запрыгнул в открытые створки десантного отсека, толкая перед собой Эла. Едва дверцы захлопнулись, как машина с рывком понеслась вперед. Внутри было почти также тесно, как и в Химере, но частично отсутствующая верхняя переборка облегчала положение. Они неслись мимо скалистых уступов вниз по склону на отдалении от шума перестрелки. Земля снова дрогнула, передавая вибрацию даже по машине, а разрывы снарядов стали слышаться уже совсем близко. Вокс скрипел от помех.

– Пе...вж-ж-ж...ый, повто...ак...ите?

– Третий, третий, говорит первый, доложите обстановку!

– Они выведе...ки...ряю..., о...танки! Треб...ние!

– Вот дерьмо!

Гикус ударил кулаком по воксу и тот прекратил треск.

– Первый, первый! Бронетехника зеленокожих на левом фланге!

Саламандра резко затормозила, чтобы не свалиться с обрыва и все спешно покинули её. У перевала за скалой уже укрылось около тридцати солдат с взведённым оружием и до них пришлось добираться практически карабкаясь по скользким камням. Лейтенант молча махнул в сторону взрывов и побежал в общей массе, на ходу проверяя собственный лазган. Эл еле поспедал за ними по каменистым оврагам, пытаясь не терять из виду паренька с коробкой за спиной.

– Стой! Рассредоточиться!

Все разбежались, выстраиваясь в линию. Порывистый горный ветер готов был сорвать обмундирование и уносить не только голос, но и звуки боя. Местным пернатым созданиям казалось было совершенно безразличны происходящие события и они безучастно парили над головами солдат, цепляющихся за скудную растительность на склоне. Наверху, на плато уже слышались дикие рыки зеленокожих, расталкивающих друг друга, чтобы самим быстрее добраться до врага и грохот их огромных неказистых пушек. Эл выглянул и его взору предстала картина, от которой хотелось бежать. Потоки зеленых тел карабкались дальше по склону вперемешку с неуклюжими механизмами и машинами испускающими клубы чёрного дыма. Потоки снарядов сверху крошили их на мелкие кусочки, но ответная пальба, сколь бы не сосредоточенной она ни была, давала в конце концов и свои плоды. Его уму было трудно понять их тактику и методы. С одной стороны волна слепой ярости и беспорядочные атаки, с другой – чрезвычайно эффективные действия, поставившие в тупик всё командование. Большая группа орков укрылась от огня болтерных установок за валуном прямо перед ними и без конца поливала разрывными пулями бункер над проходом к позициям арт батареи с невероятным восторгом. Гикус дождался пока весь взвод изготавится к стрельбе и скомандовал «пли». Веера красных лучей забежали перед глазами в необозримой чехарде слепящих вспышек. В таком светопреставлении Эл не мог примерно сказать попал ли он хоть в кого-нибудь, но вот в них попали точно, потому что пара солдат, выронив оружие, покатила по склону, не пытаясь зацепиться за что-нибудь. Когда же все, кто был у валуна превратились в черно-зелёные дымящиеся комки, отряд встал и короткими перебежками начал продвигаться ближе к основной массе врага. Как бы они ни

прятались их уже заметили, и земля с пугающей частотой стала вздыматься вверх от массивных пуль, больше похожих на снаряды автопушек. Многоколёсная уродливая машина с красной полосой по бокам шатающегося корпуса, больше похожего на измятую металлическую трубу, развернулась и поползла в их сторону. Она, казалось, кишела изнутри пассажирами, потому что отовсюду из неё торчали стволы корявого оружия.

– Подавляющий огонь!

Лейтенант ринулся на перерез машине и Эл физически почувствовал, как забурлил воздух вокруг Гикуса. Тот замер в нескольких метрах от машины и словно преодолевая сильное сопротивление хлопнул в ладоши. Машина раскалилась до красна и вспыхнула, разметав расплавленный корпус и внутренности по округе. Эл сначала было бросился на помощь, видя как на Гикуса бежит целая зелёная толпа, но град взрывов перед носом сильно поубавил пыл. "Почему он не прячется? Его сейчас убьют!" Пули свистели над головой и били по скале, поднимая в воздух каменное крошево. Холодный пот побежал по коже от ощущения близкой гибели и Эл залег за валун в отчаянной молитве, стараясь игнорировать крики раненных солдат, воющих от боли совсем рядом.

– Аве Император! Защити меня! Через пламя битвы я пройду свет веры сохраняя! Среди крови и боли я молю тебя! ...

Потоки раскалённого воздуха кружили вокруг Гикуса словно полупрозрачные дрожащие ленты и по мановению его руки поджигали любую ксеносскую мерзость, которой коснутся. Картина бегущих в панике зеленокожих, отчаянно пытающихся потушить охвативший их огонь, воодушевила бойцов, кинувшихся в атаку. Эл смотрел на людей, яростно опустошающих свои батареи в отчаянной пальбе, на дико ревущих орков, на лейтенанта, потерявшего одну из своих механических рук, но продолжающего сражаться и не понимал... Зачем все это безумие? Зачем ему и всем этим людям умирать во всех этих мучениях? Вот, как например тот парень с воксом, которого он должен был защищать. Прямо сейчас его стискивала огромная красная металлическая клешня, заменяющая половину тела здоровенному орку раза в два больше обычного. И Эл ничего не мог с этим поделать, он был слишком далеко, чтобы пустить в дело меч, а выстрелы из лазпистолета только выбивали искры из грубой шипастой брони. Бессилие вызывало в нем обиду, а обида вызывала отчаянный гнев. Эл нащупал свой кинжал, опасаясь этих чувств и того, чем это могло закончиться. Саламандра пронеслась перед глазами, давя и обстреливая всех на своем пути, но тут же словила всполох желтого луча в правый борт и вспыхнув, завалилась на него. Орочий аналог мельты действовал на технику очень странно. И Эл побежал. Побежал без какого-либо четкого намерения, скорее, чтобы сделать хоть что-то. Меч в руке завибрировал от сорвавшейся с места алмазной цепи. Огромный орк, наконец, перекусил парня с воксом пополам своей клешней и оглянулся как раз в тот момент, как цепной меч с визгом упал на его плечо, выбив целый букет огней. Несмотря на размеры он двигался неожиданно проворно и точно. Убрав ногу из-под второго удара, но не имея достаточно времени чтобы развернуть сжимаемое в обычной руке подобие тяжёлого многоствольного орудия, он взмахнул им и Эл только оторвавшись от земли понял, что это была не самая его лучшая затея. От могучего удара выбило весь воздух из легких, а когда земля соприкоснулась с ним, то и все мысли из головы. Если бы не жёсткий каркас бронезилета, он бы врятели уцелел. Земля вздрогнула, но как-то странно, слишком плавно, будто вздыхая. Это точно была не артиллерия, но Эл на всякий случай залез под остов горячей саламандры. Мир вокруг ходил ходуном, но знакомые ощущения чего-то неправильного не покидали его. Раньше это было не так заметно, но теперь нечто большое и злое, что было вдалеке, стало ощущаться совсем близко. Перестрелка и грохот взрывов стали тише, а за броневым листом послышался кашель и стук. Эл открыл зажатый землей люк и оттуда показалась подкопченная голова в спутанных золотистых волосах. Вытащить миниатюрную девушку было не трудно. Мира оказалась без сознания и с обожжённой правой рукой. На животе расплывалось влажное красное пятно. Эл

постарался оттащить ее в воронку поблизости. То, что там уже кто-то был, он заметил только когда потянулся за фокусом. Наполовину заваленный землёй молодой человек не подавал признаков жизни и Эл вернулся к насущной проблеме. С трудом собрав мысли он попытался заглянуть внутрь Миры своим разумом. Она умирала от кровопотери и отравления дымом. Сконцентрированное усилие воли лишь частично остановило пульсирующие потоки алой крови. Он выругался. Так грязно, как можно услышать только в самых дальних уголках подулья. На этот звук повернулся заваленный землёй молодой человек. Голос его был слабым, но узнаваемым. Это был Нэк...

– Ничего себе! Кхе-кхе... это ты! Чуваааа...кхе-кхе...я уж и не думал, что увижу тебя... помоги мне, эй, я знаю у тебя есть какойнибудь прикол, чтобы поправить мои дела!

Нэк оказался тоже серьёзно ранен. Обе ноги были раздроблены и валялись всё равно что мешки с фаршем, перемешанные с землёй, а все медикаменты из сумок на поясе уже оказались израсходованы, да и врятли простые солдатские стимуляторы смогли бы исправить ситуацию. Прогремовший рядом взрыв припорошил их троих небольшим слоем грунта. Как бы ему ни хотелось, он не мог спасти всех двоих ибо восстановление живых тканей требует таких вливаемых энергии варпа, на которые он не был способен... по крайней мере без риска для собственной жизни и...души. Решение пришло само по себе и Эл смог осознать его позже чем приступил к исполнению в приступе паники. Случайно или нет, выбор был сделан и невидимые нити разума соединили два израненных тела. Безногий парень побледнел на глазах и высох как пучок травы под лучами беспощадного пустынного солнца, а белое лицо девушки обрело подобие цвета, после чего лёгкие стали со спазмами исторгать из себя пропитанный дымом воздух.

– Прости...

Эл уже успел пожалеть о своей импульсивности, но теперь уже точно ничего поделывать было нельзя. Сквозь белую дымку, залившую взгляд он успел увидеть как чьи-то руки подхватили Миру и положили на носилки, а звуки стрельбы больше не оглушали.

* * *

Задуваемая сквозь прорезь палатки, ночная прохлада ущипнула его за выглядывающую из под термоизолирующего покрывала ногу и Эл проснулся. По какой-то причине тишина горного лагеря совсем не успокаивала и скорее всего это было связано с неприятно упирающимся в горло остриём штыка.

– Ты...Зачем ты это сделал? Я тебя не просила...

Нож в перебинтованных руках Миры дрожал.

– Я просто... пытался помочь...

– Моя сестра...я обещала, что всегда буду с ней... я должна была...

– Там ты найдёшь только ужас и боль...там её нет.

– Ты не можешь этого знать.

Она осеклась, вспомнив кто он такой.

– Я видела как подобные тебе устраивают бури или огненный дождь...так почему вы не можете просто вернуть мне её?

– Этого никто не может...

– Ты наверное никого не терял, раз так спокойно говоришь об этом.

– Ошибаешься...

– Тогда почему? Ты обязан меня понять! Обязан...помочь!

– Я потерял всё то небольшое, что имел как раз потому, что решил "помочь" и взялся за дело, не имея совершенно никакого понятия о том, с чем связался. Я теряю людей едва

узнав... для меня уже не существует прошлого, кроме вчерашнего дня и будущего кроме дня завтрашнего. На искажённом от горя лице Миры проступила растерянность.

– Говорят, что все мы должны служить священным идеалам Императора... но всё это сводится лишь к страданиям.

Шорох снаружи заставил обоих настороженно оглянуться по сторонам, а когда Эл вновь перевёл на неё взгляд, она уже скрылась, оставив после себя колыхаться полог палатки. До утра оставалось ещё несколько часов, но он был уверен, что не уснёт от повисшей в воздухе тревожности, скребущей своими ледяными когтями его грудь изнутри.

* * *

Новая аугментическая рука лейтенанта Гикуса блестела на солнце от обильной смазки, отдающей ладаном даже на открытом воздухе, и тихо жужжала при движении, сжимая психофокусирующий посох. Он мерно расхаживал вдоль строя солдат, а его голос отзывался гулким эхом от перевалов.

– Враг в смятении! Весть о приближающемся праведном возмездии в лице доблестного имперского флота заставила дрогнуть и попрятаться этих жалких зелёных выроdkов!

В глазах Гикуса просматривалась та же тревога, которую Эл ощущал сам.

– Они не ожидают, что мы нападём. Они думают мы будем сидеть на этой горе и дрожать от страха. Нет! Сегодня мы воздадим за каждую пядь Его священной земли, осквернённой нечестивым присутствием ксеносов!

Земля вздрогнула от одновременного залпа орудий.

– По Машииииинаааааам!

"Химеры", "Саламандры" и пара "Леман-Руссов" взревели своими двигателями, вгрызаясь гусеницами в каменистую почву. От встряски казалось, что глаза выпрыгнут из орбит, но приближающаяся панорама потухающего мёртвого города пугала ещё больше. Из инструктажа было известно как всегда немного. Остатки 3го взвода под прикрытием бронетехники должны будут занять площадь перед зданием Муниторума и вместе с остальными подразделениями обеспечить высадку прибывающего подкрепления. Легко сказать... Впереди стали виднеться гротескные грубые укрепления зеленокожих, увешанные слеplенными из сгоревших машин идолами и устрашающими знаками, которые отрадно быстро разлетались под градом выстрелов истребителей, пронёсшихся прямо над головой. Хорошая драка, как говорили, всегда привлекала орков и сотни этих тварей повыскакивали из за углов, забарабанив пулями по броне. Однако яростная стальная лавина пронеслась прямо сквозь них, выплеснувшись на улицы, заваленные обломками зданий.

Звон от попадавших в Химеру выстрелов совсем не располагал к тому, чтобы покидать уютные броневые листы, но команда спешиться прозвучала и солдаты высыпали наружу, пригинаясь под лучами гудящих мультлазеров и грохотающих тяжёлых бортовых болтеров. За всполохами красных лучей Эл заметил движение. Огромная размером с танк машина передвигалась на двух ногах, раскачиваясь поxожей на бочку фигурой с оскалившейся мордой из сваренных мятых железных листов и множеством механических рук, держащих устрашающего вида оружие. Дикая лязг циркулярной пилы на одной из этих рук врезался в уши сквозь грохот взрывов и башня замешкавшейся химеры оказалась отпилена с целым фонтаном искр и воплями экипажа, продолжающего стрелять из пушки. Их крики быстро прекратили другие конечности со сверлами и цепными клинками на концах, устремившиеся в отверстие от башни. Необдуманно резким движением, поxожим на отдёргивание руки от горячей посуды, Эл припал к земле за мгновение до того как воздух над ним разрезал ворох снарядов, превративший бежащих позади солдат в красные ошметки на поверхности рокритовых плит. Впереди среди чернеющих проёмов опалённых окон мелькали зелёные силуэты, стрекочущие из своих пуле-

мётов по округе, но тут же замолчавшие как по ним прошлись болтерные очереди, обрушив весь фасад до состояния непроглядного облака пыли. Одновременно с этим, разорвавшийся от выстрела орудия Леман Руса, металлический орочий монстр едва не завалил своими обломками отряд Эла, залёгший неподалёку. "Пора!" Эл рванул вперёд, случайно скомандовав этой яркой мыслью окружающим. Ноги колотили по тротуару с такой же частотой как сердце по груди и прямо перед поворотом на него выскочила зелёная грудa мышц в два с лишним метра ростом, которую он встретил испуганно выставленным цепным клинком, ревушим почти также громко как тварь. Бегущие по лезвию зубья вгрызались в плоть так жадно, рвали её так беспощадно, что Эл почувствовал уже знакомую мутную волну, поднимающуюся откуда-то изнутри и пробуждающую самую настоящую звериную агрессию. Со сдавленным криком он надавил на рукоять и солидный кусок туловища отделился от орка, рухнувшего на дорогу, размахивая руками. Эл добавил ещё пару выстрелов прямым в разинутую от боли пасть и это... ему понравилось. Такое приятное чувство бодрости и силы во всём теле расплывалось горячей волной... чувство превосходства... Ему хотелось ещё. От удара топором в спину даже не захотелось спасаться. Зачем? Когда можно встретить его своим ревушим лезвием. Тяжёлое оружие орка, которое Эл не смог бы даже поднять в обычном состоянии оказалось грубо отбито в сторону и зеленокожий вспомнил о своём пистолете, но уже будучи распиленным пополам от одного бока до другого, забрызгав своей кровью отстреливающихся вокруг солдат. Эл был в восторге. "Как я мог раньше бояться этих жалких слабаков? Я сам был слабаком! Но теперь всё не так!" Он бежал вперёд, опустошая батареи своего лазпистолета одну за другой, не обращая внимания ни на что и ни на кого, кроме врага. Три выстрела в упор разорвали голову перезаряжающего свой пулемёт зеленокожего, а цепной меч плавно отпилил руку и обе ноги другому. Пучки красных лучей обуглили морды ещё троим оркам, которых Эл хотел убить следом. "Кто отнял у меня победу!?" Он проследил вдоль лучей в сторону арочного входа в покосившийся небоскрёб. Оттуда выходило двое мужчин в потрёпанных гражданских куртках и лазганями наперевес.

– Ну и ну, а ты и такое умеешь, Одуванчик!

Знакомый голос выхватил Эла из кровавой дымки, окутавшей разум и уступивший ужасу от осознания тех чувств, что обуревали его только что. Странное ощущение лёгкости пропало и на его место пришло тяжёлое дыхание, а ставший неприподъёмным меч рухнул на землю. Разглядеть этих двоих удалось только когда они подошли ближе. Нокам и... Зот.

– Что вы здесь делаете? Как вы вообще смогли выжить здесь?

– Долго рассказывать, лучше позже поговорим.– сказал Зот одновременно давая очередь по галерее на втором этаже.

СПО продолжало наступление из последних сил. Было нетрудно заметить как всё меньшее количество людей и машин продолжало двигаться по направлению к уже виднеющейся площади. Вокс разрывался от непрерывных сообщений, обрисовывающих картину полного окружения. Внезапно голова начала становится свинцовой и наполняться совершенно нетипичными для окружающей обстановки звуками, представляющими из себя раскаты грома и утробные голоса. Дыхание перехватило от ощущения будто он оказался под водой, между тем остальные только непонимающе смотрели на него или продолжали стрелять. Нокам что-то обеспокоенно кричал, наклонившись к нему, но Эл не слышал ни слова. Обернувшись Эл заметил свернувшегося в воронке Гикуса, которого рвало и выворачивало наизнанку. Несколько солдат побросало своё оружие, озираясь по сторонам. Эл ощутил в них некий первобытный страх, которого те даже не в силах осознать. Прилетающие с болезненным звоном слова на неизвестном языке усилили до вершин то беспокойство от которого Эл не мог уснуть сегодня ночью. Грубый, но вкрадчивый голос явно что-то хотел и на сопротивление этим непонятым позывам уходили все силы. Чёрная рука Нокама удержала Эла от падения лицом на каменное крошево.

– Эй! Что с тобой? Неудачное ты место выбрал, чтобы прилечь, парень! Нас тут сейчас подстрелят!

Зот и группа из 10 солдат залегли по периметру арочного входа, паля по большой толпе орков, выбегающих из падающего стоэтажного здания со своим леденящим кровь криком "WAAAAAGH!" Стрельба сразу прекратилась как только воздух над ними забурился подобно воде в котелке для рекафа и само пространство разошлось как тонкое хлопковое полотно по швам, после чего вся зеленокожая толпа обратилась в фарш, словно туда упала невидимая бомба. Пронизывающий страх, исходящий из разрыва коснулся каждого человека в округе и Эл знал что это, но впервые в своей жизни видел наяву. Сотни солдат смотрели прямо в бездну, смотрели в... варп. Одно дело, когда подготовленный псайкер осторожно, приняв все возможные меры предосторожности, печати, молитвы и барьеры легонько, одним глазком заглядывает туда в транс и совсем другое, когда сам варп заглядывает в тебя наяву. Для обычного человека, не имеющего о нём ни малейшего понятия, никогда не сталкивавшегося с потусторонними явлениями, для всех этих простых солдат вокруг врятли существует вероятность удержать свой рассудок от исчезновения при виде подобного. Мерцающий, хаотично колеблющийся ореол обрамлял окно в бесконечные дали калейдоскопом меняющихся картин и пылающих вихрей, не поддающихся описанию человеческим языком и пониманию человеческим разумом. Несколько секунд лицезрения было достаточно, чтобы бесповоротно сойти с ума и дикое безумие начало охватывать любого, задержавшего свой взгляд. Эл зажмурился, но всё равно видел всё также отчётливо и еле удерживался от того, чтобы присоединиться к разбрызгивающим слюни, вопящим бессмысленные фразы людям, которые всего лишь минуту назад отважно шли в бой рядом с ним.

– Не смотрите туда! Не смотрите! Бегите!

Стоящие дальше всех от разрыва солдаты припустили со всех ног вслед за Зотом, Элом и Нокамом в противоположном от разрыва направлении. Из забуксовавшей Саламандры доносились отчаянные вопли наводчика, орущего в вокс координаты для авиации и артиллерии. Эла снова одолевал неистовый голод, преследовавший его в кошмарах.

– Быстрее! Сюда!

Зот увлёк их под остов почерневшего от пожара здания, уходящего своей вершиной за облака. Голова пульсировала болью всё сильнее от ощущаемых вокруг потоков энергии, беспрепятственно вытекающих из разрыва как через пробойину в корпусе лодки. Внезапно началась беспорядочная стрельба и Эл, поначалу, решил, что орки устроили засаду, но дрожащие красные фигуры в оконных проёмах и ползущие по стенам совсем не были на них похожи. Они постоянно дёргались всеми частями тела и неестественно быстро двигались, нарушая любые мыслимые законы физики. Размытые пятна, в которые невозможно было попасть. Ещё до входа сюда Эл ощутил невероятный букет противоестественных чувств, но теперь всё его восприятие отказывалось осознавать окружающую действительность. И как было видно, остальные разделяли его неприязнь. Красные фигуры мелькали в тенях, издавая нечто среднее между рыком и хохотом и наполняли воздух приторно-сладковатым вперемешку с мускусным запахом варпа. Даже всегда невозмутимый Зот потерял самообладание при виде того, чего просто навсего не должно существовать в этом мире... Демоны. Всполохи лазерных импульсов совершенно не задевали этих существ, которые ради своей извращённой забавы принялись растаскивать на кишки одного за другим. Горячие брызги крови залили Элу всё лицо, когда из горла Нокама выглянул дымящийся от пара клинок. Существа рассекали людей своим оружием также легко как и воздух, после чего душили и подвешивали на кровоточащих внутренностях иступлённо визжащих солдат. Нокам разошёлся на две половинки, открыв за собой вид на тварь, даже смотреть на которую было болезненно. Невероятно длинный язык обвивал окровавленное лезвие зазубренного кривого клинка, зажатого в худощавых деформированных когтистых лапах. Вытянутая голова неправильной формы с маленьким искажённым гримасой

боли лицом и горящими ярким пламенем глазами под исцарапанным непонятными символами лбом, от одного взгляда на которые мысли сворачивались в неразборчивый комок. Зот опустошил в существо всю батарею своего лазгана всего за пару секунд автоматического огня и оно просто исчезло в пламени лазерных всполохов. Эл никак не мог сосредоточиться из за истошных криков солдат, с которых заживо сдирали кожу и четвертовали, разбрасывая их ещё двигающиеся конечности. Никто не мог прицелиться из за непредсказуемой траектории движения и лишь на мгновение в сознании Эла промелькнул образ оружия, нацеленного прямо перед собой. Он так и сделал. Выстрел настиг внезапно возникшее существо на том же самом месте, отчего то замерцало и вновь исчезло. Мимо пролетела голова Зота с застывшей на ней гримасой неподдельного ужаса. Эл дрожал, сопротивляясь буре противоречивых эмоций, наводнивших сознание. На звуки стрельбы в помещение вбежала ещё одна группа солдат, включаясь в всеобщую мясорубку. Один из демонов возник прямо перед Элом, огромными усилиями преодолевшего оцепенение и принявшегося спасаться бегством. Эл ударил цепным мечом скорее от внезапности, чем от желания победить. Существо легко извернулось под гудящим лезвием, уходя от неуклюжего удара и в мгновение ока широким взмахом отсекло Элу левую кисть с пистолетом, готовым выстрелить. Не успев осознать произошедшее Эл ударил во второй раз, но демон оказался несоизмеримо быстрее и после короткого движения, которого Эл даже не заметил, исчез ещё до того как цепной меч разрезал воздух. Резкая боль в животе заставила Эла упасть, пытаясь дрожащей рукой запихнуть обратно вывалившиеся внутренности. Обостряющаяся при малейшем движении боль заставляла балансировать на тонкой грани между сознанием и беспамятством. Он понял, что его кто-то тащит когда не смог сдержать крик от резко пронзившей его боли при переваливании через сломанную ферророкритовую плиту. Сквозь мутную пелену из слёз и пыли он разглядел растерянное лицо Миры, которая упорно пыталась тащить его в неизвестном направлении. Из какофонии беспорядочных выстрелов, взрывов и криков слух выхватил приближающийся гул двигателей спускающихся шаттлов, а разум ощутил присутствие кого-то, кто преследовал их по пятам и с явно недружелюбными намерениями. Губы отказывались шевелиться и Эл послал Мире мысленный импульс, борясь с накатывающей всё большими волнами слабостью, сталкивающей его с хрупкого уступа сознания. "Беги!" Мира почему-то пыталась сопротивляться, но её усталость тоже дала о себе знать и она, спустя несколько секунд повиновалась, оставив Эла посреди груды обломков здания, бывшего некогда скорее всего каким нибудь музеем или реликвариумом. Разбитый купол пропускал сквозь себя тусклые лучи света, пробивавшиеся через чёрные тучи пожарищ и был готов свалиться прямо на него, но Эл не мог ползти сам. Слишком больно... настолько, что не удаётся заглушить ни препаратами ни собственными силами. Что-то сильно надавило на грудь, не давая вдохнуть. Нависшая над ним фигура чем-то напоминала собаку, только без шерсти, с непропорционально большой челюстью и чрезвычайно развитой мускулатурой. Пылающие пламенем глаза немигаючи смотрели прямо на него, а из рычащей пасти сочились зловонные слюны, капающие на лицо и обжигающие кожу. От столь близкого контакта с порождением варпа всё естество Эла буквально содрогалось в конвульсиях. Взгляд существа выжигал в его сознании любые попытки что либо предпринять. Впервые он пожелал смерти, а все предыдущие страхи перед вечностью кошмаров показались менее значимыми по сравнению с тем ужасом, что одолевал его прямо сейчас. Но тварь медлила... она словно стала чувствовать ту же боль, что и он. Её глаза погасли, оставив чёрную пустоту глазниц, а от прежней ауры мощи не осталось и следа. Теперь это было не более чем напуганное животное. Одновременно с этим по земле стали расходиться волны мерных шагов чего-то большого и тяжёлого. Он почувствовал чей-то разум, настолько могущественный, что не удавалось даже измерить. Оно приближалось, но Эл достиг своего предела и начал проваливаться в небытие. Последнее, что он увидел, это всполох ярко-белого пламени, разорвавшего тварь на куски и трёхметровую фигуру, закованную в блестящий серебристый силовой доспех. Она посмотрела на него своими узкими визорами

шлема лишь мельком, но этого хватило, чтобы ошпарить всё его сознание нестерпимым психическим холодом, погружившим во мрак...

INTERLUDIUM

– Данная единица обращает внимание на то, что предоставленный биологический субстрат *primo*: доставлен в исходно крайне нестабильном состоянии и остаётся таковым только благодаря стазис-генератору. *Secundo*: не имеет ни достаточного генетического потенциала для проведения назначенной манипуляции, ни подходящих предварительных модификаций.

– Вы хотели материал для своих научных изысканий, Магос, вы его получили.

– О, Омниссия всезнающий! Провожу процедуру вербального повторения ранее озвученной информации: биоконверсия возможна только при отсутствии мутаций и в целостном субстрате, чистота которого не подлежит сомнению, в противном случае вы можете получить совсем не то, что ожидали... нечто осквернённое, нечто... греховное.

– Из ваших механических уст это звучит несколько комично, вы не находите?

– Благословения Омниссии избавили данную единицу от восприятия подобных алогичных лингвистических манипуляций, называемых юмором.

– Тогда я напомним: когда вы были в свите вольного торговца Эразма, то, согласно материалам дела о ереси в роду помазанника Императора, фигурантом коего являетесь и вы сами, участвовали в запретных процедурах с членами семьи выше названного. Как вы думаете, стал бы я тратить своё и ваше время на обычный биомусор? Отвечая на ваш немой вопрос скажу: да, зёрнышко, посеянное тогда, проклюнулось и ключ к печатям тенебрис лежит прямо у вас под... даже не знаю как назвать то, что у вас вместо носа, в общем, перед вами.

– Новые вводные данные... Обработка завершена. Предположение истинно.

– Именно поэтому заставить этот кусок мяса снова ходить в ваших же интересах.

– Объект биологически нежизнеспособен. Показания авгуров свидетельствуют. Дух машины клянётся в этом.

– И, тем не менее, то, что вы сделали с ним ранее не даёт умереть окончательно.

– Трата биоматериала неэффективна. Вероятность возобновления эксперимента составляет 17,0143%

– Меня это, честно сказать, мало волнует, Магос. Вы и ваша тайная деятельность давно стали предметом подозрений не только среди собратьев, но и вызывают неподдельный интерес у священных Ордосов. Пока же я веду это расследование, вы, с МОЕГО позволения можете спокойно заниматься всем тем, что взбрѣдет в то, что осталось от ваших человеческих мозгов.

– Кибернетический церебрум обладает рядом серьёзных преимуществ...

– Не отклоняйтесь от темы! Вам самим прекрасно известно, что духовенство Марса не одобряет подобные изыскания и не только не даст благословения, но и потребует превратить вас в сервитора, что конечно же было бы серьёзной утратой для всего Империиума. И, предвосхищая ваши возражения, да, я знаю, что у вас достаточно влияния для того чтобы играть в политику и всё такое, но поверьте мне, даже самый тупой пуританин, увидев материалы расследования, догадается, что это ересь. Без обид.

– Обида – мнемотическая концепция, черта слабой плоти. Железо освобождает.

– Тем лучше, ведь я искренне надеюсь, что ваш холодный машинный расчет подскажет выход из сложившейся ситуации. Не зря же я обратился именно к вам. Кстати, ваш брат с Шеола – 17 передавал привет.

– Техноеретик, единица Иксион 2.2.18 более не является частью конклава. Тюрьма на Шеоле – 17 соответствует тяжести допущенных единицей преступлений против Омниссии.

– Не хочу отвлекать, но у нас есть более насущные вопросы.

– Логис машины могут подобрать подходящий ингибитор желѣз, чтобы не выходить за рамки эксперимента.

- Если вы сделаете свою часть работы это будет уже хорошо, дальнейшее ведение эксперимента на моей совести.
- Запускаю процесс репарации.
- Чудно. Надеюсь мы друг друга поняли.
- Данная единица ожидает подтверждения передачи протоколов наблюдения.
- Несомненно, ах вот ещё что: воздержитесь от даров Омниссии для нашего друга.
- Это... прискорбно.
- Как закончите, сразу же отправляйте груз по месту назначения. Доверенное лицо передаст вам компенсацию и отчёт в течение стандартного календарного года.
- Омниссия всё знает, всё понимает.
- Конечно, а Император всех защищает.

Глава 5

«Тот, кто видел свою смерть, может её избежать. Тот же, кто видел смерть других, может принести её им.»

© – *видящая Идранель, эльдарская провидица с мира-корабля «Ультве»*

Per aspera ad incognitae

Он смотрел на самого себя в отражении водоёма, стоя на каменистом берегу. Водная гладь колебалась от беззвучного и неосязаемого ветра, но отражение почти не искажалось и... это был не совсем он. Отражение жило собственной жизнью и смотрело то на него, то куда-то вдаль. Молодой человек напротив выглядел почти также как Эл себя помнил, однако что-то в нём настораживало, мешало поверить и идентифицировать себя с ним. Вокруг его таких же серых глаз блестел золотой ободок, а через всю левую щеку, заходя на переносицу, протянулся изогнутый розовый шрам.

– Кто ты?

– Я это ты.

Отражение недоумевающе смотрело сквозь водную гладь, произнося слова тем же голосом, как и у Эла, только звенящим в воздухе и расходящимся гулким эхом, повторяясь по несколько раз.

– Но я же это я... вот здесь...

– И здесь, думаешь невозможно быть одновременно и там и тут... и тем и другим?

– Нет, это невозможно.

– Может быть, но я тоже есть, я существую вместе с тобой, а ты существуешь потому что существую я. Исчезнет один, не станет и другого.

– Я тебе не верю.

– Кому же доверять как не себе?

– Ты не я!

– Я это ты.

– Нет!

– Неважно... веришь ты в это или нет... Вселенная существует вне зависимости от твоего желания.

Эл гневно ударил ладонью по воде, взбаламутив её вместе с окружающей действительностью.

* * *

211.848.M41. Сегментум Обскурус. Сектор Каликсида. Пролив Голгенны. Сцинтилла – столичный мир сектора. Высокая орбита.

Эл вскочил с кровати внезапно вывалившись из сна в реальность с тяжёлым вдохом и тут же ноги подкосились, уронив его на металлический пол. Болезненно яркий свет люминисфер резал глаза, но тело оказалось настолько слабым и непослушным, что даже зажмуриться до конца не получалось. Все образы вокруг расплывались словно в тумане и осознать своё местоположение не представлялось возможным. Чьи-то холодные руки помогли ему привстать как кукле на верёвочках.

– Ох ты... ну надо же, глядите-ка проснулся! Знаешь, а я был абсолютно уверен что это рано или поздно случится.

Эл попытался осмотреться, быстро моргая слезящимися глазами и выхватывая из белизны вездесущего света очертания спальной каюты космического корабля. Половина кроватей была пуста, другая половина сонно ворочалась, напоминая гусениц в отдельных ячейках. Мозг отказывался обрабатывать. Даже простые мысли давались с большим трудом, не говоря уже о попытках вспомнить что-нибудь из последних событий. Попытка за попыткой терпели неудачу. Мысли спутались в клубок и перед глазами мелькали случайные образы, чувства. Он помнил страх, разрушение вокруг. Смутно знакомые лица всплывали и исчезали бесследно, не оставляя ни малейшего намёка на то, как он здесь оказался и сколько прошло времени с тех пор. Внезапно он обнаружил, что никого рядом нет, а поддерживающие его холодные руки оказались невидимыми потоками энергии, заставляющими воздух вокруг подрагивать как над огнём. У иллюминатора сидел молодой человек неопределённого возраста с короткой стрижкой жёстких тёмных волос и смотрел на него своими пустыми глазницами. Его бледно зелёная мантия слегка колыхалась, несмотря на то, что в помещении не было сквозной вентиляции. Неожиданно по пучку проводов, выходящих у него из головы прямо над ухом, пробежала короткая электрическая дуга, похожая на солнечный блик, исчезнувший в складках одежды.

– Всё, можешь меня отпустить. Я в порядке.

Невидимые руки исчезли и Эл, неуверенно шатаясь, поймал некое подобие равновесия, едва не запутавшись в подоле собственной мантии. Безразмерный кусок ткани был замысловато обёрнут вокруг тела, до сих пор кажущегося чужим, достаточно удобно, но ввиду своего состояния Эл не смог это оценить.

– Если разум твой столь же неуклюж как тело, то советую сразу выбраться в мусорный шлюз.

Спорить совсем не хотелось, но так как от человека напротив не исходило даже намёка на опасность, Эл молча направился к иллюминатору, всеми силами стараясь унять дрожь в ослабших коленях. Странно, что Константин не узнал его, что ж... тем, наверное, лучше, также как и то, что у него не было сейчас сил удивляться неожиданной встрече. Толстый слой бронекристалла, отделяющий его от бесконечного мрака космоса, пестрящего мириадами звёздных скоплений, запотел едва Эл приблизился и пришлось периодически протирать его левой рукой, чтобы разглядеть плывущий в пустоте серо-зелёный шарик, к которому они судя по всему и направлялись. Левая ладонь казалась ещё более чужой, нежели остальное тело, грубой и выглядела странно, но движущиеся цепи огней вокруг планеты привлекали внимание сильнее и свидетельствовали об оживлённом транспортном потоке и миллиардах душ, которые снова будут давить на него своим присутствием. Корабль изменил курс, нацелившись на южную полярную шапку, блестящую белизной на фоне черноты космоса.

– Куда мы направляемся?

– В храм, куда же ещё.

– Эклезиархии?

Молодой человек искоса посмотрел на Эла, если это можно так назвать.

– Ты дурак, или прикидываешься? Нас же отбирали. Мы летим в храм Псайканы в каком-то Императором забытом месте, для того, чтобы стать проводниками Его священной воли. Честно сказать даже и не знаю чем ты мог их заинтересовать. Это дело не для слабаков.

– Я тоже...

Эл не сомневался в том насколько глупо он сейчас выглядит и решил больше не говорить без особой необходимости. Почесав затылок он с удивлением обнаружил слежавшиеся локоны и никак не мог оторваться от забытого ощущения, когда волосы скользят между пальцами. За спиной с лязгом раздвинувшиеся двери открыли проход высокому крепко сложенному седовласому мужчине в синей кофте и брюках. Множество мелких морщин бороздило его суровое

обветренное лицо, скрываясь в короткой бороде, а невыразительный взгляд пронзал каждого в каюте. Он ничего не сказал, только коротко кивнул и вышел. Слова в принципе были и не нужны. Он нарочно слишком громко думал о том, что пора всех готовить к выходу, оповестить диспетчера и всё в таком роде. Полёт окончен.

* * *

211.848.M41. Сцинтилла. Где-то посреди ледяной пустыни на южном полюсе.

Огромный стеклянный купол над посадочной площадкой открывал завораживающий вид на бескрайние снежные вихри в ледяной пустыне без каких бы то ни было деталей ландшафта. Прямо у трапа их встретила группа людей в синих балахонах, закрывающих лицо и повела по длинной аллее с рядами мраморных колонн по бокам и бронзовыми статуями, выглядящими так, словно немигаючи наблюдают за тобой где бы ты ни находился. Необычный запах привлёк внимание и заставил осознать насколько он проголодался. Аскетичная трапезная с потёртыми медными стульями и столешницами приняла их густым ароматом неизвестной еды, чадающей паром из чаш. После безвкусных брикетов армейского пайка и сильно разведённых питательных растворов это оказалось почти шокирующим открытием. На мгновение он застыл в неприятной череде смутных воспоминаний, но голод быстро пересилил наваждение. Все принялись набивать себе рот любой пищей до которой дотянуться. Усиленно жуя свою порцию, Эл тем не менее не мог себе позволить не осмотреться. Около пяти десятков человек разного возраста, прибывших вместе с ним самозабвенно утоляли голод под пристальным надзором сопровождающих, которые недвижимо замерли у стен, за метровой каменной кладкой которых завывал буран, а на их головы ниспадал тусклый дневной свет, пробивающийся сквозь узкие вытянутые витражные окна. Фрески на стенах были исписаны совсем неизвестными строками из священных книг и прочитать их оказалось трудно. Эл ещё не до конца выучил «высокий Готик», чтобы понимать сложные художественные обороты. Одновременно с раздавшимся вдали голосом хориста все сидящие, как бы они ни были заняты, осенили себя аквиллой в знак присоединения к его молитве. Эл непроизвольно вздрогнул от нахлынувших ностальгических образов из Схоластики, вызванных похожей обстановкой. После трапезы их отвели в просторный пустой зал с массивной стальной кафедрой перед завораживающе огромным изваянием самого Императора. У кафедры стоял ряд людей в антрацитово чёрных плащах с большими капюшонами из-под тени которых поблёскивали серебристые безликие маски. Элу вдруг стало холодно и он сильнее укутался в свою мантию. Тот самый седовласый мужчина, что недавно заходил в каюту, медленно поднялся на возвышение перед рядом таинственных людей и повернулся к прибывшим.

– Приветствую вас всех в этой священной обители. (Над головой у мужчины закружила пара сервочерепов с записывающими устройствами, которые навязчиво старались заглянуть каждому в лицо.) Вы были удостоены великой чести! Чести, которая выпадает немногим, ибо только чистый душой человек способен положить свою жизнь на алтарь служения самому Императору. Отныне ВЫ – неофиты храма Схоластики Псайкана Каликсис. Вы меч и длань Императора, отсекающие смертельно опасные опухоли с тела Императора. Император болен, он покрыт незаживающими язвами точно также как души людей, населяющих Его миры и ВЫ... станете лекарством. Каждый из вас обладает силой воли, недоступной для большинства людей и именно поэтому вы здесь. Одни из многих. Одни из тех, кто достоин нести свет Его.

Эл не совсем понимал о чём идёт речь, но этот человек прямо-таки светился изнутри, его хотелось слушать и доверять его словам. Суровость никуда не делась, но мягкое воздействие на разум, подобное тёплым заботливым объятиям затмевало любые тревоги и можно было хоть сейчас броситься на верную смерть просто потому что он попросит. Однако Эл уже не обма-

нывался. Память о горьком опыте настойчиво напоминала, что какие бы мысли ни пытались ему внушить, ни к чему хорошему это точно не приведёт.

– Прежде чем вас закрепят за наставником, необходимо будет пройти небольшое испытание, которое выявит ваши сильные и слабые стороны. Выдержите его с честью.

Люди в синих балахонах повели их по запутанному лабиринту тоннелей, открывшемуся сразу после спуска из святилища. Узкие слабоосвещённые проходы были душными и давили со всех сторон. В какой-то момент Эл незаметно для себя самого оказался совсем один. Старая каменная кладка в тесной комнатке была сырой и покрыта плесенью. Полумрак, рассеиваемый лишь слабым настенным фонарём тем не менее не оставлял никакого намёка на что-нибудь кроме блестящих от влаги сплошных стен вокруг. «И... как же я сюда только что зашёл?» Не было слышно совершенно никаких звуков, никаких шумов. Эл потерял счёт сколько уже раз ходил вдоль стен в поисках зацепки. Непонятно было даже в каком направлении думать. Случайно ли он потерялся или нужно что-то делать чтобы выбраться?...или наоборот сидеть и не паниковать? Время, казалось, остановилось ибо не происходило ровным счётом ничего. Небольшой укол в темя оказался настолько неожиданным, что Эл резко повернул голову, испуганно озираясь по сторонам, но находил лишь те же стены до тех пор... пока не посмотрел вверх. Не поддающееся описанию создание смотрело на него несколькими чёрными глазами и тянуло свои обмазанные слизью искажённые конечности с шипами на конце к его лицу. Элу было некуда деться и нечем защититься, к тому же он решил, что уже окончательно съехал с катушек и не мог понять реально происходящее или нет. Существо пронзило своими конечностями его тело медленно и не сводя пристального взгляда. Эл начал чувствовать как его внутренности поедают десятки маленьких тварей, от движения которых под кожей забегали валики. Чувствовать как прямо из головы вылупляются насекомые. От всех этих ощущений он был готов разбиться об стену, свернуть себе шею... да что угодно лишь бы прекратить всё это. На мгновение перед обглаживаемыми жуками глазами промелькнул образ двойника, которого он видел во сне. Он озадаченно приподнял бровь и исчез в сдавленном крике из раздираемой коготками глотки. Исчез вместе со всем. Эл обнаружил, что всё также лежит в пустой комнатке, свернувшись в углу и хрипя от тяжёлого дыхания. Опять наваждение? В этот раз особенно реалистичное... даже слишком. Перебарывая шок, Эл спешно принял удобную позу для медитации и принялся нашёптывать первые строки «*Liber veritas*»:

– *Nec refert ad malum terribile est mors, qua mihi...*

Неразборчивый, но отдалённо знакомый шёпот зазвучал в голове как когда-то. Он уже успел забыть о нём и вот снова... Слова тихо переливались, возникая из ниоткуда и уходя в пустоту. Некоторые звучали чётче остальных, но всё равно оставались бессмысленными и мешали сосредоточиться на восстановлении ментального барьера, который судя по реалистичному видению уже успел сойти на нет. «*Insa...faeneh...ahe marun...ilereneh...*» Женский голос тихо, с болезненным придыханием, повторял раз за разом пока Эл наконец не собрал волю в кулак. Глубокий вдох и... сознание растеклось как вода, хлынув наружу и проникая в каждую трещину и песчинку вокруг. Он попытался проникнуть за стены, но там ощущалась лишь холодная пустота, однако сами стены оказались вовсе не мёртвым камнем, они впитывали его волю, пропускали её сквозь себя. Эл был уверен, что никогда не встретит столько психоактивного минерала в одном месте. Стены оживали едва он касался их своими мыслями и отвечали тонкой вибрацией по ту сторону материального мира. По одному лишь желанию правая стена разъехалась, образовав проход в такой же тоннель, по которому он двигался по пути сюда. Навстречу что-то беззвучно двигалось. Сначала в полумраке показались лишь два красных огонька, а затем и остальная конструкция. Небольшой человеческий череп парил в воздухе и щёлкал при движении своими механическими анализаторами, встроенными вместо нижней челюсти. Уже обветшавшие печати Механикус свисали с его лба как истрёпанные флаги, а проглядывающаяся сквозь глазницы электроника периодически искрилась. За время обучения

в Схоластике Эл успел сильно невзлюбить любые сервочерепа, с которыми доводилось сталкиваться и не только потому что те часто были вооружены шоковыми жезлами, а скорее из-за их назойливого наблюдения за всем и вся. Данный конкретный экземпляр сделал пару кругов над головой и поплыл вдаль по одному из коридоров, тихо воспроизводя из динамиков одну и ту же фразу: «Следуй за мной». Эл всмотрелся в тёмную глубь коридора и не заметил никаких отличий или настораживающих деталей, однако зудящее беспокойство не давало сдвинуться с места. Предчувствие опасности подобно сквозняку дуло оттуда сильнее чем из других и воображение сразу же стало рисовать жуткие картины самых изощренных способов закончить свою жизнь. А может и не воображение вовсе... Он чувствовал что его там кто-то ждёт, но совсем не хотел проверять кто именно и пошёл в другую сторону. Однообразный тоннель, освещаемый лишь изредка встречающимися тусклыми факелами, никак не хотел кончаться и Эл ради интереса просто оглянулся. За спиной через каждые несколько секунд совершенно беззвучно гасли факелы, неотвратимо приближая стену крошечной темноты. «Есть осторожные, а есть мёртвые» – подумалось ему и ноги сами понесли, ускоряясь с каждым шагом подальше от этого сомнительного мероприятия. Когда он уже был готов выдохнуться коридор наконец закончился и в глаза с резью ударил, кажущийся после полумрака слишком ярким, свет из многочисленных витражных окон в просторном круглом помещении с фонтаном посередине. Эл упёрся в колени, пытаясь отдышаться и с опаской поглядывая на коридор позади. Тишину нарушало лишь мерное журчание воды, изливаемой играющими в лучах света, потоками из медных кувшинов в руках статуй неизвестных ему женщин. Краем глаза замеченное движение заставило его инстинктивно отпрыгнуть гораздо раньше, чем он бы это осознал и с визгом разрезавшая воздух палка задела его лишь по касательной в районе бедра. Сервитор, державший её ничем не отличался от остальных, виденных им ранее, но двигался заметно быстрее и расторопнее. Нервное напряжение приглушило боль, но Элу с трудом удавалось удерживать внимание на своём новом противнике из-за всё ещё слепящего света и тот снова сократил дистанцию с резким выпадом. Когда-то он был, возможно, таким же человеком как Эл, а теперь это лишь жалкая безвольная полумеханическая пародия с бледной сухой дряблой кожей, натянутой поверх питающих трубок и кабелей, соединяющих аугментические органы и узлы между собой. Пародия, которая, похоже, прямо сейчас надерёт ему зад своим шестом. Неудачно увернувшись от выпада в лицо, который скорее всего вмял бы его нос внутрь, Эл свалился на плиточный керамический пол и продолжил катиться, пытаясь избежать следующих добивающих ударов. К счастью сервитор не умел быстро бегать и только это позволило отойти на безопасное расстояние. В зале не оказалось ни единого предмета, который можно было бы использовать, а значит у него оставалось только одно оружие, ненадёжное и порою более опасное для него самого. Он собрался, сжал свою волю в воображаемый кулак и ударил. Грубо и словно наотмашь, пытаясь успеть до того как очередной взмах шестом расколется ему череп. Лицо, точнее остатки лица сервитора смялись под напором невидимой силы, заставив того отшатнуться и неестественно выгнуться назад. Это позволило выиграть немного так необходимого сейчас времени. Когда сервитор вновь собрался замахиваться Эл уже был готов. Мощный мышечный спазм перекошил сервитора так, что порвались поверхностные ткани и трубки, обливая пол мутными струйками кровезаменителей от чего он стал кувыркаться на полу как перевёрнутый жук, не в силах справиться с повреждениями. Эл потянулся было к выроненной палке, но понял, что в этот раз перестарался и все его внутренности от перенапряжения были готовы выпрыгнуть наружу в болезненных волнообразных позывах. Его завтрак уже растекался по полу, а через мгновение и он сам встретился с ним лицом.

* * *

– Вставай! У тебя ещё ничего не сломано, а уже разлётся! Помни, каждая секунда на полу добавляет штрафные очки, а ты их и так набрал прилично.

Давно распрощавшаяся с молодостью женщина с обожженным лицом и аугментическими конечностями говорила как всегда холоднее, чем буран за стенами храма, а её слегка дёргающиеся глаза как всегда смотрели куда-то вдаль. Отчего было трудно сказать здесь ли она хоть частичкой своего разума и с тобой ли она говорит в данный момент времени. Её тёмно-синий балахон свободно свисал с плеч и скрывал все остальные черты совершенно не задевая за узлы аугметики и не мешая двигаться. Длинные полы и отроги ткани иногда двигались будто сами по себе, напоминая щупальца какого-нибудь морского жителя. Указав в сторону где, преодолевая дрожь избитого тела, пытается подняться Эл, женщина пробормотала поверх него нечто неразборчивое, обращаясь скорее к своей шоковой дубинке, нежели к нему.

– Император вездесущий, свет твой дланями храня... не смея возвести... тобой благо-
славя...

Эл уже достаточно хорошо усвоил, что пока он не выполнит упражнение, Темплар Адванта врятли даст ему отдохнуть. Хотя бы отдохнуть. Из окон тренировочного зала уже начинал струиться свет от обоих лун Сцинтиллы и ему в который раз пришлось остатками воли подавлять боль в усеянных синяками и кровоподтёками ногах, заставлять дрожащие руки вновь сжать кусок утяжелённого металлического шеста. В который раз он зашёл неуверенными шагами этой женщине в правую демисферу, уворачиваясь полуоборотом от взмаха пострескивающей электрическими разрядами дубинки. В который раз его, уже ставший почти неприподъёмным, кусок металла рассекает воздух в том месте где только что была она... И в который раз он вновь катится по рокритовому полу, получив сокрушающий удар механической ногой в живот ещё даже до того как шест лязгнул об пол.

– Пока ещё слишком медленно...слишком. Императору не нужны такие медлительные слуги.

Взирающие на него с потолочной фрески имперские святые, казалось делали это сейчас особенно строго, но ему уже было плевать. Он пытался глотнуть ртом воздух, но не мог и не было сил даже на то чтобы злиться. Хотябы на самого себя.

* * *

091.850.M41. Санктуарий.

– Да, безусловно, существуют логические доводы для доказательства метафизический понятий, но не пытайтесь противопоставить их эмпирическому чувственному опыту. Ваши воззрения на тот или иной вопрос имеют, в любом случае, крайне субъективный характер, какими бы методами получения информации вы ни пользовались, ибо в любом случае вы пропускаете её через призму собственного индивидуального опыта. Тот же процесс справедлив и в обратную сторону...

Все сидящие вокруг схоласта Эписквмавия уже давно знали, что если этот старик с шестерёнками вместо мозгов начнёт говорить, то заткнуть его будет практически невозможно, поэтому смиренно сидели и думали каждый о своём. Сколько ему лет точно сказать не мог никто, но раз он жил ещё во времена прошлого правителя сектора, то набегает как минимум три сотни лет. Ходили слухи, что когда-то он был великим воином и вышел живым из бесщётного множества битв с ксеносами и еретиками, но глядя на то как он передвигается только благодаря механическому экзоскелету, иногда с трудом поддерживая собственную голову, которая содержит столько информации, что было удивительно как он не сошёл с ума окончательно, в это не очень верилось. Хотя в последнем Эл всё же сомневался, ибо тяжесть прожитых лет зачастую уводила нить разговора в неведомые дали.

– Итак, что же говорит об этом Имперское кредо?

– Что дуалистический подход имеет ряд факторов, делающих данные суждения не только антиконструктивными, но и опасными в свете вышеназванной человеческой природы.

– Увы и отнюдь, Фиорентия, без сомнения, кохлеарная имплантация позволит тебе гораздо лучше усваивать материал. Я разве хоть слово сказал о том случае на Кревеле? Я лишь сказал им чтоб они прекратили, чтоб они..., а болотная жижа всё лилась сверху и лилась, кто мог знать? А? Никто! И потом вы мне заявляете что у вас нет мест для регистрации дополнительных векселей? Да что ж такое... Эм...так, о чём это я? Ах, так вот, а что об этом думаешь ты, служитель Харлок?

Вопрос застал Эла врасплох. В свете сотен восковых свечей, отражающихся от металлических заплат на лысине почтенного схоласта он наверно выглядел сейчас даже немного напуганным, ведь с самого начала занятия он только и делал что изображал внимательного слушателя, постоянно поглядывая немного в сторону на послушницу по имени Ламия Рефарт. Её несмелая улыбка значительно разбавляла уныние, нагнетаемое вездесущими серыми стенами вокруг.

– Я...эээ...думаю, что только искренняя и самозабвенная вера в Императора сможет открыть каждому из нас путь к наиболее объективной истине, ежели такова будет угодна Его замыслу.

Эписквамавий впервые за время занятия принял радушный вид.

– Именно так!

* * *

117.850.M41. Хозяйственные помещения.

Джеш казался мирно спящим. Словно сон настиг его прямо за углом подсобки столовой, но Эл терпеливо ждал рядом и прислушивался к шагам неподалёку, чтобы успеть оттащить тело своего незадачливого друга до того как их обнаружит случайный свидетель.

– (шёпотом) Знаешь, ты меня конечно извини, но игра не стоит свеч, а ещё у меня назойливое чувство узнавания, словно я уже ввязывался в подобную авантюру и это закончилось не очень хорошо.

Джеш естественно не ответил, свесив рыжие кудри на грудь он, похоже даже не дышал.

– Император милостивый, что ты там можешь так долго делать то а? Зуб даю что подглядываешь в раздевалку к поварихам... вот не ты ж будешь если не сделаешь этого, я тебя знаю.

Одновременно с этими словами Эл почувствовал как волна мурашек пробежала по спине, а дыхание на мгновение стало видимым как на морозе. Джеш приоткрыл глаза с довольной ухмылкой.

– А ты как всегда всё драматизируешь, я просто пытался обойти охранный авгур. Это заняло какое-то время, ты же знаешь моё астральное тело нежное и ранимое.

Заметив как приподнялись у Эла брови Джеш не выдержал и выдохнул со смехом:

– И да, не заглядывать под юбку Левсинии было бы грешно, ты уж меня пой...

– Тссс! Кто-то идёт.

Джеш непонимающе пытался прислушаться, но по нему было видно, что он думает будто его разыгрывают, однако Эл отчётливо слышал шаги ещё до того как они оба ощутили присутствие живого человека.

– Ой! А вы что тут делаете, голубки, мать вашу! Я ж чуть душу Императору не отдала!

– Спокуха, Офелия, мы с моим хмурым другом просто обсуждаем завтрашнее расписание занятий.

– Ага, ну конечно, а следы психо льда на стене оставил кто-то другой.

Безжалостное излучение звезды родного мира Офелии сделало её кожу чёрной как сажа. Настолько, что иногда даже было трудно разглядеть мимику лица, но сейчас всё было максимально понятно.

– Слушай, давай так, ты нас не видела, а мы с тобой поделимся, хорошо?

– Чем это ты собрался со мной делиться, Джошуа Аасирай? Уж не своим ли самодовольством?

– У меня есть для тебя кое-что получше, ягодка моя.

Широченную улыбку Джеша можно было разглядеть даже со спины, а Офелия на мгновение растерялась увидев как тот изображает руками вполне недвусмысленные манипуляции с её частями тела.

– Да пошёл ты!

Эл всё гадал могла ли она покраснеть, но судя по всему так об этом и не узнает.

– Ты знаешь, что у тебя проблемы с головой?

– Да она без ума от меня, ты что не видишь?

– О да, в её глазах определённо было вожделение.

– А как иначе? Так что, идём?

– Идём, но...

– Никаких «но», у тебя завтра начинается «Бдение», может статься, что это твой последний шанс.

Эл ничего не ответил, вспомнив о предстоящем жутком мероприятии под названием «Башня вечного плача», где ему в очередной раз придётся проявить всю стойкость духа, на которую он способен. Тем временем Джеш провёл его под лестничными пролётами к сантехническому узлу, из которого, как оказалось, можно было прокрасться в служебные помещения не попадаясь никому на глаза, а благодаря прорицательскому дару Джеша ещё и избежать ненужных случайных встреч.

– Всё, дальше двери закрыты, так что теперь твой выход. У меня никогда такие фокусы не получались.

– Она под биокодировкой и я даже не знаю чьей.

– Мне накануне приснилась дивная барышня, которая оказалась столь любезна, что имела неосторожность забыть в туалете, через который мы только что шли, свой фиксатор для волос с маленькой толикой шевелюры. Думаю не стоит говорить, что именно через эту дверь она и ушла.

Эл принял маленькое металлическое приспособление и осторожно вытянул из него русский волос. Прочитать генетический код по одной только луковице было сложной задачей даже для опытного биоманта, но они зашли уже слишком далеко, чтобы просто уйти. Он сфокусировался как смог и попытался пропустить через себя те крохи информации, которые удавалось узнать по едва уловимому запаху и вкусу волоса.

– Ну как? Скажи: что она любит? Хочу к с ней познакомиться поближе.

–... Обломись...

– Чего?

–... У неё уже есть ребёнок... и она смертельно больна... не могу понять чем, но она угасает с каждым днём...

Усилившиеся завывания бурана за стеной одновременно с этими словами совершенно не произвели на Джеша впечатления.

– Действительно облом, но я тебя не для этого с собой взял вообще то.

– Потерпи, это не так уж легко сделать.

Глядя на то как правая ладонь Эла начала сморщиваться и разглаживаться, словно варилась в кипятке, глаза Джеша расширились и его немного передёрнуло.

– А у неё милые пальчики всё-таки.

– Обычная женская кисть.

– Абыфная зеньская кись – как всегда вызывающе передразнил Джеш в ответ на любую невозмутимость, встреченную в жизни.

Видеть утончённые черты женской руки вместо своей истёртой мозолями Элу было непривычно, но он старался не заглядываться на неё слишком долго. Приложив её к дверному замку Эл застыл в ожидании. Приглушённый треск машинного духа, управляющего анализатором выражал сомнение и они уже было решили, что ничего не выйдет, но дверь всё всё-таки отъехала в сторону, открывая проход в складские помещения, заполненные холодной белой дымкой на полу.

– Шшшшикарно! Хватай всё что можешь унести! Так, что у нас тут? Вино, зелень, мясо! Тронуться можно как наставники питаются! А нас заставляют жрать кашу и бульон... Хотя не спорю, поначалу и они чувствовались как пища богов.

– Мне нужен только десерт, ты же знаешь.

– Ой, не скромничай, меня это больше всего бесит. Всё, хватай в зубы вон тот пирожок и побежали! Через 30-40 секунд сюда придут, нутром чую!

* * *

118.850.M41. «Башня вечного плача».

Мантия сползла на холодный каменный пол как в замедленной съёмке, оставляя, бледное, изрезанное шрамами и покрытое синяками разной свежести, тело дрожать, отчего цепи скользящие руки и ноги начали позвякивать практически в полной тишине. Первое и последнее, как Эл надеялся, «Бдение» началось, но ни важность события ни предстоящее испытание почти не волновали его будучи поглощены ещё оставшимся на губах привкусом вина и губ Ламии. Образы того чудного вечера клубились в его сознании благодатной дымкой, милосердно отграждая от неприятной действительности. А ещё ночь обещала быть не такой ослепительно яркой как обычно, потому что светила только одна луна. В своём положении Эл не мог точно разглядеть, но похоже что это была «Лахезис», восходящая с западной стороны горизонта. Эл усиленно вспоминал все детали, стараясь сохранить любую мелочь. Взгляды, фразы, ощущения, ведь это был первый раз, когда он испытывал нечто подобное и не был уверен испытает ли вновь:

– Мы уже почти всё сделали... так что, подойдёшь к ней?

– Я чувствую себя сейчас как-то неуверенно...

– Она же вроде не страшная. Ну точно не страшнее тех ребят которые производят санкционирование.

– Это совсем другое.

– А что тебя не устраивает?

– Да просто..., а забудь.

Эл скрепя сердце зашагал между серыми колоннами и читальными скамьями, чувствуя на себе испытующую ухмылку Джеша. «Мадам Рефарт», как её именовали другие послушники, казалась настолько увлечённой пыльным талмудом размером во весь стол, толстые страницы которого приходилось переворачивать двумя руками, что похоже не замечала никого вокруг и Эл пару секунд переминался с ноги на ногу пытаясь найти подходящие слова.

– Гхм... говорят «Глаз ужаса и его обитатели» Опуса Ван Галлара одна из самых удачных научных работ среди незапрещённой литературы, в отличие от второго тома «О паутине загадочной и чуждой, коей нелюди пользуются дабы прятаться и дела свои грязные творить»

Девушка поставила палец на строку и подняла немного растерянный взгляд.

– Простите?

– Я лишь хотел сказать, что у вас хороший вкус.

– А откуда тебе знать? Ты же меня ещё не пробовал.

Эл ощутил как его душа упала в пятки потому что он не понял ни истинного значения фразы ни необычного прищура её глаз.

– Э-э...

– Погоди-ка, я тебя знаю. Ты из группы ментора Августа верно? Хал...нет, Хок! Да?

– Харлок.

– Точно! Так говоришь читал эту нудятину?

– Эм, да только она на мой взгляд крайне зацензурена, но при этом всё равно содержит немало интересных сведений, о которых другие исследователи дальних рубежей умалчивают.

– Или нагло врут.

– Я бы не стал так резко...

– Короче, ты же не книгу пришёл обсуждать, верно? Весь твой вид выдаёт в тебе подспудный замысел, так что выкладывай.

Её перламутровые глаза уставились на него без напора, но тем не менее жёстче чем ему того хотелось бы, а тёмные прямые волосы подчёркивали и без того вытянутое лицо, отчего он чувствовал себя почти что как с ножом у горла.

– Я... хотел... в общем у меня есть небольшой сюрприз, которым надеюсь поделиться с тобой, если ты не против.

И тут она наконец улыбнулась точно также как делала это раньше, когда он наблюдал за ней издали или случайно сталкивался в коридоре неся околесицу.

– А ты уверен, что стоит начинать со слова «небольшой»? Обычно пытаются заинтриговать противоположными по значению эпитетами.

– Может быть, но ты так и не ответила на мой вопрос.

– Эх, не любишь играть в эти игры да? Ну лаадно, посмотрим что там за «сюрприз». А пока мне всё-таки нужно дочитать главу, так что прошу простить.

Потом были часы мучительного ожидания, а за ними незабываемый вечер в укромном уголке одной из малоиспользуемых башенок, наполненный безмолвными фразами и взглядами, а также необычными вкусами наспех утащенной со склада еды. Из воспоминаний его вытянули странные звуки, прорезавшие тишину. Кто-то невидимый бормотал одну и ту же неразборчивую фразу, доносящуюся из совершенно разных точек комнаты. Потом он почувствовал как на макушку стало капать что-то холодное и густое. Капля за каплей. Из положения между натянутыми как струна цепями посмотреть вверх оказалось трудно, но ему удалось разглядеть что потолок усеян ржавыми крючьями на которых были подвешены десятки человеческих тел полностью лишённых кожи, но при этом всё ещё живых. Они смотрели на него и говорили вразной одно и то же слово: «Предааааатееееель», пытаясь одновременно с этим дотянуться своими освежёванными руками до его лица. Крик Эла наверное разнёсся по всему храму прежде чем он смог удержать себя на мысли, что это скорее всего не происходит на самом деле. Ведь некоторых из висящих удалось даже узнать и они точно никак не могли быть здесь, однако то эмоциональное воздействие, которое они произвели основательно вывело его из равновесия и былой уверенности, к тому же образы никак не пропадали как бы он ни старался их отогнать. Когда он обнаружил, что более не скован цепями, то уже во всю танцевал в некоем хороводе из тысяч людей, цепь которых уходила далеко за пределы видимости в обе стороны. Дикий и непонятный танец было невозможно остановить потому что тело его не слушалось и всё больше раздувалось от гноя, сочащегося из множества язв. Руки участников хоровода сплелись в один гниющий конгломерат и на расплзающемся лице каждого застыла безумная улыбка. Отвращение и веселье сменяли друг друга пока он не свалился без сил после почти целого дня нескончаемой пляски. Кто-то подал руку и помог встать. Это оказался Джеш. Он был чем-то расстроен и с беспокойством поглядывал на Эла, сжимающего в руках нож. Сам он уже не понимал что происходит. Перед глазами возникали лица знакомых

людей, они в презрении отворачивались от него словно он нанёс им непростительную обиду. Не отвернулся только Джеш, а тело двигалось само по себе, вгоняя нож ему в грудь по самую рукоять. Эл снова начал кричать до боли в горле, только уже не от страха, а от горя. Дрожащей окровавленной рукой он коснулся застывшего безмятежного лица Джеша и его кожа слезла как плёнка открыв совсем другое лицо... Лицо Ламии. Элу стало трудно дышать от того, что слёзы и сопли начали течь рекой. Ещё одно неосторожное движение и лицо снова слезло, поменявшись на Мэн. Всё внутри сжималось от болезненных спазмов, порождаемых его безутешными рыданиями и ненавистью к самому себе. Отслоившаяся вновь часть лица приоткрыла лишь чью-то бровь, но он уже совершенно не хотел знать кто там. Он больше не мог этого выносить. На секунду Эл снова очнулся безвольно растянутым в цепях, подвывающим и всхлипывающим. Затем всё началось заново...

* * *

151.850.M41. Общие павильоны.

- Ой! Хахах! Ты что делаешь?
- Да так... всё как обычно.
- А если нас кто-нибудь увидит?
- Я тебе больше скажу, нас уже видели.
- Что?! И ты ничего не сказал, гад!
- Думал ты в курсе.
- Слишком много думаешь!
- Тс-с!

За дверь, обозначенной в полумраке пыльной хоз комнаты лишь тонким ореолом света, пробивающимся сквозь зазор между ней и косяком, слышались шаги и промелькнули тени. Щёки Ламии покраснели так, что было заметно и без света, а разгорячившееся тело стало извиваться от прикосновений уже знакомых рук, гуляющих под мантией. Она хотела было вырваться, но Эл прижал ещё сильнее и её это судя по всему вполне устроило.

- Тебя правда собираются отправить?
- Угу.
- Так скоро?

– И не только меня. По одному послушнику из каждой группы. Говорят стало поступать гораздо больше запросов о содействии и просто напросто не хватает людей.

– А надолго?

– Врядли... Да не волнуйся ты так, это же рутинная практика. Наставники считают, что уже пора начинать участвовать в жизни храма.

Девушка хитро сверкнула глазами и запустила пальцы в его непослушные волосы, неожиданно вцепившись в них и запрокинув Элу голову назад.

- Если не вернёшься вовремя, я сама вызовусь тебя казнить.
- Ох, можешь надеяться на мою ответную любезность.

Они оба утонули в крепких объятиях и поцелуе среди полок и стеллажей с неизвестной кучей хлама, стараясь забыть обо всём.

* * *

165.850.M41. Иокантосс. Порт-Страдание. Внешний город.

Две недели пути на борту маленького торгового фрегата «Яблочное семя» от Сцинтиллы до Иокантосса протянулись словно это был год. Всего две небольших палубы, часовня, аскетично обустроенные каюты и десять человек экипажа, из которых восемь – наискучнеешие

личности, проводящие всю свою жизнь роясь в налоговых декларациях и накладных. Один сумасшедший навигатор хоть как-то мог развлечь ибо ещё ни разу не повторялся в своих пророчествах ужасного будущего. Например как сейчас: «Истинно говорю вам, слепцы не ведающие пути перед собой! Придёт час когда звёзды выстроятся в ряд и поглотят ваши грешные души!» Был ещё один ботаник средних лет, чрезвычайно волосатый и коренастый мужчина по имени Тефус. Он, к счастью, вполне недурно играл в «Таро» и рассказывал байки о местах, в которых успел побывать, а также о своей внушительной коллекции разнообразных растений, содержащей порой даже строго запрещённые экземпляры, что наводило на мысль о незаурядных способностях этого человека к беседе с имперской таможенной службой. Это был пусть и не самый яркий, но всё же лучик света в тёмном скучном царстве разбросанных по полу проводов, беспрестанно моргающих экранов когитаторов и давно нечищенных бронзовых барельефов. А его травяная настойка на основе Асирофского амасека оказалась едва ли ни самым ценным открытием за всё это время.

– Ох, крутите вы, молодой человек... я вот честно признаюсь, что ощутить твёрдую почву под ногами после долгих скитаний в космосе это, пожалуй, одно из самых приятных ощущений, кои может испытать путешественник. Всегда возношу хвалу Императору за каждую такую возможность.

– Для человека не относящегося к пустотникам это вполне нормально, я полагаю. Но за глоток свежего воздуха после второй недели, уже на самом деле, можно было кого-нибудь раздавить.

– О! Это верно, да! Так, говоришь, ты археолог?

– Хех, есть такое...

Эл изобразил самый невинный вид, какой только мог и вновь вжился в роль увлечённого искателя никому не нужных рассыпающихся камней.

– В губернаторском скриптории мне удалось откопать упоминание о храме, построенном в честь святого генерала Друза где-то в горах на Иокантоссе и заброшенного после восстания вождя «Зуболома» более пятисот лет назад. Найти такое сокровище было бы невероятной удачей.

– Мда... не самое лучшее место ты выбрал для раскапывания старых фресок. Тут такие как ты пропадают очень быстро и без следа.

Эл еле удержал себя от того, чтобы выругаться, вспомнив про своё истинное задание и с подобием беспокойства посмотрел в глаза Тефусу.

– Но как? Это же мир под сенью самого Императора и вдобавок я мирный человек, идущий со святой миссией.

– А остальные нет. Да даже за твои сапоги могут приглубить.

– Ну, а вы как же?

– Я за стены города ни ногой, ты что! Буду работать с тем, что принесут. Это уже какая? Четвёртая моя командировка сюда. В Adeptus Terra всё никак не уймется и заставляют меня найти способ культивировать этот грёбаный цветок «Призрачное пламя». Ты знал, что это растение вообще единственное за счёт чего планета существует? Вся планетарная десятина укладывается в поставки пыльцы, из которой потом делают уникальные боевые наркотики для штрафных легионов имперской гвардии по всему сектору. Но вот беда на мою голову, он вообще не растёт ни в одной искусственной среде. Только на местах больших сражений и только на этой пустынной выжженной почве после обильного её удобрения человеческой кровью. И поэтому почти всё население этого дикого мира в лице многочисленных варварских племён только и делает что грызётся за обладание очередным урожаем, в процессе кстати обеспечивая будущий. Какая жестокая ирония, не находишь?

– Гм, это очень печально, но всё равно спасибо за предупреждение. Постараюсь держаться от всего этого подальше.

Безусловно Эл всё это прекрасно знал из инструктажа перед отправкой и из информационной сводки. Просто наивный и тупой энтузиаст на его взгляд одна из самых удобных личин. Какая бы заварушка ни случилась, о таких посредственных личностях потом, как правило, никогда не вспоминают. Парадоксально, но Иокантосс действительно является одним из основных миров Пролива Голгенны, при этом практически не затронутым цивилизацией, а имперское законодательство соблюдается там только перед фасадами административных зданий и в радиусе не более пятидесяти метров от патруля Adeptus Arbitres. Само же почти пяти миллиардное население планеты, находясь на племенном уровне развития, постоянно занимается вооружёнными стычками за небольшие участки территории, на которых выросли алые блестящие цветы, а как всегда прагматичные имперские власти решили, что выгоднее просто предоставить этих людей самим себе, убедив их, после кратковременной бомбардировки, только лишь осуществлять сбор и поставки сырья. Разумеется никому и в голову не приходило строить там храм. Максимум что могло произойти это прибытие миссионеров Эклезиархии, так как проповедь и пропаганда имперского культа является обязательной на всех мирах Империи. Результативность опять же мало кого волновала. К тому же Эл сильно сомневался, что нынешний великий вождь «Большой череп» хоть как-нибудь интересовался вопросами веры. «Вэр-вай» вроде так его называли на местном языке. На всей поверхности планеты зарегистрировано всего два значимых поселения: «Аббатство Рассвета» – закрытая для посторонних база святого сестринства и «Порт – Страдание» – чисто формальный административный пункт для связи с внешним миром. В забегаловке при космопорте было многолюдно и ещё более душно, нежели на улице, поэтому Эл постарался как можно скорее отблагодарить своего собеседника за угощение и приятную компанию, после чего протиснулся наружу. Одно-двухэтажные лачуги, составляющие основную массу строений Порты – Страдания снова раскалялись под иссушающим солнцем, едва миновала песчаная буря. Эл глубоко вдохнул горячий воздух и поправил ремни рюкзака на выгоревшем конгломерате тряпок, называющихся «Сеху». Местная одежда несмотря на свой неказистый вид оказалась вполне удобной и лучше защищала от жары. Первым делом нужно было найти транспорт или караван, идущий в сторону горной цепи, виднеющейся на горизонте и он искренне надеялся, что это будет самым трудным из всего, что предстоит. Патрульная пара арбитров в панцирной броне тихо прошагала мимо не обратив на Эла даже мимолётного внимания. «И правильно, чего тут искать? Ничего? И охранять то особо некого. Вот только меня нелёгкая занесла... так, где мой планшет? Ага, вот: Верциус Кулл 115 стандартных лет, 1,7 метра ростом, обычного телосложения, волосы короткие, светло-русые, был одет в форменный камзол торгового дома Айден... Да какого варпа ты здесь забыл то? Сукин сын... Вероятно один из самых богатых людей сектора зачем-то попёрся в пустыню и никому ничего не сказал... Не нравится мне эта история с самого начала уже.» Честно говоря, Элу было плевать как на самого Верциуса, так и на его дела, он хотел только быстрее вытащить его за шкиряк из этой дыры и выбраться самому. Больше ничего. Сверившись с картой он определил примерное расстояние до точки, из которой последний раз поступал сигнал от личного коммуникатора Кулла и недовольно вздохнул. Вид переплетающихся улочек и безжизненных холмов за ними неприятно отзывался в воображении картинками долгой и изнурительной пешей прогулки. Жара всё сильнее стала подгонять струйки пота по лбу когда Эл обнаружил в одном из переулков копошащегося в останках транспортного средства мужчину, практически с ног до головы перепачканного машинным маслом.

– Извините, вы говорите на «Готике»?

– Чаво? Я те щас не токмо скажу, а ещё пну чтоб проветрился под облаками! Чё надобно то?

– Нуууу... мне так далеко не надо, до гор в самый раз.

– За пятьсот кредитов могу пнуть чутка послабже, умник.

– Мил человек, вы меня так разорите!

– Ты тупой что ли?

– Хах, есть немного...

– Оно и видно, раз собрался из города выходить. Был тут один караван, тока он поди уже уковылял.

– Что же мне делать, мил человек? Мне не к кому обратиться.

Мужчина пошевелил усами, больше похожими на щётку и хмуро крикнул куда-то в сторону: «Акиииир!». Через пару секунд с крыши соседнего дома спрыгнул чумазый взъерошенный мальчуган одетый в рваную мешковину. Его вид вызвал у Эла странное волнующее чувство, холодными пальцами карабкающееся из глубин памяти. Воспоминания словно совсем из другой жизни.

– Акир, отведи этого дурного к Чубу и сразу сюда!

– Хорошо, отец.

Как только Эл положил мужчине в натруженную ладонь пару монет, резвый мальчуган потянул его за рукав, увлекая в запутанные переплетения улиц, над которыми беспорядочно болтались на ветру верёвки с бельём и истрёпанные навесы. Что не могло не радовать. Пересекая очередной перекрёсток мальчик побежал по дуге, словно обходя что-то и Эл решил на всякий случай повторить его движение. Лишь в конце он заметил спящего в тёмном углу сторожевого зверя, напоминающего огромную ящерицу, скованную цепями. Судя по всему она охраняла проход к тупику на который мальчик указал прежде чем исчезнуть за углом. Под большим дырявым от ветра и песка навесом сидело трое мужчин, блестящих от пота своей бронзовой кожей. Чтож... раз ему отказали в магистратуме, то придётся искать помощи у всяких мутных типов вроде этих. Пока он шёл до них, ухмылка невольно расплзлась на лице от мысли, что этот городок всецело оправдывает своё название. Одна только справка из местного отдела логистики заняла у него половину дня мотаний по душным кабинетам и в итоге не давшим ровным счётом ничего. Несомненно, если бы Империиум мог сражаться в войнах своим бюрократическим аппаратом, то у остальной галактики не было бы никаких шансов.

– Эй! Те чё нада, залётный?

Четверо мужчин, сидевших в странных позах на ковре играли в карты, при этом не отрывая пристального взгляда от неуверенно топчущегося у входа Эла. Из одежды на них были только укороченные выцветшие штаны и лишь у одного признаки растительности в виде жиденького пучка волос на макушке.

– Приветствую! Да мне это... прокатиться бы, желательно с ветерком.

– Ты видишь здесь транспорт? Или решил что на горбу тебя потащим?

Их раскатистый смех напоминал скорее гогот диких животных, нежели людей, но Эл всё равно посмеялся.

– Мне надо в горы (Эл показал пальцем точку на примитивной бумажной карте) и желательно до вечера, а то природа тут, сами знаете, неласковая.

– Тут не природы надо бояться... чего ты там забыл мне до лампочки, так что сразу к делу: чем платить будешь?

– Имперскими кредитами... 200 достаточно?

– Маловато будет, в карты играть умеешь? Одна партейка и решим вопрос.

– А если проиграю?

По лицам мужчин пробежала слащавая улыбка.

– Поработаешь немножко.

– Ну если немножко, то можно.

Ему даже не нужно было читать их мысли, чтобы понять насколько скользкие это люди и всё, что с ними связано, но иного выхода он, к сожалению не видел и смиренно сел на пыльный ковёр, пытаясь скрестить ноги также как они. Взяв из колоды 4 случайных карты он поджал губы от разочарования. Два «Примарха», «Лорд – кастелян» и «Еретик». Далекое не самая соче-

тающаяся комбинация, но могло быть и хуже. Неконтролируемые проблески на окраине сознания подсказывали пропустить следующие две замены, а на третью он скинул «Еретика» и получил взамен «Сестру битвы». Эл изобразил попытку скрыть свою досаду и мужчины напротив купились на этот дешёвый трюк, отказавшись от третьей замены. И немудрено. В таком месте скорее всего настолько скучно, что они готовы пойти на любой риск ради развлечения.

– Карты на пол!

– Ого! Смотрите-ка! А мне повезло! Если честно, то это первый раз, когда я выиграл!

Эл уже держал рукоять пистолета под своей накидкой, когда один из сидевших решил восстановить справедливость, потянувшись, как он думал, совершенно незаметно за чем-то под ковром. Чуб остановил его одним недовольным взглядом и Эл облегчённо вздохнул внутри себя.

– Свиф, подбросишь «везунчика» куда надо и обратно, хочу кое-чего перетереть потом.

– Э, а чё сразу я?!

– А ничё!

* * *

На той скорости, которую развивал самодельный спидер, изнуряющий зной практически не чувствовался, но зато периодически попадающиеся неровности ландшафта заставляли постоянно держаться за сиденье. Несколько часов молчаливой езды с угрюмым мужчиной у руля прошли в созерцании не менее угрюмого пейзажа. Смешанные между собой пустынно степные мотивы лишь изредка прерывались мелкими оазисами и перебегающими из норы в нору зверьками. Между тем громады горных хребтов неумолимо приближались, становясь выше с каждой минутой. Призрачная дымка вдалеке, принятая поначалу за мираж, оказалась не чем иным как поляной тех самых блестящих цветов, оплетающих корнями побелевшие скелеты людей. Эл с мрачным видом осознал насколько велика безысходность здешнего существования, насколько замкнут круг бесконечной ненависти и кровопролития. Совсем скоро на этот клочок земли вдалеке съедутся племена и начнут резню, а выжившие запомнят это место, чтобы прийти потом и всё повторится вновь. Водитель похоже тоже не имел ни малейшего желания участвовать в этом, потому повернул подальше в сторону от поляны. Глядя на дребезжащую обшивку спидера Эл не переставал удивляться как же все эти механизмы могут функционировать без священных печатей Омниссии. Не иначе какое-то техноколдовство. Эта мысль оказалась роковой, потому что спидер резко рванул в сторону и внезапно возникшее ощущение свободного полёта напомнило ему о важности постоянного крепкого хвата, а встреча лица с горячим песком о необходимости ношения шлема при езде на больших скоростях. Эл успел лишь частично сгруппироваться и кубарем покатился по бархану. Удар выбил весь воздух из лёгких, а от вращения сильно закружилась голова. Когда он наконец остановился, то услышал доносимый ветром удаляющийся хохот и рёв мотора.

– Нет, а чего я ожидал? Что-то я расслабился, видно давно не попадал в передряги. (мыслил он вслух, отряхиваясь от песка) – Хотя бы ничего не сломал на этот раз и то хорошо.

Приблизительно оценив расстояние до подножия гор Эл прикинул, что идти до места ещё где-то час если не тормозить. Песок постепенно уступал сухой потрескавшейся земле с порослями синих колючих кустов, а зной навалился с новой силой, не давая собраться с мыслями. Даже осушив всю флягу с водой легче он себя чувствовать не стал и зашаркал вперёд, слишком поздно осознав, что ощущает живую пульсацию под ничем не примечательным участком грунта. Всего лишь за секунду до того как правую ногу пронзила резкая боль, а с тыльной стороны ступни выглянул окровавленный шип. От испуга он отпрыгнул оставив обломок шипа так и торчать в ноге, которая почти сразу начала неметь. По всей видимости от некой разновидности нервно-паралитического яда, а на том месте, где он только что стоял, вздыбился небольшой

холмик размером с прикроватную тумбу и выставил вперёд острые сегментированные конечности, пытающиеся разделить Эла на легко усвояемые лоскуты. Здравомысленно рассудив, что сейчас не самый подходящий момент для увлечения энтомологией, он выхватил свой крупнокалиберный стабберный пистолет и сделал пару грохочущих выстрелов, от которых холмик взорвался брызгами жёлтой густой слизи и кусками хитина, не оставляя шанса разглядеть подробности.

– ВОТ ЖЕ Ж СССУКА! Мммммммфх!

Онемение начало медленно ползти вверх по ноге и постепенно переходить на тело. «Времени мало, а я как обычно забыл взять с собой антидот» Эл собрал всю свою волю и направил её внутрь, проносясь сознанием по сосудам и нервам, пытаясь заставить их сопротивляться пропитывающему всё на своём пути токсину. Такая крайне сложная ментальная техника далась ему не сразу и спустя приличное количество времени и сил, но по крайней мере он хотя бы мог теперь снова ходить и имеет шанс помереть не среди пустыни, а где-нибудь в другом месте. Небо уже успело окраситься в рыжий цвет в честь предзакатного солнца, а значит нужно было поторапливаться. «Я потерял слишком много времени из-за этого жука, будь он проклят!» Впереди стали виднеться очертания чего-то похожего на лагерь и Эл захромал в ту сторону, всей душой надеясь, что стена пыли вдалеке это всего лишь очередная буря, а не толпа дикарей на примитивных машинах, спешащих первыми собрать урожай на так не кстати близко расположенном цветочном поле. Говорят «Призрачное пламя» питается жестокостью и отчаянием и они, скорее всего, не врут. Лагерь оказался заброшенным поселением из нескольких глиняных домиков, внутри которых царило запустение. Никаких следов и признаков жизни кроме мелких грызунов и насекомых. Однако ощущалось ещё что-то... Эл не мог сказать что именно, но все эти глиняные домики словно пристально наблюдали за ним пустыми чёрными глазницами оконных проёмов, приобретающих весьма зловещий вид в надвигающихся сумерках. Это место было покинуто уже не один день, но тягучие отголоски человеческих душ всё равно витали в воздухе, наполняя его сверхъестественными шорохами и шептанием. Эл начал беспокоиться и нервно водить пистолетом из стороны в сторону, повторно осматривая каждый угол и дом и ничего не мог понять. Все чувства как будто начали сходить с ума и выдавать противоречивые сигналы. Само это место пыталось прогнать его, как бы глупо это ни звучало. В стороне от селения виднелось небольшое углубление, приковыляв к которому он обнаружил миниатюрный карьер не более 10 метров в диаметре с оставленными в нём инструментами для ручной раскопки. В самом низу из земли выглядывала чёрная блестящая идеально отполированная пирамида размером с личный грунтовой транспорт. Белые крючковатые символы на ней были неподвижны, но если задержать взгляд, они начинали ползти и перемешиваться, складываясь в постоянно меняющийся узор. Эл чувствовал как безумие, порождаемое непонятными письменами сдавливает горло, но не мог оторвать взгляд. Узор завораживал и манил к себе тихой колыбельной песенкой, доносящейся как будто с очень большого расстояния. Лишь ударив себя по лицу с достаточной силой удалось отвернуться. «Что-то ты совсем расклеился Эл! Это никуда не годится!» Он отполз от карьера всеми силами борясь с желанием обернуться. От увиденного мозг становился ватным, а мысли скрипели как старые суставы, но некоторые догадки касательно происходящего всё-таки начали выстраиваться в нечёткую картинку. Встав на ноги Эл обнаружил следы. Обувь не его и шаг семенящий. Потом след внезапно оборвался в направлении пустыни. «Ох... как же я это не люблю» Усилие воли расширило носовые капилляры и обострило обоняние до предела. От напряжения из ноздрей потекли тонкие струйки слизи с прожилками крови, однако воздух сразу же наполнился целой гаммой запахов, о которых Эл даже и не подозревал. Для человека в нормальном состоянии не доступен запах камней под ногами, запах сырого настила в норке пустынного грызуна, глины на дне пересохшего ручья в горах... Тонкие нотки ароматов степных цветов, приносимые ветром тем не менее не смогли перебить тот факт, что сам Эл вонял не лучше компостной кучи. А ещё... тошнотворно сладкий навязчивый запах варпа. Его не спутать ни с чем если хоть раз ощутить. Этот запах

врезается в память цепкими острыми когтями страха перед непознаваемым и бесконечно чуждым. «Значит я всё-таки что-то пропустил» Обоняемый след привёл его обратно в деревню к одной из крайних хижин, где на полу, на котором ещё несколько минут назад совершенно ничего не было, лежал нещадно изодранный труп мужчины. Его лицо, к удивлению, имело относительно сохранный, хоть и перекошенный гримасой боли и ужаса, вид. Тот самый Верциус мать его Кулл. «Можно же было догадаться, что не подающий никаких сигналов гражданин скорее всего уже не нуждается в поисках, но неет, иди и проверь!» Покрытый запёкшейся кровью кулак мужчины что-то сжимал, но вырезанные на коже символы, напоминающие те что на пирамиде, не давали толком рассмотреть ничего. Эл зажмурил глаза, но символы проступали сквозь закрытые веки сводящей с ума чехардой. Нечестивое варп-колдовство... это уже слишком для сегодняшнего и без того дряного дня. О том что здесь могло накануне происходить Эл решил даже не пытаться думать ибо и так еле держался от того чтобы начать пускать слюни и рыть землю в приступе безумной паники, вызванной неожиданным контактом с концентрированной потусторонней энергией. Борясь с выворачивающими наизнанку позавами рвоты он выхватил из кулака мёртвого мужчины какую-то бумажку и всё также не открывая глаз выбежал наружу. Руки дрожали от напряжения, а дыхание хрипло рвало воздух так, что не удавалось произнести ни одного слова из литании изгнания ереси, которая превратилась в отдельные слоги, выплёвываемые заикающимся ртом. Так продолжалось какое-то время, пока Эл наконец не успокоился. Перепачканная кровью и грязью смятая бумажка в его руках содержала несколько коряво написанных строк, разобрать из которых удалось только первую: «Комус ищет, Комус придёт, Комус вернёт своих детей в утробу...»

– ЧТО?! Нет, пусть Айкус с этим дерьмом разбирается! Я сваливаю!

Эл с трудом встал, но тут же почувствовал несколько живых импульсов за спиной. Он заметил их слишком поздно, всего лишь на расстоянии меньше десятка шагов, хотя те и не пытались красться. Четыре человека в грубо сшитых кожаных нагрудниках и дубинками наперевес настороженно разглядывали его.

– Wagang tuwa?

– Te eve zal nugun?

Отругать себя за легкомысленное отношение к изучению местного диалекта перед заданием Эл решил чуть позже, а сейчас лихорадочные попытки вспомнить хотя бы пару фраз заставляли его стоять как вкопанного и хлопать всё ещё побаливающими от увиденного глазами. Благо в мыслях этих людей он пока ещё не чувствовал ничего агрессивного, только интерес и нерешительность.

– Васун...эээ, кугал... чтоб тебя... око чигун...

Все четверо переглянулись с явным раздражением на лице.

– Ну отлично! Что я только что сказал то?

Дикари кинулись на него с неким подобием боевого клича, а Эл всё ещё неважно себя чувствовал и не был уверен в том, что сможет убежать. Ситуация слишком резко вышла из-под контроля, поэтому тело стало двигаться само, не дожидаясь слипшихся мыслей и повинувшись вбитым намертво рефлексам. Он повернулся боком, уходя от шипастой коряги, просвистевшей прямо перед носом и схватил державшую её женщину за запястье, выворачивая его перед собой с явным хрустом. Крик женщины прервался влажным шлепком костей черепа, вмявшихся под дубинкой другого нападавшего, который успел только выпучить глаза от неожиданного поворота событий, прежде чем схватился за сломанную ударом ладони гортань и хрипя покатился по земле. Двух других Эл потерял из виду и едва потянулся за пистолетом как удар в затылок погрузил его во мрак.

* * *

Клубящаяся синева заполняла всё окружающее пространство. Она постоянно двигалась и бурлила обнажая и снова скрывая в своих водоворотах образы мест, людей, надписи, создавая атмосферу интригующей таинственности. Стелющийся по полу туман то и дело сгущался в маленькие грозовые тучи и тут же распадался, ветер постоянно менял направление и силу, а опора под ногами норовила исчезнуть. Голоса и всевозможные звуки доносились из ниоткуда, смешиваясь в неразборчивую какофонию. Чтож... таков варп, имматериум, эмпирей, эфир, океан душ... можно называть как угодно, но суть от этого не поменяется. Это «место», если можно так назвать, не поддаётся никаким логическим объяснениям ибо как только ты решил, что начал понимать здешние законы, они сразу же переворачиваются с ног на голову. Прошло не так много времени с тех пор, как Эл научился осознавать себя здесь целиком и полностью, но всегда важно было помнить, что за пределами реальности нельзя говорить о чём либо с хоть какой-нибудь долей уверенности. Между тем, несмотря на такую обстановку, удалось заметить наличие стен, разделяющих пространство на множество переплетающихся коридоров, ходящих ходуном друг относительно друга во всех плоскостях. Взобравшись на нечто напоминающее каменный уступ, Эл чуть не поперхнулся от открывшегося вида на грандиозный многоуровневый лабиринт, простирающийся до незримых границ во все стороны, каждая секция которого перемещалась в случайном направлении занимая место другой. Эл полагал, что перед ним предстала граница владений самого «Архитектора судеб». Имя, которое он слышал только в варпе, а при попытках найти информацию в фолиантах, или вывести у наставников и архивариусов Эл всегда встречал недвусмысленные намёки на то, что эти сведения не для всех... далеко не для всех, а ему следовало бы усердней молиться. Вообще то, что запретных знаний и книг почти столько же, если не больше, чем общедоступных сильно беспокоило его, хотя он и понимал насколько могут быть опасны некоторые из них. Что уж там у него самого поначалу голова шла кругом когда он стал узнавать, что привычный ему мир совсем не такой, каким его привыкли видеть и всё в таком роде. Некоторые вещи, особенно сильно не укладывающиеся в голове могут привести среднестатистического человека к совершенно неадекватным поступкам или соблазнить лживыми перспективами. Пока Эл размышлял над этим, его взор случайно заметил блуждающий силуэт между движущимися секциями стены прямо перед собой. Подойдя ближе и приглядевшись он неожиданно обнаружил... самого себя. Тот другой «он» только с протяжённым шрамом на лице выглядел озабоченным и что-то искал. Может быть выход, а может быть и нет. Когда же их глаза встретились, двойник лишь приложил указательный палец к губам, прося не произносить слов и молча направился в только что возникший проход. Он поманил за собой, но Эл побоялся идти следом, настороженно вслушиваясь в усилившиеся потоки шёпота, разносимого ветром.

– Эй! Эй! Ты... настоящий?

Тихий голос маленького мальчика доносился из-под небольшого нагромождения камней, в тени которого проглядывались очертания до смерти напуганного ребёнка.

– В смысле?

– Ты... нне похож на тех, кто живёт здесь, м...ммможешь м...ммне п...поверить.

– Знаю, а ты кто такой?

– Я? Н...не знаю. Точнее забыл. Я уже очень давно здесь и никак не могу выбраться. Ты же ведь тоже заблудился?

– Скорее всего. Может перестанешь прятаться?

– Прятаться самый лучший способ выжить.

– Выходит ты пробудившийся малолетний псайкер...сочувствую.

– Пса... кто? Зачем обзываешься?

– Я не обзываюсь, долго объяснять.

– Гм... тогда ладно, слушай, может сможешь мне?

Из укрытия вылез истощавший почти до предела ребёнок, закутанный в грязное рваньё и стал усиленно чесать свалявшиеся в один комок волосы на голове.

– Чем?

– Я тут короче долго ходил... ходил... ходил и мне кажется я нашёл выход, только дедушка «Тук-тук» меня не пускает.

– Дедушка «Тук-тук»? Это кто? И почему ты решил, что за ним выход?

– Потому что за этим вредным стариком нет этого проклятого лабиринта, вот почему. Пойдём я тебе покажу.

Мальчик повёл его извилистой тропой между беспорядочным нагромождением металлических плит, проступающих сквозь вездесущий туман. Как бы ни были неприятны провожающие их взгляды глаз, возникающих и исчезающих на ничем не примечательных участках стены, Эл всё-таки удержал себя в руках и продолжил следовать не обращая на них внимания. В итоге мальчик вывел на площадку из неровно уложенных крошащихся кирпичей, в дальнем углу которой стояло высохшее кривое дерево и резная металлическая калитка в стене. Подойдя ближе Эл обнаружил, что у дерева есть лицо... Лицо бесконечно дряхлого старика с неестественно длинными седыми бровями и ресницами. Он спал.

– Эм... Уважаемый?... Прошу прощения, вы меня слышите?

Ответа не последовало.

– Ты неправильно делаешь, смотри как надо: тук-тук!

Старик сразу же встрепенулся приоткрыв мутные белые глаза.

– Кто там?

– Смерть твоя пришла, старый хрыч! Сейчас мой новый друг тебе ветки пообламывает раз не выпускаешь меня!

Голос старика почти ничем не отличался от скрипа сухих ветвей на ветру.

– Каждое действие порождает противодействие, причина порождает следствие, а вопросы порождают ответы, ответы – знания, знания – власть...

– Ну вот он опять начинает! Каждый раз несёт какую-то чепуху, ничего не понимаю из его бормотания! Ты вот понял?

– А власть порождает гордыню, гордыня приводит к упадку, упадок – к борьбе, борьба – к противодействию. Уроборос кусает свой хвост...

Старик чуть шире раскрыл глаза и уставился на Эла, а мальчик непонимающе переводил взгляд с одного на другого.

– И ты туда же что ли? Я опять ничегошеньки не понял.

– Это не страшно, я зато понял. Нужно просто перестать чего-либо хотеть и это место само воспротивится тебя здесь держать.

– Чего? Но меня уже всё достало! Я уже не могу! Хочу выбраться!

– А ты попробуй смириться.

– О чём ты вообще говоришь? Как это смириться?

– Вот так. (Эл обратился к разглядывающему их старику) За всё нужно платить свою цену, но я пока не готов...

Корни, блокирующие петли калитки с хрустом отстранились от неё и та сама отворилась, открывая вид на пустошь.

– Ого!

Мальчик ринулся было к выходу, но будто упёрся в незримую стену и остался на месте. Эл же стоял спокойно. Он решил не останавливаться и отказался выходить.

– Мне ничего не нужно.

Окружающие стены стали сами по себе расходиться и перемещаться, оставляя его снаружи огороженной территории. Глядя на что мальчик готов был разреваться.

– Как же тааааак?! Забери меня с собой!

– Я не собираюсь тебя брать с собой, демон...

– Что? Я не...

– У тебя целая вечность чтобы научиться не переигрывать и не допускать дыр в повествовании, так что прощай.

Истерика сразу же исчезла с лица мальчика и он резко стал задумчиво смотреть в пол.

– Я это учту...

* * *

Тупая боль пульсировала на затылке, растекаясь по шее и на лоб. В месте удара Эл нащупал корку запёкшейся крови вперемешку с волосами, а из одежды на нём было... ничего. Совсем ничего. Сам он лежал в тесной клетке, рядом с клетками таких же бедолаг. Кромешная безлунная ночь нагоняла холодный ветер, заставляющий всех сворачиваться в клубок. Вокруг горело множество костров, освещавших небольшие островки с уютящимися на них группами людей, оживлённо обсуждавших и споривших. Иногда доходило и до драки, но выглядело всё вполне обыденно. В мыслях пленников из соседних клеток не гуляло ничего кроме страха и отчаяния, а в мыслях прогуливающих стражников наоборот – предвкушение праздничного жертвоприношения. Как Эл однажды слышал: «Не на всех праздниках стоит побывать». Лёгким усилием воли он поманил к себе стоявшего неподалёку полуголого мужчину с копьём. На поверхности его сознания плавал образ молодой женщины с ребёнком. Эл ухватился за этот образ и заставил собственное лицо подстроиться под него. Мышцы болезненно сводило от неестественного положения и напряжения, но этот приём всегда оказывался чрезвычайно эффективным. Когда стражник подошёл, то выронил копьё от изумления.

– Gasha? Olsoz ufah ke?

– Дорогой мой, ребёнок остался совсем один, выпусти меня скорее!

Эл старался давить волей как можно осторожнее, чтобы мужчина просто понял общий смысл его фразы не вдаваясь в подробности и не обращая внимания на вдруг изменившийся голос возлюбленной.

– Hoj!

Стражник метнулся в тень всего на минуту и вернулся со связкой ключей, судорожно пытаясь вставить нужный в замок.

– Lar igung yeri...

К удивлению Эла стражник не выдержал даже такого, видимо сказала усталость, в связи с чем тот начал сползать, опираясь на дверь и провалился в глубокий сон ещё до того как упал на землю. Увидев Эла со связкой ключей другие пленники зашептались в отчаянной мольбе освободить их. Холодный рассудок подсказывал, что не стоит и он слился с ночным мраком, превратившись в едва заметный блик в воздухе. Да, он верный слуга Императора, но он не герой и пришёл сюда не за ними. Хотя... он мог бы поставить их между собой и возможными преследователями. Эл осмотрелся повнимательнее и заметил стоящую на окраине лагеря машину с широкими колёсами, приспособленными для езды по пустыне. «Если повежёт, я успею добежать до неё до того как начнётся представление». Разумеется на поиск своих вещей времени не будет. Вздохнув в самый последний момент он бросил ключи пленникам, ибо возможность быть хозяином своей судьбы достаточно ценный дар, о котором он знал не понаслышке. Мерцающая тень побрела в ночи, огибая костры и патрули с напряжённой оглядкой на копошащихся пленных. У машины стояло двое отдыхающих после ремонта за весёлой беседой мужчин. Количество пустых бутылок из-под спиртного само по себе навело на мысль

о безболезненном разрешении ситуации и Эл осторожно сжал их мочевые пузыри одним касанием мысли. Оба сразу же побежали в сторону почти в припрыжку, а он, всё ещё дрожа от холода, голышом уселся на грубое металлическое кресло водителя, упирая рычаг питания двигателя на максимум. Машина взревела, поднимая за собой облако пыли и рванула по барханам, настойчиво норовя сбросить водителя в них. Эл оглянулся на удаляющийся лагерь и не переставал думать о том, как же так сформулировать терзающие его вопросы касательно всего здесь произошедшего и увиденного, а также того факта, что кто-то очень не хотел, чтобы он увидел то что увидел. Как сформулировать эти вопросы так, чтобы его не объявили еретиком и не отправили на костёр? Нужных слов придумать не получалось.

Глава 6

«Вы спрашиваете имел ли я право предать смерти десятки миллиардов людей, но никто из вас не поинтересовался имел ли я право оставить их в живых!»

© *инквизитор Криптман, Ордо Ксенос.*

Логово зверя.

327.850.M41. Сцинтилла. Улей Сибеллус. Центральный квартал.

Ливень шёл сплошной стеной с самого утра и вопреки надеждам продолжал идти и ночью. Бушующие потоки воды стекали по исполинским зданиям и водосборникам подобно рекам и водопадам. Хотя это и шло на пользу улью, который отмоется хотя бы от какой-то части смога и копоти, налипшей практически на всё, но Эла эта ситуация в корне не устраивала, потому что он уже битый час сидел на парапете жилого шпиля, на высоте в пару километров над проспектами среднего улья в обнимку с обдуваемой всеми ветрами чугунной горгульей и уже порядочно замёрз, промокнув до нитки. Чёртов поезд опаздывал. А ведь его так торопили в храме... «Темплар Харлок, советую вам поторопиться! Малейшее промедление может стоить жизней тысячам людей!» И вот... Город внизу горел и переливался всеми оттенками ночного освещения. Он не переставал бурлить жизнью ни на минуту и никогда не спал, отчего даже обе луны «Сотус» и «Лахезис», казалось устали и скрылись за тучами. Где-то вдалеке, за стеной дождя виднелся грязно-белый овал «Пан – Юдициума» – гигантского штаба Адептус Арбитрес, видного почти со всех уголков этого района улья. Сам Сибеллус же как моровая язва растянулся на 8 тысяч километров вдоль береговой линии основного континента и охватить взором его границы даже в хорошую погоду не представлялось возможным. Вода стекала струйками по лицу, собираясь в один поток на подбородке и беспорядочно капала с занавеса мокрых волос. «Да, вода может и смывает грязь со зданий и улиц, но никак не смывает грязь в душах людей, которыми кишит это место.» Эл не был уверен как обстоят дела на других мирах Империиума, но что-то ему подсказывало, что разница пренебрежительно мала ибо люди везде остаются людьми, не более того. У знати, живущей в верхнем улье есть абсолютно всё, чего можно желать, но они умудряются желать ещё больше. Они купаются в вине и благовониях считая это само собой разумеющимся и заботятся лишь о том, как бы ещё вычурнее украсить свой особняк на шпиле, добавляя в и без того разномастную архитектуру новый штрих. Говорят это только местная мода и хорошо если так. У остальных же нет абсолютно ничего. Одни ютятся в комнатухах среднего улья как пчёлы в сотах и безвольно бредут на тяжелейший монотонный ручной труд в бесчисленных мануфакториумах, которыми забит до отказа весь средний уровень. Идут по гигантским улицам среди рядов разбитых временем статуй, символизирующих полное безразличие к былому величию и к ним самим. Другие же вообще существуют неизвестно за счёт чего, проживая милосердно короткие жизни среди, раздавленных верхними уровнями, первых построек. Там, где-то глубоко внизу, между остатками древних храмов, заводов и жилых кварталов в окружении гигантских изваяний тех, кого уже не помнят, живут те, о ком и не вспомнят вовсе. За тысячу лет непрерывного роста подулей превратился в спрессованный муравейник, наполненный жителями, в большинстве своём и не подозревающими о том, что над ними ещё более огромный город. Кстати для многих из верхних уровней это взаимно, в связи с чем любые данные о численности населения даже приблизительными назвать нельзя, что судя по всему не так уж и сильно расстраивает Адептус Министорум. Эл попытался закрыться своим намокшим плащом от порывов ветра, хлеставшего ливнем по

лицу, но это не особо помогло. Единственное, что хоть как-то согревало, это свежие воспоминания об объятьях Ламии утром. «Кстати где она сейчас и что делает?..» Эл слышал от неё только название: «Латунный город» Говорят там очень жарко. Жерло вулкана как никак, но всё лучше чем мёрзнуть под дождём. Авгур радар заморгал огнями, сигнализируя о том, что сигнатуры на одном из магнитных поездов, проносящихся через рельсовый узел внизу, соответствуют заданным параметрам.

– Проклятый кусок металлолома, ты всё-таки прибыл!

Эл медленно выдохнул, считая каждое сердцебиение и очищая разум, после чего спрыгнул вниз, отправившись в свободный полёт. Прносящиеся мимо лифтеры слегка дёргались при виде падающего камнем вниз человека. Они наверное решили, что он самоубийца... может быть так оно и есть, совсем скоро станет известно наверняка. Этажи пролетали мимо размываясь в протяжённые жёлтые ленты, а ощущение свободного падения холодило сердце. Приближающийся по подвесному магнитному рельсу поезд нёсся на огромной скорости, замедляясь лишь на поворотах и Эл упреждающе выстрелил крюком в пустоту из специального устройства на предплечье с тросом на конце. Крюк зацепился за детали одного из вагонов и Эла потянуло вслед за составом когда он уже пролетел мимо путей и собирался тихо мирно размазаться мокрым пятном по проспекту километром ниже. Благодаря компенсаторной системе в лебёдке руку не выдернуло. Его несло и мотало из стороны в сторону между проносящимися небоскрёбами как воздушного змея. Вдоволь насладившись аналогией, Эл активировал сматывающий механизм и тот с визгом электро мотора потянул его ближе к вагонам. Твёрдая опора в виде металлической крыши серьёзно успокоила напряжённые нервы, но Эл всё никак не мог оставить сомнения на счёт всей этой затеи. С храмом якобы связалась сама Людмила – предводительница секты «Красного искупления». Она сообщила о готовящемся страшном «преступлении против веры». Уже это само по себе вводило в замешательство. «Красное искупление» с молчаливого согласия властей творит бесчинства на улицах города каждый день, сжигая сотнями людей, показавшихся им недостаточно верными Императору. Это без сомнения больные на голову фанатики и хоть в еретиках никогда недостатка не было, разве так нужно нести очищение и свет? Его учили, что так... и сказали: «Очисти их всех!». Он нашёл вентиляционный клапан, засасывающий «свежий» воздух в систему герметичных вагонов и перекрыл его подолом своего синего плаща, казавшегося от воды в ночи почти чёрным.

– Вот так... скоро кто-нибудь да поинтересуется поломкой, если они там, конечно, не обдолбались какой-нибудь наркотой, как это часто бывает.

Долго ждать не пришлось. Через минуты три в начале вагона открылся люк и оттуда высунулась голова молодого человека. Завидев Эла он хотел было закричать, но его горло сдавило невидимой силой, отчего он лишь беззвучно хлопал выпучившимися глазами и ртом. Эл отпустил свою хватку слишком поздно и парень начал сползать по лестнице, потеряв сознание от нехватки кислорода. Мягко опустив его по лестнице вниз, Эл спустился сам, окунаясь в дурманящее тепло и сухость. Внутри всё было заставлено контейнерами и бездействующей аппаратурой, но первое, что бросалось в глаза это необычайно яркие краски на стенах и свисающие отовсюду паланкины с вышитыми на них праздными сценами. С дальнего конца выгона послышался женский голос, заглушаемый гулом генераторов магнитного поля.

– Вот видишь! Я же тебе говорила, что у Вара золотые руки. Всё снова работает. Эх... вот доберёмся до места и заживём!

Эл аккуратно спрятал тело между контейнерами и направился в начало поезда где ощущал странные тревожные возмущения, природу которых не получалось понять, однако чувство, что он залез не на тот поезд, неприятно висело под сердцем. Наводка была точная. Магистр Август ещё ни разу не ошибался в своих предсказаниях. Пружинящие шаги были совершенно бесшумными и Элу легко удавалось проскальзывать прямо перед носом у ходящих по своим делам людей, притом что они всякий раз и без того были сильно увлечены раз-

говорами или собственными размышлениями, чтобы замечать кого-либо вокруг. Их мысли наводняли радость и надежда на лучшее будущее, что смутило Эла ещё сильнее, ибо всякий кто встречался ему на пути раньше, оказывался в разы более собран и целеустремлён в своих намерениях навредить гражданам Империи. Воздух был пропитан некой аурой, объединяющей всех пассажиров в коллективный экстаз, но никак не получалось определить её природу. В то же время он явно чувствовал, что его ментальные барьеры тают как мороженное под палящим солнцем сами по себе, подтачиваемые зовом пробуждающихся первобытных инстинктов и соблазнов. И чем ближе он подходил к первому вагону, тем во всё более приподнятом настроении находились люди, больше походя на сильно опьянённых и расслабленных отдыхающих аристократов, нежели на террористов – фанатиков и тем всё более упорно приходилось сопротивляться его разуму. Его душу словно нежно обсасывали и щекотали все органы чувств, пытаясь свести с ума, с другой стороны чувствовались ряды острых когтей, воображаемо пересекающих его плоть и вызывающих сковывающую боль, но в этой боли, он находил и невероятную сладость... удовольствие, растекающееся по телу и доводящее до дрожи. Сознание собиралось улететь на этих волнах, но Элу пока что удавалось держать себя в руках. Дверь первого вагона оказалась любезно открыта, а те, кто вроде как должны были её охранять, самозабвенно целовались и рвали друг на друге одежду совсем неподалёку. С большим трудом Эл поборол импульсивное желание присоединиться к ним прямо сейчас. Что-то подталкивало его, будоражило воображение, заставляя забыть и отдалиться тайным порывам... всем сразу, самым жестоким и безумным... главное не останавливаться! Нет! Нет! Он пришёл сюда не за этим. Лоб от напряжения покрыла испарина, а по губам потекли две тоненькие струйки крови из носа. В просторном машинном отделении стояло четверо человек и возбуждённо разговаривало, хлестая себя зазубренными плётками по исполосанным ранами телам, но едва Эл вошёл, они синхронно достали оружие и уверенно направили на него.

– Ты... Ты кто вообще такой?

– Я пришёл поговорить.

Эл старался двигаться медленно и плавно, чтобы никого не спровоцировать раньше времени. Его сознание было максимально сосредоточено и напряжено, выхватывая из окружающей обстановки любую мелкую деталь. «Если они и в самом деле те, за кого их принимает Людмила, необходимо узнать как можно больше, прежде чем устраивать тут резню» Зрачки у всех четверых оказались расширены до предела, а слезящиеся глаза покраснели от воспаления. Похоже что они прилично накачались какой-то дрянью и надеяться на толику адекватности не приходилось.

– Мы не собираемся ни с кем разговаривать! Уходи! Всё уже решено и... и...

– Что «всё»?

– Всё! Мы будем счастливы! И даже не пытайся отнять у нас это! Все хотят отнять!

– Что отнять?

Мужчина, стоявший к нему ближе всех, похоже не выдержал переполнявших его противоречивых эмоций и начал истерично нажимать на курок дробовика, но тот лишь бессильно щёлкал. Это спровоцировало трёх других, но с тем же результатом.

– Что за?

– Оно не работает!

Эл медленно выдохнул, ослабляя концентрацию на спусковых механизмах.

– Мне нужно знать что и зачем вы здесь делаете. От этого зависит ваша дальнейшая судьба.

– Что мы делаем? Мы лишь хотим освободиться! Понимаешь? Мы хотим свободы!

– Свободы?

– Да! Свободы от этого бесчеловечного гнёта, от вездесущих ограничений и постоянного контроля. Мы найдём себе новый дом без присмотра этого вашего бога – трупа!

Эл насторожился теперь по настоящему, еле удержав свою руку от импульсивного порыва выхватить пистолет и представить всех здесь присутствующих прямоиком на справедливый суд самого Императора раньше запланированного. Если и есть еретические высказывания, за которые сжигают на месте без суда и следствия, то это как раз было одно из них. Нужно быть абсолютно сумасшедшим, чтобы говорить подобное в присутствии агента Золотого трона.

– Вы вынуждаете меня при...

– Принять меры? Ахахахаааа!

Звонкая смесь мелодичного женского и изнеженного мужского голосов звенела в воздухе, отражаясь эхом в его голове и продолжая его же фразу за него. На правой приборной панели лежала совершенно голая женщина в настолько вульгарной позе, что Эл был готов провалиться на месте. И как он мог её не заметить? Её ведь не было здесь всего секунду назад, он мог в этом поклясться.

– Ты такой серьёзный и суровый, хахах! Пришёл наказать разбаловавшихся детишек, хотя и сам не против, ведь так?

Эл не мог даже пальцем пошевелить или моргнуть, глядя на эту женщину с периодически проявляющимися, словно мираж, мужскими чертами. Она... она была так прекрасна. Невозможно объяснить как такая красивая и соблазнительная женщина вообще может существовать. Она игриво улыбалась и накручивала слепяще ярко-фиолетовые локоны на палец, призывно вышагивая рядом с ним. Каждое покачивание её бёдер было настолько плавным, что бесповоротно гипнотизировало и уводило мысли в неведомые прекрасные дали. Она подошла ближе и приторно сладкий аромат её духов заставлял сердце лихорадочно трепетать в тесной груди. Всё мужское естество Эла напряглось и пульсировало, а он сам прямо дрожал от желания обладать ею прямо сейчас... и эти мужчины рядом тоже, как оказалось, достаточно недурны собой, чтобы переплестись с ними в клубок изнемогающих от удовольствия тел. Лишь последний маленький островок сознания упорно не поддавался и удерживал Эла от пучины бесконтрольного безумия, глядя на него ухмыляющимся обезображенным шрамом лицом. В этот момент холодной струной в его голове прозвучал уже знакомый бесконечно далёкий шёпот: «Insa mae biel'nahr, faeneh moan tuh ahe, marun ilereneh she'lin!» Шёпот исчез также как и появился, но неведомым образом смог отвлечь и немного ослабить наваждение, охватившее весь разум и тело. Женщина довольно улыбалась, поглаживая его между ног и чувствуя его желание. Только сейчас Эл заметил, что её торжествующий взгляд наполнен угольной чернотой с горящими розовым мерцающим огоньком зрачками, кожа была неестественно бледной с синеватым оттенком, а на лбу из-под кожи с одной стороны проклёвывался серый рог. Её нечеловечески длинный язык соблазнительно гулял по телу, оставляя влажные следы вокруг сосков, а когтистая правая рука оставляла кровоточащие порезы на собственной шее. Одновременное отвращение и дикое желание наряду с протестами разума против происходящего создавали гремучую смесь чувств, готовых разорвать Эла на части.

– Войди в меня! Стань самым собой, освободившись от запретов! Ты же так этого хочешь... всегда хотел, я вижу это в тебе.

Он думал, что лопнет от натуги, но всё-таки преодолев своё восхищение ею, заставил свою правую руку нащупать за поясом рукоять ножа и рывком приставил его к горлу женщины. Такому нежному и притягательному... «Нет! Хватит!». Сам нож весил от силы полтора килограмма, но сейчас ощущались все 20 и его рука дрожала от прилагаемых усилий. Та, глядя на едва заметное свечение и электрическое потрескивание лезвия силового клинка, лишь расстроено приподняла брови.

– Ты такой противный! Постоянно портишь игру! Неужели нельзя доиграть хоть раз?

– Вера... моя... сильна!

Слова давались с трудом от волнения, перехватывающего дыхание. Всего одно маленькое движение и голова этой твари покатится по полу, но он не мог этого сделать. Он не мог поз-

волить себе убить такую красоту. Или это не он... Женщина слегка отстранилась и погладила поглощённого своими влажными фантазиями мужчину по щеке. Место где она коснулась его на глазах иссохло как сухофрукт.

– Прошло так мало времени, а ты уже успел забыть меня? Это так...обидно.

– Ман...нука?

– Ооооо, хахааах! Ты всё-таки помнишь! Не всё так плохо как казалось, но ты так и остался тем же противным ребёнком каким был.

Она вновь обрела игривый вид и лизнула Эла по мочке уха. Все попытки сопротивления её чарам вновь потерпели крах.

– Ох...ах... Зачем ты вселилась в эту женщину?

– Мне было интересно... к тому же она сама меня пригласила, ведь ей так нравились наши игры, ахааах! Все эти люди здесь добровольно.

– Лжёшь, ты поработила их, точно также как пытаешься сломить меня и используешь для своей забавы. Я должен... должен...

– Наказать меня? МЕНЯ? Ну накажи как это должен сделать настоящий мужчина, хахаах!

– Довольно!

– Ну хорошо, а за что? Эти люди счастливы, я спасла их от страданий бессмысленного существования и поклонения чудовищно неблагодарному богу, который только и делает, что сидит целых десять тысяч лет на золочёном кресле и мееееедленно гниёт вместе с вашим драгоценным Империиумом, и они благодарны мне. Их мысли сейчас далеко. Каждый из них получает то, чего всегда хотел. Вот, например, Филипп. Он всегда хотел завести семью, но 12ти часовой рабочий день и беспробудное пьянство не позволяли ему, а теперь он радуется в созданном мной мире, обнимая свою любимую жену и дочь. Разве это плохо? Ты собираешься вернуть его в унылое существование лишь только потому, что так учит Эклезиархия, потому что, как ты думаешь, того требует твой жестокий бог? Но твоему богу плевать на всех вас, он давно мёртв! Мой же бог слышит каждую молитву и награждает за каждое действие во славу его. Он желает всем наслаждения столько, сколько ты сможешь взять и я даю его им. Все мы служим по-разному.

– Это всего лишь иллюзия!

– А велика ли разница? Они её точно не замечают.

– Это неправильно! Их души...

– Им не нужны. Слушай, я увезу их очень, очень далеко. В пространстве Коронус их никто не будет и не сможет искать. Ни их, ни меня, а ты можешь и дальше изображать благодетеля и спасителя сколько тебе вздумается. Наши пути больше не пересекутся. Или ты можешь попытаться убить моё тело и все эти люди будут тебе страшно «благодарны», сгорая на костре. После того, как они стали моими, у них уже нет пути назад.

Элу вспомнился случай, как один слепой калека, живший в его трущобах, приютил у себя твиста из подулья. Тот паренёк был благодарен старику за кров и всячески помогал ему. Вместе им было гораздо легче переживать тяготы жизни. Но как только старику рассказали, что он держит у себя мутанта, тот прогнал паренька избив до полусмерти только за то, что у него был хвост и по три пальца на руках и ногах. После чего, гонимые страхом заразиться проклятием, все соседи просто сожгли старика вместе с каморкой, в которой он жил. Трудно сказать была ли причина в открытой правде, в мракобесии или же в обычной человеческой жестокости. Одна убитая горем женщина бросила целый сиротский приют умирать от голода, когда узнала, что её сын уже никогда не вернётся с какой-то войны на какой-то другой планете. Надежда одного человека помогала многим и иногда, всё что есть у людей, всё что заставляет их жить это их иллюзии и надежды. Может быть это не совсем уместная аллегория, может быть именно так и становятся пособниками демонов, может быть это первый шаг на пути к одержимости, но пойти против собственных убеждений Эл не мог и убрал нож. Пол часа спустя, идя по людной улице,

он с потерянным видом пробирался через толпу. Сомн мыслей кружил в голове и тяжёлым грузом лежал на сердце. Да, она видела его насквозь и знала на что надавить. Ей ничего не стоило солгать хоть тысячу раз и тем не менее он оказался в тупике. Конечно можно было бы слепо верить и следовать Имперскому кредо, но тогда нужно было бы перестать быть самим собой. Он запутался... Он понимал, что был не прав, был слаб и отпустил демонхоста, что принесёт только горе и разрушения всем, кого она встретит на своём пути, но всё равно не был готов исправить свою ошибку, да и скорее всего погиб бы так ничего и не исправив. Теперь надо будет как-то научиться жить с этой тёмной отметиной в душе, которая непременно будет пожирать его изо дня в день. «Я не достоин оказанного мне доверия... не достоин!..А ещё нужно сказать Августу, что он, похоже, „ошибся“ с наводкой...»

012.851.M41. Сеферис – Секундус. Низкая орбита.

Воспоминания выстроились в хоровод и постоянно сменяли друг друга. Джеш был славным пареньком, никогда не терявшим бодрого расположения духа и почти не знакомым с тёмными сторонами человеческой личности. Многие подшучивали иногда, что если ему устроить жилище в самом сердце «Ока ужаса», то он как ни в чём не бывало встанет под вопли новорождённых богов, умоется дождём из горячей крови и начнёт готовить стейк из ещё живых младенцев не поведя бровью, ибо будет уверен в нереальности происходящего. Его как будто не коснулись те испытания и тяготы, что выпали на долю каждого служителя храма Псайкана Каликсиды. Не ужесточился и не помрачнел. Станный человек для тех обстоятельств, в которые он попал. Да, он был неуклюж и обделён талантом как в силе разума, так и тела, но всегда умудрялся выкручиваться за счёт других своих качеств. Эл помнил несчётное количество раз, когда Джеш выручал его и подбадривал. Без этой поддержки он, возможно, не выдержал бы всего того, через что пришлось пройти. Например то «бдение в башне вечного плача»... если бы не его голос в голове, направляющий и успокаивающий, за который Эл цеплялся как за спасительный обруч в океане безумия, всё могло бы кончиться совсем по-другому. Поэтому причин, чтобы не раздумывая, вызваться первым на задание по его поиску было более чем достаточно. Астропатический хор в крепости Адептус Астра-телепатика уже три дня не передаёт от него никаких сигналов, что не на шутку обеспокоило руководство храма. Никто и не предполагал, что обычная инспекция в шахтёрский посёлок на Сеферис – Секундус, по поводу сбоя поставок руды, может вызвать затруднения у пусть и не самого выдающегося, но всё же полностью подготовленного храмовника. Не говоря уже о том, что он может бесследно пропасть. Хотя, зная Джеша, Эл мог легко представить себе, как тот вляпается в неприятности на ровном месте даже в приюте для малолеток на каком-нибудь агро-мире в сердце сегментума Пацификус. С другой стороны выглядело крайне странным то, что Администратум, имея в своём распоряжении целую армию разнопрофильных клерков по всему сектору и даже корабли линейного флота с подразделениями Сцинтийского протектората на борту, утруждает себя привлечением религиозного ордена к такого рода рутинной работе. Или же... ему просто о многом не сказали... как всегда. Встряска от вхождения челнока в атмосферу вырвала Эла из размышлений, а пёстрая бело-зелёная поверхность планеты напомнила о том, что было бы неплохо раздобыть что-нибудь с термоизолирующей прокладкой. Когда он, закутавшись в толстую накидку, вернулся к иллюминатору за бронекристаллом открылся вид на Айсенхольм. Циклопический дворцовый комплекс, проплывающий внизу, купался в лучах солнечного света, собираемого специально сфокусированными линзами и зеркалами размером с многоэтажные дома. Будучи подвешенным между ближайшими горными хребтами на невероятного диаметра цепях, этот замок, целиком состоящий из цветного стекла переливался всевозможными оттенками как самый настоящий драгоценный камень в оправе, а под ним, словно антипод, зияли дымящиеся карьеры «Горгонитовых шахт» и громоздящиеся по краям кварталы «Простолюдья». По информационной сводке в замке проживала сама королева Лахрима III со всей своей свитой, личной армией и целыми династиями потомственных слуг. Эл сверился с картой и облегчённо вздохнул, удостоверившись, что его поиски будут проходить вдали от этого места, ведь всего один вид напыщенных знатных особ вызывал у него недоумование и плохо скрываемый ядовитый сарказм. Замок «Бронншир» с одноимённым рудником располагался милосердно далеко от столицы и Эл надеялся, что провинциальные бароны будут не особенно ему докучать. Пилот челнока, подросткового вида молодой человек беззаботно обернулся во время выполнения виража.

– Зря вы так хмуρο смотрите на мою родину, господин.

– Ничего такого, просто... не люблю холодный климат.

– Холодный? Но здесь же одно из самых тёплых мест на континенте. Траву видно целых два месяца!

– (кивая) Недурно.

– Хотя и в самом деле, господин, раньше я перевозил дрова из «Леса скорби» в Дропвилль. Вы не поверите насколько люди могут быть благодарны за хорошую растопку.

Заметив на лице парня ностальгическую улыбку, Эл не удержался от предположения.

– Особенно если у них нет денег.

– Вы про бартер? О да... была в том селе пара хороших жёнушек...

– Чьи мужья и донесли на тебя за контрабанду.

Парень невозмутимо кивнул, но Эл нисколько не обманулся, почувствовав всю горечь отчаяния, съедающую этого человека изнутри, ведь скорее всего тот штраф, что на него наложило местное правосудие в лице какого-нибудь дворянина, придётся оплачивать и паре поколений его потомков, если, конечно, у него будут потомки, ибо ни одна женщина из лётной гильдии не согласится иметь дело с таким должником как он и парень, судя по взгляду, это прекрасно понимал.

– Я думаю достаточно умно для них... Скажите, а на других планетах есть деревья?

– Для тебя будет лучше, если я скажу, что нет.

Они оба коротко улыбнулись и продолжили полёт, погрузившись каждый в свои мысли. Инфопланшет с официальной легендой одиноко валялся на соседнем сиденье и моргающим экраном выдавал заурядные данные личного дела. Димеус Понтикар Лу – статист Адептус Министорум, командированный на Сеферис – Секундус зачем-то там и так далее. Не было сомнений в том, что её придумала сама Ламия, чтобы его позлить. «Ха! Она думала я и вправду буду читать всю эту галиматью» Всё и так понятно, очередной книжный червь без свободы самовыражения за личиной которого очень удобно прятаться когда пытаешься вынюхивать что-нибудь. Эл сошёл с трапа челнока и проводил его взглядом с леденящим душу чувством, будто холодный ветер дул не снаружи, а внутри. От грунтовой посадочной площадки к небольшому поселению, виднеющемуся сквозь беспорядочный танец снежинок, вела только узкая протоптанная тропинка, на которой размокший грунт был лишь немного плотнее, чем по краям. Зелёная низкорослая трава выглядывала из-под припорошившего её снега по всей округе, не успев даже пожелтеть к заморозкам и явно контрастируя с серым небом, напоминающим огромные грязные комки ваты через которые совершенно не видно бесконечной вереницы грузовых барж, уносящих на орбиту сотни миллионов тонн высококачественной руды ежедневно. Само селение представляло из себя нагромождение примитивных малоэтажных бревенчатых и дощатых домиков, окружающих небольшую, но гораздо солиднее выглядящую каменную крепость с серыми зубчатыми башнями и развевающимися над ней жёлтыми гербовыми стягами. Довольно типичная картина для феодальных миров, насколько он мог судить, исходя из обучающих пикт-архивов. Хлюпая по полузамёрзшим лужам, Эл невольно обратил внимание на то, что ни один из замученных работой людей, проходящих мимо, не поднял на него глаза даже мимолётно, а те, что смотрели издали тут же прятались. Он почти не слышал никаких мыслей. Только отупляющий вакуум в головах и лишь изредка рабелепский страх перед ним... «Странно». А послушать бы надо. «Может здесь есть какое-нибудь питейное заведение? Так сказать средоточие слухов и развязанных языков», ведь каким бы ни был мир, люди всё равно в большинстве своём имеют общие привычки, а живи он сам здесь, то уж точно не просыхал бы. Никогда. Пока Эл искал глазами вывеску или любой другой опознавательный знак, он краем глаза заметил двух рослых мужчин в желтоватых стёганных ватниках, торопливо шагающих к нему. На поясе у них болталось по примитивному полуметровому стальному клинку в кобухе, а лица прикрыты изъеденными молью шарфами.

– Назовитесь и предъявите документы!

– Я Д... Димеус, достопочтимый господин, (Эл сложил руки вместе в знак скромности и покорности) вот моё удостоверение статиста, я...

– Королевская печать есть?

– Печать?

– Всё с тобой понятно, залётный. Потопали с нами! Ты арестован за государственную измену!

Оба небрежно опустили руку на эфес своего оружия скорее для устрашения и подтверждения серьёзности своих слов, нежели в ожидании сопротивления от зашуганного писаря. Эл же изобразил явное недоумение на своём лице, решив не выходить из образа пока не станет ясно что вообще могло пойти не так.

– Как? Постойте, милостивые государи, я едва прибыл и не мог совершить ровным счётом ничего против вашей многоуважаемой госпожи и господина! Ежели мною нарушен местный протокол для незарегистрированных граждан, то по законам Империиума и милостью Его сущего на земле, местное уполномоченное лицо должно оформить протокол номер 178UQ34 и направить официальную депешу территориальному Арбитру...

– Ша мы тебя оформим, хлопец не бойсь! По самые гланды оформим!

Несколько секунд заминки, пока мужчины сконфужено пытались переварить высказанную им информацию и готовились распускать закованные в латные перчатки руки, вполне хватило на то, чтобы мягким воздействием разума подавить их агрессию и направить мысли в более дипломатичное русло.

– Лааадно, Тиф, к барону его и дело с концом, пусть сам с ним разбирается, а то у меня сейчас котелок вскипит от его болтовни.

– Ага, эти писаки вечно болтают всякую околесицу.

Путь до барона оказался недолгим, так как замок располагался на соседней улице. Массивная деревянная дверь, окованная железом, медленно опустилась на звякающих цепях прямо перед ними, становясь единственным мостом через внушительный ров, окружающий унылый серокаменный замок с узкими бойницами вместо окон. Внутренний двор жил и гудел от десятков людей, занятых грубым ручным трудом, а при отсутствии сквозного ветра ещё и порядком вонял чем-то прокисшим. Среди всей этой суеты одетых в рваные полушубки мрачных людей сильно выделялся один тучный бородатый мужчина в роскошных расшитых серебром мехах. Его закругленные пальцы сжимали хлыст, который сразу же впился с характерным хлопком в спину одному из слуг, пробежавшему с вязанкой сухой травы неосторожно близко к зоне досягаемости хлыста.

– Ээээй! А чего это никто не танцует? А?

Ещё паре слуг досталось по удару.

– Танцуйте я сказал! У тётки моей двоюродной сестры сегодня годовщина свадьбы! Для вас это что, не праздник что ли?! Совсем распоясались, твари!

Лицо мужчины было багряным от напряжения и негодования. Слуги уже плясали как только могли, побросав все свои дела, но барон, похоже только поймал кураж и едва не захлебнулся до полусмерти подвернувшуюся девушку, которая танцевала неуклюжее всех из-за больных суставов ног. Эл хотел хоть как-то унять её боль, но боялся выдать себя. Поэтому просто громко закашлял, дабы привлечь его внимание.

– Это что ещё за хер нарисовался?

– Так мы это, барин... того... задержали, так сказать, нарушителя. Дескать шастал тут в красном! Сами всё видите, чё рассказывать то?

– Умом тронулся что ли? Нахер поехавших сюда тащите?

– Так он это... на корыте летающем явился, про законы чё-то балакает, вот и решили к вам... Вы, барин, человек образованный, разберётесь. А то мало ли что. Поди проссы этих залётных кто такие.

– Ааааа... Иномирец что ли? Ну тада усё панятна. А ну пшли отседова, псы слеповатые! А ты, красенький, поди-ка сюды!

От барона ощутимо несло алкоголем, не таким хорошим, как Элу доводилось пробовать, но на удивление дорогим. Он смотрел на Эла презрительным взглядом, однако, когда Эл приблизился на расстояние в несколько шагов, изменил выражение лица на задумчивое и начал нервно растирать ладони. Эл ожидал какого-нибудь вступления, но тот лишь кивнул в сторону парадных дверей и зашагал к ним. Чертог впереди светом из своих окон обещал тепло и уют. Сразу после входа Эл снял свою утеплённую накидку с красными рукавами и мысленно выругался на то, что невнимательно отнёсся к статье о культурных особенностях Сеферийцев. Заметив это, барон только фыркнул вскользь.

– Носить красный могут тока члены королевской семьи и те, кто с ними непосредственно связан. Об этом здесь знают все ещё с младенчества, ибо наказание за такое достаточно суровое чтобы о нём не забывать, но такие как ты... напоминают мне, что галактика несоизмеримо больше, нежели этот промёрзший кусок камня. Пусть и несметно богатый. Глядя на тебя я вспоминаю насколько мы все здесь на самом деле незначительны, а это неприятно.

Эл не желал усугублять ситуацию, поэтому сдержал свою ухмылку в подтверждение чертовски правдивых слов барона. Его больше сейчас беспокоило то, что он всё никак не мог понять что же его смущает в этом человеке. Просто ощущение какой-то «неправильности». Некая необъяснимая чуждость, не поддающаяся классификации. Причём внешне он был совершенно непримечательным человеком, страдающим от переедания, или, правильнее сказать, наслаждающегося им. Внутри замка было несколько мрачновато, но тем не менее роскошно. Густые ароматы благовоний и мягкие ковры создавали ощутимый контраст с миром за пределами этих холодных стен, выложенных изнутри мозаикой цветного стекла в полном соответствии с сеферийской модой. Полы и потолок тоже. «Дешёвое подражание правящему двору». Подумал Эл. «Есть вещи, которые не меняются от мира к миру». Они вдвоём зашли в просторный уютный кабинет с длинным хрустальным столом. Барон, переваливаясь, уселся у изголовья и испытующе посмотрел на переминающегося с ноги на ногу Эла. Молчание затянулось и никому, похоже, совсем не хотелось играть в эти странные игры-гляделки.

– Уважаемый, мне очень жаль, что я оскорбил своей одеждой царский двор, но позвольте мне всё же вернуться к делам государственной важности. Любые компенсации будут урегулированы официально, уверяю вас.

– Ой, да угомонись ты. Плевать я хотел на твои дела. Лучше скажи, я сильно похож на свою мать? Её портрет воон там, в дальнем правом углу.

В иссушенном старом лице благородной женщины на ветхой картине было трудно найти схожие черты с расплывающимся за столом человеком, но Эл решил попытаться.

– Был тут до тебя ещё один растяпа, ходил всё вынюхивал: «Почему, говорит, недогруженные баржи отправляете на орбиту?». А я ему говорю мол со своими крепостными я сам справлюсь, иди лучше кухарку поучи баланду варить!

«Ну наконец-то удача, раз он сам об этом заговорил, можно будет не выдавать свою заинтересованность»

– У вас её глаза... и нос.

– В самом деле?

– Ну мне так кажется, по крайней мере.

– Да? А вот мне кажется, что ты пытаешься меня надурить, колдун.

«Как он смог почувствовать мою тщательно скрываемую ауру?» Эл надеялся, что его удивление никак не проступило на его лице и да, он с самого начала ощутил в толстяке некоторые способности. Уровня «каппа», не выше. Люди с таким потенциалом не могут даже осознать его наличие и уж тем более контролировать, списывая всё необычное на характерную для них удачу или так называемую «интуицию». К тому же этот толстяк, судя по всему, и понятия

не имеет о настоящих колдунах варпа, продавших свою душу тёмным богам за знания, которые мозг простого смертного совершенно не в состоянии воспринять или способности, нарушающие любые законы мироздания своей чудовищной и богопротивной силой. Эл их тоже не встречал, но знал об их существовании и молил Императора о том, чтобы так оно и оставалось.

– Простите, но я не понимаю о чём вы, хахах, о Трон на Земле, звучит как нелепица.

– А я знаю, у меня ладони начинает покалывать от одного вашего вида, паршивые ублюдки, уж это то я знаю! К тому же ни один нормальный человек не разглядит что намалёвано на той картине в тёмном углу, хоть усрётся, а ты вон даже не щурился! Всех бы вас извёл, паскуд! И тот, про которого я говорил, тоже сгинул в рудниках, слава Императору. Но, как говаривала моя матушка: «С кем только не поведёшься для благого дела» Мы можем оставить твои грехи между нами, всё равно Трон золотой тебе судья, только выполни мою просьбу.

Чтобы не ляпнуть лишнего, Эл решил промолчать. Его терпение подходило к концу.

– В последнее время стали пропадать шахтёры, точнее они и раньше пропадали, но не по сотне человек в неделю. Так ведь, сам понимаешь, мужиков не напасёшься, а проверять у кого ни глянь кишка тонка. Про вашу породу я слышал, что вы в этих делах получше других, так что иди, вот тебе моя расписка.

«Чтож... мне всё равно, как оказалось, туда идти, поэтому...»

– Я, правда, не совсем по этой части прибыл... я тут за переписью населения...

– Ну так и перепишешь заодно!

– Будь по вашему, государь.

– Вот и славненько, топай к Пипу, он тебя проводит и это... возьми у него что-нибудь

НЕ красное.

Эл ни в коем разе не ожидал, что будет благодарен такому абсурдному стечению обстоятельств, сэкономившему ему в итоге кучу времени. Так называемый Пип являлся помощником смотрителя шахты и его нужно было искать у края карьера за поселением. Пока он шёл по улицам, укрывшись старым изъеденным вредителями шерстяным плащом, который баронский конюх уже собирался выбрасывать, случайно заметил какую-то возню за покосившимся и явно заброшенным сараем. Четверо мужчин с пеной у рта избивали подростка и никто из прохожих не обращал на это внимания. По крику стало понятно, что это девочка, но крик был странным. Он звенел в воздухе при том, что сама девочка вообще не размыкала опухших и разбитых губ. Психический вопль. Дикий и неконтролируемый выброс невидимых человеческим глазом энергий, каким-то чудом огибающий избивающих её мужчин. Видимо этот ребёнок пробудился слишком резко как для самой себя, так и для окружающих, что повлекло за собой вполне типичную для обычного человека волну агрессии и страха перед явлениями, на которые он не то что не в силах повлиять, но даже понять. Сами мужчины были, похоже, слишком захвачены своей яростью, подстёгиваемой всеми теми жуткими ощущениями, возникающими при контакте с изливающимися из её сознания потоками психической энергии, чтобы слышать её рыдания.

– АХ ТЫ, МЕРЗКАЯ СКОТИНА!

– СДОХНИ, ГРЯЗНАЯ СУКА-ТВАРЬ! СДОХНИ!

– Надо сжечь её, пока она не заразила нас своей порчей!

Метавшаяся рядом и напуганная до смерти, женщина безрезультатно пыталась их остановить.

– Нет, Карл, пожалуйста! Остановись! Это же наша дочь!

Один из мужчин подобрал из мешанины снега и грязи камень с явным намерением расколоть девочке голову. Эл понимал, что не успеет на таком расстоянии ничего сделать, кроме... Одна лишь мысль, молниеносная и вездесущая. Воздух на мгновение дрогнул от просвистевшего сгустка невидимой воли, сжатой в бесконечно узкое лезвие воображаемого и почти неуправляемого клинка. После чего камень в руке разлетелся на несколько идеально

ровно срезанных кусков вместе с ломтиками сжимавших его пальцев. Замерший в недоумении мужчина ещё пару секунд смотрел на остаток своей ладони, прежде чем завопить от боли. Трое других остановили избиение не понимая что произошло и развернули свои забрызганные мелкой кровавой крапинкой лица ровно в тот момент как Эл успел подбежать.

– Пошли вон!

Эмоциональный порыв оказался слишком сильным, поэтому воздействие его воли на собирающихся замахнуться на него мужчин возымело гораздо более мощный эффект, нежели он мог ожидать. Всех четверых скрутило от резкого болезненного спазма внутренностей, о существовании многих из которых эти люди даже не догадывались... до сего момента. Девочка же всё также лежала в припорошённой снегом грязи, свернувшись калачиком, и не издавала ни звука. Только телепатический вой угасающего разума, от которого по телу шли совсем не воображаемые мурашки и волосы вставали дыбом. Боль от многочисленных ушибов и ссадин перехватывала ей дыхание. Эл внимательно посмотрел ей в глаза, но нашёл там только метающиеся в тумане из стороны в сторону крохотные точки зрачков. Она была сейчас не здесь.

– Её нужно срочно успокоить и согреть, отведите её домой, пока не стало хуже!

Женщина, стоявшая до этого в нерешительности, разразилась бранью и плюнула ему прямо в лицо.

– Да пропадите вы все пропадом, нелюди проклятые!

Эл понимал, что она плачет и злится даже сама не зная от чего и ничего с этим не мог поделать, но оставить всё как есть было ещё противнее. Его нутро холодело от собственных воспоминаний о страданиях ребёнка, вынужденного в одиночку справляться с этим чудовищным проклятием, пожирающим душу ежечасно. Он подхватил безвольное тело девочки и, накрыв её дарёным плащом, понёс куда угодно, лишь бы подальше отсюда. В идеале было бы передать её в местный Изоляриум под названием «Цитадель покинутых» для подготовки к отправке вместе с остальными отловленными псайкерами, но, учитывая обстоятельства, она скорее всего не дотянет до туда и всё что он мог сейчас сделать это обезопасить её и окружающих людей от неё самой. Прохожие по прежнему не обращали на происходящее внимания. На отшибе селения стоял небольшой барак, смотрящий на всё вокруг своими чёрными пустыми глазницами. Замок на двери насквозь проела ржавчина и одного уверенного пинка хватило, чтобы сорвать с петель вообще весь дверной косяк. Внутреннее запустение холодило даже больше, чем студёный ветер и во всём помещении нашёлся лишь один тихий уголок, чтобы попытаться согреть ребёнка. Собрав с пола несколько охапок слежавшегося сена, он обложил им девочку, вокруг которой по стенам уже поползли отроги нарастающего инея, а воздух наполнился какофонией потусторонних шёпотов. Он осторожно направил тщательно выверенные потоки собственной воли по её телу, сшивая внутренние разрывы, соединяя надломленные кости, отгоняя боль и разгоняя застоявшуюся кровь. Воздействовать же на дезориентированное варпом сознание было значительно сложнее и одному Императору известно, что она там сейчас видит и жива ли её душа до сих пор. Не имея достаточного опыта и знаний в этой области психических дисциплин, на свой страх и риск он попытался разорвать её связь, подавить её разум хоть не надолго, чтобы дать передышку истощённому дитя. Она оказалась на порядок сильнее его и, едва он попытался, её подавляющая мощь чуть не вырвала его собственную душу из тела, выгнувшегося дугой в кратковременном приступе беспорядочных спазмов. Многочисленные тренировки спасли его разум от мгновенной гибели и Эл, жадно глотая ртом воздух, смотрел на кружащийся деревянный потолок, в попытке снова вернуться в действительность. В реальности прошли секунды, по ощущениям же он пробыл в психическом контакте с ней целые сутки... целые сутки потусторонних ужасов, среди которых она бродила не в силах выбраться и которые он даже не осмелится никогда вспомнить, ибо его собственные, по сравнению с ними, оказались прекрасной дремой среди тихо журчащих ручьёв на каком-нибудь райском

мире. Как бы там ни было, его попытка возымела эффект и глаза девочки немного прояснились, испуганно уставившись на него сквозь штору грязных соломенных волос, а пальцы стали в истерике царапать лицо. Разбитые губы едва шевелились будучи слепленными запёкшейся кровью, но каждое её слово звучало отчётливо и расходилось звонким эхом, заставляющим вибрировать кости и весь барак.

– Слышишь как они поют?.. Как зовут небеса забрать своих детей обратно в чрево... вместе со всем вокруг?.. Как их голос разносится во тьме меж звёзд?.. Слышишь? Как тьма вдалеке... отвечает им?

– Кто зовёт? Кого?

Эл слышал лишь отдалённый звон в варпе и ползущую в бесконечной дали неразличимую тень, которая может оказаться чем угодно или ничем вовсе, ведь это варп, но её восприятие намного тоньше и осознать те чувства, что мог испытывать ребёнок с такой силой и безумием, не представлялось возможным. Не исключено также, что она просто сошла с ума, что достаточно часто доводилось видеть среди людей, вот так неожиданно столкнувшихся со способностями, на которые их разум не был рассчитан. Какова бы ни была причина, девочка ничего не ответила, потеряв сознание и бессильно свесив голову. Трудно сказать сколько прошло времени в обдуваемом всеми ветрами дощатом строении, но на улице успел выпасть приличный слой снега и Эл сквозь поверхностный сон услышал его хруст под ногами людей, приближающихся цепью к бараку. «Семь? Нет, десять человек... большой вес, лязг железа, похоже надо всё-таки выйти» Он выглянул, немного щурясь от бьющей в глаза белизны, и зашагал им навстречу. Десять крепкого вида мужчин в примитивных стальных латах и один, которого он не услышал, чуть позади. Выдыхаемый ими пар струился сквозь решётки наглухо бронированных шлемов и сразу же уносился боковым ветром. Каждый нервно сжимал в окованных сталью руках пику или топор. Половина держала во второй руке факелы, коптящие подоженной смолой. При всех видимых преимуществах они всё равно наполняли воздух гнетущим беспокойством и неуверенностью в собственных силах.

– Отойди, парень, не твоё это дело.

– Вы не понимаете. Она всего лишь ребёнок, которому нужна помощь. Она не желает никому зла.

– Ведьму надобно сжечь! Предать, дескать, правосудию Императора. Как всегда делали наши деды и прадеды! Сжигали и жили себе спокойно без всякой чертовщины! А за пособничество нечестивым отродьям ты сторишь вместе с ней! Оно тебе надо? Отойди, по-хорошему говорю!

– Уходите. Я не дам вам убить этого ребёнка только потому, что вы боитесь всего чего не понимаете!

– Ну... как знаешь, парень... Мы только хотим защитить наши дома.

«Дело дрянь!» Их слишком много. Даже со своей подготовкой и оружием Эл прекрасно понимал, что он всего один, а они, вероятно, тоже не пальцем деланы, раз поголовно обмундированы в достаточно дорогое по местным меркам снаряжение. Стоит пропустить удар и ему конец, как и девчонке, будь она неладна. Перспектива «Чёрных кораблей» для неё всё-таки куда лучше смерти, ведь он сам... что бы было с ним не попади он тогда в руки имперских властей? Закончил бы свои дни в какой-нибудь выгребной яме, карябая на ржавой стене стёршимися до костей пальцами безумные символы в очередном припадке диких видений или оказался бы четвертован каким-нибудь охотником на ведьм, загнавшим его и зарезавшим как свинью во имя мира и безопасности граждан Империиума. Каждый заслуживает шанс. Латники на мгновение замерли, когда в левую руку Эла из рукава скользнул пистолет, но будучи неосведомлёнными в его назначении, снова пошли в атаку. Напоминаая раскат грома прозвучал одиночный выстрел и левое колено самого ближнего латника разлетелось фонтаном искр и кровавых обломков костей.

– О Трон, храни нас! (прозвучало сразу от нескольких из них одновременно с завываниями раненого, схватившегося за ногу и катающегося по снегу перед ними).

– Сожгём и этого колдуна заодно! Навались мужики!

Эл всем сердцем надеялся, что демонстрация силы их остановит, но прогадал и когда после небольшой заминки они двинулись на него, прогремело ещё два выстрела. Обе вольфрамовые пули с разделяющимся сердечником прошли через стальные шлемы на вылет, оставив после себя внутри них лишь кровавое месиво, брызнувшее через переднюю решётку, а сами носители шлемов в предсмертных судорогах повалились остатками лица в снег. Настроения чтобы попытаться их убедить не было совсем. Он был очень зол. А на то, чтобы осознать, что пистолет заклинил в самый неудачный момент Элу потребовалось целых три бессильных щелчка во время нескольких драгоценных секунд, которых у него как раз не было, потому что сразу три пики уверенно разрезали воздух по направлению к его груди. В спешке выпущенная волна невидимой силы вздыбила снег под ногами в белый непроглядный вихрь, но оказалась слишком слабой, чтобы сбить тяжело бронированных бойцов с ног и только ненадолго остановила. Этой паузы оказалось достаточно, чтобы Эл откатился кувыркком в сторону от просвистевшего метательного снаряда и вытащил своё основное оружие с натренированной тысячами болезненных занятий молниеносной сноровкой. Тонкий изящный психосиловой клинок, длинной в четыре ладони был идеально сбалансирован и подогнан исключительно под своего единственного хозяина, являясь после каждодневных тренировок продолжением не только тела, но и самой души владельца, которая сияла тусклым белым светом на освящённой гравировке и по всей длине обоюдоострого лезвия. Психоактивный сплав, покрытый священными обетами и литаниями чистоты легко пропускал его волю через себя и мог даже обычную заточку превратить в смертельно опасное оружие не встречающее никаких преград на своём пути. И когда Эл обнажал его, ощущая как просыпается алчущая крови собственная воля клинка, он уже не мог отрицать того факта, кем он на самом деле являлся, сжимая его в своей правой руке и наслаждаясь его весом. Он был убийцей. Эл сорвался с места в обескураживающем пируэте со скоростью, которая, казалось бы, недоступна человеческому телу и рассёк ближнего пикинера от поясицы до затылка вместе с латами. Пока тот ещё падал, даже не успев осознать свою скорую смерть, второй лишился головы, поймав зазубренным наконечником своей пики лишь размытый образ за спиной убитого соратника. Каждое движение, шаг, перенос веса и баланс были вбиты в Эла до такой степени, что он почти не думал о том как двигаться, он думал только о том, кого отправить к Императору следующим. Но, несмотря на всё это, он всё равно не был таким совершенным проводником Его воли, каким должен быть, а третий латник, сжимающий древко копья, напротив, оказался лучше, чем Эл ожидал, и его остриё прошло всего лишь в сантиметре от горла, после чего Эл едва успел отскочить, лишая подающего надежды бойца обеих рук и правой ноги двумя поспешными взмахами. Он сбился с отлаженного ритма, а значит всё кончено, как он и предполагал. Простая математика боя и никаких сантиментов. Никогда у него не получалось выполнить больше трёх комбинаций до того момента, как его разум перестанет безошибочно просчитывать ходы и начнёт давать сбой. Отчаянным рывком сознания он выбил невидимой волной оружие из рук двоих, зашедших сзади и те на какое-то время схватились за свои парализованные конечности. Ушёл разворотом на месте от взмаха, побликивающего отражённым от снега светом, топора, одновременно с этим парируя кромкой клинка ниспадающий ему на голову второй. После чего, используя всю накопленную инерцию, одним пинком вдавил внутрь шлем пытавшегося повалить его с разбега самого крупного латника. Сияние вокруг клинка начало слабеть. Эл уставал и становилось всё труднее держать концентрацию. Снова уход, пируэт, по щеке чиркнуло оперение метательного снаряда из всё того же примитивного механизма, использующего натяжение эластичной нити между дугами согнутого дерева, чтобы отправлять в полёт миниатюрные колышки с металлическим наконечником и оперением для стабилизации. Перезарядить его латник так и не успел, потому что

после стремительного выпада с броском меч Эла прилетел к нему по короткой мерцающей дуге и застрял в стыке лат, перерубив ему перед этим ключицу и грудину за время одного удара сердца. Замахивающийся с противоположной стороны схватился за грудь, чувствуя как сердце сдавливается чьими-то незримыми ледяными пальцами. В этот момент Эл слишком поздно заметил несущуюся навстречу его лицу окованную латную перчатку, направляемую разъярённым обладателем вмятого шлема, которая, попав ему в челюсть, сбила с ног и смешала все мысли в одну неразборчивую кучу. Будь у того чуть больше времени, чтобы как следует распределить вес и вложиться удар, а не размахивать руками на бегу, Эл, возможно, умер бы от сотрясения и перелома челюсти ещё до того, как упал, но даже такого размашистого удара хватило, чтобы заставить его беспомощно распластаться на снегу в полной дезориентации и созерцать множасься хоровод деревьев с бегущими перед глазами силуэтами. Как только он смог подумать, что головокружение вот-вот закончится, в лицо прилетел увесистый удар сапогом...

Разомкнуть опухшие веки, после неопределённого времени пребывания в небытии, оказалось чертовски тяжело, а практически всё лицо пульсировало болью. Металлический вкус наполнившей рот свежей крови только усиливал волны подступающей тошноты и Эл выплюнул её вместе с несколькими выбитыми зубами. Зрение никак не прояснялось, но по мутным образам всё-таки можно было судить, что он, с большой долей вероятности, всё ещё находится на заснеженной поляне. Мучительная попытка встать была тут же пресечена чем-то тяжёлым, придавившим его к земле. Бронированная ступня, принадлежащая размытому силуэту человека в доспехах, сильно давила на грудь, не давая толком вдохнуть, а сама размытая фигура занесла над головой что-то напоминающее большой обоюдоострый топор, достаточно явно намекая на то, что для Эла скоро всё закончится. Он, конечно, попытался из последних сил потянуться сознанием к своему самозваному палачу, но концентрации не хватило чтобы преодолеть сопротивление даже такого неподготовленного разума, как у этой деревенщины. Да... сейчас всё закончится... Быстро и бесповоротно... На секунду окружающая действительность сменилась образом его самого, смотрящего с другой стороны странного зеркала, парящего в неведомой пустоте. Тот другой был рассержен и без промедления отвесил ему оплеуху, от которой его голова дёрнулась в сторону с громким возгласом «Нет!», после чего Эл снова вернулся в реальный мир, где обнаружил свой нос всего в паре сантиметров от застрявшего в мёрзлой почве лезвия топора, а эхо только что прокричавшего голоса всё продолжало стучаться внутри его черепушки с каждым разом всё менее напоминая его собственный голос.

– Да умри же ты уже достойно! Хватит рыпаться и кривляться!

Нога придавила грудь ещё сильнее, полностью лишая воздуха, а топор снова взмыл вверх в полной готовности принести наконец покой. Непроизвольный рывок головой только отсрочил неизбежное и бесполезно продлил его мучительное существование в тот момент, когда он уже был готов принять свою участь. Теперь приходилось проделывать всё заново... Эти мысли занимали его в те мгновения, пока он наблюдал сквозь мутную дымку как один из латников тащит за волосы рыдающую девочку из того барака в котором Эл пытался её укрыть... но не смог.

– Я не хочуууу умираааать! Пожалуйста! Не нааааадо! Не...

– (отвешивая смачную пощёчину) Заткнись тварь!

Удар стальной ладонью похоже вырубил её, потому что плач сразу же прекратился, а бесцельно брыкающиеся ноги потянулись за ней плетью. Что-то не до конца объяснимое вновь проснулось в нём, во время наблюдения этой картины и смутные отголоски причины, по которой он вообще здесь оказался вернули частичку той самой ярости, что пугала его самого при малейшем воспоминании о ней. Эл искренне надеялся, что никогда не будет пользоваться «сырой» энергией варпа. Тем самым нечестивым методом, который и затягивает многих молодых псайкеров прямоком в лоно Хаоса своей простотой и соблазнительностью не ограниченных ничем способностей, ибо ничем не сдерживаемая сила самого Имматериума наполняет скверной всего, чего коснётся и в первую очередь того, кто осмелится ей пользоваться. Вне зависимости от причин, побудивших человека и обстоятельств, он будет проклят и ему некого будет винить в этом кроме себя самого, а Эл совсем не хотел становиться тем, кого как раз поклялся уничтожить. Не хотел, чтобы всеблагой Император отвернулся от него но... Сейчас он не думал об этом. Только о том, как сдержать обещание перед самим собой и не дать им расправиться с ребёнком. Нужно было только... ослабить контроль. Латник взвыл от боли, пронзившей всё тело тысячами неосязаемых колий, когда рука человека, которого он торжествующе считал поверженным и раздавленным, без пяти секунд мертвецом, резко схватила его за ногу, голыми пальцами сминая листы брони и кроша кости. Эл сбросил его с себя как тря-

пичную куклу, словно человек в броне весил не полторы сотни килограмм, а всего несколько и мгновенно поднялся на ноги. Грубая сила переполняла и опьяняла его, притупляла боль и обещала ему всё, чего он мог пожелать. Но он желал сейчас только смерти. Энергии варпа с диким нечеловеческим воем струились по телу кроваво-красными лентами, поднимая в воздух снег и создавая локальный буран.

– Трон святой!

Стоявший вблизи латник оцепенел от ужаса и даже не шелохнулся, когда-то, с чем он собирался сразиться молниеносным движением оказалось возле него, преодолев десяток шагов за долю секунды. И даже не успел вскрикнуть, когда его голову одним движением блестящей от крови руки разбили о землю как тыкву. Железный шлем с коротким металлическим лязгом смялся в комок и хрустел под пальцами кровавой мешаниной костей и мозгов, ещё больше распаяя жажду убийства. Только в этот момент Эл смог найти в себе силы, чтобы одёрнуть самого себя и остановиться, иначе все эти необузданные потоки эмпирея, выливающиеся из него в реальный мир словно вода через щель в плотине, просто на просто разорвут его на маленькие части, или, что ещё хуже, унесут с собой прямиком в варп, где без поля Геллера его плоть и душу ждёт участь невообразимо страшнее чем смерть. Липкими от жизненных соков неизвестного мужчины руками он наспех намазал на своём лице печати отрицания и тишины, пытаясь в процессе снова не окунуться в захлёстывающее его безумие. Кавалькада сумасшедших образов и фраз пронеслась в голове табуном диких животных, втаптывающих его рассудок в пыль под своими призрачными копытами, а он мог только бессильно смотреть, как слишком занятые издевательствами над беззащитным ребёнком мужчины продолжают своё дело, в то время как сам он мог только брыкаться в судорогах балансирующей на грани реальности плоти.

– Всё! Давай кончай с ней! Я подержу факел! Нужно похоронить ребят.

Один из латников достал короткий меч из-за пояса и тут же вогнал его девочке в грудь по самую рукоять под беззвучные мольбы разбитых губ Эла. Девочка задрыгала ногами в предсмертной агонии и Эла охватило абсолютное отчаяние, такое, что отбирало любое желание существовать в этом мире. А проткнувший мужчину улыбался. Даже на таком расстоянии можно было почувствовать его удовлетворение, одновременно с тем, как внезапно потяжелел и сгустился воздух, превратившись по ощущениям в тягучую смолу, медленно и с большим трудом затекающую в напряжённые лёгкие. Все снежинки в поле зрения повисли без движения как на пикт скриновом изображении, а охватившая всё абсолютная тишина только усиливала накатывающую волну смертельного ужаса. В один миг меч в груди девочки покрылся ржавчиной и рассыпался, а державший его мужчина вспучился от волдырей расплавился как восковая свеча под газовой горелкой. Волосы девочки сползли с головы слизистыми комками, а ставшая землистого цвета кожа покрылась струпьями и гноящимися язвами, полными копошащихся червей. Густой зелёный туман расплзался от неё во все стороны, иссушая траву под, растапливаемым от чудовищно быстрого гниения почвы, снегом и превращая убежавшего мужчину с факелом в ржавый комок разлагающегося мяса, делающего свои последние шаги. Девочка встала и медленным неуверенным шагом побрела к Элу, глядя своими белыми распухшими глазами прямо на него. Её голос, утробный и булькающий... это был совсем не её голос.

– Зачем умирать? Зачем страдать когда всё едино и перетекает друг в друга? В естественном ходе вещей нет места печали, а смерть лишь иллюзия.

Эл панически отползал от подступающего зелёного тумана, открыв для себя новые пределы собственного страха. Из многочисленных струпьев на теле девочки начали выползать вереницы мух, создавая чёрный жужжащий рой над головой существа, в которого она превратилась. Её ментальная мощь стала ещё более подавляющей и не позволяла ему даже просто думать хоть о чёмнибудь кроме безысходности своего положения. Эл судорожно перезарядил свой стаб-пистолет. Никчёмный аргумент даже против слабенького демонхоста, но у него

были силы только на то, чтобы нажимать курок. Черда грохочущих выстрелов оторвала существу руку и существенную часть головы, разбрызгав по округе капли зловонного гноя, но оно, похоже, даже не заметило таких потерь и шло в прежнем темпе. Когда обойма опустела, зашкаливающий адреналин в крови попытался подстегнуть его к бегству, однако затылок нащупал облепленное снегом колесо броневика, с оружейной башни которого, как явное свидетельство священной воли самого Императора, полился обжигающе жаркий поток пылающего прометейума, охватившего демонхоста с ног до головы. Но даже превращаясь в пепел, оно продолжало идти и подавать признаки жизни пока не сгорело окончательно.

* * *

013.851.M41. Сеферис – Секундус. Казематы Бронншира.

– Так значит вы говорите, что оказались там случайно?

– Т...так и есть...

– В самом деле? Случайный очевидец несанкционированной псайкерской активности, случайно выжил при столкновении с демоном, а одиннадцать обученных стражников нет. Совершенно случайно имел при себе стабберный пистолет довольно редкой и дорогой модификации производства Хэша и некое ритуальное холодное оружие, не проходящее ни по одному каталогу, при этом, случайно являясь статистом Министорума. Я, конечно, ничего не сведую в оккультных науках, но что-то многовато случайностей, вы не находите?

Седеющий мужчина с жёсткими обветренными чертами лица излучал опыт и пронзительный интеллект, а его форменный комбинезон, усиленный бронепластинами скрывал крепко сложенное тело. Это всё что Эл смог увидеть за то время, что находился в следственной камере арбитра «Бронншира» Майкуса Ивила, так как ему было трудно сосредоточить на чём либо свой метаящийся из стороны в сторону взгляд. Его до сих пор сотрясала мелкая дрожь по всему телу, с которой никак не удавалось справиться и Эл уже начал с ужасом осознавать её природу. Похоже что пагубное воздействие порчи всё-таки дало о себе знать и начало медленно, но верно разрушать его плоть и разум. Эл слышал, что при достаточном усилии воли возможно пережить даже несколько таких приступов, но всё равно, как бы ты ни был силён, рано или поздно сломаешься и будешь поглощён той тьмой, что расплзается внутри. Арбитр же считал, что он просто перенёс слишком сильное потрясение, раз до сих пор не отошёл от шока. «Ох...хорошо если так...». Аскетичное серое помещение подвала с камерами действовало угнетающе, а пристальный взгляд арбитра не оставлял шансов на импровизацию. По крайней мере в нынешнем состоянии.

– Ну так... Я понимаю, что тебе сейчас очень херово, парень, но может всё-таки скажешь пару слов?

– В моих мыслях нет ничего дурного, в этом я могу поклясться.

– Оу... твой сосед тоже так говорил. Что ещё?

Эл бросил мимолётный взгляд в сторону соседней камеры, из которой выглядывал белобрысый растрёпанный парень, целиком покрытый веснушками. На вид лет двадцати. Он беззвучно говорил одними губами «Поцелуй его» и широко улыбался как мальчишка. Элу хотелось думать, что он просто неправильно прочитал.

– Я ищу друга...

– (приподняв брови) На рабовладельческом мире? Не самое лучшее место, чтобы заводить новые знакомства, скажу я тебе. Если, конечно, ты как раз не продаёшь пару тысяч рабов.

Несмотря на напускное удивление, по взгляду этого человека было ясно, что он понял даже больше, чем можно было надеяться.

– Пока что всё говорит против тебя, но... В шахтах пропадает много людей, особенно в последнее время... Газовые пещеры и обвалы обычное дело, которое меня мало волнует, но вот мутанты совсем другое...

– Мутанты? Барон ничего не говорил о мутантах, когда просил выяснить причину пропаж.

– У барона свои цели, у меня свои. Я здесь для того, чтобы навести порядок и я его наведу своими руками... и вашими заодно.

* * *

«Я смотрел на галактику, пестрящую миллиардами звёзд. Смотрел на галактику сияющую жизнью под сенью Его священного правления и вот что я скажу вам: я видел там миры преисполненные смертельной угрозы, полные мерзкими ксеносами, которые только и ждут, чтобы наброситься на нас! Зная это нельзя спокойно смотреть на владения Императора и сидеть сложа руки. Мы должны уничтожить их всех!»

© Брат-капеллан Жак Оуи. Член истребительной команды Караула Смерти. Ордо Ксенос.

014.851.M41. Сеферис – Секундус. Штольни.

Даже самые смелые предположения касательно масштабов работ оказались сильно уменьшенными. Тысячи изнеможенных каждодневным тяжёлым трудом рабочих под присмотром стражи вгрызались в руду примитивными ручными инструментами, которые, похоже, достались им по наследству от многих предыдущих поколений, проживающих здесь целыми семьями свою недолгую и полную болезней жизнь. Все эти люди, облепившие карьер подобно муравьям, родились рабами, рабами и умрут, не познав совершенно ничего кроме камней и кнута. И так по всей поверхности планеты, на бесперебойных поставках которой держится вся экономика субсектора. Из Сеферийской стали куётся броня танков для Имперской гвардии. На Сеферийском топливе летает Каликсидский флот. И в этом злейшая ирония ибо на плечах отупевшего от каждодневного раздалбливания камня раба держится жизнь и безопасность бесчисленных миллиардов подданных Императора в этом раздираемом войнами приграничном пространстве космоса. Ходы и пещеры, оставшиеся от прошлых добыч, служат жилищем для следующих поколений, раскапывающих ещё глубже. Эл не раз задумывался почему же им не дадут хотя бы нормальных инструментов, почему бы не поставить автоматические экстракторы руды, по потом вспомнил из уроков истории, что во времена крестового похода Анжуйской часть войск под командованием Лорда-генерала, а в последствии имперского святого Друза, проходила по участку космоса, который в дальнейшем назовут сектором Calixis, где многие миры, желая избежать орбитальных бомбардировок и оккупации, вернулись в лоно Империи миром на условиях сохранения прежних устоев и правительства. Также поступили и Сеферийцы больше тысячелетия тому назад. Взамен претор Голгенна Анжуйская наложила на планету «Exactus Extremis» – непомерный налог даже по космическим меркам, который теперь висит ярмом на каждом жителе в уплату за относительную самостоятельность и пониженные квоты набора в Имперскую гвардию, ибо рудники никак не способствуют подрастанию достаточно здоровой молодёжи. «Гордыня знати всегда выходит боком простому населению» – подумал Эл как раз в тот момент, когда они втроем спускались всё глубже в штольни, прощаясь с дневным светом и свежим морозным воздухом. Арбитр Майкус облачился в грозную панцирную броню с закрытым адаманитовым шлемом и замкнутым контуром жизнеобеспечения, обычно используемую для разгона демонстраций и подавления восстаний рабов. До силовых доспехов Адептус Астартес им было конечно далеко, но это несоизмеримо лучше чем простые фильтрующие респираторы на лице Эла и Фила. Филипп Моро, как он сам себя назвал, оказался наёмником с Гавварона, вот только о нелёгкой судьбе, что занесла его в такую даль, решил не распространяться, предпочитая всю дорогу тихо беседовать с двумя своими лаз-пистолетами, словно они были его лучшими друзьями. В те мгновения, когда он всё-таки отвлекался, удалось выяснить, что это не психическое заболевание, а элемент культуры его родного мира, а после того как Фил попытался заговорить со стаббером Эла, он расстроено вернул его хозяину со словами «У него нет души». В грубо отёсанных тоннелях, освещаемых

редкими масляными фонарями и факелами легко можно было заблудиться или разбить только-только наспех восстановленное лицо о неровный каменистый пол подвернув при этом ногу, поэтому Эл непрестанно держал свой фонарь перед собой, выхватывая из темноты бесчисленные ответвления с сотнями рабочих, мерно стучащих кирками.

– пшшшш... Мы спускаемся в «Осколки», это самые нижние уровни шахт. Оттуда и начнём поиск источника проблем. пшшшшш...

Передал Майкус по встроенному в шлем вокс передатчику малого радиуса. Эла уже приоткрыла их молчаливая ходьба, но начинающий вызывать некоторую симпатию сивый паренёк заговорил первым.

– Это неправильно...

– Что именно?

– Твой пистолет... Это превосходная работа, я много слышал об оружии, изготовленном на «Станках», но это не ты собрал его. На моей родине никто не может считаться взрослым, пока лично не соберёт своё оружие и не овладеет им в совершенстве. По правде говоря на Гаввароне это ещё и жизненная необходимость, но мне больше нравится верить в традиции.

– Миллионы миров, населённых человеком не могут жить по единым традициям по целой куче причин. Везде существуют собственные критерии чести и понятия правильности. Это понимают даже одереженевшие чиновники из Адептус Терра.

– Но где бы мы ни оказались, перестать быть собой мы не можем, как бы ни старались.

Эл хотел было перечислить ему прекрасный ассортимент из множества возможностей для этой нехитрой манипуляции, но не стал. Для «нормальных» людей само понятие об имматериуме уже граничит с безумием и он в очередной раз убедился насколько бывает трудно объяснить что-либо тому, чей разум не подвергается постоянной опасности.

– А какой он? Твой родной мир.

– Гавварон то? Не самое приятное место. Две звезды освещают его так, что ночей не бывает в принципе, а дни там высушат тебя до состояния кураги быстрее, чем успеешь отвинтить крышку фляги с водой. Пригодных для жизни островков с тенью, защитой от радиации и запасами воды не так уж и много, поэтому за них постоянно идёт война между группировками техноварваров. В основном люди живут в ржавых корпусах разбившихся хрен знает когда космических кораблей и им же поклоняется. Из развлечений там пожалуй только «Собери из того что найдёшь пушку помощнее и не дай себя убить». Весело, правда? За тысячелетия народ там наловчился так, что за нашими стволами теперь регулярно прилетают торговые караваны, «шестерёночки» поставили на планете пару своих мануфакторий, а вербовщики из гвардии и частных наёмных организаций готовы глотки друг другу перегрызть за отряд-другой пустынных головорезов. Вот так и живём. Про славные деяния нашего 338го полка думаю и не стоит рассказывать.

Эл об этом ничего не слышал, но изобразив понимание, кивнул.

– А твоя?

– Я её почти не помню... это был какой-то улей с ужасной экологией и чудовищным расслоением общества...

– Пффф! Под такое описание подходит почти половина известных мне миров.

– Хех, как с языка сорвал...

– И... Как же на твоей родине становятся взрослыми?

– Эм... Доживают.

Молчание продлилось всего минуту.

– Эй, уважаемый блюститель закона, а откуда вы родом?

Искажаемый воксом голос после небольшой паузы пробунил:

– Тебе это без надобности и кстати советую вам обоим заткнуться!

– Пусть это будет моя предсмертная воля, ну?

– Эх... чтоб тебя! Кирус-Вулпа, в детстве я там пас гроксов. Одни сплошные степи от горизонта до горизонта, доволен?

– Вполне.

По мере спуска воздух становился всё теплее и загазованнее, а рабочих всё меньше. Некоторые уже лежали мёртвыми поверх руды от истощения и отравления. Долгое время они шли не встречая ни единой живой души по неосвещённым тоннелям и пещерам, слыша только хруст дроблённого камня под ногами и стук собственного сердца. Почти тысяча лет ручного труда в своём наглядном отображении. Внезапно Эл стал ощущать пустоту под тоннелем, но как только попытался об этом сообщить, все трое провалились сквозь пол на один уровень вниз. Проход под их предыдущим оказался немногим больше, поэтому удалось отделаться лёгким испугом. Скатившись по пологому краю в одну кучу они своими барахтаньями мешали друг другу встать, пока Майкус не растолкал навалившихся на него сверху парней. Стены нижнего тоннеля отличались ото всех, по которым они шли ранее методом отёсывания стен и Эл пытался разглядеть хоть что-нибудь, намекающее на их происхождение, в то время как оба спутника напряжённо водили дулами своего оружия, уставившись в непроглядную черноту прохода спереди и сзади. Вытянутый чемоданчик на магнитном замке, прикрепленный до этого к пояснице панциря арбитра, оказался тяжёлым складным автоматическим дробовиком. Похоже это его далеко не первая вылазка в шахты. Странное нагромождение гладких камней привлекло внимание Эла. Аккуратно сложенная кучка не могла иметь естественное происхождение и от неё отчётливо веяло неприятным остаточным психоследом, говорящим о том, что кто-то совсем недавно проводил здесь некое подобие спиритического ритуала или что-то вроде того. «Должно быть это совсем странные люди, чтобы молиться в таких местах». Ещё чувствовался испуг. Обыкновенный первобытный страх за собственную жизнь так характерный для всех и в этот момент в глаза бросились три ровные параллельные рытвины на выщербленной стене. Словно по ней прошлись зазубренным ковшом горнодобывающей машины. Во взгляде Фила и еле заметном поёживании Майкуса были видны подозрения касательно чего-то такого, о чём никто не хотел говорить, да и врятли бы смог подобрать слова.

– Туда.

Майкус ткнул дулом дробовика в темноту перед собой.

– Вопросов нет, командир.

– Тихо! Я что-то слышу.

Встроенные в шлем арбитра звуковые сенсоры безусловно были значительно чувствительнее человеческого слуха, но Эл тоже слышал. Иногда его органы чувств творили с ним необычные шутки и бывало сами по себе обострялись без видимой причины, одаривая его целой гаммой непривычных посторонних ощущений. Так же было и сейчас. Эл не просто слышал что-то. В доносящихся из темноты шорохах удавалось различить, как ровно в 25 метрах впереди переминалось с ноги на ногу два человека, обмениваясь настороженным шёпотом.

– Да брось, я тебе говорю, здесь постоянно обвалы, пойдём, а то Пророк будет потом моросить.

– Сдался мне этот ваш Пророк.

– Амбулонского дерьма объелся или как? Обелиск принял его, а «Великий Изменяющий» задолго предсказал его появление. И сегодня мы все будем ему нужны. Пойдём!

Эл мысленно обратился к Майкусу, от чего тот слегка вздрогнул, как всегда бывает, когда человек, не привыкший к телепатии, слышит чужой голос прямо у себя в голове, одновременно с непременно сопровождающими его холодными мурашками по всему телу.

– Там впереди двое, уходят в направлении левого отрога, неплохо было бы за ними проследить.

– Хорошая мы... Погоди, как? Откуда ты знаешь? Ты что, из этих самых?

Майкус покрутил палец у виска в недвусмысленном жесте, а Фил с непониманием переводил взгляд то на одного, то на другого и, о трон, ему хватило ума не говорить вслух свои вопросы.

– (обращаясь к обоим) Сейчас не время для этого. Просто поверьте мне на слово и следуйте рядом. Я пойду вперёд и дам знать в случае чего. Выключите фонари и не произносите ни звука.

Неожиданно для себя самого и спустя столько времени Эл почувствовал себя в родной стихии, ибо узкие коридоры катакомб, переплетающиеся в незримую паутину так сильно напоминали родной улей, что дремлющие инстинкты тоннельной крысы вновь дали о себе знать, а многократно тренированная мягкая поступь не производила шума даже на каменном крошеве. Его приземистая фигура стала неразличима во мраке без каких-либо фокусов и приспособлений, словно он всю жизнь только и делал, что прятался в этих подземельях. Держа неизвестных на границе слышимости, можно было свести шанс обнаружения к минимуму. Всё чаще стали встречаться импровизированные алтари в виде кучек камней с поношениями в виде высушенных зверьков и самодельных украшений. У входа в особенно большую пещеру, границ которой не удавалось нащупать разумом, стоял часовой. Он недвижимо вглядывался в темноту перед собой и держал наготове копьё с вытянутым зазубренным наконечником. Будто заподозрив что-то, часовой повернул голову, но успел заметить лишь блик летящего прямо в горло камня, перебившего дыхание приступом кашля, одновременно с тем, как сам окружающий мрак воплотился в проворную бесшумную тень, что обхватила его цепкими объятиями и душила, пока часовой не перестал хватать воздух руками. Только когда Эл уже прятал тело за валуном неподалёку он заметил, что у человека в изодранных лохмотьях вместо нижней челюсти целый комок маленьких шупалец и присосок, продолжающих пульсировать и шевелиться. Эл едва смог подавить подступившую волну тошноты, когда в поле зрения появилась крадущаяся с очевидным хрустом камней под ногами пара.

– Ох, фраг меня раздери! Ну и уро...

Он не дал Филу договорить, зажав его рот ладонью и в глазах парня сразу же отразилось сожаление по поводу своей ошибки, потому что из узкого прохода в огромную пещеру слышались приближающиеся шаги. Два человека в рабочих комбинезонах и кирками в руках осторожно выглянули из расщелины и один мгновенно получил сокрушающий удар прикладом в висок. Второй попытался похоже крикнуть, но мощный толчок окованным сапогом в живот выбил из него любую возможность сделать это, а хруст шеи под металлическим каблуком стал лаконичным эпилогом не успевшей даже начаться потасовке.

– Я вот думаю... может надо было их допросить?

– В Имперском кредо чётко сказано, что мутантов надобно убивать, а не допрашивать.

– Ну никто же не мешает убить их после допроса.

– Разговоров со всякой нечистью не веду, а если надо что-то узнать, лучше увидеть всё своими глазами.

– Я бы многих вещей лучше не видел, честно вам говорю.

Отказавшись от бесполезного спора с арбитром, Эл решил осмотреть и этих двоих. У одного оказался единственный большой кошачий глаз на том месте, где должна была бы быть переносица, а кожа второго блестела от слизи, покрывающей его чешуйчатую кожу. Эл сразу же оглянулся на Фила, но тот уже лучше себя контролировал и выпучив глаза разглядывал тела убитых с нескрываемым отвращением.

– Если бы все клерки Министорума умели также двигаться, я остался бы без работы.

С кривой ухмылкой выдавил из себя Фил, всё ещё прилагающий значительные усилия, чтобы говорить тихим шёпотом, а Майкус в очередной раз проверил исправность затворного механизма и даже сквозь шлем было видно как он оскалил зубы в короткой усмешке.

– Накиньте на себя их тряпьё. Там впереди таких сотни и лучше не привлекать к себе внимания. Похоже почти все коридоры сходятся к этому месту.

Даже сквозь респираторы тряпки почти нестерпимо воняли мускусом и отходами, но перспектива быть замеченным «воняла» куда больше. Спрятав обнажённые и искажённые мутациями тела, троица нырнула в узкий лаз. Следующая пещера оказалась куда больше, чем можно было себе представить, а уходящие за пределы видимости свод и стены поражали воображение. Тусклый и мутный свет исходил из многочисленных вкраплений люминесцентных минералов, сильно напоминая звездное небо над гладью воды, заполнившей пещеру. Множество корявых плавучих переходов из самого всевозможного мусора неизвестного происхождения пересекало поверхность воды, создавая целую колыхающуюся на волнах сеть, поддерживающую самый настоящий город с тысячами копошащихся и стенающих душ. Масштабы увиденного привели в оцепенение.

– Боюсь одного арбитра, при всём моём уважении к вашей блистающей персоне, будет явно недостаточно.

– Нужно сообщить об этом святой Инквизиции!

– Если мы, конечно же, выберемся отсюда живыми.

– Что-то мне подсказывает, что уж кто-кто, а они то знают.

Ещё не до конца осознанное беспокойство овладело Элом и он одёрнул остальных, балансирующих на шаткой плавучей куче мусора.

– Думаю вам двоим, лучше возвращаться, дальше я пойду один, так будет безопаснее.

– Если мне память не изменяет, то руководство тебе никто не передавал.

– Ваша миссия, господин, Ивил, резко осложнилась в свете последней информации и глядя на вас я бы не сказал, что вы похожи на суицидника или чересчур импульсивного человека, так что не вижу преград к тому, чтобы вернуться и хорошенько всё обмозговать.

– А с чего ты решил, что твой «друг» здесь?

– Я... чувствую, его присутствие сейчас отчётливее чем раньше, но... что-то не так, что-то изменилось и я не могу понять что.

– Да это ж грёбанная нора с кучей богопротивных мерзостей. Что здесь вообще может быть «не так»?

Майкус и Фил уже начинали привыкать к мысленному общению и уже не шевелили губами, пытаясь по привычке произносить слова, однако мимолетная скорость обмена мнениями по прежнему вызывала у них дискомфорт, как и это место, жуткая неприязнь к которому солидарно откликалась от каждого.

– Хочешь сказать одному тебе будет проще?

– Вам нет смысла идти туда, а тем более погибать. Это не ваше задание.

– Вместе пришли, вместе и уйдём.

– Ну как знаете.

Они двинулись по предательски ненадёжному гнилому плавучему мосту, шатающемуся от каждого шага. Где-то в глубине воды с низкими приглушёнными перекатами двигалось нечто очень большое и никто не хотел выяснять что именно. На одном из переходов им встретился двухметровый сгорбленный мужчина с ярко-красной кожей, недоверчиво осмотревший их своими выпученными глазами.

– А вы что здесь яйца чешете? Почему до сих пор не в святилище? Всем же говорили!

– Мы задержались из-за обвала.

– Сральник шире открывать надо, чтоб успевать, топайте давайте!

Ещё на подходе Эл на всякий случай внедрил в сознание пучеглазого образы тех, кого они только что убили, чтобы он принял их за своих, но это похоже породило в нём ещё большую подозрительность и троица поспешила скрыться как можно быстрее, пока у того не появились новые вопросы. Огромное скопление живых существ, ощущаемое впереди, объясняло почему плавучие улицы и покосившиеся комки мусорных домов были безлюдны. Спустя час блужданий, они, наконец, вышли на твёрдую поверхность и это оказалось первым приятным

чувством за день. Взобравшись по выдолбленной в скале лестнице, Эл очутился во второй пещере поменьше. Она была освещена множеством костров и усеяна рядами сталактитов и сталагмитов, приобретая вид пасти исполинского зверя. В нос ударил резкий запах озона и было понятно почему. На возвышении, окружённом заворожённой толпой, происходило что-то странное, похожее на ритуал. Перед массивным тронем из белеющих костей с восседающей на нём бесформенной бледно-розовой массой выстроились несколько человек и их коллективные ментальные усилия наэлектризовывали воздух над ними до синеватого свечения и заставляли скалу под ногами вибрировать в хаотичном, неразличимом ритме, волны которого доносились и до Эла. Всё что он пока мог понять из этого, это только то, что он ещё недостаточно безумен, чтобы слышать скрывающуюся в этом ритме отвратительную мелодию. Эл не на шутку забеспокоился, ведь для его спутников увиденное, скорее всего, уже чересчур, но они всё-таки держали себя в руках, хоть и были напряжены до предела. Джеш чувствовался прямо здесь и по позвоночнику поползли неприятные предчувствия, порождающие образы истязаний и принесения в жертву с оккультными целями. Нужно было торопиться. Они окунулись в толпу как в бушующее море и затерялись в ней. Окружающие были слишком заворожены светопредставлением, чтобы обращать внимание на три протискивающиеся фигуры в таких же зловонных лохмотьях как и они. На таком расстоянии даже малейшие проявления ментальной силы могут быть распознаны псайкерами на возвышении, поэтому Эл уже обращался к спутникам голосом.

– Слушайте меня внимательно, старайтесь ни в коем случае не смотреть на свечение.

– Я и не собирался, от него мурашки по телу, прям бррр...

– А почему?

– Просто поверьте? Это может быть смертельно опасно, точнее гораздо хуже.

Резная каменная лестница, ведущая к площадке на возвышении, оказалась совершенно пуста и это настораживало сильнее всего. Эл ещё раз проверил исправность сматывающего механизма на предплечье и заметил ближайšie сталактиты, пытаясь просчитать возможные пути отступления к каким-нибудь норам, чернеющим под потолком. Затея разила на милую своей самоубийственностью и глупостью, но беспокойство подгоняло слишком настойчиво, чтобы проработать все необходимые нюансы и он вбежал по лестнице наверх. Мощные псионические завихрения сбивали все его чувства и зубодробительно сотрясали внутренности, в связи с чем последние ступени стали даваться так, словно он обвешался неприподъёмными гириями. Когда же последняя была взята, он едва не ослеп от такой близости к бурлящему потоку энергии. Спутникам по видимому было значительно легче и они вполне уверенно поднимались, отвернувшись в сторону, но всё равно дрожали от вороха эмоций и ощущений, наполняющих разум. Внезапно свечение рассеялось и стало видно, что в центре круга спиной к нему стоит некая фигура в длинном кафтане, сшитом из множества лоскутков бледной человеческой кожи. Она развела руки в стороны и к ним потянулись красные дрожащие струйки от каждого из шести окружающих её людей. Их лица исказила гримаса боли и они скорчились на полу, высыхая на глазах до состояния вековых мумий с планеты Криптос. Почувствовав покалывание по всему телу, Эл отпрянул на несколько шагов, дабы не попасть в зону действия ритуала и смог разглядеть то, что сидело на костяном троне. Конгломерат из не имеющих наглядной принадлежности к любому из известных живых существ, деформированных конечностей и мускульных валиков был усеян разноразмерными глазами и ртами, перемещающимися по телу в случайном порядке, а психоимпульсы этого существа оказались совсем не воспринимаемы для рассудка. Майкус и Фил до боли сжимали челюсти не в силах преодолеть шок от впервые пережитого столкновения таким явным проявлением психосил. Между тем фигура в кафтане медленно повернулась.

– Забавно. Зеркало времени не знакомо с такими понятиями как привязанность, оно просто показывает то, что было, будет, есть и вполне может случиться, но тем не менее указывало именно на тебя. Мне приятно, не спорю.

Джеш выглядел точно таким, каким Эл его помнил, только с явными признаками истощения и усталости. В глазах спокойствие. На лице удовольствие.

– Что здесь происходит? Почему ты пропал? П...

– Тсссссс... Столько вопросов сразу! Подожди.

Джеш медленно подошёл... нет подплыл к краю площадки и приветственно вскинул руки, после чего многотысячная толпа синхронно повторила движение скандируя «Пророк! Пророк!». У Эла перехватило дыхание от нахлынувших эмоций.

– Что?! Погоди, ты что, решил отвернуться от Императора, ради кучки отбросов?

– Не совсем, мой друг. Изменяющий... (Джеш на пару мгновений задержал взгляд на том, что сидело на троне) даровал мне гораздо больше, чем может дать твоя слепая вера, он открыл иной путь, дал понять, что за догматами, которым я служил раньше, не стоит ничего кроме лжи и лицемерия по сравнению с истинной, существовавшей за миллионы лет до того как человек впервые отправился к звёздам, покинув родную Терру. Показал, что «отбросы» и «элита» легко могут поменяться местами ибо все определяющие их критерии также лживы, а правыми и виноватыми может быть кто угодно.

– Ты не в себе, я обещал вернуть тебя обратно...

– В храм? Туда, где нас учили, что Император заботится о всех нас и что наш дар позволяет видеть воочию его любовь? Так вот, знаешь что я видел? Что это полная чушь! Ему не было до меня никакого дела, когда я задыхался во мраке этих проклятых тоннелей, когда умираю от голода в сиротском приюте, когда кричал от боли в пыточных камерах Чёрных кораблей! Где ОН был? Ему было плевать! Всё, что его заботит, это собственная ненависть ко всему не человеческому. А для этого народа я ключ к процветанию, я их спаситель. Возможность добиться лучшей жизни.

– Мы все рождены под Его взором и обязаны служить Империи человечества вне зависимости нравится нам это или нет...

– Империи, который нас ненавидит? Который сделал из нас убийц? Нас истребляют, Эл, притом нуждаясь в нас! Весь этот лицемерный Империи тут же умрёт, когда погаснет свет Астрономикона, существующий за счёт каждодневных жертв ни в чём не повинных детей, умирающих медленно и мучительно, иссушая свои души, чтобы корабли не потерялись в водоворотах варпа. Когда заглохнет последний астропат никто не придёт на помощь и не сообщит о бедствии. Всё развалится без нас, но они плюют нам в лицо! И вот ЭТО ты хочешь чтобы я защищал?

– Но предавать всё, ради чего трудятся триллионы людей это не выход!

– Я хочу добиться справедливости для тех, кого ненавидят только за то, что они не похожи!

– Они мутанты! Неужели ты не видишь?

– Два языка, или хвост что, отнимают у них чувства и человечность? Тогда ты ничем не лучше тех, кого ненавидишь. Тогда мы с тобой тоже мутанты.

– Их коснулись Гибельные силы и ты прекрасно это знаешь. Им нет места среди обычных людей. Одумайся!

– Нет, ты такой же слепец, как и все остальные. Зря я надеялся...

Скрепя сердце Эл выхватил свой пистолет и выстрелил. Пуля зависла в воздухе перед лбом Джеша, который лишь разочарованно покачал головой.

– Вот об этом я и говорил.

Эл почувствовал вонзающуюся в плоть холодную сталь за мгновение до того, как образ Джеша дрогнул и едва успел выхватить свой клинок, чтобы отвести молниеносный выпад таким же психосиловым мечом, тихо свистящим в воздухе. «Слишком быстро! Слишком...» Град ударов невероятной скорости и силы выбил его из равновесия в первые же секунды, несмотря на то, что он знал все эти связки и комбинации наизусть. Продав свою душу Джеш

обрёл силу, но не мастерство. Клинки, мерцающая белым светом плясали в полумраке пещеры хороводом размытых росчерков. Уход. Выпад. Защита спины и снова выпад. Пируэт с косым ударом сверху. Эл не мог его достать и Джеш торжествующе развёл руки. Очевидный обман, но тело двигалось само, приученное к тому, что противник в такой позиции ни за что не успеет отразить удар в подмышечную артерию... если он, конечно, человек. Мысли, такие тягучие в пылу схватки, не поспевали за тем, как Джеш лёгким движением отвёл лезвие в сторону и используя полученный импульс, ударил ногой с разворота. Послышался хруст рёбер и Эл скрутился на полу от резкой боли и невозможности дышать.

– Я видел: в будущем ты всё поймёшь, но пока ты мой, то и будущее в моих руках...

Внизу в толпе раздались крики ужаса вперемешку с возгласами «Защитить Пророка!» Пытаясь вздохнуть как рыба на суше, Эл приподнялся, озираясь по сторонам с нарастающими опасениями «Если они хотят защитить его, то уж явно не от меня». Это было очевидно и он не ошибся. Из десятков чёрных нор по краям пещеры выбегали нескончаемые потоки шахтёров с кирками, которыми те размахивали как сумасшедшие и прорубали себе путь через ударившуюся в панику толпу. Они рубили, крошили и рвали, не замечая даже почти смертельных ран. Одному шахтёру мутант оторвал своими щупальцами руки, но тот просто вгрызся ему в горло и побежал дальше. Также стали мелькать силуэты чёрных паукообразных существ размером больше человека. Они передвигались невероятно быстро и в мгновение ока разрывали своими когтями любого встреченного на пути. Два таких неожиданно выпрыгнули из-за соляных колонн прямо на Джеша, но ещё в полёте оказались испепелены красной электрической дугой из его рук. В этот момент Эл понял, что это уже совсем не его уровень и нужно уносить ноги в максимально кратчайшие сроки. Правильно оценивать свои силы было одним из тех жизненно необходимых навыков, которые удалось освоить до момента бесславной и скоростной гибели, которую он всеми силами пытался избежать, когда был в адекватном состоянии конечно. Слава Трону Майкус и Фил пришли в себя и уже методично отстреливали любого, кто приближался. Крюк с верёвкой визжа улетел к потолку и звонко вцепился в один из свисающих соляных «зубов». Верёвка держалась крепко, но надеяться на то, что она выдержит троих человек, было бы глупо.

– ХВАТАЙТЕСЬ, ЖИВО!

Эл усилил свой голос волей, чтобы команда прозвучала убедительней и через пару секунд все трое оторвались от земли. Поднимать силой своего разума сразу троих взрослых людей Элу попросту не хватало способностей, отчего сматывающий механизм визжал и дымился на последнем издыхании, а голова была готова вот-вот лопнуть от перенапряжения. Уже на пороге потери сознания всех троих удалось забросить в мрачный проём неизвестного тоннеля, в который обмякшего Эла затащили едва успев зацепиться за ногу, перед тем как он начал сползать по склону в пропасть.

– Да что за фраг то а?! Ещё никогда не бывал по уши в таком говне!

Фил даже не моргал вытаращенными от ужаса глазами, а руки с дымящимися от перегрева лаз-пистолетами дрожали как двигатель ветхого спидера. Эл потерянно смотрел на струйки крови, капающей из носа на колени и успел только позавидовать ему перед тем, как провалиться в небытие.

* * *

- Ты так и не сказал «спасибо»...
- За что?
- А разве нужна причина?
- Вообще то да.
- Не знал... Думал, что это просто хорошее слово.

Эл стоял голыми ступнями на холодной мозаике, мелкими белыми ячейками составляющей узкую дорожку висящую в безграничной пустоте среди туманов и кажущихся бесконечно далёкими летающих островов. Его близнец стоял напротив и пристально вглядывался в даль позади него.

- Ну и кто же я?
- Первый правильный вопрос за долгое время...
- То есть ты не ответишь?
- Ответ тебе не понравится.
- Правда всегда неприятна.
- И тем не менее, лучше тебе её узнать самому, нежели от меня.
- Зачем тогда ты явился мне?
- Между прочим, я здесь был всегда, это ты пришёл.

Эл наклонился, чтобы разглядеть мозаику под ногами и обнаружил, что это склеенные между собой человеческие зубы.

Свежий морозный воздух привёл его в чувство, но залетающие в глаза снежинки не давали осмотреться. Чья-то рука рывками тащила его по сугробам среди белой пустыни.

– Эй, гляди! Он очухался!

– Где мы?

– Всё там же, только вокруг творится какая-то вакханалия! Рабочие как с ума посходили и начали набрасываться друг на друга везде куда ни глянь!

– Мы идём в замок барона. Стража нас пропустит по моему пропуску. Там похоже единственное безопасное место... я надеюсь.

А вот Эл, вторя мрачному настрою Майкуса, не надеялся вовсе. Он был разбит своей неудачей и предательством друга, поэтому едва встав на ноги проверил обойму и наличие меча. Фил как всегда оказался внимателен к мелочам.

– Думаешь будут проблемы?

– Не думаю...знаю.

– Это откуда?

– Птички напели.

Найти скрытый смысл в причудливых образах, приходящих иногда в видениях и снах крайне трудно даже для опытных адептов – предсказателей, поэтому Эл даже не старался пытаться. Он приучил себя лишь к тому, чтобы замечать, когда общий посыл говорит о чём-то очень плохом. Остальное уже не так важно. Ходили слухи, что существует целая ксенораса предсказателей, многие из которых могут видеть точную картину будущего и прошлого на много веков вперёд. Однако, если верить всё тем же слухам, даже такие поразительные способности не спасли этот народ от гибели... Зубчатые стены стали видны сквозь белую пелену, а мерно расхаживающая по ним стража, позволяла надеяться, что внутри и вправду безопасно. Оконце караулки открылось и в нём показалась часть давно небритого лица.

– Чаво надобно?

Рука в панцирном доспехе сунула в оконце медный значок арбитра в абсолютном молчании среди завывающего бурана. Спустя пол минуты в окованных воротах отворилась дверца, приглашая гостей войти. Внутренний двор оказался долгожданным островком тишины и спокойствия. Эл только сейчас понял насколько замёрз и принялся сжимать и разжимать кулаки, дабы снять онемение с пальцев, способное стать фатальным, случись что-нибудь неожиданное. Некоторые стражники слишком старались не привлекать к себе внимания ещё с прошлого его посещения замка, поэтому Эл автоматически посчитал их и отметил у себя в памяти их вооружение и кто где находится. Как бы они ни старались это скрыть, но криво сидящие шапки и шлемы выдавали явные деформации черепа, что сильно его озадачило. Во всяком случае послеродовые травмы и врождённые дефекты совсем не редкость на слаборазвитых планетах, поэтому он решил не придавать этому наблюдению большого значения, хотя то, что ни у кого не было волос, кроме пары бородатых часовых, несколько не укладывалось в его теорию. Из парадного входа к ним навстречу выбежал пожилой мужчина в меховом дублете.

– Уважаемый господин арбитр, чем обязаны такой честью? Такая непогода, как вы добрались?

– Барон Де-Вьер у себя?

Видя некоторую сконфуженность дворецкого, Майкус догадался снять шлем.

– О да, он улаживает некоторые дела с транспортной гильдией и я уверен он будет крайне рад видеть вас в столь тёмные времена.

О бароне Бронншира можно было сказать много чего плохого, но этот толстяк умел делать хорошую мину при плохой игре. В самом деле, роскошные яства на столе, ещё дышащие

паром, совсем не вязались с изображаемым им удивлением по поводу неожиданных гостей. Рагу из Сеферийской ушатки и фаршированный рогач были самым вкусным, что Элу доводилось пробовать за всю свою жизнь, но даже эти деликатесы с трудом лезли в глотку из-за постоянного гнетущего чувства тревоги, хотя не уделить должного внимания красноперышкиным тефтелям с свежесваренным грозовым элем, было бы кощунством, которого Эл себе бы никогда не простил.

– Право слово, господин арбитр, это ужасно! Из-за непогоды я не то что связаться с ближайшими селениями, а даже у себя дома не могу навести порядок! Поди кого найди, да накажи в такую метель. Солдаты носу на улицу не кажут и винить их за это я не могу.

– То есть никаких догадок о причине восстания?

– Да пёс их знает, что мужикам в голову взбрело! Крепостные у меня давно не баламутили. На днях к тому же был «праздник Лика» на котором, как вы знаете, молодёжи показывают выработку их отцов, где они продолжают их работу. Все дружно отметили праздник тремя днями бесперебойного труда. Откуда силы то берутся чесслово? Да и не бил я их больше обычного.

– А они на вас и не нападают.

Многозначительный прищур Майкуса мог бы вывести из равновесия кого угодно, но барон оказался крепким орешком и только еле заметно дёрнул глазами. Прямо как тогда, когда Эл спросил его про шахты. В прошлый раз он не придал этому значения, но сейчас стало очевидно, что он что-то скрывает, к тому же сознание этого человека похоже защищено некой разновидностью когнитивных техник, превращающих разум владельца в запутанный лабиринт из одному ему понятных на инстинктивном уровне ассоциаций и ссылок, в результате чего для любого телепата его мысли будут представлять лишь ком бессвязных образов и фраз, словно он залез в голову к сумасшедшему. Удивительно, что человек из глуши обладает такой серьёзной подготовкой.

– Ну и правильно! Не могут же они на своего вассала руку поднять, вот и срываются на соседях наверное.

– Плохо вы простолюдинов знаете, вот что я вам скажу.

– Как бы не так! Да как облупленного каждого мужика своего знаю, дело то нехитрое.

Фил уплетал за обе щёки и, казалось, был полностью поглощён процессом, не имея о нити разговора ни малейшего понятия, но Эл уже достаточно наблюдал за этим человеком, чтобы понимать обманчивость такого впечатления, которое, скорее всего, не раз спасало наёмнику жизнь.

– Не сочтите за дерзость, барон, но я бы хотел взглянуть на ваш вокс-коммуникатор.

– Уверяю вас, в этом нет ни малейшего смысла, он сломан, да и буран к тому же.

– И тем не менее.

Барон кивнул стоявшему в углу зала молодому сервировщику и тот скрылся в помещениях кухни.

– Мой слуга уже несёт его. Может отведаете моего самого лучшего вина с Каудиса?

– Ох, что ж вы сразу не сказали, конечно же.

Наверху, этажом выше, что-то двигалось, что-то большое и совершенно бесшумное перемещалось по комнатам по странной траектории. Краем глаза замеченное движение привлекло внимание Эла, но ничего кроме картин и цветочных композиций не бросалось в глаза. Фил жестом показал, что ему нужно в уборную, одновременно пытаясь прожевать слишком большой кусок печёного грокса. Эл решил изобразить, что уже слишком пьян для того, чтобы соблюдать этикет и расслабленно откинулся в кресле с бокалом вина.

– Барон! Уважжаемый вы наш, а где моя красная куртка? Я канешшшшш не королевских кровей, но всё-таки... она ценна для меня как память о нашей первой встрече. Помните строки из баллады «Kogvitus agarae»? «О привратник мой, как ты дорог мне! Не пропадай в ночи, сон мой при луне!»

Сломанные рёбра снова дали о себе знать после резкого движения и Эл с большим трудом не подал виду. Де-Вьер же расхохотался, тряся своими подбородками как ожерельями из ракушек.

– А вы интересный персонаж, колдун. Знакомы ли вы с творчеством Ариадны Мальфийской?

– О, безусловно, она великий мастер подбирать цветовую гамму.

– Вот-вот и я о том же, но в таком захолустье не сыскать настоящего ценителя. Пойдёмте к галерее, я вам покажу её последнюю работу.

Видя непонимающий взгляд Майкуса, Эл незаметно подмигнул ему в надежде, что тот окажется достаточно наблюдательным, чтобы не портить игру. Огромное полотно, занимающее чуть ли не половину стены, нависало над ними и поражало мелкой детализацией. Пышная церемония была изображена во всех возможных подробностях.

– Инаугурация Мария Хакса?

– О даааа! Нынешний губернатор сектора устроил самое грандиозное празднество, которое только видел светлый дворец на Сцинтилле.

– Думаю это достойное событие для руки Ариадны.

Эл понятия не имел о том, кто такая эта художница с другого конца сектора и надеялся, что-то, как он совершенно случайно отгадывал предпочтения барона исходя из чистой наблюдательности, не окажется настолько явным как казалось ему самому. Единственное, чего он хотел добиться этим дешёвым фарсом, так это прикрытой спины и хорошего обзора на гостевой зал. Кафтан барона странно колыхнулся в районе выпирающего пуза и он, заметив на секунду остановившийся взгляд Эла, расплылся в одной из самых невинных улыбок, что доводилось видеть. Резкий укол внутри головы возвестил о том, что его ментальную защиту пытаются грубо взломать, но источник он определить не успел, потому что грохот разбившейся посуды и ломаемого стола привлёк внимание как раз к тем самым проблемам, что ожидалось всё это время. Майкуса пригвоздила к паркетному полу невиданная тварь размером в два раза больше человека, покрытая толстыми чёрными блестящими пластинами хитина, вздымающимися черепицей при её дыхании. Шесть сегментированных конечностей с мощной мускулатурой и внушающими ужас когтями на концах, напоминающими бритвенно острые косы, сжались в ожидании смертоносного рывка, а торчащие отовсюду костяные наросты покрывали сторбленное тело сплошным панцирем, создавая впечатление неуязвимости. Пока все находились в секундном замешательстве, массивная голова чудовища, похожая на луковицу из-за непропорционально большого мозга, высунула из пасти извивающийся язык, пронзивший Майкусу грудь через перекусанную жвалами пластину брони, не пробивающуюся даже стабберной винтовкой в упор. И лишь доли секунды отделяли Эла от того, чтобы потерять правую руку, к которой тянулись членистые лапки из-под кафтана барона. Движением, больше похожим на испуг нежели на боевой элемент, он перерубил половину из них и сразу же был сбит с ног совершенно нечеловеческим психическим воплем, сотрясшим воздух как взрыв фраг-гранаты. Барон припустил по лестнице со скоростью, коей позавидовал бы и атлет амфитеатра, при этом разбрызгивая зеленоватую дурно пахнущую слизь. Майкус оказался ещё жив и видимо из последних сил нажал на спусковой крючок своего дробовика, который раскатистой очередью располовинил тварь над собой, после чего его руки бессильно упали на пол. Эл побежал было к нему, но из соседнего коридора показалось ещё две такие же твари, карабкающиеся по стенам со скоростью большей, чем мог уследить глаз. Он не успел даже моргнуть как одна из них обошла его с фланга и полоснула своим когтем по спине. Эл чуть не потерял сознание от резкой боли и снова упал. Жуткая пасть существа, полная невероятно острых зубов нависла над ним и источала зловоние, а бездонные обсидиановые глаза двумя блестящими камнями смотрели прямо на него и парализовывали тело, в то время как похожий на кнут язык готовился пронзить его насквозь. Наполненный злобой, от боли и отчаяния, мысленный импульс,

подобно кувалде, разможил существу переднюю часть головы и та отшатнулась на секунду, которой хватило, чтобы отсечь её полностью в одном гневном рывке и окропить тягучими сгустками ихора дорогущие картины на стене, которые сразу же поплыли от разъедающей их кислоты. Горячая кровь из рассеченной спины потекла по ногам и Эл начал чувствовать как его поволокло в начинающееся головокружение. Усилие воли остановило кровь, но ценой драгоценного времени, за которое третья тварь отвлеклась от обнюхивания двери уборной и кинулась к нему. Эл был не в состоянии увернуться, поэтому приготовился умереть в тот момент как в спину существу посыпался град лаз-зарядов из приоткрытой двери туалета. Лазерные лучи вспучили хитин на спине и обуглили костный панцирь, но по всей видимости не нанесли существенного урона, потому что оно не теряя проворности развернулось и решило всё-таки расправится с первоначальной целью. Дрожащая рука Эла навела пистолет и в одном яростном порыве опустошила всю обойму. Одна за другой пули разбили налобный костяной нарост существа и вгрызлись в плоть, заставляя его брыкаться в агонии. Однако даже этого не хватило, чтобы убить это отвратительное создание, которое сразу же начало подниматься. Времени возиться с обоймой не было, поэтому Эл бросился к твари в торопливом выпад, занеся клинок для одного рассекающего горизонтального удара. Внезапный взмах когтей не снёс ему голову лишь потому, что оказался в разы медленней и сияющий клинок прошёл сквозь хитин и кости как сквозь масло, развалив тело существа пополам и оставляя дымящийся конгломерат зеленоватого мяса и кишок подрагивать в последних судорогах. Даже после этого Фил продолжал панически нажимать на активационные руны своих давно разряженных пистолетов, отказываясь понимать что же вообще произошло. Хоть увиденное и не идёт ни в какое сравнение с тем, что Эл видел раньше по ночам, он всё равно стоял и дрожал в оцепенении.

– Святая задница Императора, что же это такое? Что?! Что это мать твою такое?

– Я...я не знаю...

Эл ошарашенно смотрел на стоящего перед ним, как ни в чём не бывало, Майкуса во вмятой в районе солнечного сплетения поеденной кислотой броне и озирающегося по сторонам в полном недоумении.

– Я думал ты мёртв, думал эта гадина тебя сожрала...

– Эта?

– Нет, вон та, неважно! Я видел как она проткнула тебя, как ты испустил дух.

– Ничего такого не помню...

– Совсем ничего?

– Мы сидели, разговаривали с бароном, где он, кстати? Потом я внезапно очнулся в луже какой-то зловонной дряни, чуть не получив кислотный ожог на пол лица и ты мне говоришь посреди всего этого, что я должен быть мёртв...может я слишком сильно ударился головой?

– Может быть...

Майкус абсолютно не лукавил ни в одном слове, это было заметно, как день, но что-то в нём изменилось и было не так как раньше. Звуки борьбы, ломаемой мебели и треск лазганов на верхних этажах возник и закончился одинаково внезапно, а, услышав топот множества сапог по ковру, Фил наконец очнулся и перезарядил оружие, подготовившись сам не зная к чему.

– Мне нужно напиться...да, определённо...уйти в запой в самой глухой дыре Гавварона и не вернуться...слишком много дерьма для одного дня...

Полностью игнорируя возникшую сцену, в зал ворвалась целая толпа стражников в латах, все как один были уродливы с вытянутыми бугристыми безволосыми черепами и бежали сломя голову к парадной лестнице, по которой убежал барон. Не добежав нескольких шагов, все как один оказались изрезаны всполохами лазерных лучей и успев сделать только пару выстрелов из своих метательных орудий, стрелы которых просто отскочили от богато украшенных зеркальных ростовых щитов с прорезями для дула лазгана. Целых три десятка солдат в красных бархатных накидках поверх разукрашенных гвардейских бронежилетов затарабанило по лестнице и

с завидной выучкой быстро выстроилось вдоль стены. Расплавленный металл доспехов стражи барона капал на ковёр и сразу же поджигал его за их спинами, готовя братский погребальный костёр, но никто пока что не торопился покидать дом, либо хотя бы попытаться тушить. Вальжная походка мужчины в бежевом замшевом пальто с меховой оторочкой, спускающегося вслед за солдатами, казалась подозрительно знакомой, а болезненно холодная пустота, ужасающим ореолом окружающая его была уж совсем незабываемой. Всё тот же ледяной, безэмоциональный взгляд неприкасаемого, способного одним своим присутствием изгонять демонов обратно в варп и убить любого псайкера просто постояв рядом. Всё тот же человек без души... Ленз... Симеон Ленз.

– Ох ты ж... Ущипни меня примарх, кого я вижу. Неужели я тогда не ошибся и «Большой папаша» и в правду приглядывает за тобой с того света? Три чистокровных мертвы, а ты стоишь тут и не чешешься. Сам своими глазами видел, как они вскрывали терминаторов Астартеc как какие-то консервы, а тут такое... Редко кому удаётся меня удивить сразу несколькими вещами за раз... (задержав взгляд на дыре в нагрудной пластине Майкуса) Эй, дяденька, вас как звать?

– Арбитр Бронншира Майкус Ивил к вашим услугам...

Ленз с отсутствующим видом снёс Майкусу голову выстрелом из старого потёртого лазерного пистолета и вскипевшие мозги из разлетевшейся головы арбитра забрызгали мелкой красной крапинкой безупречное до этого момента пальто.

– Минус балл за невнимательность, но даже в таком случае всёравно аплодирую стоя. Навёл ты тут такого шороху, что для «Королевских плетей» почти не осталось работы. Они, конечно же, не Гвардия, но своё дело знают и это лучшее, что можно найти на планете. Напомни мне отдельно поблагодарить старушку Лахриму, за столь любезно предоставленный личный карательный отряд.

Эл был готов провалиться на месте от замешательства, а противоречивые эмоции разрывали на части.

– З...Зачем? Почему ты убил его? Он же...он...

– О чём ты? Ааааа ты про него? Нет у меня сейчас желания читать внеплановую лекцию о физиологии отдельных видов тиранид. Потом как-нибудь сам прочитаешь на досуге, а пока пошли отсюда, а то дом горит... и ещё воняет... Боже, как же здесь воняет!

INTERLUDIUM

– 395.М36. Хартия Харлоков. Святой архиепископ Себастьян Тор дарует «Великую Хартию» свободному капитану Мордекаю Харлоку за его борьбу с мятежными флотами Frateris Templar в секторе Иерихон. 723 – 736.М36. «Великое путешествие». Флот Соломона Харлока предпринимает попытку опасного перехода длиною в 13 лет. Он составляет карту доселе неизвестного участка космоса за пределами Империиума, названного им «Пространство Calix», в котором он обнаружил несколько территорий под властью ксеносов, значительные залежи минеральных ресурсов, ряд стабильных варп-каналов и множество разбросанных миров людей неизвестного происхождения. Также он отметил несколько планет, на которых, по его мнению, ранее располагалась ныне уже давным-давно вымершая великая цивилизация, названная им «Чашей великого и древнего зла». В «Cartographia Universalis» он охарактеризовал эту территорию как «богатую душами, добычей, богатством и тем, что лучше не тревожить» и что этот регион можно будет включить в состав Империиума, но только ценой «великого кровопролития»...Тааааак... следующие даты ты пометила как «не относящиеся к делу»... гм, «Эпоха грабежа»...вторжение «Пожирателей разума»...волна экспедиций эксполораторов в «Бездну Ха'аз'Рот»...династические войны сектора Исканиад... Крестовый поход Голгенны Анжуйской в 322.М39...«Жатва ярости» и возвышение Друза... А! Вот оно! 363 – 369.М39. Флоты вольных торговцев Сибиллины Харлок и Лудда Сабрехагена производят переброску войск для дерзких и талантливых атак боевой группы генерала Друза против поклоняющейся варпу ксено-расы, известной как «Ю'ват» и спасают от гибели Мальфийский субсектор... Гм... Убийство и воскрешение Друза? Нет не это...

– Переверни пару страниц.

– 703.М41. Исчезает, после убийства всех своих кровных родственников, вольный торговец Эразм Харлок, считающийся с тех пор последним в своём роду.

– Ну?

– Что «Ну»? Зачем мне с утра пораньше подсовывать прямо в кровать пыльный талмуд размером с курортный чемодан и устраивать урок истории?

– Ты издеваешься что ли? Я цееееелыми днями думала как же ты отреагируешь, тут просто «Зачем, бла-бла-бла»

Ламия зарылась в простынях и выглядывала из белого «водоворота» одними тёмными глазами, будоражащими его своим загадочным блеском. Её каштановая чёлка растрепалась, наверное, впервые на его памяти, а рассветные лучи едва начали пробиваться сквозь смог и отбрасывать размытые тени по комнате.

– Неужели ты думаешь, что я могу иметь к этому хоть какое-то отношение? Ни разу не встречала однофамильцев? Та-Дааааам! К тому же прошло уже полтора столетия с тех пор и тут, к тому же, ясно написано, что все мертвы, так что 2:0 в мою пользу.

– Ну во-первых: это совсем не знаменитая фамилия, чтобы кто-то посторонний мог случайно взять её себе, а во – вторых: только не говори, что веришь официальной версии событий.

– Я не помню ни одного родственника и рос совсем один в Императором забытой заднице, так что если бы и собирался поискать родственничков, то начинать было бы не с чего.

– А я прям чувствую, как сомнения грызут твою душу прямо сейчас.

– Это ты меня царапаешь...

– Нет, это всё твои сомнения!

– Ну если ты так настаиваешь...

– Будешь делать одолжение – укушу.

– Кусай.

– И укушу!

– Кусай.
(цап)
– Аааай!

Глава 7

«Размышления порождают ересь. Ересь порождает возмездие.»
© – инквизитор Грегор Эйзенхорн. Ордо Еретикус.

Непредвиденные обстоятельства.

117.853.M41. Сегментум Обскурус. Сектор Каликсида. Межзвёздная пустота. Торговое судно – «Мизерикорд».

Древние инерционные двигатели корабля создавали небольшую вибрацию, прокатывающуюся по корпусу волной ровно один раз в минуту. Вот и сейчас... Привыкнуть к этому неприятному ощущению оказалось труднее, нежели ожидалось и за месяц полёта оно всё также раздражало. Круги в чашке с рекафом постоянно наводили на мысль, что она вот вот перевернётся и горький горячий напиток ошпарит колени. Одно радовало: рекаф здесь и вправду хорош, а за гомоном межпалубного кабака было не слышно гула силовых установок и скрипа протестующего корпуса. Эл приходил сюда подумать. Необременяющая сервомузыка и лёгкий пар от напитка хоть как-то волокли его мысли по застопорившимся механизмам разума, исчерпавшего все запланированные варианты решения проблемы, казавшейся поначалу совсем несложной. «Да куда он денется от нас всего на одном корабле?» – думал Эл, заходя по трапу на борт. Клочок бумаги с, написанными дрожащей рукой во время провидческого транса, символами и бессвязными фразами в очередной раз лежал перед глазами. Месяц назад Эл думал, что ему улыбнулась удача и при его скромных навыках из всей той белиберды, что звучит во время спиритического сеанса, удалось вычленивать хоть что-то ценное и приближённое к действительности. «Тот, что ищет взора чёрной звезды... Небесный плуг, приносящий несчастья, влечёт птенца в ночь... Три мёртвые девы, влюблённые в одного погорельца на веки веков..., но лишь одной достанется прах...». Чаще всего искусность провидца определялась не способностью разобрать послание среди какофонии звуков и хоровода случайных образов, а скорее умением найти в полученных данных зерно истины. Эл своими глазами видел, как некоторые по горстке игральные кости, амулеты и символического барахла, расставленных в процессе прорицания, казалось, в случайном порядке могли предсказать результат политической борьбы среди ведущих торговых домов или даже приближение великого бедствия на другом конце галактики. Проблема же всегда заключалась не в том, что предсказания не сбывались... о нет... они то как раз сбываются почти всегда, а в том, что цепочка событий, приводящая к ним, может оказаться совсем не такой, какой можно было бы ожидать. Иногда же и вовсе как раз именно попытки изменить будущее приводили к этому будущему, что ставит в тупик многих сторонников теории «я сам хозяин своей судьбы». И вот он здесь... «Мизерикорд». Груда чудом работающего металлолома в десяток километров длиной и ещё несколько шириной, со стороны напоминающая космический скиталец не зря встречалась в каждом порту с опаской и аурой грядущих несчастий, ибо, кроме шлейфа космического мусора, приносила с собой достаточно большие группы неучтённых пассажиров и сомнительных личностей, наполняющих корабль практически битком. Его древние остовы возрастом в несколько тысяч лет были сварены из множества малых и больших ещё более древних кораблей разного времени и места постройки, что объясняло, нигде более не встречающийся, настолько пёстрый набор, внезапно сменяющих друг друга, гротескных интерьеров и схем конструкции. Благодаря своим размерам и положению в транспортной структуре сектора, это было по сути своеобразное маленькое государство, бороздящее просторы реального космоса по стабильному маршруту, не меняющемуся со времени его основания. Здесь было своё правительство в лице капитана и других офицеров, свои, не до

конца понятные тем, кто не живёт на борту с рождения, законы, вооружённые силы, кастовая система и даже демографическая политика для тех, кто рождается и умирает среди жестяных переборок, так никогда и не ступив на поверхность какого-нибудь из миров. «Пустотники», так их называют остальные люди и относятся к ним с суеверным недоверием, что, во всяком случае, как правило, взаимно. Хоть и другие корабли хартистов, подобные Мизерикорду, а также всевозможные орбитальные станции не имеют варп-приводов и не нуждаются в навигаторах, влияние имматериума на их обитателей всё равно значительно сильнее, нежели на жителей планет, что вкупе с нестабильной гравитацией и особенностями регенерированной внутренней среды накладывает свой неизгладимый отпечаток на одну из основных категорий граждан Империиума. В среднем более высокие, хрупкие и бледные люди, полные странностей, начиная от странных вкусов, необъяснимой нервозности или отрешённости, и заканчивая дёрганной походкой и коверканным диалектом. Эл не сразу смог найти с ними общий язык, но тем не менее это оказалось проще, чем с обычными людьми, чья жизнь не наполнена мистицизмом и психофеноменами. И вот в такой обстановке, где даже каста «световиков» беспрепятственно «воюет» с обычными электрожрецами по поводу того, кто из них имеет право менять осветительные элементы на корабле, он должен выследить одного единственного еретика до того момента, как они прилетят к «Станкам» – триумвиату миров-кузниц под священной властью Адептус Механикус. В путеводителе говорилось, что все три планетоида в той системе были превращены в один невообразимых размеров заводской комплекс и никакой фантазии не хватило бы, чтобы представить тамошние масштабы производства. Кроме предсказания собственного изготовления у него ещё была наводка Ленза: «Чем масштабнее интриган попадёт к тебе на пути, тем с большей вероятностью это будет именно тот самый сукин сын». В общем-то негусто как всегда и, как говаривал тот же Ленз: «Если бы всё было просто, то Инквизиция была бы не нужна». В ту встречу на Сеферис Секундус он рассказал, что всё это время Эл, сам того не подозревая, работал на местный конклав священных Ордосов и даже его пребывание в храме было организовано ими. Им нужно было оружие и они сделали его для своих тёмных и непостижимых целей. Внезапно вспомнились слова Джеша, обретшие теперь новый смысл. Как бы там ни было, служить Императору можно по-разному и далеко не всегда самым очевидным образом, главное хранить Его слово в своём сердце... и так далее и тому подобное. Порой Элу казалось, что твердящие это священнослужители сами не верят в то, что говорят, но очень стараются не подавать виду.

– Может вам ещё что-нибудь нужно? Гм... молодой человек, вы меня слышите?

Тонкий голос женщины у его столика вернул Эла в реальность из омута бессмысленных дум. Рядом стояла дама, которую он вполне мог бы назвать красивой, если бы не болезненная бледность, усиленная искусственным освещением и худоба, превращающая кастовые татуировки «Салотопов» в угловатый наскальный рисунок.

– Что, простите?

– Вы всегда приходите сюда в одно и то же время и каждый раз просто сидите и смотрите на кружку с рекафом... вот я и подумала, может вам что-нибудь нужно.

Её идеально выбритая голова блестела в свете люминосфер также как металлический поднос в тонких руках, а бегающий энергичный взгляд выдавал человека, испытывающего страсть ко всякого рода сплетням.

– Может быть... Есть ли пристанище для страждущей души, потерявшей свой путь и желающей обрести иную судьбу?

Женщина пожала плечом и на секунду отвела взгляд.

– Эм... с такими вопросами точно не ко мне.

Мелкие, едва заметные реакции, оказалось, свойственны даже пустотникам, но с ними всё же нельзя быть до конца уверенным, что прочитал правильно.

– Поймите, я очень отчаялся и если вы мне не поможете, то уже не знаю кто.

Эл мысленно ухмыльнулся тому, что сказал почти правду. Женщина слегка занервничала.

– Может вам стоит обратиться к кому-нибудь на торговой палубе?

– К кому, например?

– Да к тем же ювелирам или ростовщикам, думаю у них найдётся для вас... работа.

– Работа?

– Ну вы же её ищите?

– Скорее нечто необычное, знаете, загадочное и таинственное.

Эл изобразил радушную улыбку и отвлек её внимание парой золотых монет, вкладываемых в ладонь, одновременно с этим мягко касаясь её сознания и проецируя туда образ человека, которому можно доверять. Простая телепатическая манипуляция, заменяющая ему недостаточно развитые навыки красноречия. Женщина приняла монеты, лучезарно улыбаясь в ответ как своему старому другу.

– Сходи к Амону Гарелу в блок В-36 и скажи, что от Фары.

– Ох, большое вам спасибо. И за обед и за общение.

Эл направился к выходному люку, поправляя рукава плаща из тяжёлого чёрного Дре-ахского шёлка и стараясь не врезаться в снующих туда-сюда официантов – сервиторов. Женщина же пошла дальше по своим делам после секундного замешательства пока её память о последней минуте стиралась, оставляя после себя лишь приятное послевкусие. И только мелкая испарина на лбу Эла выдавала то, насколько неожиданно тяжело ему дался этот простецкий трюк. Пустотники в большинстве своём обладали большей силой воли, нежели другие, что усложняло ментальные воздействия на них и если бы эта женщина хоть немного потренировалась, то у него ничего бы не вышло или бы пришлось приложить достаточно сил, чтобы сработала пси – сигнализация в помещениях, что было бы ещё хуже. За переборкой в глаза ударил контраст обстановки. Облепленный объявлениями и кривыми надписями металл сменился обтянутыми зелёным бархатом стенами и изумрудным ковром, а по краям центрального коридора был закреплён позолоченный барельеф. Пёстрая картина из всевозможных причёсок и одежды, принадлежащих мерно расхаживающим представителям разных миров свербил и слегка дезориентировала обилием деталей. Вдобавок ко всему каждый прохожий на свой манер коверкал имперский готик даже в произношении общеупотребительных слов. Эл сделал вид, что крайне заинтересован вышитой на бархате сценой «Железная вера», изображавшей как огромные боевые механизмы размером с многоэтажное здание втаптывают в грунт и расщепляют на атомы из своих макро – орудий врагов Императора среди горестного пейзажа полуразрушенного города. Эл шёпотом поблагодарил Его за то, что не довелось оказаться там, если конечно эти события действительно имели место быть. Убедившись, что он находится в мёртвой зоне средств визуального контроля службы безопасности корабля, Эл достал портативный инфопланшет с размытым пикт-изображением искомого субъекта. Снимок был сделан прямо перед отлётом в порте улья Тарсус на Сцинтилле одним из взломанных таможенных сервиторов и любезно предоставлен аколитом – связным. Он сказал, что настраивал сервитора на биослед разыскиваемого уже в целых трёх системах Пролива Голгенны некоего Солуса Хавидемара. В смазанном образе угадывались аристократические черты, но не более того, к тому же вполне вероятно, что субъект уже не раз менял внешность и документы. Вокс бусина в левом ухе тихо зашипела, предвещая открытие зашифрованного канала связи, затем раздался мягкий женский голос.

– Ээээли? Ты меня слышишь?

– Да, Виви. На связи.

– «Виви» меня может называть только Симеон, сколько раз повторять?

– Нижайше прошу прощения, госпожа Вивиенна Дэль Камилис, чем безродный плебей может вам услужить?

– Тебе говорили, что твой вездесущий сарказм и раздражительность плохо влияют на работу в команде?

– Да. К делу.

– Нашёл что-нибудь?

– В процессе. Анализ слухов и около десятка пьяных откровений ничего не дали, хотя раньше метод был безотказным. У тебя что?

– Пара банальных любовных интрижек в офицерских кругах, кем-то «случайно» стёртые пикт-записи регистрации пассажиров и какой-то чересчур шумный педофил в соседней каюте...

– Может он понял, что ему сели на хвост и решил затаиться?

– Я тебя умоляю, он же хаосит, а они по своей природе не могут рассуждать логически и действовать здраво.

– Ты удивишься насколько изобретательным может стать даже огрин, если по его душу явится святая Инквизиция...

Эл прервал перешёптывание по воксу, заметив краем глаза приближение незнакомой фигуры.

– Ох, признайтесь, вас ведь тоже завораживает божественная мощь великих творений Омниссии?

Синтетическая речь как всегда звучала неприятно и, потрескивая, выливалась отдельными потоками из голосового аппарата, заменяющего человеку в бордовой мантии гортань и нижнюю челюсть. Искусность аугметики сразу бросалась в глаза своей редкостью. Она была изящно выполнена, по имперским меркам, а превосходно подогнанные детали не издавали при движении ни звука. Правый глаз человека выдавал своё искусственное происхождение только светящимся тусклым светом зрачком. Походка мужчины тоже была лишком плавной и ровной для настоящих ног, но их было не видно под подолом мантии.

– Я не столь сведущ в путях Бога – Машины, но, может быть, если вы меня просветите, то я смогу восхищаться ими ещё больше.

– Боюсь, что тайны сии не для всех, но ваше стремление похвально! Я Йерсиний Квиллус, технопровидец пятого бытового модуля Мизерикорда.

– Гжелл Багинский, начинающий вольный архитектор, очень приятно.

Холодная блестящая сталь механической руки стиснула его ладонь сильнее чем он ожидал и оставила на коже пару пятен свежего машинного масла, ещё пахнущего благовониями недавних техно-ритуалов, а то, что осталось от прежней живой плоти на лице, к его удивлению, изобразило улыбку.

– А на картине случайно не битва за Орар?

– Очень может быть, 142.М41 если не барахлит дух моего киберцеребрума. 12й «Чёрный крестовый поход», «Готическая война» потери производственного потенциала на 7,87943%, популяция живой рабочей силы дважды снижалась до критически низкой отметки, а невосполнимые потери материальных ресурсов составили 28898176384619 имперских кредитов и так далее, если переводить на более экспрессивную речь... «ужасная была мясорубка», но, если вам интересно моё мнение, этот термин совсем не отражает масштабов произошедшего. Уникальная модификация титанов изображённой модели уже 500 лет как прекратила своё существование и знали бы вы как горестно было моим собратьям узнать о потере таких священных чертежей и древних археотехнологичных кузниц времён «Тёмной эры»...

– Сочувствую вам... нет, серьёзно, война всегда забирает самое дорогое.

– Сочувствие не требуется, меня просто угнетает бесперспективный массив данных, связанный с подобными историческими фактами.

– Чтож... прошу прощения, но мне нужно идти.

– Да будет машинные духи к вам благосклонны.

– И к вам.

Эл попытался повторить знамение святой шестерни за своим новым знакомым, но не был уверен, что получилось достаточно похоже и решил поскорее слиться с потоком людей, идущих к элеватору. Общение с представителями культа Механикус всегда оказывалось затруднительным, ввиду их непрестанного стремления к холодной машинной логике, являющейся для «шестерёночек» таким же атрибутом веры, как молитва Императору для обычного человека. А презрение к эмоциям и другим подобным «слабостям плоти» делало невозможным чтение их намерений и применение человеческой психологии. Также было только с Лензом, но совсем по другим причинам. В кабину элеватора почему-то набилась целая куча народу, словно они все очень торопились и подождать минуту для них неприемлемо. Извернуться в таких условиях было проблематично, но Эл всё-таки дотянулся пальцем до блестящей бронзовой панели с литерой «В» и только после этого подумал почему просто не попросил кого-нибудь нажать. Духота и толкотня в кабине являлась бы крайне неприятной, если бы не тот факт, что его прижимала к стене своим бюстом некая молодая особа в почти невесомом коралловом платье. Все они были пленниками сложившихся обстоятельств, но тем не менее Эл постарался прогнать нахлынувшие сладострастные фантазии, ибо ему не найти такого места в галактике, где бы Ламия его не достала, если случайно наткнётся на них в его памяти. Едва створки элеватора распахнулись, как толпа выплеснулась в янтарные торговые залы, наполненные золотым светом, шумом рынка и пёстрыми смесями ароматов экзотических угощений. Девушка, с которой его только что прижало в кабине, бросила короткий взгляд с поволокой прежде чем уйти в бурлящие торговые ряды и Эл в очередной подавил в себе неподобающие мысли. «А ведь прошёл только месяц» Чтож, нужно было найти секцию под обозначением «В-36» и возможно дело наконец сдвинется с мёртвой точки, иначе... не хотелось даже думать о том, что придётся делать, если он не успеет хоть что-нибудь раскопать до прибытия в порт. Одно дело искать еретика на корабле посреди сплошного вакуума и совсем другое сразу на трёх мирах-кузницах, вдобавок местные власти Механикус будут слишком озабочены своими производственными делами, чтобы обращать на это внимание и уж тем более содействовать. «Тааак... В-21,22...» Он шёл сквозь суету рынка и завывания торговцев, стараясь не обращать внимания на навязчивые приглашения примерить, отведать или приобрести поэтически нахваливаемые товары «практически задаром». Главное не встречаться с ними взглядом, иначе отвязаться от этих людей стало бы сложнее, чем от «жалостливых сосальщиков» с мира смерти Федрид. Павильон закончился на 35м номере и Эл на секунду замешкался, не найдя никаких намёков на продолжение. Этим непременно решили воспользоваться ближе стоящие дельцы.

– Оооооо, молодой господин! Вижу вас пленила несравненная красота моих карнавальных масок! Оооо да! Молю вас, почтенный, не лишайте старика величайшего и единственного удовольствия в его жизни представить вам свои лучшие творения. Оооо да!

Пожилой мужчина, смуглое лицо которого больше походило на сухофрукт, оказался фантастически обаятелен и профессионально убедителен, хотя с самого входа чувствовались густо расположенные в помещениях «глушилки». Да, похоже что ничего сверхъестественного, просто очень талантливый и опытный барыга в разноцветном ленточном костюме и копной седых косичек на голове, выглядывающий из-за стеллажей со всевозможными масками. Некоторые из них были довольно примитивны и напоминали ритуальные маски шаманов с диких миров, другие же оказались настоящим произведением искусства со сложнейшей гравировкой и редкими материалами, передающими любую эмоцию на выбор. Эл подошёл ближе к несказанной радости торговца, но подавать вид, что такие уловки на нём не работают не стал. Пусть все думают, что ему и вправду нужна маска, так уж и быть. Старик же самозабвенно начал расхваливать каждую, на какую падал взгляд Эла, заинтересованно кивающего, но совершенно не слушающего. Хотя старику всё же надо отдать должное, он ни разу не повторился в своих комплиментах самому себе.

– Какая тонкая работа, это же...

– Совершенно верно! Бронтийская резьба по кости летучего кита, ручная работа и эксклюзивный эскиз. Ооо да!

– В самом деле? Да вы должно быть шутите.

– Как можно, юный господин? Да провалиться мне на этом месте в пустоту, ежели я хоть крупницу приукрасил!

Старик никуда не провалился, хотя это был совсем не показатель. Впрочем неважно...

– А здесь нет Збго ряда?

– Прошу прощения?

– Збй торговый ряд, мне сказали ни в коем случае не ходить туда, ибо там торгуют сплошные шарлатаны, а в особенности пройдоха Амон.

Эл произносил это как весёлую байку, но внимательно следил за реакцией старика и тот в момент произнесения имени слегка замер на пару мгновений. Этого было достаточно.

– Так это... вам скорее про 2бй ряд говорили, там то уж точно обманщик на обманщике сидит! Без порток оставят. Ооо да!

Ухмылка Эла внезапно сошла, когда в цветастой куче застывших выражений лица он отрыл невзрачный овал из потёртого, странного на ощупь и лёгкого материала с одной единственной прорезью для левого глаза в виде небольшого водоворота. Давнишний сон про бесформенные фигуры посреди туманного леса всплыл в памяти, словно приснился вчера. На том месте, где у них должны были быть лица, висели подобные маски. Ему стало не по себе.

– У вас невероятно тонкий вкус, мой господин! О да! «Асклефионийский хрусталь» очень ценен ведь может оградить вашу душу от греха и приносить удачу! Оооо да!

– Какая... полезная вещичка...

– Всего сто золотых тронов, мой господин, ничтожная цена для такого чудесного приобретения.

– Я бы хо...

Какой-то мелкий грязный мальчуган грубо сорвал его кошель, не переставая при этом сверкать пятками в толпе. Внезапная необходимость вспомнить свои старые навыки подульевого шныряги смутила Эла, но времени для подобного не было совсем, ибо его кошель стремительно удалялся и не обещал вернуться. Эл уже давно так не бегал сквозь плотные скопления людей на тесных проходах, поэтому догнать проворного паренька была та ещё задачка. Нескончаемые запутанные коридоры торговых лавок выматывали не меньше неподатливой толкотни и постоянного гомона недовольных прохожих, похоже соревнующихся в сквернословии на чемпионском уровне. После очередного поворота объект преследования скрылся из виду и Эл непроизвольно выругался, выражая в этом всё то, что думал и о пареньке и о ситуации в целом. У него ещё не было доступа к оперативным фондам и счетам как у других аколитов и данный факт ставил под вопрос его существование... если, конечно, не заделаться в нахлебники к Виви, вот только она терпеть не может псайкеров как и большинство нормальных людей, испытывая пробирающий до костей ужас и неприязнь к любым сверхъестественным явлениям несмотря на обязательное для любого оперативника образование в области запретных знаний. Не будь Эл сам с детства «запятнанным», то охотно бы присоединился к ней в этих чувствах. Что-то пощекотило щеку. Бирюзовое пёрышко колыхалось в завихрениях вентилируемого воздуха и Эл не мог отделаться от нарастающего подозрения что что-то не так. За всё время он не видел ни одной птицы, тем более тут, в обходном коридоре. Точно такое же лежало на полу у приоткрытой дверцы метрах в десяти от него. За дверцей оказалась лишь темнота технической шахты, уходящей куда-то вниз и освещаемой только редкими тусклыми фонарями, в свете которых по лесенке спускалась фигура похожая на ребёнка. «Фраг!» Эл нырнул вслед за ним просто скользя по перилам, чтобы сэкономить время и нагнать «маленького засранца» и чуть не потерял равновесие от резкой смены вектора гравитации в новой секции корабля, где

пол и потолок поменялись местами. «Техножрецы иногда бывают на редкость криворукими, или что у них там вместо рук...» Один из них как раз приводил в чувства некий агрегат, похожий на здоровенную насосную установку в другом конце помещения, выдавая ей «благословенные» пинки, что, как ни странно, сработало и «шестерёночка» довольно взмахнул своими механодендритами, торчащими из спины. Всё вокруг было покрыто полированной до блеска медью и огромное помещение целиком оказалось заполнено гудящими и трясущимися машинами неизвестного назначения. Но самое главное здесь не было глушилок и Эл наконец вздохнул полной грудью. У убегающего мальчугана теперь не было шансов. Пронизав свои мышцы волей, он сорвался с места как самый настоящий атлет «Циркус-аудиторум» и за пару секунд нагнал мальчика, торжествуя хватая того за воротник робы, но в руке оказался лишь комок бирюзовых перьев, а вместо ребёнка перед ним взмыла вверх диковинная птица с совсем не птичьими умными глазами и скрылась в переплетении труб на потолке. А вот это уже ему совсем не нравилось. Будь то иллюзия или тем более реальное превращение, такое серьёзное изменение за столь короткий срок невозможно совершить без значительных возмущений в варпе и множества вторичных психофеноменов. Эл не чувствовал ничего и реальность никак не протестовала против нарушения её собственных законов. «Это невозможно!.. только, конечно, если это не какое-нибудь колдовство.» От этой мысли его всего передёрнуло. «Теперь то уж точно Вивиенна будет рада до усрачки...мы собирались искать какого-нибудь проповедника богопротивной идеологии, но никак не... колдуна... тут нужна как минимум одна штурмовая группа «Сестёр тишины» в полном обмундировании, а не пара аколитов с табельными средствами изгнания малых существей»

– Вы что тут забыли, молодой человек? Это священная территория, а не проходной двор!

– Я случайно забрёл сюда, господин, дверь была открыта и я...

– Какая ещё дверь? Узловая камера №767 является изолированным алтарём для молебнов в честь духа водонагнетательного комплекса. Вы как сюда попали вообще?

Эл хотел было показать на лестницу, по которой спустился, но на том месте была только блестящая медная стена, усеянная заклёпками размером с голову. «Какого?..»

– Вон! Вон отсюда! Если сейчас же не прекратите осквернять своим безграмотным присутствием владения Бога-машины, я имею право пустить вас на благословенный гидролиз для создания питательных жидкостей сервиторов! Из-за вас придётся опять окуривать всё помещение! Вон, немедленно!

То, что этот конкретный представитель духовенства был способен на столь яркие проявления эмоций означало что он довольно низкого ранга и ещё не до конца заменил свой мозг на логис-импланты, превращающие их в настоящие воплощения машинного духа с присущей ему холодной рассудительностью. Тем не менее шутить с ними не стоит, ибо одному Императору известно, каких игрушек они успели понавтыкать в себя. По крайней мере ничего не выражающий массив аугметики, заменяющий лицо у него уже был.

Дверь каюты с тихим шипением отъехала в сторону, но вместо Вивиенны в проёме стоял потрёпанный мужчина, натягивающий в попытках рубашку с невероятно тупым сладострастным выражением лица и рядами засосов на шее. Он едва не столкнул Эла в попытке ретироваться, но сам Эл имел в этот момент несколько отсутствующий вид, давно перестав удивляться и просто подождал. Внутри каюта была обставлена в эпатажном Ваксанидском стиле. Виви как-то рассказывала, что напыщенность свойственна почти всем Ваксанидцам, считающим, что именно их мир должен быть столицей сектора, обгоняя Сцинтиллу по показателям промышленного и экономического развития в течение последних лет. Чтож, ей виднее, раз она там родилась. Обступая искусно сделанные бронзовые статуи обнажённых женщин и мужчин, он оказался в чёрно-красной зале, заставленной мягкой мебелью, сервантами и позолоченными фигурками вперемешку со стопками инфопланшетов. В воздухе висел тягучий аромат ягод и цветов, источаемый расставленными по краям комнаты свечами. Хозяйка вальяжно восседала на резном, обитом подушками кресле в одной только помятой простыне и сосредоточенно вглядывалась в тёмную жидкость, плещущуюся в бокале. Эл молча взял полупустую бутылку вина с серванта и устало плюхнулся на диван, полный решимости залить в себя оставшуюся половину. Вкус был превосходным. Каудисское красное, сорт он правда не помнил, но, в любом случае, пить его вот так было кошунством.

– Не стоит вести себя как этот чёртов хмырь Ленз. Такое не идёт никому, даже ему самому.

– Может быть, но я сейчас абсолютно искренен во всех своих деяниях.

– Какое редкое явление...

– Сам каждый раз себе удивляюсь.

– Гм...

– Это который уже за этот месяц? Пятый?

– Тебе то какое дело? Они меня удовлетворяют и с них достаточно.

– Гм...

Делая последний глоток Эл задумался над тем, что по данному вопросу его мнение слишком расплывчато и не позволяет сформулировать ту или иную позицию, в отличие от собеседницы, которая уверенно произносила каждое слово и имела твёрдый, полный решимости взгляд, никогда не замутняемый любыми количествами алкоголя. За всё это время она ни разу не взглянула на него будучи поглощённой созерцанием бликов бокала в руках и размышлениями о чём-то своём и далёком от этого места. О чём именно он догадывался, но предпочитал не бередить старые раны и не навлекать на себя гнев старшего товарища почём зря. Мимолётным взглядом он включил аудио модуль в углу, прекрасно зная как её бесит когда он не пользуется пультом, но сейчас ему было всё равно, и комнату наполнили мелодии отдалённо звучащего оркестра маленьких духовых инструментов. Долгожданная возможность расслабиться, вкупе с вином, сделала его аморфной массой, растекающейся по дивану и утопающей в мягких атласных подушках.

– Ви.

– Ась?

– По астропатической связи что-нибудь слышно?

– Одно сообщение.

– От кого же?

– От Женевьяна.

– О Трон! И давно?

– Неделю назад.

– Гроксово дерьмо. И почему я узнаю об этом только сейчас?

– Потому что только и делаешь, что носишься по кораблю в самоуверенном порыве разобратся со всем этим дерьмом.

Она оторвалась, наконец, от бокала и с укоризной посмотрела прямо на него. Укол этих изумрудных глаз как всегда разубедил его в возможности оправдаться.

– Ну хорошо и что же он говорит?

– Он остаётся верен себе и как всегда не сообщает ничего конкретного, передаю дословно: «Изменяющий пути подсовывает нам пешки как в регициде, одну за другой и уводя нас всё дальше от истины. Смотрите шире, ищите невидимые нити их связывающие, иначе очень скоро мы проиграем»

– В таком случае я не так уж много потерял, но... если колдун является всего лишь пешкой, то наши дела плохи как никогда.

– Боже Император, как же я устала от... погоды, что?

– Перед тем, как прийти сюда я столкнулся с трансмутацией довольно высокого уровня и подпространственным коридорированием, а это тебе далеко не уличные фокусы.

– Это какие-то ваши псайкерские штучки, да?

– Не совсем, иными словами манипуляции с материей и пространством, нарушающие привычные нам законы физики и здравого смысла как такового. Я понимаю, что мистицизм не твоя специализация, но...

Эл огляделся в поисках какой-нибудь специальной аппаратуры в комнате, но Вивиенна сразу же поспешила его успокоить.

– Я окружила каюту тройным контуром сигнализации и расставила шумоподавители, так что на этот счёт не волнуйся.

– Уверяю тебя, здесь есть огромная разница. Тот, на кого мы охотимся, вероятно обладает силой, выходящей за рамки понимания имперской науки и скорее всего заключил соглашение с сущностями варпа или владеет одной из нечестивых книг.

– Я видела многих еретиков похваляющихся своими манускриптами, которые однако прекрасно горели вместе с ними.

– То были просто фанатики и сумасшедшие с макулатурой на руках, но есть книги, содержащие настоящие имена демонов и даже богов хаоса. Такие книги сами по себе пропитываются их силой, начинают обладать собственной волей, разумом и личностью, они могут совращать и направлять любого, кто прикоснётся к ним, превращая обычного человека в губителя несчётного множества миров. Из-за одной страницы некоторых таких книг развязывались целые войны порой.

– А ты многое знаешь...

– И знал бы больше, если бы мне дали доступ к запретной библиотеке.

– Не просто так некоторые знания считаются запретными, ты сам это сказал.

– Я не так глуп, чтобы попасться на уловки книг.

– Интересно, скольких казнили после этих слов, уличив их в ереси...

– Мы ушли от темы, кажется.

– Да, значит на корабле есть колдун, чтож это упростит мне задачу.

– Собираешься задействовать свои связи? Службу безопасности корабля... как их там? «Звездочёты»?

– Именно. Каста «Звездочётов» очень заинтересуется этим случаем и, вполне возможно, даже сделает всю работу за нас. Эх... (она посмотрела на него с ироничной ухмылкой) всё-таки если иметь достаточно твёрдый лоб, можно проломить любую стену. Рано или поздно, да?

Эл решил не доставлять ей удовольствие какой бы то ни было своей реакцией на колкость и просто наблюдал как она принялась одеваться в элегантное Ваксанидское платье из фисташкового хлопка с множеством мелких украшающих деталей, не мешающий при этом подчёрки-

вать её превосходную фигуру, которая врятли кого-нибудь оставляла равнодушным. Про себя он мог сказать уж точно. Обслуживающий сервитор активировался по одному хлопку ладоней и начал укладывать ей волосы в антрацитовый бутон, напоминающий чёрную Дреакскую розу, и вплетать туда белые ленточки. К моменту, когда все приготовления были закончены, Эл уже собирался немного вздремнуть, как встретился с раздражённым взглядом Ви, навещающей последние штрихи макияжа.

– Ты вообще собираться будешь? Мы на капитанский мостик идём, а не живность в трюме гонять.

– Серьёзно? Ну ладно тогда...

Лениво поднявшись он разгладил складки на плаще и брюках, затем растопыренными пальцами зачесал волосы назад. Вивиенна, конечно, не ожидала многого, но тем не менее оказалась разочарована.

– Охренеть... Ладно, пошли, времени у нас не так много. До Станков всего ничего.

Они вышли в просторный коридор главной палубы, напоминающий собой своды храма с вездесущими фресками сцен из многовековой истории корабля.

– Ты заметила, что все здесь какие-то странные?

Вивиенна лишь двусмысленно приподняла бровь, не сбавляя при этом шаг.

– Я в том смысле, что даже на обычном, казалось бы рынке за мной постоянно ходили пантомимики, каждый торговец соревновался друг с другом в лингвистических дисциплинах или устраивал дуэли прямо на прилавках, а некоторые вообще приносили ритуальные жертвы овощам...

– Ты был в «Галерее греха»?

– Это так называется рыночная палуба?

– Ну да.

– Похоже небезосновательно..., а ещё в гостинице «Запредельников», где я снял комнату, ни один из работников не произнёс за месяц ни слова и общались они со мной только через записки, при том никогда не выполняя просьбу полностью...

– Это «Мизерикорд», Эл. И всё, что здесь происходит, только лишний раз напоминает гостям, что они здесь чужие.

– Скорее создаётся впечатление, что пустотникам просто скучно без всех этих странностей.

– В этом ты, отчасти, прав. Многое из того, что принято считать здешней «изюминкой», является чистой воды причудой капитанов-близнецов Аннаполлона и Лунероса, ну и их предшественников конечно же.

– И ты собираешься просить ИХ о помощи? Не самая удачная затея, знаешь ли.

– Однако единственная в нашем распоряжении.

Им преградило путь двое мужчин в старинных церемониальных латах и кольчугах, украшенных позолотой и филигранной резьбой. Оба с суровым выражением лица сжимали в руках по громоздкому дробовику, а за их спинами возвышались вытянутые вверх створки огромных ворот.

– Это «Милосердные», будь с этими ребятами поосторожней, они очень вспыльчивы и крайне неделикатны, когда дело касается их прямых обязанностей (шепнула Ви перед самым подходом к дверям).

– Представление уже началось, сожалеем, но вы опоздали.

– У нас важное дело к господам-капитанам.

– Вдвойне сожалеем, мадам, но «Товарищество имбецилов» убедило капитанов ограничить круг лиц на мостике. Прошу вас удалиться.

– Дело касается безопасности всего корабля, думаю это их больше интересует, чем шутовские пляски.

Лицо «Милосердного», проглядываемое через забрало шлема, начало краснеть.

– Разгерметизация вас подери! Вы что, глухие?

Оружие стражников предостерегающе лязгнуло в латных перчатках. Эл машинально сделал шаг назад, потянув за собой Вивиенну, но как только он это сделал, мужчины насупились как дети и виновато уставились в пол. Тихое шарканье обуви по паркету послышалось на пару секунд позже, чем уловилось присутствие ещё одного живого человека. Долговязый и болезненно худощавый синюшно-бледный мужчина с редкими волосами и впалыми испытывающими глазами скорее плыл по воздуху, задевая ногами пол лишь для видимости походки, дабы не смущать случайного наблюдателя. Такое могучее сознание в столь слабом теле... действительно горькая ирония. Виви одёрнула Эла от попытки поздороваться, подумав достаточно громко, чтобы он мог услышать её без труда. «Тихо! Это «Приносящий тишину», в его присутствии запрещено говорить!» Проплывая мимо них, мужчина подтверждающе кивнул Вивиенне и в этот момент стали видны его татуировки на всём лице в виде замысловатых узоров, напоминающих картинку из калейдоскопа. Его синяя форма, отдалённо напоминающая офицерский мундир, была в идеальном состоянии и добавляла ему хоть какой-нибудь ширины в плечах. Мужчина обратился к стражникам осязаемым телепатическим импульсом и, судя по спокойной реакции последних, делал так достаточно часто. Мысленный голос звучал как эхо прибора, доносясь словно откуда-то издалека.

– Проблемы?

– Да н...нет никаких проблем, г...господин, всё как обычно.

– Это хорошо, когда «нет никаких проблем» и никто не мешает представлению.

Он медленно, будто специально, интригуяюще повернулся к Элу и Вивиенне, напряжённо ожидающим развязки.

– Я видел вас двоих во сне... С вами было связано нечто важное и я непременно надеюсь узнать что именно...даже если вы из лавки «Чудо – сырники» и пришли предложить мне скидку.

Эл слегка ухмыльнулся, ему нравились шутки с серьёзным лицом, прямо как сейчас было у Ви.

Панорама бескрайней бездны космоса, усеянной мириадами звёздных скоплений и газопылевыми туманностями всех форм и расцветок вызывала внутри леденящее чувство одновременного восторга и первобытного страха. Кроме, пожалуй, одного ярко-розового вихря вдалеке, который вызывал только страх. «Око ужаса», невообразимых размеров зияющая рана в ткани реальности, оставленная много тысяч лет назад некой погибшей цивилизацией, имя которой вскользь упоминалось в пыльных трактатах, но Эл его забыл. По неточным данным из этих же талмудов их порочность породила 4го бога хаоса, который при рождении поглотил все их души и миры, оставив этот разрыв, пульсирующий энергиями варпа и извергающий ежесекундно в реальность столько всего такого, о чём совершенно не хотелось думать, не то что встречаться. И где-то там, есть пограничный мир Империиума, пытающийся на своих плечах сдерживать всю эту несусветную нечисть в границах вихря. В книгах говорилось, что если он падёт, то всё вокруг захлестнёт кровавой волной и даже святую Терру. «Кадрианские врата»... да, вроде бы так называлось это место. Вся композиция казалась бездвижной, но пролетающие мимо на огромной скорости мелкие астероиды всё же напоминали о том насколько невообразимо далёкими были все эти звёзды и туманности. Галактика казалась безмятежным и уютным местом для стороннего наблюдателя. Было так легко обмануться, не видя отсюда раздирающих её войн, интриг и невежества. Не видя все те неисчислимы и немислимые ужасы глубин космоса, с которыми можно столкнуться. Видимо такие же мысли занимали и Аврелия Мортимара, человека, сидевшего в кресле напротив панорамного бронекристалла и беззвучно говорящего прямо в их головах. Было однако очень любезно с его стороны не копаться в этих самых головах, а просто беседовать, а аскетичная обстановка кабинета позволяла всецело сконцентрироваться на открывающемся виде и собеседнике.

– Лю-бо-пы-тно... а что-нибудь кроме догадок и собственного несовершенного восприятия вы имеете?

– Этот человек подозревается в организации еретических культов и подрывной деятельности на многих мирах Империиума, а также в связях с ксеносами, мутантами и хаосопоклонниками. Теперь к этому списку добавилась и богопротивное варп-колдовство.

– Да, мадам, вы об этом уже думали, я помню. Однако, прежде чем обвинять какого бы то ни было гостя на корабле, может сначала проверите и мою лицензию, а то мало ли что...

Аврелий довольно улыбнулся, заметив пробежавшее по лицу Вивиенны напряжение и принял выжидающую позицию, но она была уже бывалой оперативницей и привыкла к подобным провокациям.

– Данными вопросами занимается комиссия гильдии Астропатикус и пока вы не скрываетесь от неё это не в нашей компетенции.

– А что же тогда в ней?

– Вот это.

Эл раскрыл ладонь с помятым в ней бирюзовым пером и неосязаемым ветерком его перенесло на стол прямо перед Аврелием, который засмотрелся на него слишком надолго, чтобы это можно было списать на любопытство. Когда же он очнулся, всхлипнув в повисшей тишине, то выглядел просто как очень уставший человек, забывший, что находится в кабинете не один. Он с нескрываемой неприязнью отстранился от пера и уставился на своих гостей.

– Malleus maleficarum... охотники на ведьм...

Ви и Эл переглянулись.

– Гораздо важнее то, можете ли вы нам помочь.

– У вас же есть информаторы и средства объективного контроля.

– Необходимо обнаружить хоть какие-нибудь зацепки, любое странное поведение или необъяснимые происшествя на корабле за последний месяц.

Аврелий всё это время продолжал сидеть, не подавая никаких признаков присутствия и участия в диалоге, пока вновь не очнулся.

– Эм... прошу прощения за некоторые личные...хм...в общем, я могу вам посодествовать, предоставив некоторые конфиденциальные данные пассажиров, но не более того. На этом наши пути должны разойтись. Ещё раз прошу меня простить, но я сейчас немножко не в том состоянии...

Человек напротив казался потерянным и разбитым. Столь быстрые изменения породили целый ряд предположений, но Эл не чувствовал ничего выходящего за рамки глубоких эмоциональных переживаний. Главное, что они наконец получили тот рабочий материал, в котором крайне нуждались и держали протянутый им инфопланшет как драгоценность. Спешно распрощавшись с Аврелиусом, они сразу же направились обратно в каюту, чтобы обмозговать новые данные.

– Итак, что мы имеем: список из 3674 пассажиров, пожелавших не числиться в официальных реестрах, большинство из которых, я уверена, даже здесь находятся под левыми данными. Чуть меньшее количество вероятно даже может иметь фантомные личности поверх собственной памяти для большей убедительности.

– Предстоит большая работа.

– Или мы можем использовать нестандартный подход.

– Планируешь ткнуть пальцем и...

– Нет, это как раз стандартный, нам нужна зацепка, вот посмотри на этих: Веритас Плим, слишком старался сделать себе безупречное амплуа странствующего аристократа, что аж тошнит. Далее...вот! Фириал Урсалис, якобы коллекционер древних украшений с диких миров, но тут также указано, что он уроженец добывающего мира Далсус, а все до единого, кто родился там, искренне презирают любые побрякушки, ибо они являются отличительным признаком раба и всех низших сословий.

– А перед тобой легко проколоться на мелочах.

– Поэтому даже не пытайся мне врать.

– Хотя может он человек широких взглядов и всё такое.

– Не смейся меня, тут на лице написана надменность и ограниченность. Так, следующий персонаж: Валерия Тасс, полковник имперской гвардии в отставке. На вид милая женщина в возрасте, сохранившая военную выправку, однако видишь у неё правое ухо надрезано в двух местах? Это один из опознавательных знаков культа смерти Алактры.

– Насколько я могу судить, на кораблях хартистов каждый второй имеет пятна на репутации и так мы никого не найдём.

– Хорошо, гений сыска, прошу, ваша версия.

Ви откинулась в кресле с вызывающим видом. Читать её невербальные послы было всегда трудно, ибо она могла с одним и тем же выражением лица хотеть убить или затащить в постель.

– Как ты думаешь, еретик, способный скрываться от преследования инквизицией на протяжении нескольких лет считает нас прямолинейными дураками?

– На случай если вдруг решишь отвернуться от света Императора, это смертельно опасно, друг мой.

В её глазах заиграли пугающие озорные огоньки.

– Значит, если мы в кои то веки поступим прямолинейно, то это может стать вполне себе нестандартным подходом. Я знаю, что начальник любит изворотливость и конспирацию, но мы уже перепробовали всё что угодно и не приблизились к цели.

– К чему ты клонишь, Эл?

– Вот к чему.

Он повернул изображение ещё одного личного дела к ней.

– Силоди Анкерман? Орнитолог?

– Да, его каюта расположена в 99й секции на 9й палубе, имеет номер 999. Билет забронирован девятого числа девятого месяца в девять утра по местному времени.

– Как-то это слишком...

– В этом то всё и дело. Культисты хаоса, те что умудряются прожить подольше, всячески избегают подобного открытого символизма, потому, что он бросается в глаза и по их грязную душонку в скорости прибудет расстрельная команда, но кем бы они ни были, они всё равно вынуждены совершать нечто подобное, ибо их силы напрямую зависят от благосклонности бога, которому они служат и приносят жертвы для получения знаний и власти. Совершение знаковых событий это своего рода священный ритуал в их понимании. И судя по всему наш клиент продал свою душу Архитектору судеб, 2му богу хаоса, для которого число 9 священно, а птица – священный символ...

– Это запретные знания, Эл! Сами по себе они развращают, ты же сам говорил!

– Без них невозможно бороться с губительными силами, Ви. Вера в Императора иногда творит чудеса, но её не всегда бывает достаточно.

– Это сущее богохульство! Остановись!

– Давай поговорим об этом потом. Сейчас нам нужно его остановить, что бы он ни задумал.

– Всё равно мне это кажется чересчур глупым, навряд ли как «Смотрите все, вот он я!»

– Именно по этой причине мы игнорировали все очевидные варианты как в той древней поговорке с Терры: «Если хочешь что-нибудь спрятать, положи на самое видное место»

– О, лысина святого Тора, ладно, проверим этого твоего птичника, только иди к нему сам. Не выношу запаха помёта.

– Кто бы сомневался... но ты всё-таки приоденься во что-нибудь поудобнее.

Эл направился к выходу, поправляя кобуру на поясище под плащом и ножны клинка. Рукоять «Дружочка» за эти два года стала ложиться в руку как литая и в этот момент он вспомнил, что так и не спросил Ленза почему тот так дорожит этим пусть и модернизированным, но всё-таки старым и потрёпанным пистолетом, при этом так навязчиво желая, чтобы им пользовался именно он. Уже в проёме дверей до него долетели, приглушённые, стягиваемым через голову платъем, слова:

– Будь... ай!.. Будь осторожен.

От неожиданности он даже замер в пол оборота и в очередной раз не удержался, чтобы оценить так приятные глазу изгибы.

– Ты тоже...

* * *

«А что ваш лес? Он сонный и почти безжизненный! На моей родине можно было заснуть в чистом поле, а проснуться в самом сердце переищёптывающейся рощи. Наш лес был на самом деле живым, вы никогда бы не нашли той тропинки, по которой прошли час назад, ведь деревья ходили как им вздумается и мне иногда казалось, что они даже умнее нас самих.»

© – Ламмар. *Беженец с планеты Танит.*

Поднимаясь по широкой, устланной коврами мраморной лестнице, он не мог отделаться от жуткого ощущения, что окружающие лестницу вычурные скульптуры людей в неестественных позах непрестанно наблюдают за ним своими пустыми глазами. Где-то в отдалении играл орган и его раскатистые мелодии проносились по сводам корабельных отсеков подобно завываниям дикого ветра, заставляя вибрировать гирлянды мелких медных колокольчиков под высокими потолками. Каждая секция корабля имела свой стиль и оформление, но эта всё равно выделялась своей особенно роскошной лепниной и масштабными росписями, но времени любоваться, к сожалению, не было, вдобавок слова Вивиенны продолжали висеть тяжким грузом на сердце. «Может она права? Может я действительно слишком самонадеян и шагаю туда, куда не следовало бы? Прямоком в бездну... И как понять, продолжаю ли я бороться с хаосом или же уже сам становлюсь его рабом? Меееедленно и незаметно. Один необдуманный поступок за другим, на которые тебя словно подталкивают или же ты просто перестаёшь видеть грань между неизбежными жертвами и безразличием к судьбам людей, начинаешь позволять себе всё больше запретного, уже не видя в этом ничего такого страшного как прежде?» Его размышления прервал неожиданно появившийся мужчина в разноцветном шутовском наряде, горланящий ему прямо в ухо развесёлую песенку про некую Мирчеллу Синдерфелл, которая, как поётся «Красой своей звёзды затмевала, а умом своим любую тайну покоряла» разбивала мужские сердца направо и налево. Однако из архивов инквизиции Эл уже как-то раз вычитал, что эта знаменитая барышня была известна в узких кругах и не очень праведна совсем не по этой причине, а потому, что обожала принимать ванны, наполненные ещё тёплой кровью своих поклонников, о чём в популярной песенке милосердно умалчивается и хорошо, что так. «Вот что значит купаться в овациях» – подумалось ему и он зашагал дальше. Впереди виднелись узкие коридоры «гостиницы запредельников», заставленные несочетающимися между собой предметами интерьера и расставленными в случайном порядке побрякушками, которые, как он слышал, постоянно «забывают» бесчисленные постояльцы и пополняют коллекцию из года в год. Остановившись у двери с номером 998, Эл поправил в ухе вокс-бусину. Тихое шипение статики говорило о том, что Ви уже успела подключиться к коммуникационной сети и была готова подстраховать. Дверь №999. Поборов нежданно нахлынувший мандраж, он всё-таки постучал.

– Да? Войдите.

Суховатый мужской голос за дверью содержал нотки плохо скрываемого раздражения, но тем не менее не отталкивал. Отделанная лакированным деревом дверь скрылась в стене немного скрипя нуждающимися в смазке механизмами и в нос ударила композиция густых запахов из смеси мускуса, спирта, пота и сухих кормов. Вся каюта была заставлена клетками с верещащими птицами самых немислимых расцветок и форм...или их чучелами. В углу за рабочим столом сидел молодой человек в золотом дублете, прошитом серебряной нитью, и кормил с руки нахохлившееся пёстрое создание, чпокающее по столу рядами присосок на лапках.

– Приветствую и прошу прощения за беспорядок. Они у меня любят пошалить.

Черты лица этого человека были такими тонкими, что, казалось, о них можно порезаться, а ещё, Эл не знал почему, но внимание неустанно привлекала его левая рука, одетая в специальную плотную кожаную перчатку для защиты от когтей.

– Приветствую, мне вас посоветовали как хорошего специалиста. Понимаете, мы с женой давно мечтали об «Орбелианском кораллохвосте» и вот такое счастье, нам удалось взять птенца из питомника, но в последнее время он всё меньше ест вне зависимости от того, что мы ему предлагали!

Глаза мужчины загорелись намёком на интерес, но едва ли он был обманут.

– Хм... довольно необычная ситуация. Кораллохвосты славятся своим несгибаемым аппетитом...

– О, прошу вас, господин Анкерман, помогите. Меня к вам направило провидение самого Императора, не иначе! Обещаю, что за ценой не постою...

Заметив мимолётную гримасу раздражения на лице мужчины, Эл на секунду замялся, пытаясь понять где он переиграл, но останавливаться было нельзя.

– Простите, что не представился. Клей. Нарбониус Клей. Может вы обо мне слышали, я *musicus privatum* Администратума в Латунном городе.

Эл протянул ему левую руку, как было принято в Латунном и надеялся, что птичник машинально ответит тем же, но тот лишь качнул головой.

– Думаю, что у меня найдётся средство, но без детального осмотра я врятли смогу сказать что-нибудь определённое.

– Р...разумеется! Наш малыш совсем плох, стал терять перья, поэтому я побоялся его тревожить, но наша каюта совсем рядом! Не откажете в удовольствии сопроводить вас?

Достав из кармана уже изрядно помятое бирюзовое перо, он протянул его Силоди, который тут же сконцентрировался на нём так, будто ничего вокруг больше не существовало. В ухе прозвучал голос Ви.

– В моём понимании прямолинейность выглядит как выбивание ногой двери и приставление пушки прямо к чьейнибудь башке с конкретным вопросом, а не вот эти вот поползновения девственницы неофитки.

Нахмутив тонкие нарисованные брови, Силоди достал из кармана окуляры и принялся разглядывать перо со всё больше проявляющимся недоверием. Эл же не удержался от того, чтобы разглядеть поближе одно из чучел неподалёку. Что-то промелькнуло в жемчужных глазах когда-то величественного животного, рассекавшего небеса и он замер в оцепенении, наблюдая как голова чучела стала медленно поворачиваться к нему. Из распахнувшегося клюва с высушенным хвостиком тонкого языка раздался истошный человеческий крик. Нахлынувшая волна ужаса была подобна ведру ледяной воды посреди раскалённой пустыни, но он внезапно обнаружил себя на прежнем месте, словно только что протянул перо. «Дело дрянь! Надеюсь это всего лишь последствия моего пренебрежения медитацией, а не...» Сам того не желая, он уже бубнил себе под нос литанию отвращения, судорожно перебирая пальцами несуществующие бусы для молебнов.

– Ave deus animus
Credo peccatoribus
Sanctus deus dominum
Cantus mortus filium
Imperator oremus
Omnis malus impetus
Sanctus virgo saeculum
Sanctus lupus dominum!»

В помещении, под аккомпанемент громогласных криков запаниковавших птиц, резко похолодало настолько, что дыхание стало видимыми клубами пара и Эл с досадой констатировал свой провал таким глупым образом. Однако, то, что он несколько перестарался от испуга, почти никак не удивило Анкермана. Напротив, он словно именно этого и ждал, но тем не менее утратил на секунду контроль над своими эмоциями. Кратковременный всплеск недовольства обнажил его поверхностные мысли, давая в общих чертах понять, что совсем не разделяет религиозного рвения своего клиента.

– Что вы мне тут устраиваете? А?! Эххм... Я бы попросил вас удалиться! Фокусов уличных мне ещё не хватало, только питомцев пугаете!

Испугавшись чересчур резкого намерения встать своего хозяина, странное жёлтое создание вереща спрыгнуло со стола, однако в лоб Силоди уже упёрлась фокусирующая трубка «Дружочка».

– Вы так напряжены, уважаемый. Неудивительно, что у ваших питомцев тоже нервы не к чёрту.

Лоб птичника сморщился, но на его лице всё также было нарисовано недовольство, словно в жизни орнитолога пистолет у головы это скучные будни.

– Именем Золотого трона советую вам впредь не делать резких движений. Ви, закрывай лавочку!

Неожиданная коварная ухмылка мужчины оказалась гораздо более пугающей, чем если бы он достал из-за пазухи тяжёлую плазменную винтовку.

– Думаешь мертвец, гниющий на своём кресле, спасёт тебя от истинных повелителей всего сущего? Ты боишься потому что не уверен в этом. Я же знаю наверняка.

– Смертная оболочка ничего не значит для богов...

– В том то и дело, что для богов! (Ухмылка Силоди превратилась в нечеловечески широкую и безумную улыбку) *Khahsh udash az' ur!*

Последние слова звучали словно отовсюду одновременно и по телу сразу же поползли волны мурашек от букета противоестественных ощущений, заполнивших подобно лавине все органы чувств. Сквозь канонаду иллюзорных вспышек, шумов и жутких тактильных раздражителей, длящихся похоже целую вечность и вымотавших его сознание, он заметил движение справа от себя и с максимально возможной в данном состоянии поспешностью навёл пистолет на размытый белый силуэт, но дрожащий палец так и не нажал на активационную руну, будучи скованным судорогой. Сердце сжалось от того, что перед ним стояла Мэн. Она выглядела в точности такой же, как как он её запомнил. Обида на самого себя из-за того, что он раньше так часто вспоминал о ней, а в последнее время почти забыл, пересилила оцепенение.

– О Трон! Как?.. Как ты... ты не можешь быть здесь, ты же...

– Мертва? Ну конечно, это же ты убил меня, Хмурик! Убил самым жестоким образом, какой даже вообразить было нельзя! Ты осквернил меня касанием своего проклятия! Запятнал перед самым Императором прямо в его обители! (её голос дрожал и она говорила каждое слово навзрыд, а он с каждым произнесённым звуком всё глубже падал в пучину уныния) ЗА ЧТО? Неужели я сделала тебе что-то плохое? Мы помогли друг другу... ПОЧЕМУ?

Эл не знал что сказать. Где-то в глубине сознания он понимал, что этого не может быть, но собраться с мыслями играющими в чехарду было выше его сил, а голова становилась всё тяжелее, будто в неё прямо сейчас щедро накачивают свинец. Он закричал, содрогаясь от такого давления и случайно нажал на руну. Яркая вспышка испарила невероятно реалистичный образ и он снова оказался в помещении, заполненном чучелами и бьющимися в исступлении о клетки птицами, наполнявшими комнату невыносимым грохотом. Едва держась от бессильного падения, Эл опёрся о стол и истерично хрипел как утопленник. Подняв измученный взгляд он обнаружил перед собой Вивиенну в лётной кожаной куртке и с вытаращенными глазами. Совсем

рядом с её головой в стене тлело чёрное оплавленное пятно. А хозяина всего этого беспорядка и след простыл.

– Я конечно понимаю, что мы не всегда ладим, но не настолько же!

– Анкерман... сбежал!..

– Это врятли, я заблокировала весь этот жилой модуль целиком.

– Думаешь... его смогут... остановить обычные двери?

Виви хотела было что-то сказать, но быстро поняла, что вопрос был риторическим и подхватила шатающегося Эла за плечо.

– Нужно убираться отсюда, Ви... и побыстрее, иначе совсем скоро набегит неприлично большое количество вооружённых людей... со склонностью к неприлично поспешным домыслам.

– Пока шестерёночки разберутся с тем, кто и как взломал их шлюзовой когитатор у нас есть время проскользнуть через пожарный тоннель.

– Надеюсь на это...

Вцепившись в Вивиенну Эл поковылял за ней к выходу. Она вела его по параллельному жилым коридорам тоннелю под навязчивый ор аварийных сирен и монотонную механическую речь, призванную успокоить постояльцев и убедить их не ломиться в заблокированные двери. Что, естественно, как всегда было малоэффективным и толпы людей запросто перекрикивали старые динамики.

– Погоди-ка.

Он остановил её в тёмном тупике, предназначенном, судя по всему, для хранения всяческого хлама и принялся с кряхтением отодвигать напольную панель, под которой оказалась непроглядная чернота, уходящая неведомо куда.

– Что ещё за дурь? Это же сливной канал! Иди ты нахер, я туда не полезу! Да и как ты узнал про него? На схеме ничего такого и в помине нет.

– Успел на днях познакомиться с... местными традициями... долгая история, давай за мной!

Эл исчез в чернеющей дыре на последнем слоге и Вивиенна, нерешительно озираясь, в итоге зажмурилась и мысленно проклиная всех в галактике за то, что её свело на задании именно с ним, прыгнула следом.

* * *

– Да что ты там возишься то а?

– Ты можешь заткнуться?

– Только не говори, что мы застряли! Я тебя четвертую прямо тут!

Голос разносился звонким эхом во мраке металлической трубы и звучал подобно колокольному звону в ушах.

– Нет, просто решётка приварена. Нужно подождать, пока я дотянусь до... фраг, как же тут тесно то а!

Эл изворачивался как завяленная ящерица, несколько раз грязно выругавшись, когда Ви «случайно» наступила ему на лицо и, в конечном итоге достал свой клинок. Уперев остриё в приваренный край решётки он напряг волю и одним рывком срезал её. После чего они оба вывалились из просвета трубы прямо на решётчатый пол.

– Ай фффф! Чтобы я ещё раз тебя послу...

– Тшшш!

Они поднялись, напряжённо вслушиваясь в кавалькаду звуков генераторного отсека, гудящего рядами массивных флюоресцирующих энергоячеек и когитационных модулей, облепленных свежими восковыми печатями с гербом святой шестерни. В воздухе ещё витал запах ладана от недавнего богослужения и прекрасно отлаженная троица сервочерепов, горя красными огоньками из глазниц, резво подлетела им под ноги, подбирая своими мелкими конечностями срезанную решётку и приваривая её обратно к трубе.

– (шёпотом) Здесь что-то не так...

– Ясновидец из тебя так себе, но я промолчу.

– А я и не...

Будто бы холодными когтями его схватило за сердце ощущение несущейся навстречу беды и вынуждая от испуга непроизвольно взмахнуть рукой за мгновение до грохота выстрела. Звон от столкновения стабберной пули с выставленным плашмя клинком практически оглушил его, а вызванная столкновением вибрация едва не вырвала клинок из руки в одном болезненном спазме. Вивиенна отскочила лишь спустя доли секунды после этого и, видит Император, если бы целились в неё, то всё могло бы пойти совсем по-другому. Неизвестно кто был сейчас удивлён больше: стрелок или сам Эл.

– Нихера се! Ты видел?! Видел?!

– Что я должен был видеть, пидор ты гнойный?! Какого, мать твою на капитанском мостике, ты взял с собой грёбаный стаббер?!

– Хотел опробовать свою новую пушку, Зер. Что такого?

– А про рикошет ты гнида забыл?! Здесь стены кругом металлические! Ооооох угрохаешь ты меня когда-нибудь, правильно мне мама говорила!

Грубые голоса мужчин доносились из тени в дальнем углу и предвещали их появление, однако, Эл чувствовал присутствие ещё кого-то в помещении. Живого и недвижимого. Из тени вышло двое. Крупные, угловатые, покрытые белесоватыми шрамами мужчины шли так, как если бы под ними был подиум и зрители вокруг задержав дыхание разглядывали их искусственную мускулатуру, пропитанную анаболическими препаратами. Многочисленные следы старых порезов на лице и выцветшая гвардейская униформа облегчённого образца выдавала в них дезертиров одного из Бронтийских полков, именуемых в простонародье «Длинные ножи» за соответствующую особенность снаряжения и обучения. Тот что справа держал стандартный гвардейский лазган, второй же покачивал в руках какой-то самопал, похожий на самозарядную винтовку с отпиленным стволом. Часть его лба вместе с глазом блестела свежезживлённым металлом недорогой аугметики. Коротким жестом Эл убедил Ви не доставать оружие.

Несмотря на расслабленный вид, эти головорезы были наготове и любое провоцирующее движение сейчас могло привести их обоих к быстрому и весьма печальному концу.

– О, Жори, а про эту цыпу тот хмырь ничего не говорил.

– Ну, значица, это бонус.

Оба слащаво улыбнулись, роняя свои взгляды на фигуру Вивиенны, так некстати подчеркнутую облегающим кожаным костюмом и, наверное, нет в галактике ничего, что бы бесило её сильнее, нежели пренебрежение её мнением по данному конкретному вопросу. Одним резким движением она схватила ближайшего из низ за пальцы, которыми тот в данный момент изображал свои фантазии и, с глухим хрустом, сломала. Не успев осознать случившееся, пострадавший отбросил её увесистым пинком и Ви свернулась на полу в попытке сделать вдох. Эл даже не дёрнулся с места, ибо дуло лазгана не переставало смотреть ему в лицо, к тому же, он не чувствовал в них жажды убийства, что было странно, но давало надежду.

– ААААЙ! Ах! ТЫЖ НЕДОЁБАНАЯ ССССУКА!

– Вечно ты тянешь руки куда не следует...

Один из сервочерепов отвлёкся от сварки и принялся кружить вокруг головы скривившегося от боли мужчины, сканируя металлическую деталь в его голове.

– Дерьмо! Ещё эти здесь как мошкара!

Мужчина двинул прикладом по черепу и тот, издав протяжный писк и выдав сноп искр, отлетел к ближайшему блоку когитаторов, оставив на корпусе последнего заметную вмятину. Эл почувствовал как кто-то кроме них четверых пришёл в движение и бесшумно приблизился. Запах ладана усилился в тот же момент, как вокруг горла, и без того пострадавшего, головореза обвилась ребристая металлическая змея, выпрыгнувшая откуда-то из темноты. Мужчина заболтал ногами в воздухе, когда его приподняло и скорее всего не успел даже приблизительно понять что и как его разорвало на части, появившимися ещё тремя «змеями». Теперь стало видно, что это всего лишь механодендриты некоего механикуса. Дезертир с лазганом, казалось, вовсе не дышал и молча наблюдал за расправой через прицел, произведя скорее отчаянный, чем спланированный выстрел в темноту из которой тянулись механические конечности. Лазерный луч на мгновение осветил бредущую фигуру, исчезнув после этого без каких-либо искр и вспышек, а одна из конечностей, словно играючи, хлыстнула стрелка, который перевернулся в воздухе и шмякнулся плашмя об пол. Фигура в бордовой мантии же просто сложила свои окровавленные механодендриты за спиной подобно крыльям и подбежала к разбитому сервочерепу, начиная баюкать его остатки как ребёнка на руках. Эл даже и не предполагал, что синтетический модулированный голос способен передавать своеобразное подобие печали.

– SN-28! SN-28... не уберёт я тебя... о, Омниссия всезнающий, какое богохульство! Чёртовы мешки с мясом и костями оскверняют все твои творения до которых дотянутся!

Ви отказалась от помощи и встала сама, пытаясь привести себя в порядок с озадаченным видом поглядывая на обеспокоенное лицо Эла, выискивающего на ней признаки травм. Заметив, что оставшийся дезертир решил сбежать, она рванулась отвешивать тому пинки со всего размаху и продолжила бы дальше превращать покрытое шрамами лицо в кашу, если б Эл её не одёрнул.

– Погоди чуток, нам его ещё допросить надо.

– Так он будет сговорчивее!

– Так ему нечем будет говорить!

В этот момент на них обернулась фигура механикуса и Эл узнал его «лицо».

– Йерсиний?

– Господин Багинский? Не ожидал вас здесь встретить, тем более в подобных обстоятельствах.

– Перипетии судьбы меня удивляют гораздо чаще, чем мне этого хотелось бы.

– Если вы про решения вероятностных уравнений, то вполне согласен с вами.

Дезертир, лишённый былой бравады, замер в тревожном ожидании, медленно надувая расквашенными ноздрями кровавые пузыри. Эл наклонился к нему, наступая на подозрительно медленно убираемую ладонь.

– Не заставляй меня копать в твоей голове. Поверь, это неприятно, поэтому говори как есть. Как вы узнали где и кого ждать? Что вам сказали сделать?

– Да никак... просто подошёл какой-то вонючий дрыщ, толкнул денюжат и сказал, что из трубы в генераторной вывалится чел, его надо будет приголубить и закрыть где-нибудь до поры до времени.

– Не убивать?

– Не... токма припугнуть, а то, что пальнул в тебя, так это так, для порядку... ну чтоб не возникал особо.

– А когда он к вам подошёл?

– Он то? Это... уж неделя прошла как... хотя нет, неделю назад он подходил с авансом, а договаривались мы с ним ещё в порту...

Ви замахнулась рукой, но Эл придержал.

– Он не врёт.

– С чего это ты ре... ах, ну да.

– Со своей стороны могу тоже подтвердить. Мои биометрические системы сообщают, что микродвижения зрачков субъекта соответствуют психошаблону «veritas». Так что, если вы с ним закончили, позвольте мне реквизи́ровать его биоматериал.

По дезертиру было видно, что он не понял большую часть фразы, но на всякий случай запаниковал.

– Э! Э! Чё вам надо то ещё? Я всё сказал!

– Увы, молодой человек, но вы уже измерены, посчитаны и внесены в каталог ремонтной серво-бригады, где сможете послужить на благо Омниссии и искупить свои грехи.

Мужчина хотел было что-нибудь сказать или сделать, но быстро обмяк от электрической дуги, скользнувшей из прицепившегося к его затылку механодендрита.

– Чтож, благодарю за помощь, Йерсиний, но нам, похоже, нужно опять спешить.

– Вне сомнений, отсутствие благословенного логис-организатора приводит к суете. (он в очередной раз как будто улыбнулся остатками своего лица) Расчетное время прибытия в систему «Станков» 27 стандартных часов.

* * *

«Нет истины в плоти, только предательство. Нет силы в плоти, только слабость. Нет постоянства в плоти, только распад. Нет определённости во плоти, только смерть»

© Кредо Омниссия

118.853.M41. Сегментум Обскурус. Сектор Каликсида. Субсектор Мальфи. Мир-кузня Хадд. Низкая орбита.

– Ну как? Нашла его?

– Да, отделился от основного трансатмосферного потока на частном лифтере. Вот его сигнал на ауспексе. Если будем держать дистанцию в 20 километров, то скорее всего он нас не заметит и решит, что оторвался.

– Надеюсь он находится в полной уверенности, что мы остались на корабле, иначе бы купил больше людей.

– Как ты думаешь, почему он приказал им не убивать? Тебе не кажется это слишком уж странным?

– Кажется, но догадок пока нет, может быть, если бы нас убили, то по его следу послали бы кого-нибудь посерьёзнее...

– Исключено, цель второстепенная, а весь анклав работает в авральном режиме уже год. Врядли на него выделили бы ещё одну команду, к тому же для него самого выгода сомнительная. Я бы убила не задумываясь.

– Ну не знаю, даже сейчас мы попали на него случайно: успев посмотреть записи камер наблюдения до того, как некто из его сообщников их сотрёт... Ай! Башкой ударился!

– Сейчас тряханёт ещё сильнее!

Лёгкий двухместный шаттл дико мотало из стороны в сторону при вхождении в плотные слои атмосферы, поэтому Эл решил не отвлекать Ви от пилотирования этого корыта и покрепче вцепился в кресло, уставившись на дрожащий зелёный навигационный голопроектор. Все эти полёты не лучшим образом сказывались на его пищеварении и самочувствии в целом. Даже при том, что он со временем научился усилием воли подавлять все нежелательные позывы, стремление свести нахождение в летающем транспорте к минимуму надёжно засело в его голове уже давно. Они спускались при хороших, по местным меркам, погодных условиях, а значит, можно хотя бы не опасаться кислотного шторма или чего-нибудь в этом роде. Как и все владения Адептус Механикус, поверхность мира-кузницы Хадд, открывающаяся за бронекристаллом, была сплошь заволочена густым непроглядным смогом, из которого то тут, то там выглядывали шпили «Единения машинного духа» и «Благословенного вычисления». Когда шаттл окунулся в бескрайнюю грязную пелену смога стало слышно, как напряжённо стали работать воздушные фильтры, а дух шаттла провозгласил через динамики своим противным генератором речи: «Внимание! Агрессивные условия внешней среды. Уровень токсических и абразивных примесей в атмосфере опасен для пребывания незащищённых или немодифицированных органических существ. Рекомендуется использование изолирующих систем жизнеобеспечения или дыхательная аугментация.»

– Надеюсь в этой посудине предусмотрены хотя бы респираторы...

– Я тоже... Смотри, он, похоже, повернул в сторону кораблестроительных верфей.

Ближе к поверхности непроглядный смог сменился туманом, сквозь который открывался вид на невероятных масштабов производство. От горизонта до горизонта всё вокруг было утыкано тысячами чадающих чёрным дымом труб и исходящих жаром доменных печей под ними. Километровой длины манипуляторы перемещали ещё более громоздкие детали. Невообрази-

мая мощь и размах происходящего были трудны для восприятия. И это ещё не начался период схождения планет, когда все промышленные мощности переводятся на максимально возможную интенсивность работы, т.к. гравитационные условия изменяются настолько, что их уникальность и обеспечила Станкам такую славу поставщика лучших сплавов, оружия и боеприпасов. Эл почувствовал себя настолько незначительной пылинкой, что ему стало не по себе, хотя это и была вполне очевидная правда. Точно также справедливая правда и для всех тех миллионов людей, трудящихся на износ в утробе бесчисленных заводов внизу. Заводов, не останавливающихся вот уже более тысячи лет и не планирующих останавливаться, ибо аппетиты имперского флота и других потребителей здешних товаров поистине неутолимы.

– Ты это серьёзно?

Ви заметила краем глаза как Эл переложил из сумки в набедренный карман серебряную безликую маску с двумя узкими прорезями для глаз.

– Да, пора перестать бегать за ним и играть в прятки. Как оказалось, он играет куда лучше нас.

Обеспокоенность Вивиенны была понятна. Эл надевал маску только в тех редких случаях, когда был полностью уверен, что кому-то придётся умереть. Догадывалась ли она о практическом назначении психофокусирующей маски или же считала её просто ритуальным жестом он не уточнял.

– Садись в тот же ангар, я попробую найти его по следам и сообщу, в случае чего.

– Может лучше доставим его Женевьяну?

– Боюсь, у меня не хватит на это сил. Ты же видела, что он со мной сделал одной короткой фразой... так что единственный шанс, это нанести удар внезапно и окончательно. Одному Императору известно, что он задумал и на что способен.

Ви лишь пожала плечами, но по её взгляду было понятно, что она не в восторге.

– Совсем забыл спросить: а как ты смогла получить право на свободный пролёт здесь?

– Передала «привет» генералу – фабрикатору и архимагосу ещё на подлёте к системе, благо не профукала коды во всей этой суете.

Шаттл приземлился на рокритовую платформу с небольшим толчком и Эл натянул на лицо дыхательную маску с фильтром, делая несколько глубоких вдохов, чтобы привыкнуть к затруднившемуся дыханию. Они молча кивнули друг другу и он нырнул в приоткрывшийся шлюз. Фильтра, как выяснилось, было явно недостаточно для местной атмосферы, потому что обоняние сразу обожгло резким запахом серы и жжёного металла. Глаза начали слезиться от рези, а жар доменных печей под платформой колыхал воздух подобно сильному ветру. Сквозь запотевшие окуляры разглядеть мелкие детали вмятки было возможно, поэтому пришлось проделать один из самых нелюбимых им фокусов, направив всю волю к глазам, отчего те начали слезиться и болеть ещё сильнее, но на покрытом мелкой росой рокрите стали видны еле заметные следы сапог, ведущие от лифтера к внутренним помещениям ангара. Снующие туда-сюда инженерные сервиторы не обращали на него ни малейшего внимания, сбитые с толку наводнившим их сенсоры психическим шумом. Старая и простая уловка зачастую оказывалась гораздо полезней мощных техник, которым его принудительно обучали и которые его выматывали до состояния овоща. В вечном сумраке этой планеты недоумевающие глаза сервиторов казались такими же зловещими как и вся обстановка вокруг. Внутри, за гермоворотами, украшенными огромным символом святой шестерни воздух оказался заметно чище и, с невыразимым облегчением, Эл снял респиратор. Судя по расплывающимся от слёз надписям на стене, следы уходили налево, в сторону деактивированного сборочного цеха.

– Простите, сэ,р, но здесь запрещено находиться лицам, не задействованным в производственном процессе, вам необходимо обра...

– Забудь меня!

Усиленные волей слова оказались для болезненного вида молодого человека, преградившего ему путь с мотком кабелей в руках как ушат с холодной водой и тот продолжил свой путь как ни в чём не бывало. В обширном помещении цеха, освещённого лишь дежурными огнями, не оказалось ни души. Не было даже вездесущих сервочерепов, осматривающих целостность проводки и труб под потолком. В самом центре помещения на мощных алмазных ступенях над ним нависала громада полусобранного фрегата в несколько сотен метров длиной. За лесом из свисающих с него подобно лианам с диких миров кабелей разной толщины Эл заметил движение двух фигур и первое, на что упал его ищущий укрытия взгляд, Это балки сборочных манипуляторов над командной рубкой фрегата, за широкими перемышками которых можно было с лёгкостью прятаться от любого наблюдателя. Времени на раздумья не оставалось и он, наспех успокоив мысли, направил всю свою волю к мышцам ног, которые одним рывком позволили преодолеть полтора десятка метров до торчащих деталей корабля, а затем, чередой сверхъестественно высоких прыжков, и до самих балок, где можно было хоть ненадолго расслабить сознание. От чрезвычайных нагрузок ноги заныли с такой силой, что отрезать их прямо сейчас не казалось такой уж ужасной идеей. Мысль о том, что может было бы проще стать невидимым довольно быстро отпала после воспоминания о том, как его всё-таки застукал инфракрасный авгур ещё в те времена, когда он периодически крал выпечку из храмовой столовой. Как потом выяснилось, достаточно внимательные личности вполне могут заметить по бликам и дрожанию воздуха таких «умников» как он не хуже любой другой аппаратуры.

– Ви, слышишь меня?

– Да, есть что-нибудь?

– Вижу двух человек, наш клиент в белом защитном плаще и неизвестный в зелёном. Они... похоже, просто разговаривают.

– Что-нибудь слышишь?

– Да, но, по всей видимости, это какой-то шифр или незнакомый диалект. Передаю запись.

– Принято. Пометь второго целеуказателем, я попробую проследить за ним.

– Уже сделано.

Как он ни старался, всё равно не мог понять ни слова из того, что произносили эти двое. «And'maganar, sue komus! Gevher chortang...» Эла начала пробирать неприятная дрожь от каждого услышанного слова, но он всё равно пытался слушать, потому что голос второго показался ему отдалённо знакомым. По окончании разговора оба приложили правую ладонь к левому плечу. «Как половина аквиллы» подумалось ему и он с максимально тихим шипением извлёк меч из специально промасленных ножен, готовясь к броску. Серебряная маска холодным касанием прильнула к лицу и дыхание стало замедляться, в отличие от мыслей, ставших лёгкими и всепроникающими. Анкерман видимо очень спешил обратно к своему лифтеру и это был идеальный момент закончить всё разом в тихом закутке. Эл спикировал бесшумно как хищная птица прямо на него, целясь точно в затылок. Наполненный волей клинок вошёл в ферророкристовую плитку как в пирожное, но человека по пути не встретил. Одновременно с приземлением раздался хлопок разреженного воздуха и всё вокруг наполнилось кратковременным шёпотом тысяч голосов, а в десятке метров рядом стала ощущаться возникшая из ниоткуда человеческая сущность. Анкерман смотрел на своё отражение в маске из-под чёрного капюшона испуганно хлопая глазами человека, совсем не привыкшего к тому, что что-то может пойти не по плану.

– Какого варпа? Ты ещё кто та...

Молча и всё также бесшумно фигура в чёрном метнулась к Анкерману размытой стрелой. Взмах. И снова звук схлопывающегося вакуума вперемешку с ворохом потусторонних воплей. «Это не аварийный телепортариум! Этот гад умеет прыгать через варп сам по себе... Плохо! Очень плохо!» На этот раз птичник возник на носу фрегата, хватаясь за отверстие торпедного

аппарата. «Чтож, 10 метров его предел и, надеюсь, он и вправду не до конца контролирует процесс, иначе бы просто телепортировался прямо внутрь меня, разорвав на кусочки.» Ещё одна попытка. Выцелив «Дружочком» переносицу Анкермана, Эл нажал на активационную руну и лазерный луч оставил на корпусе корабля прямо за ним ярко светящуюся точку раскалённого металла.

– Да чтоб тебя!

Анкерман оказался по ту сторону корабля и уже улепётывал со всех ног. На таком расстоянии не удавалось нормально сфокусировать свою волю, но импульс достиг его и птичник свалился кувырком в скручивающих всё тело спазмах. Воодушевлённый этим Эл кинулся к нему с надеждой всё-таки добить, но в самый последний момент заметил как у того промелькнуло в руках что-то из перьев, ракушек и прочей мелочи, а цех наполнился громогласными словами.

– Ash'k kazul ugdan mok...hariiii!

Эл уже был готов разорвать его сердце своими ментальными силами, как рокрит под ногами внезапно стал жидким и стал утягивать его вниз вылезавшими из него кучами нечеловеческих рук. Сматывающий механизм нарукавной лебёдки протестующе завизжал, пытаясь вытянуть хозяина из паранормальной трясины, а обрубленные чужие конечности вновь превращались в куски рокрита. Лебёдка сломалась и задымилась почти сразу же, но Эл смог частично высвободиться и отползти в сторону. Люминосферы на потолке беспорядочно моргали и лопались из-за безумных потоков энергии, высвобожденных нечестивым колдовством, но чёртов птичник никак не унимался.

– Shagar madun ez hassiiii!

Воздух во всём цехе наэлектризовался настолько, что то тут, то там начали проскальзывать разряды, в нос ударил резкий запах озона, а волосы стали подниматься дыбом, причём не только от статики. Безвольно свисавшие до этого кабели корабля вдруг ожили подобно щупальцам огромного монстра и поползли к нему, не давая времени на то, чтобы успеть нанести удар колдуну. Одновременно с этим из динамиков начала раздаваться пронзительная сирена и неприятный скрипящий голос монотонно провозгласил: » Внимание. Всему персоналу немедленно покинуть рабочие места вне основных помещений и проследовать в ближайшие укрытия до сигнала оповещения о снятии штормовой опасности. Уровень угрозы mortis maxima. Шлаковая буря. Повторяю...» В диком танце и всполохах мерцающего меча Эл боролся за свою жизнь под монотонную речь и нарастающий гул надвигающейся бури из несущихся на огромной скорости осколков мусора и абразивной пыли, образовавшейся за многие сотни лет непрерывающихся выбросов и способной за минуту содрать обшивку бронированного краулера. Извивающиеся кабели хлестали и рвали со всех направлений, не оставляя возможности выйти из окружения или увернуться. Часть удавалось перерубить и парировать, от части, наиболее крупных, ускользнуть за мгновение до того как они разламывали толстые напольные плиты под своими чудовищными ударами, но, с пугающей скоростью, Эл стал пропускать всё больше болезненных ударов. Один из кабелей обвился вокруг голени с силой достаточной чтобы сломать кости прямо в тот момент, когда Эл собирался отпрыгнуть в сторону от двух других, которые тут же сокрушительно врезались в него. Первый выбил весь воздух из груди, ломая рёбра и сбивая с ног, а второй разможил губы и нос вместе с расколовшейся маской. Эл упал на грани сознания под глухой хруст ломаемых костей голени. Он хотел было закричать, но нечем. Тело больше не слушалось и всё, что оставалось, это отчаянное желание выжить. Выжить любой ценой, невзирая на последствия. Несколько кабелей с острыми штекерами развернулись и устремились прямо на него, чтобы пронзить, но замерли в полуметре от цели, сдерживаемые остатками воли цепляющегося за жизнь с завидным упорством человека. Вдруг перед глазами на пару секунд промелькнул образ того самого двойника из сна. Двойник высокомерно ухмыльнулся... Станным образом возникшая злость позволила разглядеть сквозь мутные очертания действительности нечёткие очертания Анкермана и хлестнул по нему мыс-

ленным лезвием. Даже в лучшие времена ему было трудно контролировать настолько сфокусированную энергию, поэтому то, что врага удалось задеть, уже показался чудом. Хаотично всколыхнувшая воздух невидимая сила оставила множество неровных зазубрин на полу, прежде чем брызнувшая кровью от порезов левая рука колдуна выронила амулет и тот растерянно отшатнулся прежде чем завизжать, хватаясь за неровно изрубленную кисть. «Нельзя позволить произносить ему слова... без них он... всего лишь человек.» Эл выплюнул осколки маски, впившиеся в губы и несколько недавно спротезированных зубов на пол и стянул с себя помятый серебряный овал. Двигаться было чуть легче, чем невозможно и крайне болезненно, а голова кружилась словно весь мир стал сплошной каруселью, но по крайней мере смертельно опасные кабели замерли без команды. Скованной судорогой рукой удалось нащупать пистолет в кобуре. «Может быть теперь он уже не будет таким прытким... иначе на второй раз меня уже не хватит» Несколько неприцельных выстрелов прожужжали в метре от вопящего Анкермана, что несколько отвлекло его от сиюминутных горестей и он снова побежал прочь. Откатившись с болезненным криком из-под взбесившихся кабелей, принявшихся лупить по всему вокруг и поднявшими невыносимый грохот, Эл попытался прицелиться получше и сердце, наконец, согрел долгожданный всполох попавшего в бедро лаз-заряда, после чего колдун вновь исчез и появился на каком-то внутреннем балконе под узким бронекристаллом, терзаемым потоками шлаковой бури и разрывался между тем, над какой раной стонать сильнее.

– Этого... аааагх!.. этого не может быть!.. Я видел! Я видел как тебя пожирает тьма! Видел как я возвышаюсь!

– Мозефь утофнить этот вопфюф у фвоего владыки лично, пфямо фейчаф, франый ублюдок!

Красный луч уткнулся в то место, где мгновение назад был колдун. Эл увидел лишь промелькнувший за бронекристаллом силуэт и даже не услышал крика человека, чью плоть содрало с костей за секунду и унесло в небытие. Эл свалился без сил и недвижимо смотрел в потолок пустым взглядом. Частое поверхностное бесполезное дыхание только раздражало, поэтому он просто перестал дышать. Неожиданно для него самого его вдруг озаботил вопрос скольких же сущностей варпа напустил сюда этот дилетант в процессе своих игр с силами, о которых не имел даже поверхностного понятия? Да и кто из смертных вообще может иметь понятие о них? И сколько теперь понадобится благословлённого масла, чтобы переосвятить весь цех после такого? Если бы здесь был техножрец, его бы точно хватил удар, точнее перегорела бы пара микросхем от такой вакханалии. И вообще... довольно странно, что сюда ещё не набежал легион скитариев и боевых сервиторов, чтобы превратить нарушителей в тлеющие угли. Пульсирующая боль по всему телу навязчива напоминала о том, что он всё ещё жив, но, если ничего не предпринять, всё может измениться. Истерзанное сознание отказывалось работать даже чтоб приглушить боль, поэтому он отрыл в кармане инъектор с наркотическим анальгетиком и вколол его в бессильную сломанную ногу. Опьянение не заставило себя ждать и вновь запустило карусель кружащегося мира, но по крайней мере он мог теперь хотя бы отползти подальше от всё неунивавшегося одержимого корабля. Облокотившись о стену, Эл запустил тонкую струйку энергии из головы по всему телу, постепенно давая ей расширится в бурлящий поток. В силу недавних событий проделать это через разорванную ткань реальности было совсем не трудно. Сложно было сделать так, чтобы его наоборот не разорвало на куски бесконтрольными вихрями психических сил. Сводящий с ума зуд изнутри затмил собой даже боль от сломанных костей, но со временем всё же стало легче дышать, а в ноге появилась частичная подвижность. Он был истощён физически и опустошён ментально, но теперь хотя бы мог надеяться дожить до завтрашнего суточного цикла. С большим усилием преодолевая сомн нахлынувших в голову шёпотов, хохота и криков на непонятных языках, Эл кряхтя как истлевший старик пытался привстать опираясь на деактивированный меч, похожий сейчас на простую заточенную железяку с гравировкой. С такими любят щеголять всякие пижоны из знатных

домов, якобы демонстрируя свою значимость. «Insa...ahe...ilereneh... Velodrian gilene! a Tarsus u ven! ». Снова этот навязчивый женский голос, звучащий громче остальных. «Как же он меня достал, мать его!»

– шшшшш... Эл? Эл? Ах тыж, ёбанный...!

– Что?

– Это я не тебе. Ты живой?

– Не совсем...

– Какое... кхе-кхе... Блядь совпадение. Надеюсь тебе всё же повезло больше чем мне и мой маникюр погиб не зря.

– Анкерман, он же Хавидемар мёртв, по крайней мере физически, но... что-то мне подсказывает, что мы сделали только хуже.

– Когда это смерть еретика приносила вред?

– Точно не скажу, но иногда, вырывая один сорняк, ты лишь даёшь место...освобождает путь для гораздо большего зла. А ещё может стать так, что одни еретики уничтожают других нашими же руками и в своих целях...

– Опять эта паранойя... ты и так шизанутый, но до добра она тебя не доведёт.

– А ещё...

– Тебя всегда тянет на пространные разговоры по воксу, когда ты при смерти?

– Да вроде нет... просто я успел кое-чему научиться за то время, что работаю с вами.

Ты сама то как?

– Этот второй тип уделал меня...кхе-кхе... еле ноги унесла... похоже у меня пробито лёгкое и прострелено плечо... я потеряла много крови, но главное позитивный настрой. Бывало и похуже...

– Всегда может быть ещё хуже...

– Нуууу...кхе-кхе...да. Женщинам вообще привычно терять кровь.

– Тебе виднее...

– Ещё бы...

– Когда нас найдут «шестерёночки»... надеюсь ты знаешь, что им накапать и как объяснить погром?

– Придумаю. Пока мои ногти в таком состоянии, мне ничего путного в голову не лезет.

– Я почему-то так и думал.

– Сможешь доползти до шаттла?

– Могу попробовать... и, пока не забыл, нам нужно срочно возвращаться на Сцинтиллу...

в Тарсус.

– Это ещё зачем? С тобой связался Ленз?

– Нет, это... ещё более долгая история.

Глава 8

Убей мутанта, сожги еретика, ненавидь ксеноса! Будь безжалостен. Не позволяй предателю жить! Да направит Император твой прищел, ибо на каждого внешнего врага есть сотня внутренних!

Литания ненависти

Последняя просьба

132.853.M41. Сегментум Обскурус. Сектор Каликсида. Пролив Голгенны. Сцинтилла. Улей Тарсус.

Тарсус... Улей «наоборот». Иначе назвать это место не получается. Находясь на самом экваторе планеты, он непрестанно жарится под жёстким излучением светила, делающего жизнь на верхних ярусах практически невозможной, как и в бескрайней пустыне вокруг. И не только из-за воздуха, раскалённого настолько, что вдохнув его один лишь раз без крио-фильтра, можно фатально для себя обжечь лёгкие, а иссушающий свет звезды сделает из любого человека хорошо прожаренный стейк с хрустящей корочкой меньше чем за день, если бедолага не удосужился надеть светоотражающий костюм. Но даже несмотря на такие условия, в истерзанных перманентными песчаными бурями шпилях, всё равно кто-то жил. Представить величину отчаяния этих людей и мутантов Элу было нетрудно, но даже так, это было чересчур. Куда лучше дела обстояли на средних уровнях, почти целиком занятых одним необъятных размеров эмпорием под названием «Золотая длань». Имея хоть какую-то тень, люди там, по крайней мере, могли работать хоть сколько нибудь продолжительное время на душных мануфакториях и бесконечных торговых рядах, прежде чем упасть от изнеможения прямо на прилавок, или где-нибудь между цехами, образовавшимися, по видимому, из-за расположенных прямо над ульем геостационарных орбитальных доков, делающих его экономическими лёгкими планеты. Здесь же, соответственно, располагались и казармы войск Сцинтильского протектората, а также величественный «Собор иллюминации», являющийся центром власти архикардинала Игнатио и превращающий это осиное гнездо в оплот веры всего субсектора, способный соперничать даже с несокрушимой светской властью самого губернатора Мария Хакса в «Светлом дворце» на вершине Сибеллуса. Ниже, во мраке основания улья, стоящего на гигантских сваях, находятся богатые кварталы знати, тратящей баснословные суммы на содержание могучих каскадов криогенераторов, поддерживающих минусовую температуру на улицах и в домах. То ли дело было в их любви к роскошным меховым одеяниям, то ли в желании показать весь тот контраст между ними и остальными жителями, Эл не знал, но Ленз предположил, что сразу оба варианта могут иметь место. Они втроём шли по тускло освещённым улицам, покрытым изморозью и местами возвышающимися сугробами, закутавшись в утеплённые безразмерные шерстяные балахоны. Симеон вышагивал впереди от самого космопорта, покачивая лучом фонаря в такт какой-то безвкусной мелодии, играющей через его вокс бусину. Он даже пытался подпевать, но со стороны это выглядело больше похожим на приглушённое завывание и бормотание. Следом шла Вивиенна, погружённая в анализ огромного, свалившегося на них сразу по прибытию, массива данных, выводящихся на инфопланшет. Эл намеренно отставал от них на несколько шагов потому, что боялся приближаться к Лензу. Если нормальный человек, такой как Ви, в его присутствии просто испытывает дискомфорт и жуткие ощущения, то такие, как Эл, испытывают самую настоящую физическую боль и, хоть Ленз и выкрутил свой ограничитель на максимум, Элу всё равно не хотелось лишний раз проверять его надёжность после того случая как... они охотились на беглую женщину-псайкера в Амбулоне около года назад. Она

была определённо безумна... бедняжка не вынесла всех тех ужасов, что обрушило на неё её пробудившееся сознание и чуть не спалила всё здание Администратума вместе с Элом и тремя другими аколитами, которых он не мог вспомнить. Он пытался убедить её дожидаться умиротелителей и Чёрных кораблей, но в ответ получил целый ворох раскалённых сгустков воли, плавящих при попадании даже бронзовые статуи и чуть не утонул в толпе её марионеток, сделанных из слабовольных сотрудников того же Администратума. Если бы Ленз тогда не подоспел, не скрипеть бы ему сейчас снегом на тротуаре. Симеон просто подошёл к ней своим вальяжным шагом и она вообще ничего не смогла сделать, просто в миг обессилела, а затем её прямо на глазах разорвало изнутри, вышедшими из-под контроля энергиями.

– Симеон.

– Та – та...тра – та – та! Хмммм, хмммм, ооооу поооомниииии меееееня! Заааапоооомни меееееня!

– Симеоооон!

– Та – та...

– Симеон, чтоб тебя за ногу!!!

– (будто просыпаясь от лёгкой дрёмы) Ой! Да, Виви?

– Обязательно орать на тебя каждый раз, чтобы ты обратил внимание?

– Не совсем, иногда достаточно просто шлёпнуть по заднице... Так ведь, Эл? Помнишь старые деньки?

Эл в этот момент чуть не поперхнулся слюной, которую свешивал с губ струйкой, пытаюсь выяснить за сколько она успеет заledenеть и превратиться в сосульку.

– В космопорте ты намеревался поведать об обстановке, но по своему обыкновению всё-таки отвлёкся на леденцы. Так, может быть сейчас, когда доел, всё-таки объяснишь, что значит твоё экстренное сообщение: «Подоприте святым дерьмом Императора дверь»?

– То и значит. Всеблагон навалил оооочень большую вонючую кучу и...

– Симеон, блять!

– (пожимая плечами) У нас большие проблемы.

– А по – подробнее?

– А подробности в том, что на самом деле гораздо большую кучу навалили местные архи-диаконы, вместе с канониссой ордена Эбеновой чаши, охраняющего самые святые ягодицы в этом субсекторе. Прошёл слухок... ну как слухок, экстренное оповещение по закрытым каналам каликсидского конклава, что банда Пылающей принцессы собирается наведаться по душу самого кардинала. С чего вдруг и когда конкретно никто, как всегда, конечно же, не уточняет.

– Пылающая принцесса?

– О, Эл, тебе, я думаю, она придётся по душе, если, конечно, ты всегда мечтал не о знатных кровей холёной красавице с феодального мира, а о самой сумасшедшей из архиеретичек, способной одной только силой мысли прожечь броню звёздного крейсера... определённо ты будешь без ума.

– Император сущий...

– Он самый. Так что все, кому не лень, начали заваливать Женевьяна письмами с «смирными просьбами» принять меры и всё такое, только им, конечно же, невдомёк, что он уже десяток лет занимается этим вопросом.

– И как результаты?

– Вот как раз в этом то и проблема. Мы так и не сдвинулись с мёртвой, как сам Хорус, точки, а сроки начинают поджимать, раз уже все кто только мог оказались в курсе.

– Начинает пахнуть жареным?

– Не то слово как.

– Прекрасно...

– И не говори, Ви.

– Симеон?..

– Да, мой сладкий?

– По поводу тех событий на Сеферис Секундус...

– Ты опять за своё? Мы передали все материалы отделению Ордо Ксенос в «Трезубце». У нас и так дел по горло, чтобы ещё и за них гонять ячейки генокрадов по шахтам.

– Я не об этом...

Эл обеспокоенно взглянул наверх, пытаясь разглядеть лёгкое мерцание воздуха, должное вызываться маскирующим полем парящего над ними сервочерепа с генератором пустотного поля вместо нижней челюсти, полностью исключаяющего любые попытки прослушки, или внезапного нападения.

– Я просматривал все сводки и отчёты за последние два года. Нет вообще никаких его следов или признаков деятельности... мне это кажется странным, учитывая те ресур...

– Ты это про кого?

– Джошуа Аасирай.

Ленз в очередной раз пожал плечами, не оборачиваясь.

– Ещё раз, у нас есть дела поважнее, чем горстка мутантов и храмовник – предатель, пусть на этом протирает лысину твоя Схоластика... Так – так – тааааак...

Он остановился и начал осматриваться на углу серого здания, уходящего далеко в вверх в раскалённые небеса и вниз во мрак ледяных эстакад, освещаемых лишь огнями фар транспортных средств и габаритными светодиодами, создающими ощущение звёздного неба на дне чёрной бездны под решётчатым тротуаром.

– Что-то не так?

– Дальше охраняемая зона. Тут кругом понатыканы датчики движения и, вроде бы как, нас должен ждать проводник.

Максимально приглушённый скрип снега выдал приближающуюся сзади фигуру в меховой накидке. Строгий голос из-под капюшона своей мелодичностью всё же выдавал женщину. Пусть и суровую, но всё-таки женщину.

– Блаженный свет Его горит ярче для тех, кто блуждает во тьме...

– Если они ищут спасения и ослепляет, тех, кто отринул путь искупления грехов своих.

Все четверо склонились в знамении аквиллы и фигура поманила их за собой, прислоняя другую руку к биометрическому сканеру, замаскированному под заводскую штамповку на ферророкритовой плите опоры, после чего раздался тихий писк.

– Следуйте за мной, друзья. Инквизитор ожидает вас.

Они зашагали вслед за ней по извилистому переулку, вход в который было довольно трудно заметить, если не знать наверняка. Походка женщины была бодрой и размеренной, несмотря на проступающие на её руках признаки старения. Она провела их через раздвижные двери в тёплое помещение, слегка дёрнувшееся как элеватор, когда двери закрылись и откинула капюшон. Навскидку ей можно было бы дать чуть больше пятидесяти, но сколько на самом деле она повидала за свои годы оставалось только гадать. Короткая стрижка седеющих волос и поблёкшая татуировка чёрной надколотой чаши с пламенем означали её принадлежность к святому сестринству, но самое главное, это твёрдый холодный взгляд опытных глаз, не упускающих ни одной детали окружения, какой бывает у выдавших слишком много воинов, смешанный с искрами безграничного фанатизма, способного толкнуть обладателя в любую секунду на любую опасность и без раздумий пожертвовать кем и чем угодно ради исполнения долга.

– Прошу простить, я не представилась. Сестра Гемина из палаты «Фамулус» Ордо Диалогус.

Эл никогда не славился талантом тактичности перед натиском своего любопытства, поэтому не удержался от вопроса.

– Почему же тогда вы носите символ палаты «Милитант»?

На секунду Гемина отвела взгляд с проскользнувшей тенью улыбки, очевидно вспомнив что-то из своего прошлого и не видящей смысла скрывать это.

– Молодая, горячая кровь... многих толкает на тернистый путь служения в первых рядах Его священного воинства, даруя уверенность в истинности и большей полезности именно такого выбора, но со временем, Император дарует вам осознание того, где, дарованные Им таланты пригодятся с большей отдачей.

Створки элеватора разъехались, открывая вид на уютно обставленную просторную квартиру в голубых и белых тонах с приятным наличием имперской символики на стенах. В дальней комнате кто-то активно спорил о том, необходим ли острый Волонксийский соус к жареным ломтикам филе грокса или же всё-таки винный Каудисский. Внезапно путь им преградил механический пёс по пояс ростом. Его электронный рык перемешивался с треском бинарного кода, создавая жуткое сочетание с внушительными цепными челюстями, блестящими свежесмазанными бритвенно острыми зубцами. А многочисленные ауспекс – системы уже просканировали прибывших вдоль и поперёк. Гемину такое приветствие нисколько не смутило и она просто обошла изготовившуюся к атаке машину, пытаясь перекричать споривших.

– Асадор, вправь мозги своей игрушке наконец уже! Я же просила, неужели так сложно?

– Тут важный разговор, женщина!

– Тебе напомнить про карточный долг? Не напрашивайся.

– Да иду я! Что ты опять начинаешь?

Активно жестикулировавший до этого мужчина в белой робе с золотом вышитым гербом Механикус на груди спешно вышел им навстречу, одновременно производя множество мелких манипуляций с встроенным в свою левую аугментическую руку когитатором и после бесконечно долгих мучительных секунд обмена трескотнёй бинарного кода, механический пёс, также неожиданно как и появился, принялся катать по полу потрёпанный адамантитовыми когтями мяч. Эл ни разу не видел столь искусно собранный механизм и, хоть и не был посвящён в таинства Омниссии, тем не менее смог восхититься идеально подогнанными деталями и грацией смертоносного создания.

– Это что, такой... сервитор? Очень необычная форма.

Невысокий, но крепко сложенный мужчина смотрел несколько обиженно, да и вообще, в отличие от своей братии, выглядел как-то уж слишком по – человечески.

– Ваше невежество вполне понятно. Это «кибермастиф». Уникальная разработка техножрецов улья Субрик на Подземье. Только там их собирают и дрессируют... точнее внедряют самообучающиеся программы для нужд Адептус Арбитрес.

– Слышал там сейчас дела идут неважно.

– К сожалению... набор рекрутов для очередного пограничного крестового похода почти опустошил улей и производство встало. Теперь Субрик просто полупустая глыба, дрейфующая в океане, но, думаю, со временем, всё наладится.

– Разве за выплату имперской десятины ответственна не планета в целом?

– Всё верно, но по какой-то причине, новоизбранный Лорд – экзекутор Занатов договорился чтобы ВСЮ квоту набора взяли исключительно с Субрика, а остальные ульи не трогали... ох, парень, это слишком тёмные дела для таких маленьких людей как мы.

– Возможно...

Увлечшись разговором, Эл даже не заметил, как его спутники исчезли в одной из боковых комнат.

– Чтож, пока все начальники заняты, пойдём я тебя познакомлю кое с кем. Самого то тебя как звать?

– Элифас Ха... просто Эл.

Несмотря на довольно грозный вид, мужчина напротив тем не менее оказался вполне добродушен.

– Я Асадор Кай, вон тот задумчивый тип в строгом пижонском костюме – мой напарник из следственного отдела, Кристоф Волун, адепт – вериспекс, да и вообще важная шишка, а вон тот шуганный паренёк это новенький, его Женевьян подобрал совсем недавно из какой-то шайки, так что будь с ним поосторожней... имени он своего либо не знает, либо очень хорошо притворяется, но есть хотя бы кличка «Вжик».

– Спасибо, весьма любезно с вашей стороны.

Эл уже настолько привык к настороженному отношению к себе и подобным, что такая вежливость при первой встрече достаточно бросалась в глаза. Списать всё на простое незнание было глупо, потому что его серебряная цепочка на шее с значком санкционированности вывалилась из-за пазухи и всё это время болталась на груди, да и особенности местного коллектива таковы, что они очень редко не осведомлены о том, кто приходит к ним в штаб-квартиру. Между тем благодарность вызвала в Асадоре небольшое удивление.

– Мы в любой момент можем протянуть ноги на этой поганой службе, причём даже если мы в процессе спасём аж пол Империиума, о нас никто никогда не узнает, и не должен узнать. Такова участь любого аколита, так что любезность – это мелочи.

– Если вас это беспокоит, тогда почему вы здесь?

– Беспокоит? Да не... сама возможность обрести хоть толику смысла в своей жизни это, на мой взгляд, самое величайшее благо, на которое может надеяться человек в 41м тысячелетии.

Эл чувствовал, что последняя мысль глубоко засядет у него в голове и к ней придётся ещё вернуться не раз.

В отличие от Асадора, Кристоф был совсем наоборот, высок, худощав и аристократично холоден со своими тёмными прилизанными волосами, собранными в хвост и сединой на висках. Немолодое лицо выражало только хорошо сдерживаемый интерес, а голубоватые глаза невероятно быстро оценили каждую мелкую деталь его внешности и мелких невербальных телодвижений. Могучий интеллект этого человека был виден сразу и не оставалось сомнений в том, что он постоянно решает десятки задач одновременно и просчитывает множество действий на несколько ходов вперёд. На груди его отглаженного костюма поблёскивали гражданские медали высокой степени, а прямо за ним, в бархатном кресле сидел молодой парень, на вид такой же, каким Эл себя помнил не так уж и много лет назад. Бурый льняной кафтан был ему велик, а руки нервно теребили молитвенные чётки, но едва Эл встретился с ним глазами, ему всё стало понятно. Остекленевший взгляд, балансирующий на грани безумия и рассудка. Он слишком хорошо знал, о чём это говорит и почувствовал, наконец, лёгкое пульсирование воздуха вокруг.

– (обеспокоенным шёпотом) Что здесь делает несанкционированный псайкер?

– Все вопросы к начальнику. Он у нас любитель подбирать всякое... несмотря на то, что в прошлые разы приказывал зачистить вскрытые логова культов под корешок... знаю только, что этому дали возможность искупить какие-то грехи и он довольно самоотверженно берётся за любую работу.

– Откуда у инквизитора такая уверенность, что это не опасно?

– Парень, у Женевьяна есть право сжечь весь этот мир со всеми жителями и правительством, если он сочтёт нужным. Неужели ты думаешь, что в этом то он не разбирается?

Эл не успел ответить, заметив как из одной из комнат выходит группа людей.

– Это не обсуждается, Симеон. Мы произведём рейд по верхнему этажу «Золотой длани», иначе рискуем потерять поддержку местной знати и Эклезиархии по причине бездействия, а ты прекрасно знаешь, как я не люблю прибегать к своему мандату и трясти перед ними инсигнией с угрозами.

Этот неприятный раскатистый бас... он слишком хорошо его помнил, после того как тот отпечатался в перепуганном детском сознании и каждый раз произвольно вздрагивал, когда

слышал его даже на вокс – сообщениях. Перед глазами мелькали воспоминания... образы из детства, где пламя и боль, где слишком много крови и этот человек в чёрном плаще и широкополой шляпе. Пожар отражался в его глазах, делая их двумя угольками как у демонов, также смотрящих на него, маленького и беззащитного, лежащего в рокритовом крошеве и измученного собственным неуправляемым даром или проклятием. Угольки смотрели на него через прицел мельгты, тлеющий фитилёк которой почти касался его носа. Одно лёгкое движение пальцем и мальчик бы испарился тогда в мгновение ока под потоком раскалённого газа. Но инквизитор Люциус Женевьян поступил по-другому. Одному Императору ведомо зачем он тогда стал возиться с маленьким заморышем с очевидно заурядным потенциалом. Таких как он миллионы по всему империи, но зачем-то этот человек возился с ним и спустя пол десятилетия после отправки на чёрные корабли продолжал следить... курировал вербовку, приставил своего лучшего оперативника, ученика и приемника – дознавателя Симеона Ленза. Сколько бы Эл ни думал и ни засыпал в мучительных попытках найти хоть как-то удовлетворительный ответ на этот вопрос, ничего не выходило. А в те моменты, когда он был с собой до конца честным, то ненадолго вспоминал, что на самом деле искренне боится узнать правду, ибо она вероятно окажется настолько шокирующей, что подорвёт его и без того расшатанный рассудок. Прямо как страницы тех книг по истинной истории человечества, которые он сжигал по приказу Женевьяна, дабы их не увидела ни одна человеческая душа. То, что там было написано настолько разнилось с имперским кредо и официальной доктриной, что можно было сойти за еретика после первой же строчки. Именно тогда Эл узнал насколько может быть опасно знание... и насколько соблазнительно. Вдобавок ко всему Эла смущало ещё и то, что инквизитор перед ним не совсем походил на человека, которого он помнил ещё год назад. Чёрный кожаный плащ поверх серого шёлкового кафтана был, конечно же, в превосходном состоянии, но висел на хозяине как на вешалке, хотя Женевьян не раз прославлялся своей выдающейся физической формой. Красная инквизиторская инсигния всё также поблёскивала на шее, а зачёсанные назад каштановые волосы даже на пятом десятке лет не тронула седина, однако лицо почему-то осунулось. Его взгляд был всё таким же твёрдым и пронзающим насквозь, но затуманился, словно под напором мучительных мыслей. Изменения так бросались в глаза, наверное, потому что Эл его редко видел и учитывая тяжесть и специфику работы, а также весь тот неприподъёмный груз ответственности за каждый сделанный или не сделанный шаг, было бы даже удивительно, если бы ему удалось сохранить свежесть.

– У нас ещё есть немного времени, поэтому настоятельно советую всем присоединиться к обеду. Неизвестно когда нам удастся поесть в следующий раз.

Люциус говорил эти слова с нарочитой отстранённостью, будто бы заботился только о собственном нахлынувшем голоде, однако толику заботы проследить всё же было возможно. Вытянутый стол в соседней комнате манил свежей дымящейся выпечкой и горячими блюдами, расставляемыми с невероятной точностью кухонным сервитором. Вина, по понятным причинам, не было, но все были достаточно напряжены, чтобы печалиться по такому поводу, когда перед тобой изысканные печёные аланы под мёдом и знаменитые «Золотые стейки». Мало кому хватало сил соблюдать столовый этикет и удержаться от уминалова, что достаточно легко было понять, если не включать ханжу. Но Люциус всё же включил и, чопорно оглядывая стол, принял из полированных рук сервитора поднос с нарезанными ломтиками сырого мяса с кровью, на что Вивиенна сразу же, едва сдержав себя от комментариев, отвернулась к Кристофу кокетливо отбирая у него чашечку со специями.

– Неужели вам это так нравится? Уже в который раз заказываете.

Ленз, естественно, себя сдерживать не стал и немигаючи смотрел на своего ментора в ожидании ответа, издевательски синхронно с ним жуя свой кусочек алана. Люциуса, по всей видимости, раздосадовало то, что его отрывают от столь желанного обеда, но единственным свидетельством сему явилось лишь нечаянное лязганье вилок по столу.

– (вытирая салфеткой капельки крови с губ) Ты же помнишь Акридж?

– Ещё бы я его не помнил, вы меня заставили участвовать в каком-то «Рыцардском турнире» мать его, где мне чуть не оторвали руку своими здоровенными пиками эти придурки на бронированных ездовых полуптицах, полульвах.

– Так вот, одним из деликатесов на той планете было свежее мясо разводимых в пещерах необычных огромных крылатых рептилий, способных плевать некой горючей смесью наподобие прометия. С тех пор ничего изысканнее не пробовал.

– Как же это хорошо, когда все подобные увлечения так щедро оплачиваются из оперативных фондов инквизиции.

Неловкое молчание, оставленное колкой фразой Ленза решил прервать сам Женевьян, когда, наконец, расправился с последним кусочком окровавленного мяса и почувствовал себя заметно лучше.

– Вивиенна доложила, что вы всё-таки ликвидировали того колдуна на Хадде.

– Да, инквизитор, цель устранена с минимальным ущербом для третьих лиц и без потерь с нашей стороны. Сообщник, к сожалению, сбежал, но его биослед и телеметрические данные прилагаются к отчёту.

– Им мы займёмся позже, а сейчас ты, Асадор и «стажёр» под руководством господина Кристофа должны будете прочесать кварталы отсюда и досюда (Женевьян достал миниатюрный гололит и спроецировал дрожащее трёхмерное изображение улья с пометками основных зон ответственности) на предмет недавно выходявшего на связь согладатая. Шифрование каналов попало под подозрение, поэтому искать его придётся по старым условным знакам. Остальные, вместе со мной, наведаются в орбитальные доки для организации горячей встречи. И вот ещё что: Кристоф, я скинул на твой планшет список личных дел интересующих нас персоналий, которых тоже нужно будет проверить.

– Принял.

– Хорошо. Разрешаю использовать любые методы допроса. Делайте что хотите, но мне нужна любая информация про человека по имени «Ключ» в кратчайшие сроки. Всё что узнаете, незамедлительно передавайте на мой дата архив. Если эта сумасшедшая сука заявится сюда, я хочу поприветствовать её лично, иначе получится так, что Фендаль умер зря, а весь сектор скатится в пучину религиозной войны.

– Симеон, нас поддержит кто-нибудь в случае чего?

– Что-то мне подсказывает, что даже элитный 41й Латунный может не сильно изменить ситуацию, но запрос всё же сделал. Также архидиакон Эуфлонк сообщил, что если течения варпа окажутся благоприятны, совсем скоро должен прибыть целый взвод Серафим.

Гемина при последних словах на секунду широко распахнула глаза, забыв смахнуть листочек зелени с губ.

– Взвод? Он что, умом двинулся? Столько сестёр в одном месте камня на камне не оставят от собора. Они не для охраны предназначены.

– Уж лучше так, чем соскребать с пепелища то, что останется от Игнатио.

– Симеон, а ты разве ничего не можешь с ней сделать? Или почётный караул «Сестёр тишины»?

– Ох, дорогуша, если бы всё было так просто... понимаешь, сжечь меня она может и не сожжёт, но пережить падение на себя, скажем, танка, или пулю в лоб я врятли смогу.

– Всё! Выдвигаемся! И да поможет нам Император.

* * *

– Приоритетная задача: идентификация субъекта.

– Гав!

- Инициировать протокол выслеживания.
- Гав – гав!

Кибермастиф сорвался с места, повизгивая сервоприводами пласталевых суставов и поднимая клубы сухой горячей пыли с полупустой улицы. Воздух сушил и обжигал горло, поэтому Эл старался дышать реже и поверхностнее, всё сильнее прячась в термоотражающую накидку и стараясь не выходить из спасительных теней от возвышающихся зданий и многочисленных дырявых навесов, колыхающих над головой. Асадор погрузился в анализ транслируемых прямо в мозг потоков данных, поступающих от неприлично многочисленных сенсоров своей «зверюшки» и лишь изредка поглядывал на дорогу, чтобы ни во что не врезаться. Кристоф же с подобным рвением поддерживал постоянную связь со всеми членами команды инквизитора, с невероятной скоростью обдумывая каждое сказанное ими слово и комментарий, выдавая после своё заключение и рекомендации по рационализации действий. Чуж... похоже что за всем, что будет происходить у них под самым носом придётся следить ему самому, а ещё за «стажёром», потому что Эл всё также ему не доверял. Плетушийся позади «Вжик» добавлял витающему в воздухе ожиданию неприятностей особый пикантный привкус. Мало того, что на верхние уровни не суются даже Арбитрес, так ещё и «запятнанный» совсем рядом и может в любой момент сотворить что-нибудь трудноперевариваемое. А работа предстояла грандиозная. Обойти почти всё западное крыло трущоб над «Золотой дланью», которые обрамляют её подобно короне на голове монарха и при этом не влипнуть в неприятности казалось невыполнимой задачей, ибо неприятности здесь на каждом шагу, хотя кого это хоть когда-нибудь волновало? Вдобавок на нервы постоянно давили доносящиеся из бесконечной пустоты разума стоны десятков миллионов душ людей, изнывающих в мануфакториях прямо под ним и умирающих от истощения снующих посыльных бесчисленных торговцев. Улей бурлил и кипел под ними всеми красками жизни и смерти. Почему-то именно в этот момент Эл подумал о том, что ни разу не видел никого из того огромного штата инквизитора, который занимается тоннами всей той бумажной работы, сопровождающей любое, даже самое незначительное телодвижение оперативных групп, в одной из которых он и состоял. По понятным причинам Женевьян старался держать своих полевых агентов вдали от подобного и Эл ужаснулся тому, будь это не так и ему бы пришлось возиться с улаживанием каких-нибудь вопросов с администратумом касательно их транспортного налога например...

Тарсус был гораздо больше в высоту, нежели в ширину, поэтому меж тянущимися к небу готическими шпилями можно было разглядеть границу улья и чернеющую громаду исполинского замка в безжизненной пустыне за стенами. Проследив за его взглядом, Кристоф, видимо, не сдержался.

- «Крепость праведных»... слышал о ней, не так ли?
- Только то, что это вторая по значимости база Арбитрес во всём секторе, из пыточных камер которой за пару тысяч лет её существования ещё не сбежал ни один заключённый.
- Оу, ну не только. Она, пожалуй, ещё и единственное напоминание для безмерно уважаемого кардинала, что не он, всё-таки, является хозяином планеты.
- Тень ухмылки пробилась сквозь тщательные попытки Эла скрыть свой сарказм.
- И... часто приходится напоминать?
- За 40 лет моего обучения там... слава Императору, не приходилось, но кто знает...
- Агентов – вериспекс обучают так долго?
- Искать связь между «случайными» событиями и находить улики там, где их никто больше не увидит не самая простая работа.
- Такого ценного сотрудника врятели бы отпустили просто так.
- Теперь пришла очередь Кристофа явить миру свою холодную ухмылку уголком рта.
- Женевьяну очень трудно отказать.

Найдя в собеседнике всё же человека, а не детективную машину, Эл почувствовал себя немного лучше, хотя для «нормальных» людей он сам тоже зачастую казался слишком отстранённым и не от мира сего.

– Уж в этом не сомневаюсь.

Асадор поднял руку в предупредительном жесте и припал к углублению в истёртой песчаными бурями стене. Последовав его примеру, остальные сразу же скрылись в закутках из сваленного металлолома и мусора.

– Что-то не так, Кай?

– Пёсик передаёт, что впереди большая группа людей. Они вооружены и напичканы наркотой. Одна из их машин движется в нашем направлении.

Кристоф резким движением затащил за шиворот замешкавшегося «Вжика» и отвесил ему подзатыльник.

– Пропустим машину и обойдём их по параллельным улицам. Сколько их, Асадор?

– Больше сотни, грёбанных ублюдков.

– Значит при решении фрактального уравнения буду использовать переменную второго порядка... таааак, исходя из особенностей психики данных групп населения они будут рассеиваться на два-три квартала, чтобы разграбить, поэтому мы сможем пройти по S3 улице не встретившись ни с одним из них.

– Вы серьёзно? Это же практически прямо к их основной массе!

– Поверь мне, я в этом разбираюсь, парень.

Эла терзали сомнения. Весь его опыт общения с ульевыми бандами говорил как раз обратное. От этих отмороzków следует держаться как можно дальше и не иметь с ними дел даже через третьих лиц, не то чтобы ринутся прямо на рейдерский разъезд. Но приходилось всё же довериться опыту и навыкам старшего. Вжика же вообще передёрнуло от ещё свежих воспоминаний житья бытья в подобном коллективе и если бы не предусмотрительно строгий тон Кристофа, то, возможно, наделал бы глупостей.

Около минуты не происходило ничего, но потом мимо прокатилась грохочущая криво сваренная колымага на зависть любому орку. Машина была доверху набита чернокожими, завёрнутыми в тряпье людьми, размахивающими в алкогольном угаре обильным арсеналом самопального огнестрела. Мужчины и женщины дико визжали и хохотали спрыгивая с кузова и вламываясь в окрестные лачуги. Эл слишком часто раньше наблюдал подобные картины, чтобы рефлекторно не поёжиться. «Люди везде остаются людьми, где бы ты ни встречал их». Он не помнил кто и когда сказал эту фразу, но она всегда оказывалась поразительно точной на любой планете Империиума. Дождавшись когда гоп-компания окажется достаточно увлечена своим любимым занятием, Кристоф скомандовал жестом двигаться к ближайшему переулку. Доносившиеся до них крики и звуки борьбы вперемешку с мольбами о помощи задевали некоторые струны в душе Эла и Кристоф заметил это не хуже профессионального телепата.

– Мы агенты Золотого трона, а не уличные мстители из городских легенд, парень. Мы умираем во мраке, чтобы спасти миллионы, а не горстку жителей трущоб. Как бы цинично это ни звучало, но так и есть.

Слова здесь были, конечно же, излишни, ибо каждый знал, что за плечами у товарища достаточно опыта, дабы понимать такие базовые аспекты деятельности аколита, но, тем не менее, лучше перестраховаться.

– Я понимаю.

– Хорошо, если так.

Они бежали по тесному переулку достаточно долго, чтобы начать сомневаться в правильности своего решения, но в конце концов попали на ещё один пыльный тротуар, подвешенный над бездной простирающихся внизу затенённых эстакад, платформ и комплексов зданий, уходящих ещё глубже к столь желанной сейчас прохладе.

– Фух! Вот побегал бы Люциус сам по такой жаре.

– Зря ты так, он у нас боевой дядька. От настоящего дела никогда в стороне не был. Ещё до того, как ты пришёл к нам, помню как охотились мы за отступниками из «Кровавого договора»...

– О! Ты про тот самый случай, Кай?

– Да, Крис, в общем когда мы думали, что вот-вот схватим этих выродков за яйца, выяснилось, что руководит ими самый настоящий десантник хаоса!

– В это трудно поверить... тем более в то, что вы после этого остались живы.

– Не спорю. Пара сотен килограмм чистой ереси, закованной в древние осквернённые демонами силовые доспехи, выдавшие, возможно, самого Императора! Это не шутки. Но Женевьян не струхнул тогда и попёр прямо на него. Ох как же они быстро двигались, у меня аж голова закружилась, но в итоге исполин приложил по нашему боссу силовым кулаком и мы уж решили, что то, что стекало со стены, уже врятли оживёт и станет нашим прежним инквизитором, но он выкарабкался каким-то чудом. Не иначе сам Император спас от гибели.

– Правда стал гораздо более замкнутым и отстранённым...

– Посмотрел бы я на тебя, после того как тебя размажут об стену до состояния фарша.

– Лучше за приборами следи, Кай. У тебя датчик мигает.

– Да знаю я. Сигнал всё ещё слишком слабый, глядишь к вечеру и наткнёмся на что-нибудь.

В этот самый момент Вжика бросило в дрожь и можно было бы подумать, что у него начался эпилептический припадок, если б не невидимые для обычного человека возмущения энергий варпа. Ему, похоже, пришло видение и невероятно острое внимание Кристофа успело выхватить из происходящего за доли секунды едва заметную деталь пространства: песок под ногами парнишки перекачивался под воздействием ветра не совсем так, как обычно, а словно огибал таинственные незримые узоры, возникающие и исчезающие слишком быстро, для непрофессионала. Кристоф даже успел опередить Эла в намерении остановить Асадора от того, чтобы привести Вжика в чувства и в этот момент уважение к его интеллекту вновь подпрыгнуло до облаков. Голос же паренька вибрировал в воздухе и мало чем походил на человеческий.

– Предающий друзей своих во спасение их же, предающий любовь ради спасения собственного чрева... так соблазнителен ему путь в конце которого не спасётся никто... Незаживающая рана, осуждением поцелованная глаза откроет на проклятую душу... Дети, потерянные среди звёзд, повторяют ответ на вопрос, который никто не задаёт...

По коже всей группы побежали мурашки от холода, несмотря на иссушающий зной вокруг, а с одежды тяжело дышащего Вжика стал подниматься пар.

– Всё в порядке?

– Нам... нельзя... искать то, что вы ищете...

– Что? Что ты вообще несёшь? С кем разговариваешь? Я нихрена не понял!

На лице Асадора читалось искреннее недоумение и испуг человека, слишком редко сталкивавшегося с псайкерами, чтобы привыкнуть ко всему тому дерьму, что их сопровождает.

– Спокойнее, Кай, следи за ауспексами. Эл, что с ним?

– Спонтанные всплески психической активности, он в порядке, я присмотрю за ним.

– Хорошо, продолжаем движение.

Эл подхватил под плечо всё ещё вялого и бормочущего себе под нос молодого человека, стараясь не вслушиваться в бессмысленные бредни и концентрируясь на восстановлении его ментального барьера. Тем не менее, как бы он ни старался, возникшая тревога, всё нарастала с каждым шагом по горячим безлюдным улицам, зажатым между истлевшими под солнцем и ветром верхушками стандартных имперских готических шпилей и понастроенных вокруг них самодельных жилищ, из редких окон которых, на них иногда поглядывали почерневшие

лица местных жителей. Молитва покаяния Императору немного успокоила Вжика и он стал попевать за остальными самостоятельно.

– Господин упомянул некоего Фендала... А кто это?

– О паренёк пришёл в себя? Думаю тебе не стоит...

– Да брось, он имеет право знать.

– Эх, ну лааадно. Это история о том, что нас всех ждёт рано или поздно. Инквизитор Фендал был давним и самым близким другом нашего Женевьана. Последние года своей карьеры он посвятил себя охоте за «Пылающей принцессой». Дело то было столь скверным и секретным, что никто в ордосе так и не получил полного доступа к материалам следствия, однако Фендал со своим боевым отрядом смогли настигнуть её на Сумраке – жуткой планете вечного болотного зловония и навязчивых кошмаров. Тогда то жертва вдруг обратилась в охотника и сожгла до тла весь его отряд вместе с ним, но Фэндал что-то успел передать Женевьану перед смертью... что именно он не рассказывает... Так! Пёсик нашёл что-то. Сигнал всё ещё неубедителен, но это лучшее, на что мы пока можем надеяться. Где-то прямо под нами.

– Пошли, я нашёл лестницу.

Спустившись на один уровень ниже они не заметили особой разницы в обстановке и направились к размалёванной похабными надписями двери ничем не примечательного барака, возле которой издавал своё электронное скуление механический пёс.

– Сканеры показывают, что там пусто.

– Я тоже ничего не чувствую, но всё равно проверю.

Эл извлёк из кобуры «Дружочка» и мягко, словно змея, прильнул к стене. Лёгкого толчка ногой было достаточно, чтобы она отворилась, а он сам, не заходя сразу, наблюдал за коридором через ржавую щель в стене в напряжённом ожидании любого шевеления среди теней. Ничего. Чтож... Внутри царил беспорядок, свидетельствующий о проживании большого количества людей в тесных, душных и плохо освещаемых помещениях. Среди гор хлама взгляд просто навсегда терялся в том, на чём акцентировать внимание. Благо с ними были безупречно отлаженные сенсоры на четырёх лапах и зверюшка уселась напротив потемневшего от сырости деревянного стола с бумагами.

– Видимо наш желанный соглядатай провёл за ним достаточно долго времени, чтобы пропитать его своим запахом.

– На бумаге всё записано так коряво! О Император, как это прочитать?

– Стойте, ничего не трогайте. Мне нужно осмотреться.

Кристоф касался взглядом каждого уголка помещения на первый взгляд бегло и суматошно, но это вовсе не так. Он даже не пожалел свой безупречный костюм и прильнул к грязному полу, чтобы получить новый угол обзора.

– Стул был задвинут много позже, после того, как сидящий встал. Толщина пыли под ножками разница довольно сильно... затем, судя по линии из помятого именно ногами мусора он пошёл к умывальнику. Тааааак, под умывальником он обронил что-то, есть следы от колен и... пятно крови. Видимо брился. Кай, проанализируй кровь, будь добр.

– Уже скоро... Да, это его. Свернулась всего день назад.

– Отлично. Введи её в реестр как более свежий ориентир. Может это поможет.

– И помогло! У меня есть сильный сигнал! В сотне метров к северу. Быстро передвигается... Что за хрень!

– Что там?

– Он несётся со скоростью в пол сотни кломов в час!

– Ну, может у него спидер.

– Внутри жилых зданий?

– Мини – спидер?

– Очень смешно, Эл!

Мигающая точка на выпуклом экране миниатюрного когитатора пугающе проворно проскакивала через пролёты и двери на схематическом плане помещений, вдобавок изображение постоянно дрожало и искажалось, а постукивания Асадора по корпусу лишь ненадолго восстанавливали относительную чёткость, несмотря на постоянные молебны о благосклонности машинного духа с его стороны.

– Идём наперерез вот в этот блок. Там глухой тупик. Можем попытаться перехватить.

Уже на бегу по пёстрым от перемежающихся теней петляющим улочкам Эл заметил несколько более задумчивое чем обычно лицо Кристофа и тот, встретившись взглядом, сразу же пояснил.

– А нужно ли нам его догонять?

– Думаешь ловушка?

– Немного попахивает. Осторожность не помешает.

Сбежав по истёртой веками рокритовой лестнице, они оказались на небольшом перекарёстке среди конгломератов наползающих друг на друга жестяных, деревянных и глиняных самостроек, соединённых лианами из бельевых веревок и объявлений на малограмотном низком готике.

– Сигнал замер вон там!

Асадор указал на заколоченное ржавыми листами и досками здание, напоминающее продуктовую лавку. Дверь оказалась закрыта достаточно массивным замком, а петли, к огорчению, не подавали признаков расшатывания, поэтому идея выбить всё это хозяйства отпала достаточно быстро. Кристоф уже примеривался своим дробовиком, чтобы снести замок, но Эл решил попробовать разобраться без грубой силы. Прикосновение сознания к замку, пусть и с трудом, но всё же сдвинуло его детали с места под аккомпанемент металлического скрежета, но он так и не открылся. Видя потуги Эла, Вжик, видимо не выдержал и одним взмахом руки направил к замку поток невидимой силы, разом превратившей массивную сталь в непередаваемой формы скрученный комок, покотившийся по тротуару. Внеочередная ухмылка Кристофа стоила затраченных усилий.

– Никогда не думали о карьере медвежатника?

Воздух внутри был густым от сырости, затхлым и наполненным едким запахом мускуса, а мрачное запустение угнетало не слабее вони. Все вскинули своё оружие, рассредоточившись и пытаясь разглядеть в освещаемых через дыры в стенах тонкими лучиками света любые подозрительные очертания в своём секторе обстрела. Потрескивая бинарным кодом, меж ними проскользнул мастиф и принялся осматривать комнаты, пока не задержался у темнеющей кучи осыпавшейся штукатурки в углу. Под ней, в окружении зловония и роя мух, виднелись очертания трупа мужчины.

– Маааать твою за ногу! Когда ж он успел так подкиснуть?

– Тут довольно-таки жарко...

– А это точно он?

Лицо Асадора приняло уже знакомый обиженный вид.

– Ольфакторные рецепторы моего пса исключительно селективны. Вероятность ошибки меньше сотой доли процента.

– Как по мне, так все трупы воняют одинаково.

– А ещё они не носятся со скоростью спидера.

Возобновивший осмотр и восстановление событий по мельчайшим деталям Кристоф пробуждал в голове ассоциации с поэзией. По другому такую работу не назвать.

– Он упал уже мёртвым и судя по его позе он облокотился об эту стену... вот и потёртость. Шёл с этой стороны в спешке и коснулся ящика. В этой части комнаты лёгкий сквозняк из отверстия, а значит, если что-то и лежало на ящике, то улетело в угол. Вот и листок. Написано его почерком, линии букв соответствуют конфигурации кисти и на ладони те же

чернила, только написано в спешке: «Даже самая чёрная тень, может быть незаметна там, где очень светло, ибо свет не только разгоняет тьму, но и ослепляет»... Так, Асадор, отправь пикт изображение шифровальщикам, а я передам копию начальнику.

Сердце Эла забило чаще от скребущихся на душе догадок, но озвучить их он не осмелился, ибо даже сам пока не до конца понимал собственные чувства. Вокруг воцарилась тишина размышлений, но Асадор начал вдруг оглядываться так, будто его кто-то звал.

– Что? Что ты сказал?

– Н...ничего...

Вжик был явно взят враспloch внезапным вопросом, потому, что заморожено наблюдал как на пустой поверхности ящика возникают причудливые узоры, рисуемые невидимой кистью. Элу стало тяжело дышать из-за резко сгустившегося воздуха, но краем глаза он заметил, некое движение. Это оказался плюшевый мишка, залезающий в кроватку. Кристоф нервно пнул старый хронометр опёртый о стену.

– Долбанный хрон тикает так громко, что уже действует на нервы!

Но хрон не тикал уже очень давно и разваливался. Он просто был не в состоянии работать. Не успел Эл сказать и слова, как Асадора подняло в воздух невидимым суспензорным полем и унесло в другую комнату, одновременно с тем, как все двери с оглушительным грохотом захлопнулись. Затмившая всё вокруг темнота не позволяла непривыкшим глазам рассмотреть ровным счётом ничего, но Эл, почему-то отчётливо видел, как по потолку невероятно быстро ползёт несколько фигур, напоминающих обезноженных людей, с ободранной кожей и изрезанным до неузнавания лицом. Ещё до того, как кто-либо смог бы среагировать, мастиф кинулся на одного из них, ещё в полёте перемалывая его своими цепными челюстями с приглушённым визгом мотора, раскидывающего ошметки изорванной плоти по комнате.

– Что за...

Кристоф зажмурился от взрыва брызг вскипевшего после попадания лаз-заряда ихора и отшатнулся чуть не перевалившись через груды хлама за спиной. Кривые и длинные, как у хищных зверей, когти третьего промелькнули в сантиметре от шеи Эла, когда он изворачивался под одновременными атаками с других сторон многократно заученным пируэтом и перерубал одним широким взмахом сразу две тени перед собой пополам. Только когда зловонная жижа забрызгала лицо стоящего истуканом и хлопающего глазами Вжика он очнулся и неожиданно мощным ментальным импульсом отбросил от себя несколько тварей, размазав их по стене как комки с потрохами. Ничем не сдерживаемая энергия задела и Эла тоже, подхватив его как тряпичную куклу и проломив им межкомнатную перегородку. Чудом успев сгруппироваться и не сломать себе шею в диком кувырке, Эл всё же ощутил пульсирующую боль от впившихся в спину и левую ногу ржавых обломков. Сквозь пелену поднятой пыли стали различаться приближающиеся сторбленные силуэты. Он не был уверен сработает ли это на них, но всё равно собрал всю волю в кулак и направил в них. Боль, скрутившая бы человека до смерти лишь разозлила их, а попутно полетевшие обломки только ненадолго замедлили. Элу же досталось сильнее. Неосторожно выпущенная сила всколыхнула сознание и разум наполнился хором голосов и образов, один из которых ужасающим фоном застыл перед глазами. Горящий величественный собор. Дым заволок небеса, а земля залита кровью. Он узнал это место и осознание масштабов возможной трагедии пересилило всю боль и слабость. Он бросился в противоположную сторону, полностью игнорируя крики товарищей и многочисленные шорохи тварей за спиной. Стена впереди выглядела достаточно дряхлой, чтобы, не сбавляя скорости, на полном ходу влететь в неё. Однако вместо земли под собой, он обнаружил, что свободно парит в воздухе, проносясь мимо переплетений многоуровневых эстакад и громад небоскрёбов к стремительно и неумолимо приближающейся тверди. Терять было нечего и Эл попытался спланировать в сторону атмосферного транспортного потока в надежде зацепиться выстреленным крюком за какой-нибудь лифтер. Сказать, что свободно падающий на высоте

в несколько километров человек приводил пилотов в полное замешательство, значит ничего не сказать. Поток превратился в разворошённое осиное гнездо, но крик всё-таки зацепился за рулевые крылья одного из лифтеров и левую руку дёрнуло так, что Эл сначала решил, что её оторвало к чертям, а пилот с пассажирами даже не нашли слов для ругани и тупо смотрели через панорамное окно в оцепенении. Мужчины и женщины в богатых костюмах не моргали и, казалось, даже не дышали, наблюдая как ободранный молодой человек с гримасой боли и гнева отчаянно цепляется за воздухозаборник под потоками высокоскоростного ветра. И никто даже не обратил внимания на то, что рычаг люка поворачивается сам по себе, после чего парень неуклюже ввалился в салон с криком прижимая повреждённую руку. Перерастянутые и надорванные мышцы отказывались слушаться и левая рука безвольно лежала плетью, в правая сжимала лаз-пистолет.

– К Собору Иллюминации! Живо!

Очевидно пилот был сейчас совершенно не в том состоянии, чтобы спорить с настолько отчаянным человеком, каким выглядел сейчас Эл и лифтер мотнуло от резкого поворота. Эл решил не сопротивляться инерции и облокотился о стенку корпуса, кинувшись ему навстречу и медленно сполз по ней. Сидящие напротив в удобнейшем расшитом золотистой бахромой кожаном кресле дама с ребёнком вцепились от испуга в субтильного прилизанного мужчину и все трое недвижимо смотрели на развалившегося перед ними Эла испуганными до смерти глазами. Казалось, они даже боятся сплотнуть слюну, будто бы движение кадыка спровоцирует его начать пальбу. Конечно, в их красивой жизни врятели случалось что-либо страшнее пятна на новом платье или очереди в храм, хотя и интриги знатных домов порой ужасают своей жестокостью. Эл не сдержался от полного зависти взгляда в их сторону. Что могло бы быть, сложись его жизнь иначе? Чем бы он занимался, родясь в величественных палатах среди шелков? Стал ли бы он высокопоставленным клерком? Одним из миллиардов винтиков в чудовищной бюрократической машине Империиума? А может быть владел бы оросительными каналами на каком-нибудь агромире и вместо него сейчас бы умирал и истекал кровью кто-то другой... кто-нибудь другой бы тащил на себе бремя вечного противостояния всем тем бесчисленным угрозам, разрывающим Империиум на куски. Но увы...

За панорамным окном проносятся блестящие в солнечных лучах золочёные шпили небоскрёбов и они даже успели его немного укачать в своей безмятежной беготне. Едва лифтер приблизился к посадочной площадке, Эл вывалился через открытую дверь и послал мысленные извинения пилоту с пассажирами, но они испугались ещё больше от того, что чей-то голос прозвучал в их головах и лифтер рывком скрылся в небе на максимальной скорости. В сотне метров за платформой виднелась зелёная аллея, ведущая к громадам храмовых зданий и резко контрастировала своей богатой растительностью с обликом окружающего её улья из пластали и ферророкриты. Вколов в себя все запасы стимуляторов и восстанавливающих препаратов, Эл заставил свои ноги побежать вперёд. Среди непривычного шума листвы и вполне привычной толпы паломников его съедали муки совести по поводу того, что он бросил своих товарищей на верную гибель. И, как будто этого было мало, вокс начал призывно шуметь.

– Эй! Эй! Слышит меня кто-нибудь? Вы что там, суки, оглохли все?

– Я так понимаю, Ви, у тебя тоже денёк не задался?

– ТЫ МНЕ ЕЩЁ ТУТ ШУТИТЬ БУДЕШЬ, УБЛЮДОК ХЕРОВ! Где все из твоей группы? Где ты сам, мать твою?

– Могу ответить только то, что прямо сейчас я пытаюсь спасти от прожарки его святейшую задницу, так что до связи...

Вивиенна что-то ещё собиралась крикнуть, но Эл успел выключить вокс за мгновение до этого. У подножия парадных дверей собора, возвышающихся над аллеей вплоть до гигантского прозрачного купола, стояли две молодых женщины в блестящих чёрных силовых доспехах с белой окантовкой и белыми же плащами, закреплёнными поверх заплечного генератора

их облегчённой модификации брони, типичной для орденов эклезииархии, не имеющей доступа к усовершенствованной физиологии Астартес. Шлемов ни у одной не было, что всегда озадачивало Эла, но сейчас это был слишком малозначительный вопрос, чтобы вспоминать о нём. При виде бегущего к ним со всех ног человека с болтающимися на поясе ножнами, они вскинули свои отполированные ручные болтеры, взведя их с пугающей уверенностью и непреклонностью.

– Во имя света Его, ни шагу дальше!

– Старая роспись! В палитре забытые цвета!

Женщины переглянулись не сводя прицела.

– Что?

– Старая роспись. В палитре забытые, мать его, цвета. Уверю вас, нет времени для формальностей, впустите!

Стоящая прямо перед ним рыжеволосая девушка с татуировкой чаши на щеке пробормотала позывной в воротник своего доспеха, слегка повизгивающего обильно смазанными сервомоторами при движении.

– Тебя встретят у апостольского входа в западном крыле. Здесь пройти нельзя. Богослужение ведёт сам архикардинал и прерывать её богохульно.

Уходя в указанном направлении Эл опять не удержался и тихо бросил через плечо:

– Как часто служителя бога приравнивают к самому богу.

Он не оглядываясь, но всем телом ощутил на себе испепеляющий взгляд рыжеволосой целестинки и её яростное желание покарать «еретика» из своего верного болтера. Перед её глазами ясно промелькнула картина как всего один разрывной болт превращает парня в чёрном плаще и капюшоне в кровавые брызги. Тем временем он сам уже бежал вдоль резной колоннады, украшенной позолоченными аквиллами размером с орбитальный челнок и гербами Министорума, попутно отряхивая с себя цепкие куски штукатурки и пыль. «Служебный» вход, как она его назвала, почти не уступал парадному в помпезности. Такие же стометровые ворота с золотыми изображениями Императора за исключением меньшего количества стягов и отсутствия толпы, бредущей на молитву. От масштабов храмового комплекса захватывало дух. В этом бескрайнем саду размещался целый отдельный город из всевозможных ризниц, монастырских келий и множества других, богато украшенных, тянущихся вверх готических зданий, о назначении которых можно было только догадываться.

С краю от ворот приоткрылась неприметная калитка и рука в серой робе поманила к себе. Внутри был узкий коридор между каменными кладками, освещённый рядами узких вытянутых витражей. Встречающим оказался рослый мужчина средних лет, закутанный в серую шерстяную мантию и с обеспокоенным выражением лица.

– Кто вы такой, что горланите тайные священные шифры на всю улицу?

– Врядли кто-то посторонний.

Устав от бессмысленных пререканий, Эл оттянул воротник мантии, оголив шею над левым плечом с ещё не поблёкшим розовым шрамом от клейма.

– Император сущий! Вы? Здесь? Но как...

– Тише! Мне немедленно нужно видеть архикардинала.

– Но...это невозможно. Прерывать Его проповеди большое святотатство, даже для вас!

– Боюсь, это последнее, что вас будет волновать, если я туда не попаду в ближайшее время... при всём моём уважении, господин...

– Диакон Ланций.

– Так мы поняли друг друга?

В мужчине читалась явная внутренняя борьба, искажившая его лицо.

– Сёстры Омниа и Дариль сопровождают вас. Мне не дозволено входить в «зал света».

– Благодарю, диакон. Поторопитесь.

Их быстрые шаги отзывались эхом под сводчатыми потолками, пока они не вошли в просторные, обвешанные стягами залы, заставленные по краям десятиметровыми изваяниями святых. Композиция в центре была вдвое больше и, по видимому, изображала Друза и Анжуйскую, запечатлённых в мраморе в величественных приветственных жестах. Неподалёку стояла ещё одна пара девушек, закованных в такие же чёрно-белые латы. Позолоченные аквиллы на их наплечниках ярко блестели на свету, а на поясе покоилось по цепному мечу и болт-пистолету. Ланций сделал короткий кивок в их сторону и они сразу же подошли.

– К его святейшеству... прямо сейчас.

Лиц девушек коснулось смятение, но задавать вопросы было не принято. Обступив Эла с двух сторон, они повели его к концу зала под синхронный стук о плитку своих бронированных сапог. Минувя несколько групп малолетних послушников и каскад узких коридоров в абсолютном молчании у него было время поразмыслить над своими поступками. История не знает сослагательного наклонения, но что если бы он остался со своими товарищами? Смог бы он их спасти? А что если он ошибся и видение было обманом? Взять себя в руки никак не получалось. Пройдя под очередной аркой они оказались в огромном помещении с невероятного диаметра кристаллическим куполом вместо потолка, через который зал наполняли солнечные лучи настолько яркие, что почти ослепляли. Все скамьи перед возвышением в дальнем конце зала были заполнены людьми и, насколько Эл помнил, главный зал собора мог вместить не менее десятка тысяч верующих одновременно. Повсюду разносился и без того мощный, усиленный динамиками, величественный голос Игнатио, одним своим звучанием уже внушающий трепет.

– Сила человека в его служении Императору! А сила самого Императора – в человечестве, в каждом из нас, свято соблюдающим свой долг перед ним и хранящим в чистоте свою душу, ибо приняв однажды от него божественный свет, мы обязаны сохранить его. Каждый...

Безусловно он был выдающимся оратором и демагогом, способным повелевать умами паствы и люди, сидящие вокруг, целое море людей, были всецело заморожены его речью. Сёстры продолжили вести Эла сквозь казавшиеся бесконечными ряды скамей пока одна из фигур не показалась ему знакомой и он не задержался, чтобы рассмотреть.

– Эл!

– Лам? Что ты здесь делаешь? Помолиться можно было и у нас...

– Я никак не могла с тобой связаться и мне было видение, что я найду тебя здесь (она обиженно отвела взгляд) после того, как ты снюхался с той напыщенной дурой с Ваксанида...

– Лам, я не...

– Мне нужна твоя помощь, срочно. Храм...

– Я здесь тоже не в солнечные зайчики играть пришёл... прости, но я не могу.

– Что?

– Я потом тебе всё объясню, лучше уходи отсюда.

Тревожность внутри всё нарастала и Эл не мог больше задерживаться, продолжив следовать за сёстрами. Ламию сильно озадачил его настрой и она, скорее всего тоже что-то чувствовала, иначе бы, зная о её упорстве, не стала собираться к выходу.

До возвышения с величественной кафедрой кардинала оставалось не больше сотни шагов, когда в воздухе почувствовалась вибрация, всё нарастающая с каждым ударом сердца и лёгкое покалывание ионизированного воздуха. Эл захотел обернуться, но всё вокруг стало двигаться как в смоле, замедляющей любое движение. Между тем облака в небе стали бежать как в ускоренной пикт-записи, проносясь за окном в виде стада белых зверей. В голове звонко раздался голос девочки, она пела странную песню, каждое слово которой на непонятном языке отдавалось в нём жутким чувством смутно знакомого страха. Она стояла где-то в районе средних рядов и сжимала в руках некий предмет, не различаемый с такого расстояния. Внезапно сотни людей вокруг неё начали медленно подниматься в воздух как будто на невидимых верё-

вочках марионеточные куклы из детского театра и мерцать каскадами статических разрядов энергии. Их лица перекошились от неестественных улыбок. Внезапно пространство разрезал болт, выпущенный одной из сестёр и разорвал девочку на куски. Грохот крупнокалиберного оружия, способного своей отдачей сломать руку человеку без силовой брони, видимо разбудил прихожан от оцепенения и все они побежали кто куда, превратив зал в огромное бушующее море из тел с безумным взглядом.

– Фраговы идиотки! Почему вы всегда пытаетесь именно так решать все проблемы?

Риторический вопрос Эла потонул в криках толпы. Затем случилось то, что любого бы потом преследовало в кошмарах. Они начали изменяться. Людей словно выворачивало наизнанку ставшими вдруг бесконтрольными энергиями под их дикие вопли экстаза из сворачиваемых неведомой силой глоток и превращало в нечто такое, на что у Эла не находилось слов, чтобы описать. Большинство смотревших же попросту сошли с ума в ту же секунду как увидели это. Вопли отвратительной трансформации смешались с криками ужаса паникующих граждан. Пока Эл, избегая участи быть затоптанным насмерть, взбирался на подножие кафедры, хватаясь за протянутую керамитовую рукавицу какой-то исполосованной шрамами сестры с тлеющим огнём в другой руке, он пытался хотя бы примерно предположить сколько же человек не доживёт до вечера из-за всего одного поспешного выстрела. Наверху, словно возвышаясь над воцарившимся безумием, стоял сам Игнатио в своих волочащихся по полу роскошных одеяниях и пятился назад в отчаянных попытках понять что-нибудь из того, что происходит. «Ну хотя бы ты не носишься по залу как остальные. И на том спасибо.» Поначалу Эл боялся, что несколько выбежавших из-за кулис новых сестёр примут его за врага, но несущаяся по боковым ступенькам одичавшая волна людей заботила их гораздо больше. Одним ударом латного кулака первая из сестёр вдавила грудную клетку внутрь впереди бежавшему мужчине, а другая окатила всех фонтаном крови и внутренностей из перепилленных пополам цепным мечом двух бежащих следом. Только это смогло убедить толпу поискать другой путь для спасения и дало время целестинкам активировать защитные ограждения. Искрящиеся от электрического напряжения решётки преградили любые подходы к кафедре и на какое-то время показалось, что ситуацию удастся взять под контроль, однако искажённые тела вдали оказались чрезвычайно проворными и агрессивными. Быстро достигнув ограждений, они игнорировали обугливающие разряды электричества и разламывали толстые стальные ограждения как дощатый забор, после чего набросились на рассредоточившихся сестёр. Рёв болтерных очередей, жар потоков прометия и визг пилочечей заполнили собой всё пространство вокруг. Эл пытался как мог оградить Игнатио, выцеливая пистолетом любое отродье, прорывающееся сквозь заслон, но очень скоро батарея «Дружочка» издала протяжный писк, возвещая о полной разрядке и очередную тварь, на которую не хватило заряда, пришлось добивать вручную. Вид хаотичного переплетения изуродованных мышц и костей заставлял его дрожать от отвращения. Одновременно с этим он почувствовал присутствие ещё кого-то за спиной. Пара фигур в рваных балахонах пробралась сюда неизвестно откуда и уже поднимала иглострелы на Игнатио. Они были быстры, но не так как мысль. Спазм мышц вывернул их руки в неестественное положение и они, не успев издать ни звука, упали из-за остановки сердца. Едва Эл успел выдохнуть скопившееся напряжение, как в голове промелькнул образ падающего меча и испуганным движением он кое-как успел уйти из-под взмаха свистящего клинка, без сомнения, отрубившего бы ему голову, не наклонись он мгновением раньше. Лишь краем глаза он смог заметить размытый силуэт в чёрном плаще и... серебряной зеркальной маске. Череда следующих атак последовала незамедлительно и перетекала друг в друга как неукротимый поток. Справа, снизу, обманчивый финт сверху и выпад. Если бы не заученные до автоматизма движения и знакомый стиль фехтования, он бы уже давно лежал четвертованным, но пока что удавалось держаться хотя бы на грани. Полупируэтом он обошёл выпад мерцающего клинка и уже был уверен, что его рубящий удар в плечо настигнет цели как мощный

удар чужой воли выбил из него весь воздух и отбросил на десяток метров. Он поднял взгляд, пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха, но противник уже вынимал окровавленный клинок из стыка брони подоспевшей целестинки и собирался разлучить голову кардинала с телом одним лёгким взмахом. Всё, что Элу пришло в голову, это воспользоваться уже ставшим «счастливым» крюком. Вылетевший на большой скорости шип с тросом пробил голень врагу и потянул выпущенными распорками обратно. От неожиданного падения противник ударился головой о мозаику пола и с него слетела маска. Эл не мог поверить своим глазам. Ламия смотрела на него пустым стеклянным взглядом, залитым слезами, а всё лицо выражало только беспомощную мольбу. Потрясение лишило его сил и было подобно ведру ледяной воды, сброшенному на голову, в жаркий день. Всё вокруг, хаос и грохот исчезли за пеленой судорожных мыслей, ищущих ответ. Произошедший за доли секунд телепатический контакт не внёс никакой ясности:

– Что ты делаешь, Лам! Какого варпа?!

– Игнатио должен умереть! Ты бы понял, если бы выслушал меня, а теперь: или помоги мне, или не мешайся!

– Я не могу этого допустить! Ты не в се...

Ламия отсекла трос и сразу же кинулась на него в своём любимом смертоносном выпаде «Ah'gonior», от которого он так и не научился уходить. На мгновение её взгляд прояснился и она, как будто специально, не сбавляя ход, опустила клинок чуть ниже, открывая при этом верхнюю полусферу самым дилетантским способом на который только была способна. Но Эл не хотел двигаться, однако именно в этот раз бесконечные тренировки сыграли с ним злую шутку и тело само отреагировало, рассекая по инерции в развороте девушку от ключицы до паха, после чего та, сделав несколько шагов, безвольно упала лицом вниз. Лужа алой крови стала стремительно расползаться в стороны, заполняя каждый стык между напольными плитками. Эл дрожал от паники, не до конца осознавая произошедшее. Мир вокруг стал мутным от слёз и сквозь мутную пелену он видел лишь как несколько хромающих израненных сестёр в помятой броне уводят куда-то до смерти перепуганного Игнатио. Эл бессильно упал на колени в лужу крови. С лица капала тонкая струйка его собственной, смешиваясь с её. В горячке боя он даже не заметил, как Ламия одним из взмахов рассекла ему левую щеку, переносицу и правую бровь. Дрожащие руки перевернули тело и прижали к груди. Эл думал, что кричит изо всех сил, но голос почти сразу охрип, превратившись в сдавленный, полный боли и отчаяния хрип. Ему казалось, что прошла уже целая вечность, пока эмоции выплёскивались из него бурным потоком, а по плитке стали расходиться психоэлектрические дуги, вызванные полной потерей контроля над сознанием. Внезапно тело Ламии слегка вздрогнуло и она подняла свисавшую до этого голову. Глаза были по прежнему пусты, а голос оказался мужским.

– Какая же ты всё-таки бесчувственная скотина! Я всегда знал, что ради карьеры ты даже через неё переступишь! А ведь я с тобой за одним столом ел!

Затем она снова обмякла и стала обычной мёртвой женщиной. Бледной и холодной...

Эл узнал этот голос. Голос Джеша... Так вот что это было! Теперь то он смог отчётливо ощутить его присутствие по остаточному психоследу. И воспоминания о женщине на руках сменились картинками жестокой расправы над человеком, бывшим ему когда-то лучшим другом. Среди наплыва этих образов был ещё один, на который Эл совсем не обращал внимания в приступе своей ярости. Это был мальчик-близнец из сна... он улыбался.

* * *

Фратерис – милиция заполнила улицы Тарсуса практически сразу после неудачного покушения на их боготворимого кардинала. Эти фанатики – ополченцы выплеснули всю свою стихийную ярость в повсеместных митингах и погромах. Эл шёл по опустевшим продуктовым табернам, стараясь не привлекать внимания мародёров и «праведных мстителей». Один из

мутантов Джеша, сбежал с места покушения, так и не решившись напасть. В воздухе витал запах его страха. Выследить его было делом нескольких минут, но Эл уже начинал терять терпение. Внутри бурлила жажда мести и кожа перчаток скрипела от сильно сжимаемых кулаков. Маска Ламии сидела на лице не так удобно как собственная, но теперь он её не снимет, пока не довершит начатое. Похоже что преследуемый уже выдохся и за углом стало раздаваться лихорадочное сердцебиение и дыхание. Увидев Эла он примирительно поднял руки, изобразив самое миролюбивое выражение, на какое было способно его кошачье лицо и искренне надеялся, что Эл не заметил его вторую пару рук под балахоном. Но это было совсем не так.

– С... Слушай, мужикъ, давай всё уладимъ? Чего ты вообще за мной увязался?

Он даже не пытался скрывать свой смягчающий Сеферийский акцент, в то время, как под балахоном раздался тихий щелчок двух игольных пистолетов. Плоская сторона молниеносно выхваченного клинка встретила обе иглы с резким звоном и они вонзились в ближайшую стену, рассыпавшись в токсичную пыль. Одновременно с этим мутант затрясся, закатив глаза. Из его носа хлынула жёлтая кровь и он рухнул наземь, дёргаясь в предсмертном треморе и с застывшей на лице гримасой боли. Такое грубое телепатическое воздействие мгновенно разрушало любой неподготовленный мозг, но зато Эл вырвал из него всю информацию, которая была ему сейчас нужна. Джеш сейчас ждёт свой шаттл в космопорте, а значит нужно спешить. Одним взмахом клинка он срезал дверь брошенного в закоулке лифтера и силой воли заставил замкнуться цепи активации двигателя и на главном экране загорелось множество предупреждающих рун. Богохульство против машинного духа его сейчас интересовало меньше всего. После ввода навигационных данных лифтер неуверенно воспарил в нужном направлении и, дребезжа старыми деталями, понёс его меж уходящими в небо зданиями. До космопорта машина не долетела совсем немного, клюнув носом в одну из подвесных дорог для наземного транспорта, после чего красные руны заполнили вообще весь экран и двигатель заглох намертво. Игнорируя ругань водителей, Эл вылез из помятой кабины и побежал пешком. Миновав несколько проспектов, он уже оказался перед терминалом входа. Липовые охранники оказались очень плохими актёрами и даже стояли на манер ульевых бандитов, поэтому Эл решил даже не пытаться проскакать мимо них. Когда они завидели приближающегося человека, то приготовились встретить его с распостёртыми объятиями, но никто не обратил внимания как сами по себе переключились детонаторы гранат у некоторых из них. Поэтому Эла встретила только серия хлопков, предваривших аварийное открытие дверей. Он слишком торопился, чтобы обратить внимание на то, что от них осталось. Связь с администрацией порта, похоже, была отключена намеренно и никакой тревоги не поднялось. «Тем лучше». Скоростной подъёмник доставил его напрямик к взлётной платформе №7, где полным ходом шёл запуск двигателей небольшого пассажирского шаттла. Трап уже поднимался и Эл прямо на ходу вставил в пистолет свежую батарею, срезав первыми выстрелами двух ближайших мужчин, стоявших спиной. Несколько человек за ними приготовилось к ответному огню, но всех скрутила внезапная судорога, а затем нечто разрезало их в лоскуты вместе с оружием тысячами невидимых лезвий. Оставив на окровавленном рокрите под ними множество глубоких неровных порезов. Голова Эла гудела от чрезмерной нагрузки, а тело начинало разрушаться изнутри слишком высокой мощностью пропускаемых через него энергий и ухудшающимся состоянием полученных за день ран. Но вся эта боль лишь подогревала его гнев. Уже у самого шаттла ему преградил дорогу странный человек. Всё его лицо было покрыто татуировками, а рот зашит толстой нитью, стягивающей кожу лица. Человек имел холодный взгляд и железную волю, настолько мощную, что Эл не успел ничего предпринять. Любая ментальная защита рассыпалась под его взглядом и совсем скоро он получит полный контроль над телом, предварительно стерев в порошок душу хозяина. Оглушающий звон в ушах и невероятная слабость охватили Эла целиком и даже сжигающая изнутри злость не помогала совладать с настолько превосходящим разумом. Дрожащая рука с пистолетом начала подниматься сама по себе и

ещё тёплое дуло «дружочка» прислонилось к виску, а Эл ничего не мог уже с этим поделаться. Команда нажать на кнопку уже протекала по руке, а значит совсем скоро его бесполезные мозги запузырятся на гладкой поверхности рокрита и всё закончится. Но что-то в нём не могло это так оставить. Какая-то другая часть личности продолжала бороться. «Только не сейчас!» – говорила она – «Вот когда этот ублюдок сдохнет, тогда пожалуйста». Используя остатки контроля над собой, Эл сделал резкий кивок и луч опалил волосы на затылке, после чего сил сопротивляться уже совсем не осталось и пистолет вновь встал у виска. В этот самый момент странный мужчина совсем не ожидал, что что-то пойдёт не так и максимально выпучил глаза, взирая на воткнувшийся в грудь клинок, выброшенный из ножен гаснущим разумом своего противника. Когда хватка чужой воли ослабла, Эл поднялся и разрядил в подкосившегося мужчину всю батарею. Только после этого он вынул клинок из кучи обугленного мяса и опёрся на него дыша так, как если бы его очень долго душили и страдая от навязчивых волнообразных позывов рвоты. Взор застилала пелена, сквозь которую виднелись размытые очертания взревевших двигателей шаттла, начинающих медленно поднимать того в небо. Эл чувствовал, что ещё немного напряжения и он точно умрёт, но жажда мести оказалась вновь сильнее инстинкта самосохранения. «Ну и пусть» – сказал он сам себе и меч в руках тускло засиял агонирующими течениями воли хозяина. Подобно бумерангу он прошёлся по двигателям, рассекая компрессорные трубки под корпусом и вырвавшийся на волю прометий разорвал силовую установку в ключья, после чего шаттл камнем повалился вниз на соседнюю платформу, подмявая под собой ещё один. Эл закричал, чтобы не потерять сознание от истощения и пополз на четвереньках к заливающемуся огнём остову, из разбитой кабины которого стали вываливаться похожие на людей фигуры.

– Какой... кхе-кхе... же ты... упёртый... хер!

Молодой парень в подпаленном жакете был очень похож на Джеша, но в таком состоянии Эл почти не мог его разглядеть. Всё что он чувствовал, это то, что он изнемождён не меньше его, что объясняло почему он не вышел и не добил его.

– Я умру, но отомщу тебе, Джеш!

Каждое движение давалось Элу с невероятным трудом и болью, но он продолжал ползти. Из носа, глаз и щеки текла кровь, оставляя на рокрите непрерывную красную дорожку. Джеш опёрся на помятое крыло шаттла, держась за сломанные рёбра и голову. Он тяжело дышал и смотрел на Эла впальми грустными глазами, окружёнными посиневшими веками. В них читалась невероятная усталость и сожаление.

– Дружище... есть один разговор..., но увы, не... кхе-кхе... не успеваю. Мир был бы так прекрасен, если бы походил на тот, каким его видишь ты... мой... наивный друг...

– Тысячи насильственных смертей сегодня определённо добавят веса твоим идеям...

– Ты всегда отличался проницательностью... но... кхе-кхе... сейчас почему-то видишь только вершину айсберга. Просто запомни, что есть такая вещь, как... меньшее зло.

– Зря ты всё это затеял, ты же не мог не знать, что этим всё и закончится.

– Знал... и именно поэтому поступил именно так, зная, что ты в итоге завершишь всё прежде чем...

– Прежде чем что?

Джеш хотел было ответить, но передумал и вернулся к отвлечённым размышлениям.

– Будущее не предопределено... всегда есть надежда изменить общую картину к лучшему, пусть и в ущерб менее значимым вещам.

– Чтоб тебя!

В злостном рывке Эл смог привстать и ухватился за воротник Джеша, чуть не свалившись вместе с ним.

– Ты убил её! Это всё из-за тебя! А если бы я не помешал, то войны веры утопили бы в крови весь сектор! Что хорошего это могло принести?! ОТВЕТЬ ЧТО?!

Вытерев вылетающие окровавленные слюни Эла, Джеш зашёлся в приступе кашля.

– Я бы мог объяснить, если бы ты слушал, но ты пришёл убивать... кхе-кхе... и ты завершишь то, что начал. Я...

Джеш беззащитно и бессильно висел на прижимающей его за горло руке Эла, устремив свой взгляд в неведомую даль. Его правая рука потянулась к карману и, заметив это, Эл вогнал ему в грудь свой меч по самую рукоять, пригвоздив этим к корпусу шаттла, но тот совершенно никак на это не отреагировал, а лишь произнёс еле слышно:

– Да... шанс ещё есть...

После этого его глаза уставились на Эла неожиданно ясно и уверенно.

– Да... друг...

Затем его голова повисла. Ноги подвели Эла и он сполз на пол не в силах больше стоять. Воспоминания о том, как в прошлом Джеш улыбался и подкалывал его, как они вместе получали нагоняй от настоятеля за подглядывания и сразу же после этого шли снова и многое другое нахлынули неожиданной чередой. Он так редко вспоминал об этом. То, что Джеш вытащил из своего кармана и вложил ему в ладонь перед смертью оказалось маленьким грязным свёртком вощёной бумаги, скрепленной мастичной печатью. Он не решился открывать. Не сейчас. Он растянулся на холодной рокритовой площадке и потерял сознание...

* * *

Отражения... Кругом сплошные отражения... Тысячи их, хотя нет... Сколько их он сказать не мог даже приблизительно, ибо бесчисленные зеркала вокруг постоянно двигались и искривлялись под любым возможным углом, создавая настоящий калейдоскоп из его искажённых копий. Это было очень странное место. Даже среди самых странных мест. Сила притяжения постоянно меняла свою силу и вектор, поэтому с каждым новым шагом нельзя было сказать где здесь пол потолок и стены. Не будь Эл уже достаточно сумасшедшим, чтобы воспринимать подобные вещи, то непременно бы съехал с катушек ещё сильнее и взбесился, как происходит со многими псайкерами, так до конца и не принимающими всю непознаваемость варпа. Как будто всего этого было мало, отражения начали разговаривать друг с другом и с ним самим.

– Видал как я ему? А?

– Вот это зааадница! Ух!

– Слушай, всё хотел тебя спросить...

– Эй, а помнишь как мы зажигали на Асклефционе?

– погоди ты! Я первый!

– Да кому какая разница?

Гомон его голоса доносился отовсюду и сливался в безликий шум. Отражения мельтешили перед глазами и множились как рой насекомых. В конце концов Эл не выдержал и выбросом силы разбил все зеркала вокруг, осыпавшиеся как снег. Медленно и беззвучно. Когда всё утихло, он обнаружил, что стоит по щиколотку в воде среди бескрайних просторов пульсирующего и завихряющегося эмпирея. Где-то вдали горел огонёк Астрономикона, являющейся единственной постоянной вещью здесь. С рассечённой щеки по прежнему капала кровь и от каждой капли по воде расходились гипнотизирующие круги. Отражение в воде заговорило само по себе.

– Если ответ приводит лишь к новым вопросам, тогда в чём смысл его искать? Всё равно, что собаке гоняться за своим хвостом.

– Такова уж природа разума, я полагаю...

– Бедняга Уроборос пал жертвой самой своей сути, хочешь сказать?

– Почему бы и нет?

– Гм...

– Есть вопросы, на которые вообще нельзя найти ответ, но они нужны, чтобы начать думать в правильном направлении...

– На самом деле можно, просто нужно знать где искать.

– Да?.., но на самом деле всё состоит из вопросов, а не из ответов.

– Из этой философской бездны не выбраться, что уж тут... надо тебе кое-что показать...

Отражение протянуло руку к водяной глади в призывном жесте и Эл потянулся своей, повторяя движение так, будто это не он был источником изображения. Где-то вдали за спиной эхом разошёлся звонкий женский голос.

– Ai nun, мое Lanar e kae san Idrassil'nun!

Эл обернулся за мгновение до того, как коснулся воды...

INTERLUDIUM

– Опять нажрался да? Ну сколько можно? Давай завязывай уже а!

Доносившийся из темноты женский голос узнать сразу не получилось из-за того, что очень сильно мутило и мир казался сплошной каруселью хаотичных образов. Вивиенна стояла где-то в конце переулка, лишённого освещения и её очертания сливались с тенями, отбрасываемыми тусклым лунным светом. Расстояние в несколько широких шагов было выбрано неслучайно, чтобы так любимое ею благоухание запойного отсутствия гигиены не заставляло изысканный ужин проситься наружу.

Эл не хотел ничего отвечать, поэтому просто опрокинул оставшуюся в бутылке жгучую жидкость в себя, ибо по своей противной особенности трезвел слишком быстро. «Мля... так никаких денег не хватит на выпивку!» Это была правда, всё своё жалование он просрал ещё несколько дней назад и теперь всё глубже залезал в долги и карточные авантюры.

– Вот только не надо смотреть на меня так, будто только тебе одному плохо и больно, а начнёшь ныть, я за себя не ручаюсь.

– Просто оставь меня в покое...

– Не переживай, оставлю, я пришла не за тем, чтобы указывать тебе как жить. У меня только срочное сообщение. Назревает что-то серьёзное, конклав шумит как осиное гнездо и для тебя вскоре найдётся немало работы.

– Мне плевать...

– Главное, что предатели мертвы и ты с этим умеешь справляться.

Если бы Вивиенне сказали, что облёванный пьяница сможет заставить её врасплох, то она бы искренне рассмеялась со своей самой надменной улыбкой на лице, ибо не раз доказывала самонадеянным мужланам, что её каждодневные тренировки не проходят зря и она легко может загнать свой каблук в задницу хоть сразу полудюжине перекачанных мудаков. Однако столь молниеносное движение во тьме осталось для неё неожиданным поворотом. Всего за секунду Эл преодолел расстояние между ними и уже сдавливал её горло, прижимая к холодной каменной стене.

– ЗАТКНИСЬ! ЗАТКНИСЬ, СЛЫШИШЬ? Я И ТЕБЯ УБЬЮ, МНЕ ПЛЕВАТЬ УЖЕ!

Она смотрела на его залитое слезами грязное лицо полными одновременно и безразличия и понимания глазами. И даже не собиралась сопротивляться. Эл сдавливал всё сильнее, но этот холод в ней и такое же как и в нём желание покончить с жизнью от невыносимой боли породили в нём отвратительную мысль не даровать ей такое лёгкое избавление. Пусть он будет не единственным, испытывающим нечто подобное. Пусть он будет не одинок в своих чувствах. Когда он опустил руку, она закашлялась как чахоточная, но ничего более не сказала. Оставила зашифрованную записку в кармане и удалилась во мрак.

Он так хотел забыть, но её появление и слова вновь вызвали в его голове череду образов и болезненных воспоминаний. Лишь разбитые на каждодневных симуляционных занятиях в кровь кулаки хоть немного отвлекали на себя своей болезненностью. Дорога впереди казалась извилистой и подвижной, поэтому медленным и неуверенным шагом он вышел на другую улицу стараясь держаться за стены. Его привлекал шум оголтелой толпы. Больше десятка мужчин и женщин в военной гвардейской униформе столпились за углом неподалёку. Их размашистые движения и расслабленные позы свидетельствовали о том, что в их крови сейчас не меньше алкоголя, чем в его. Между стоящими проглядывались силуэты борющихся на земле людей. Подковыляв ближе, Эл разглядел, что несколько мужчин насиловали какую-то девушку, её руки и ноги придавливали тяжёлыми сапогами к земле, а на лице красовалось несколько свежих кровоподтёков. Окружающая действо толпа ликовала и заливалась смехом. Не было сомнений в том, что они будут более чем огорчены, если прервать столь интересный досуг, но

Эл не мог удержаться. Ему было плевать на девушку, которой уже и не было смысла помогать, ибо солдатня побывала во всех её уголках по несколько раз, плевать на само по себе действие и его моральные аспекты. Он знал, что они не будут ему рады и хотел этого.

Приглушённый звук разбившейся о голову стоящего с краю солдата бутылки сначала не привлёк ничьего внимания, но последовавшие за этим крики завязавшейся драки всё-таки переключили толпу на новое зрелище. Круговерть кулаков прекрасно вписывалась в общую картину расшатанного алкоголем мира. Пинком в колено Эл вывернул ногу подбежавшей женщины в другую сторону, а подхватив пролетевший мимо лица кулак другого мужчины подпер его локоть плечом, после чего тот с хрустом вывернулся в неестественную форму. Следующие пинки и удары избежать уже не удалось, да и не хотелось особо. Несколько пинков пришлось в живот и грудь, отчего Эл упал в грязь не имея возможности вдохнуть, потому что сразу же на него сверху навалился какой-то бугай и начал молотить своими массивными кулачищами по лицу. Эл чувствовал как с каждым ударом его лицо превращается в кашу, но боли почти не чувствовал и сознания не терял, что его огорчило сильнее всего. Ударом обеих ладоней он сломал бугаю неприкрытые бронезилетом рёбра, после чего погрузил свои большие пальцы в его зажмуренные глазницы и сбросил с себя. Он чувствовал, что теряет над собой контроль и даёт волю некой первобытной ярости внутри. Как ни в чём не бывало он встал ощущая приятную резь по всему телу, словно его изнутри полосовали сотнями острых ножей и это не могло не радовать. Невероятная физическая боль делала каким-то образом легче на душе. Ликовавшая до этого момента толпа замерла в ужасе, наблюдая как лицо напавшего на них пьяницы расплывается в безумной улыбке, а по телу струятся ленты ярко красного свечения. Кто-то из них выхватил лаз-пистолет и выпустил в него пару лучей, которые уткнулись в выставленную Элом ладонь. Тускло светящаяся кисть поглотила оба заряда, а обугленная кожа заросла на глазах вместе с разбитым до неузнавания лицом, кроме одного косоного кровотокающего шрама. Погрузившись в наслаждения болью Эл не заметил как раздалась сирена патруля Арбитрес, перебившая даже вопли пьяной толпы, которая сразу же после этого пустилась наутёк. Самого его скрутила череда спазмов и конвульсий пока разум разрывало безумными видениями, нахлынувшими словно табун лошадей. Кошмары, от которых он успел отвыкнуть, сменялись один за другим так быстро, что он даже не успевал осознать что происходит. Как и ожидалось, арбитров больше волновали нарушители порядка, нежели потерпевшие, поэтому они побежали вслед за толпой, не обращая внимания на лежащих в грязи людей и освещая себе путь электрическими дубинками, а Эл не чувствовал ничего, кроме опустошения и бесполезно скрёб пальцами по земле. Спустя какое-то время, он нашёл в себе силы встать. Трое солдат лежало рядом, всё ещё подвывая от боли, а девушка просто бессильно смотрела вверх широко распахнутыми глазами и не подавала признаков жизни. Что-то в её выражении лица отзывалось в нём сочувствием, но он не мог понять что именно. Он понял, что протрезвел по тому как к нему вернулось это приставучее чувство долга и отвращение к самому себе. К своей несдержанности и несправедному образу жизни... особенно в последнее время. По тому как вернулось осознание того, что у него всё-таки ещё остались желания сделать что-то важное и полезное, а если он продолжит подобные развлечения, то, скорее всего, встретит кончину раньше необходимого. И он пошёл. Медленно и устало в сторону виднеющихся шпилей «Трезубца». Исполинской крепости Инквизиции прямо в центре улья, которая отныне стала его домом. В записке была всего одна короткая фраза: «*Beatus, qui munere inter lucem et caliginis*»

Похоже предстоит дальняя дорога...

Глава 9

*Надежда – всего лишь первый шаг на пути к разочарованию и бесконечной всеобъемлющей пустоте.
последние слова неизвестного перед обрывом астронавтического сообщения с бесследно пропавшего в варп-шторме торгового корвета «Clamoris peccatorum».*

К новой горести

011.854.M41. Сегментум Обскурус. Сектор Каликсида. Друзова Марка. «Порт – Странствие». Пустотные доки.

– Эй, новенький, переключай манипулятор в автоматический режим и иди сюда!

– Сам иди. Я работаю!

– Вот же ж упрямый хер!

Бородатый коренастый мужчина средних лет олицетворял собой идеалы рабочего класса всея Империиума и с лёгкостью выволок молодого парня из кабины крана за шиворот.

– Ты как со мной разговариваешь, щегол?!

– Вы меня отвлекаете, я должен продолжать погрузку...

Натруженные руки начальника смены встряхнули парня так, что у того чуть голова не отвалилась.

– Чё ты там должен решаю здесь я, понял? А теперь быстро выкладывай где ты был вчера после смены!

Мужчина парню совсем не нравился и причин сдерживаться тот не видел.

– Трахал твою жену!

От внезапной откровенности лицо начальника сначала побледнело, потом с той же резкостью налилось кровью от ярости.

– А ну-ка повтори!

– Трахал! Твою! Жену!

Удар массивным кулаком перевернул мир вверх ногами и заставил начать считать причудливые звёздочки, вспыхивающие в наступившем мраке. Один за другим следующие удары подобно молоту ударяли в колокол и вызвали звон. А затем внезапно прекратились. Сквозь оглушение парень услышал лишь вскрик ужаса и неясное лепетание, вперемешку с шарканьем ботинок о рокрит. Когда же потяжелевшие веки разлепились, мутному взору предстал нечёткий образ двух борющихся мужчин неподалёку. Начальника смены пытался удержать некто третий.

– Да успокойся ты уже, Грим, что на тебя нашло то?

– Что за херня произошла? Ты видел?

– Я видел как ты избиваешь до смерти нашего нового погрузчика, вот что я видел.

– А свет? Ты видел как его глаза горели огнём?

– Чего? Ты совсем уже что ли берега потерял? Пьёшь прямо на работе!

– Зуб даю, я решил проучить этого сукина сына, а потом он на меня как глянул своими глазами и дальше ничего не помню... только темнота и страх... я чуть не обоссался... что это за херня?

– Кэрл, иди сюда с аптечкой! Тут психоз и скорее всего черепно-мозговая.

После этих слов парень решил привстать, но голова кружилась слишком сильно и он смог только перевернуться, уставившись в капли собственной крови, затвердевшие на обморожен-

ном рокрите как рубины, которые почему-то шептали что-то очень тихо. «И правда, чертовщина какая-то, хотя если посильнее приложить по голове и не такое причудится»

– И недели не проработал, как успел постраться с моим Гримом... Он конечно не паинька, но что ты ему такое сказал?

Подошедшая женщина с моргающим ручным сканером не выражала почти никаких эмоций, давая понять, что уже порядком устала от всех этих поножовщин в дружном мужском коллективе доков.

– Сказал, что ты красивая и вообще...

– Вместо того, чтобы языком зря болтать, лучше бы на самом деле зашёл навестить.

Обнаружив, что разъярённого ревнивца уже увели, парень вздохнул с облегчением и молча приложил к лицу протянутую мокрую тряпочку. Дезинфицирующий раствор неприятно пах и щипал, но зато быстро успокоил пульсирующие болью губы и нос.

– Ну раз ты так говоришь, то...

Женщина не стала дослушивать и продолжила уходить обратно на свой пост. Вместо неё к свесившему ноги с подвесной дороги парню присоединился другой погрузчик, весь чумазый, после текущего ремонта крана.

– Странный ты, Сарэф...

– Да просто бесит он меня! Как вижу эту волосатую рожу, так и тянет что-нибудь эдакое ляпнуть. И работа эта бесит.

– На-ка, раздобыл недавно неплохие.

Протянутая лхо-папираса, вероятно и была неплоха, но разбитым носом Сарэф почти ничего не чувствовал и просто воткнул её в распухшие губы.

– Просто, понимаешь, я всю жизнь хотел заняться чем-нибудь эдаким...

Оба молодых человека задумчиво уставились на проплывающую перед ними в суспензорном поле трёхкилометровую торговую баржу с двумя рядами бортовых орудий и лэнс-батареи, обрамлённых стометровыми позолоченными статуями ангелов и святых.

– Иж чего захотел. Ха! На борт вольных торговцев абы кого не берут. Мы люди простые, наш потолок это титечки Кэрл пожмакать и не получить бутылкой по голове в баре.

– Кстати о баре, надо бы зайти туда, а то мысли, чего-то, в последнее время совсем склеиваются, не знаю что со мной.

– Это я знаю, стакашка – другая, то что доктор прописал.

Последняя обитаемая космическая станция на границе Имперского космоса и отправной пункт на пути к неисследованным звёздам Гало в северном рукаве галактики и пространстве Коронус. Огромные, необъятные области и бесчисленные миры, полностью лишённые божественного света Императора и отделённые от остального космоса чрезвычайно труднопроходимыми варп-штормами на протяжении всей известной истории. Любая астронавигация без света Астрономикона практически бесполезна, поэтому о том, что могло там твориться ходили самые безумные догадки, но реальность, вероятнее всего, куда страшнее и легко заткнёт за пояс любые сказки, порождаемые большим воображением членов экипажей кораблей. Данный факт непременно притягивал туда целые флоты вольных торговцев, эксплораторов и просто незадачливых искателей того, что не прикручено к полу, пытающихся пробраться через единственный относительно стабильный варп – канал. А то, что возвращаются лишь немногие, несколько не смущает очередную партию авантюристов. Вероятно поэтому проход и называют «Пасть», ибо она беспощадно поглощает в себя всех, кто осмелится к ней подойти и ей совершенно безразлично двухпалубный ли ты катер или, ошетилившийся макроорудиями размером с жилой дом каждое, огромный многокилометровый линкор.

Сидя в дымной от папирос таверне «Слепой глаз», расположенной впритык к грузовым докам, Эл, точнее Сарэф, самозабвенно наблюдал за проблесками красного гиганта Рубикон – 2 сквозь густой пояс астероидов, окружающих дрейфующую космическую станцию, и завидовал их безмятежному перекачиванию в вакууме. Искусственная личность, установленная поверх его собственной на время задания, оказалась одним из самых неприятных «подарков» от штатно-организационного отдела ордоса. Да, врать теперь стало гораздо легче, появились новые умения и навыки, появилась неплохая защита от допроса, в том числе телепатического, но перемешивание собственных воспоминаний с выдуманными стало тем ещё испытанием. По хорошему такого быть не должно и он должен был вспомнить необходимые фрагменты своего прошлого лишь после столкновения со специальными триггерами или полной дешифровки, но на псайкерах эта техника работает очень нестабильно.

От густого дыма обскуры и алого света звезды всё вокруг казалось плавающим в кровавом тумане, или это мог быть дурманящий эффект обскуры сказать было сложно. Внутренности приятно обжигал амасек средней паршивости, хотя Сарэф уже в который раз перешёл ту грань, когда можно было улавливать вкус и аромат напитка, поэтому просто заливал всё новые порции внутрь, в надежде на мимолётное чувство душевной лёгкости и спокойствие парализованных алкоголем мыслей. Он должен был заниматься делами, но гнетущая внутренняя пустота не давала сосредоточиться сильнее стоящего перед ним опустевшего графина с амасеком и лишь холодное прикосновение кулона со спрятанной внутри серебряной литерой «I» к коже под рубахой напоминало о том, что он находится в этой дыре не просто так.

Здесь, на самом краю цивилизованного мира, где об имперских законах хотя бы слышали... в лучшем случае..., а вереница, сменяющих друг друга в многофункциональных доках, кораблей обеспечивала постоянный поток самой разношёрстной публики, у него не было права на слабость, ибо он теперь... легат-следователь имперского, мать его, инквизитора. Человек, чья преданность своему наставнику и священному служению привела его к шагу от того, чтобы самому, в дальнейшем, получить одну из самых могущественных должностей во всём Империиуме и, вместе с этим, ко многим другим соблазнам. Он никогда не просил об этом, да никто и не спрашивал, ибо в деле защиты человечества от ужасов вселенной нет места личным мотивам, только прагматизм пытающихся выжить.

Воспоминания, которые должны были быть надёжно спрятаны, пробиваются сквозь пелену искусственной личности так ярко, как если бы это случилось не полгода назад, а вчера: озноб от присутствия Ленза заставил его проснуться среди тлеющих обломков челнока на взлётной площадке. Ощущения были такие, словно его пережевало гусеницами Леман Русса и от боли трудно было шевелить даже пальцами, но он, тем не менее, смог немного привстать, облокотившись о разбитую кабину. Вокруг творилась жуткая неразбериха и носилась куча людей туда сюда. А Ленз, просто стоял напротив, покручивая на пальце блестящую цепочку с красной литерой в серебряной оправе.

- Паршиво выглядишь...
- Уж получше тебя...
- Раз ты так говоришь, значит не всё так плохо.
- Смотря с чем сравнивать.
- Ну-у чтобы тебе не думалось, будто другим повезло больше...

Симеон оттянул в сторону полог изодранной шинели, обнажив краснеющие бинты на животе и следы многочисленных уколов стимуляторов вокруг.

- Так она у тебя всё-таки есть?
- Кто?
- Кровь...
- Ах, ну да, сам вот удивлён.

Даже в таком состоянии Элу удалось лучше изобразить улыбку, чем Симеону.

– Полагаю ты пришёл, чтобы казнить меня за самодеятельность?

– Это было бы... уместно, но... Женевиан отличается более тонким чувством юмора, поэтому вот.

В ладонь Элу звякнула цепочка, слишком лёгкая, для того бремени, которым наделяла своего обладателя. Ирония, которую можно оценить лишь спустя время.

– Теперь у тебя будет не меньше головной боли, чем у меня, Одуванчик.

Воспоминания прервались резким возгласом из-за соседнего столика, где группа пьяных мужчин в униформе Астра Милитариум оживлённо обсуждала одну из бесчисленных лётных баек. Кителю мужчин украшались вычурными кокардами и эполетами, а также множеством всей той разноцветной мишуры, которую Сареф никогда не различал, однако знал насколько гордятся подобные личности каждой, даже самой мелкой нашивкой на своём мундире.

– Хэ-эй! Мастер – канонир, только не говорите, что ни разу не слышали эту историю! Её здесь на сотни световых лет вокруг все знают! Ну... в Друзовой Марке уж точно. Про знаменитого капитана Лоркана Рина и его гранд – крейсер «Праведный путь». Чего качаете головой? Неужто не слышали? В таком случае, господа офицеры, считаю своим долгом поведать: В славные времена крестового похода госпожи Анжуйской был такой военмейстер Лоркан, которого прозвали бичом сотни планет, после того как он огнём и кровью принёс блаженный свет Его к давно утерянным и заблудшим душам. Так вот, где-то здесь, недалеко от «Пасти» он наткнулся на мифический Кристаллиан – мир, где люди многими тысячелетиями опускались до поклонения ложным богам и строили в их честь омерзительные храмы до облаков. Поговаривают, что это была колония ещё со времён Тёмной эры. Но, как бы там ни было, преисполненный благородной яростью, Лоркан спустил свои армии на поверхность, а когда убивать стало некого, он заметил какими невообразимыми богатствами набиты храмы. Древняя богомерзкая цивилизация была разрушена, как, по-видимому, и вера самого военмейстера, ибо, после непродолжительного оглядывания богатств, он приказал демонтировать всё оружие и второстепенные модули своего корабля, набил его под завязку запретным археотехом, драгоценностями и, одному Императору ведомо, чем ещё, после чего исчез навсегда, оставив на планете почти всех матросов и солдат. Многие пытаются до сих пор отыскать следы «Праведного пути», но, пока что, никому не удалось.

Сареф был не удивлён, все байки, которыми полнятся подобные места, заканчиваются похожим образом, словно вышли из-под пера одного и того же посредственного писателя для заманивания наивных и алчных капитанов. С другой стороны, они бы не пользовались такой популярностью, не будь в них достаточной доли правды. Как, например, в этом конкретном случае. Архивы Каликсидского конклава в «Трезубце» содержат данные о том, что некий капитан Лоркан действительно командовал указанным судном и группой войск с целью возвращения миров ещё не сформированного сектора к божественному свету Императора около двух тысяч лет назад в пространстве нынешней Друзовой марки и был, впоследствии, обвинён в ереси, после чего смог скрыться от преследования. Что ж... Элу тоже предстояло исчезнуть, став Сарефом. Исчезнуть, чтобы найти.

Когда Симеон сказал что именно, сердце упало в пятки. Оказалось, что события в Тарсусе, бойня на Аллериуме и даже плохо вспоминаемые моменты из детства каким-то образом связаны с таинственным явлением под названием «Звезда – Тиран», природу которого пытаются разгадать лучшие умы ордосов уже много веков.

Тот полёт на космическую станцию «Тетрагон», являющуюся штаб – квартирой так называемого Тиранийского кабала, он не забудет никогда. Своеобразная комиссия, созданная внутри инквизиции для расследования всех случаев столкновения с этим феноменом, избрала своей обителью самый жуткий кусок древнего металла, какой только можно было найти. Испещрённый пустыми и холодными коридорами гигантский тэтраэдр, с небольшой обитаемой зоной внутри, содержал в себе ещё более мрачных людей, заседающих в явно недостаточно

отапливаемых палатах с целью осмыслить тонны бессвязной информации о внезапно возникающих космологических аномалиях, вспышках народного помешательства и исчезновении целых городов. Там он узнал, что адепты – предсказатели сходятся лишь в одном. Ответ к головоломке может быть найден в «Солнечном ветре» и что «юнец со шрамом» каким-то образом связан со всем этим и может разгадать загадку... «или сгинуть пытаюсь» – добавил Эл про себя.

Утомительное перелопачивание всей командой Люциуса архивов Трезубца в течение нескольких месяцев дало лишь то, что так называется некое судно уже как пару сотен лет не всплывавшее в регистрационных базах ни одного космопорта. Лишь удачное стечение обстоятельств, а также выдающиеся дипломатические способности Вивиенны позволили случайно наткнуться на стёртый астропатический запрос к стыковке в Порт – Странствии торгового корабля «Yogikhu zen kaze», что на диалекте аборигенов мира «Потерянная надежда», опустошённого Экстерминатусом много лет назад, означает «Дыхание звёзд». Слабая, но всё-таки зацепка и Эл отправился, как ему чувствовалось, навстречу своей судьбе.

Отражение его лица в стакане, наполненном янтарной жидкостью, кольхнулось от упавшей с щеки капельки крови, которая ленивыми лентами начала расползаться по дну. «Фрагов порез» не заживает до конца что бы он ни предпринимал. И вновь на платке, приложенном к лицу, алеет тонкая полоска.

Со стороны могло показаться, что платок занимает всё его внимание, но, за последний час, парень в потёртой рабочей униформе, пропускающий уже пятый бокал амасека после тяжёлого рабочего дня на погрузочных линиях, успел в должной мере изучить почти всех посетителей заведения из не до конца понятно откуда взявшегося осторожного любопытства. Группа разношёрстно одетых людей у барной стойки старалась делать вид, что они не вместе. И хоть причина, по которой эти ребята ищут себе приключений на пятую точку своей неумелой конспирацией совсем не волновала Сарефа, но он, тем не менее, с удовольствием наблюдал как один из них пытается выведать свежие слухи у трясущегося после контузии бармена, который искренне не понимал с чего вдруг каждый третий считает его сведущим в подобных вопросах.

Несколько мужчин в строгих костюмах сидят в самом тёмном углу и общаются на, как им кажется, незаметном языке жестов. Судя по всему, ещё неопытные контрабандисты. Ничего интересного.

Полураздетая девушка, танцующая в центре, была прекрасна и соблазнительно сложена, но, всё же, малость переигрывала для человека, зарабатывающего этим на жизнь. Кто и зачем её сюда прислал его мало волновало. Совсем другое дело: неприметный мужчина в одежде жителей пустынных миров, полностью закрывающей лицо. Он играл в регицид со случайным собеседником из числа подвыпивших офицеров имперского флота и слишком умело не привлекал к себе внимания, чтобы это можно было игнорировать. Его умение невзначай поглядывать на хрон каждый раз, когда он делал свой ход, даже немного восхищало. Этот тип кого-то ждал и нервничал, потому что делал делал всё более очевидные ошибки с каждым ходом: сначала передвинул «опустошителя» ближе к правому флангу, лишая того возможности манёвра в будущем, затем вывел библиария на передний край при сохранных вражеских штурмовиках... Может это намеренное стремление поскорее закончить партию? В любом случае хмельной вояка был невероятно рад своему тактическому «гению».

Перед последним ходом Сареф испытал непреодолимое желание посетить уборную и, оставив несколько серебряных тронов на столе, затерялся в снующей толпе. «Пустынник», тем временем, любезно поблагодарил офицера за прекрасную игру и направился к выходу. «"Что ж... пора начинать» – сказал ему приставучий внутренний голос.

Что именно «начинать» он не понял и будто бы специально задев ближайшего вышибалу, явно гордящегося своей искусственной мускулатурой, вызывающе посмотрел на него как раз с нужного направления, чтобы мощный ответный толчок направил его прямо на «пустынника», столкнувшись с которым Сареф выронил иньектор явно не имперской конструкции

и, с виноватым видом, шатаясь, вышел из таверны. Во взгляде «пустынника» сквозь прорезь ткани читалось явное презрение к столь жалкому человеку, каким казался Сареф. Ксено-инъектор с наркотиком «Kai-quin» имел достаточно характерный внешний вид и популярность, чтобы его можно было спутать. Дешёвый и доступный он поставлялся в огромных количествах из пространства, подконтрольного империи Тау. Эти синекожие ксеносы совсем не жалеют средств для целой армии контрабандистов, провозящих его на миры Империиума. Препарат с пока не изученным составом действует только на людей и даёт им окунуться в невероятные грёзы лучшего и светлого будущего, взамен делая их сознание гораздо восприимчивее к их пропаганде так называемого «Высшего блага», а значит, значительно облегчает формирование на территории противника партизанских групп и ассимиляцию захваченных миров. Насколько Эл знал, у Ордо Ксенос просто не хватает оперативников, чтобы перехватывать все поставки. Препарат даёт надежду и улучшает общее самочувствие, что, учитывая реалии большинства граждан Империиума, вполне объясняет его популярность.

«Пустынник» направился по второстепенной улице в сторону обсерваториума механикус и Сареф, значительно отставая, побрёл следом, ища взглядом укромное место чтобы ширнуться, а то эти странные чужие мысли и воспоминания, называющие его другим именем, уже порядком достали. Его покачивало, но не так сильно, как было бы не прими он заранее детоксикант, о котором не помнил. Однако шёл он всё равно как серьёзно перебравший бедолага, коим и являлся. Три фонаря впереди не работали и этим создавали достаточно темноты, чтобы незаметно спрятаться, чем незнакомец и воспользовался. «Вот фраг! Я опять прокололся? Да быть того не может! Лааааадно, нельзя подавать виду даже при плохой игре». Услышав последнее у себя в голове, как сильно приглушённое бубнение, Сареф наконец не выдержал и сорвался, начав стучать себя по голове.

– Да чтоб тебя! С-с-сука!

Доковыляв до тёмной зоны, его настиг приступ рвоты, поднявшийся как-то слишком внезапно и, исторгая на тротуар свой скромный ужин, он разразился очередной пачкой ругательств куда-то в пустоту.

– Дерьмо! Опять получка впустую! Слыш...ик... Карлус! Не буду покупать я твоё...ик... пойло больше!

Ответом ему стало только гулкое эхо металлических переборок станции и косые взгляды немногочисленных прохожих. Сареф, озираясь по сторонам, достал инъектор. Удобная рукоять лежала в руке как литая, а обтекаемый корпус приятно отличался от лишённых изыска штампованных человеческих изделий. «Ну надо же, всё для людей». Ощущение того, что кто-то внутри ухмыльнулся при этой мысли заставило Сарефа поторопиться с расчехлением незамысловатого механизма.

В этот самый момент он был грубо схвачен мощной рукой, покрытой густым мехом. С закатанным для укола рукавом Сареф походил на застуканного за мастурбацией ребёнка, а лицо мужчины было по прежнему скрыто тканью, но грубый голос из-под неё оставлял мало шансов для приятной внешности. Меховая рука прижимала к рокритовой стене как грузовой кран, мешая даже дышать.

– Кто такой? Живо! И не пытайся юлить, говнюк! Насквозь вас всех вижу.

– Чаво? Кхе-кхе... Отвянь, бычара!

– Вынюхиваешь? Преследуешь?

Холодный ствол необычайно громоздкого стаб-пистолета больно уткнулся в лоб.

– Чтоб тебя! Не видишь, херово мне?! Чего прикопался? Шишка чтоль важнецкая, что по одной улице идти нельзя или чё? А?

Очередной позыв рвоты заставил незнакомца брезгливо отступить с озадаченным видом.

– Люди настолько отвратительны...

Сареф скорчился на четвереньках, нависая над разбитым о тротуар инъектором.

– Это да... кхе-кхе... особенно мой начальник смены! Тот ещё фрагов ублюдок! Но с моим сержантом ему не сравниться. Выгнал меня из подразделения за пару рюмах, скотина! А ведь я был лучшим стрелком во взводе! Но выпивка важнее зоркого глаза, понял, да?! Поэтому они и просрали Сегестию этим...этим...

Глядя на начинающего плакать человека, незнакомец стоял в полной неуверенности.

– Скройся с глаз моих, ничтожество...

– А вот я сам буду решать, что делать, понял, да? А вот хер тебе в рыло! Ты мне дозу должен! Из-за тебя разбил с-сука!

Незнакомец ничего не ответил, а лишь, тревожно оглянувшись, убежал прочь.

– Э-э! Фраг тебя раздери! Ты куда?

Сарэф услышал торопливые шаги, всё приближающиеся к нему и затаился во мраке. Три фигуры в серых балахонах пробежали в том же направлении, что и «пустынник» и что-то в их манере перемещения показалось ему знакомым, только непонятно с чего это. Двигаясь по другой стороне улицы, Сарэф поспешил за ними из спонтанного порыва любопытства, коим он не помнил, что когда-либо обладал. Фигуры в балахонах рассредоточились по параллельным улицам, точнее коридорам этой здоровенной станции и выглядели как настоящие хищники, загоняющие жертву. И, судя по тому, что через полчаса беготни по однообразным модулям они начали сходиться, у них это получилось. Впереди полированным металлом блестели массивные ворота с печатью шестерни размером в два человеческих роста, а это значит, что дальше территория закрыта и даже не стоит пытаться взломать их замысловатые коды.

Впрочем, у «пустынника» на это и не было времени. Раздались грохоты выстрелов и треск лазерного оружия. Шальной заряд выбил снап искр из того самого угла, из-за которого Сарэф как раз собирался выглянуть.

Незнакомец укрылся за грудой контейнеров и отстреливался как мог, но очереди из винтовок превращали его укрытие в брызги расплавленного металла и не давали высунуться. Как подсказывал Сарэфу его прошлый тактический опыт: дело двигалось к своему логическому завершению. Внезапное осознание того, что совсем скоро ему будет не с кого требовать компенсации, Сарэф решил вмешаться в очередную уличную разборку, которые здесь уже смешались для него в однообразную мешанину. По сути, единственное правосудие, которого здесь следует ожидать, это только то, которое вершишь ты сам и не стоит ожидать разъезда арбитра. Это пришлось усвоить ещё в детстве, когда ему пришлось впервые взять отцовское ружьё и мстить за него.

Худощавый, ещё совсем юный, парень с лазганом заметил крадущегося Сарэфа слишком поздно и сразу же обмяк после тычка монтажным ключом в висок. Второй оказался коренастым здоровяком с ручным тяжёлым ручным пулемётом и совершил явную глупость, решив, что раз противник не отстреливается, то можно подойти к изрешечённым ящикам поближе и проверить. В результате вес его оружия не позволил вовремя развернуться к возникшей с другой стороны двухметровой мохнатой фигуре, которая в считанные секунды повалила его и разгрызла горло, окропляя округу красными брызгами под булькающий хрип. Почти сразу же мохнатому в бок уткнулся синий луч, в момент обугливший значительный участок меха и тот пронзительно взвыл, свернувшись рядом с ещё дёргающимся пулемётчиком. Вышедшая из-за остова брошенного спидера девушка уверенно держала пистолет на изготовке и, в отличие от остальных, уже не обманывалась беззащитностью врага.

– Именем священной Инквизиции ты приговариваешься к смерти, ксенос!

Она промедлила, обернувшись в сторону Сарэфа, который мог поклясться, что не издал ни звука и она просто не могла его заметить. Он узнал в ней ту танцовщицу с таверны, но уже как-то не хотелось сказать «Приветтики». Когда он встретился с ней взглядом его голова начала гудеть и колотья изнутри, отчего он пришёл в неподдельное замешательство. «Что происходит? Что за?» Будто бы само по себе его тело выгнулось и взлетело, после чего ударилось о

стену с такой силой, что вышибло весь воздух из лёгких. Когда же она навела пистолет на него, мир в мгновение исчез...

– А-а-ахр!

Рёв мохнатого разбудил Сарэфа в той же позе, в какой он вырубился, только девушка напротив уже лежала без движения с дымящимися остатками грудной клетки, а его пальцы лихорадочно жали на кнопку разряженного лазгана. Вся эта непонятная хренотень, которая с ним творится последнее время очень сильно бесила и уже начинала напоминать ломку.

– Эй! Урод волосатый, ты мне должен! Дважды, мать твою!

– У-у-угхр!

Сейчас Сарэф уже мог разглядеть лежащего перед ним гиганта. Полностью покрытое коричневой шерстью тело замерло от боли, а дышало очень часто и поверхностно. Могучие конечности оканчивались когтями, которые будучи подпиленными, всё равно вспороли ботинки и перчатки. Глядя на подобие волчьей морды вместо лица, Сарэф удивился тому как же оно смогло так хорошо изъясняться на низком «Готике». По краям пасти всё ещё предостерегающе пузырилась кровь незадачливого пулемётчика. Сарэф понятия не имел о том, ксенос перед ним или мутант, но это было и не важно. Подавить в себе нормальное для человека желание добить мерзостное отродье оказалось непростой задачей.

– Ты живой?

– Р-р-р...правду говорила Сенека...вы как насекомые...мельтешите без цели и смысла...

Сарэф начал обыскивать карманы охотников на предмет медикаментов, не забывая при этом поглядывать на мохнатого. Мало ли что. А что до этих мертвецов... его мало волновала их судьба, просто им сегодня не повезло, но по какой-то причине глубоко внутри чувствовалось сожаление. «Так, что у них тут... Гемостат и Ренегон? Негусто». Вытащив пару шприц-тюбиков из ещё тёплого нагрудного кармана худошавого, Сарэф вогнал их во вздымающуюся шкуру зверя и стал ждать.

– Гхр...хр... Кто ты вообще такой? Чего тебе надо то от меня?

– Я уже говорил, ушастый, вернёшь дозу и можешь подышать в любой подворотне.

– Ты из-за этого убил двух человек? Не тем ты перешёл дорогу.

– Если бы ты хоть раз пережил ломку, то тебе тоже было бы плевать на такие мелочи.

– Не буду спорить.

– Ну так что?

– У тебя талант не задавать лишних вопросов... мы можем договориться, если хочешь.

Работка грязная, но доз будет много.

– Продолжай

– Нужно будет вступить в команду корабля, по...

– Согласен!

013.854.M41. Система Рубикон. Высокая орбита Тамоса.

«Ну и сброд» – подумал Сарэф, оглядывая из-под разлохматившейся чёлки своих новых спутников. – «Отбитые головорезы, я здесь как-то совсем неуместен» – продолжал он ворчать себе под нос, вгоняя свежую батарею в трофейный лазган и выставляя мощность на максимум. Благо военное снаряжение и обстановка были куда интереснее опостылевшей работы в доках. Два десятка вооружённых хоть и чем попало, но до зубов людей неслись сквозь чёрную беззвучную пустоту в тени ледяной планеты. От перегрузки инерционных двигателей штурмового катера вся палуба вибрировала как разболтавшаяся турбина. Мохнатое нечто, по имени Форос, командовало парадом и не переставало нервничать с тех пор, как Сарэф повстречал

его в Слепом глазу. Похоже дело шло совсем не так, как надо и они сейчас должны наверстать упущенное, поэтому пилот и не щадит двигатели.

Пару часов назад из Пасти вышел небольшой грузовой корабль, внешне похожий на башмак, как и большинство имперских кораблей. Они летели ему точно в правый борт и всё, что сказал Форос, так это то, что судно необходимо захватить. Несмотря на грубую внешность, было сразу заметно, что он не так прост и постоянно обдумывает множество деталей происходящего.

– Эй, наркоман, не бойсь, МС – 288 хорошие движки и так просто их не сломаешь.

– Знаю, сам их ремонтировал в детстве. Меня больше беспокоит охрана грузовика... странное беспокойство... будто бы я откуда-то знаю, что там засада, или другое подобное говно.

Команда разразилась смехом.

– Инфа надёжная, охраны там один – два человека для виду.

– Хорошо, если так.

– Тебя как зовут то?

– Не всё ли равно?

– Думал у людей так принято...узнавать имена...

– Сарэф.

– Так лучше, не правда ли?

– Слушай, а кто такие эти «Виквизиции»?

– «Инквизиция». Странно, что ты не слышал о них. Страшные ребята.

– Я родился на Сегестии, потом собирал металлолом с разбившихся кораблей на Эндрите, пока меня оттуда не выперли фанатики, поклоняющиеся, собственно, этому металлолomu. Таких как те, что напали на тебя, нигде не было, но помирают они также, как и все остальные выродки.

– Согласен... Эй! Всем приготовиться! Мы уже близко.

В маленькую амбразуру было почти ничего не разглядеть, но потоки трассирующих снарядов от защитных турелей нельзя было спутать ни с чем. Бесшумными огненными хлыстами развевались очереди в пустоте, угрожая маленькой железной коробочке неминуемой гибелью. Пилот же явно зарывал свой талант в кабине этого грязного катера, ибо Сарэф даже и представить не мог, что из него можно выжать такие манёвры. Катер лавировал и подныривал под снарядами так, словно не было никакой опасности и они находились на экскурсии, так что вероятность дожить до оплаты резко возросла и эта мысль подняла настроение окружающим. Сарэф правда всё гадал: пошли бы эти ребята на дело, если бы знали, что под панцирным бронекостюмом скрывается не человек? «Лёгкие деньги» – сказал какой-то лысый мужчина с обожжённым лицом и улыбнулся во весь рот. Сарэф решил держаться от него подальше. Небольшая торпеда пробила брешь в корпусе грузовика короткой бесшумной вспышкой разлетевшихся искр и резкий толчок возвестил о том, что они успели залететь внутрь до опускания декомпрессионного люка.

Несколько случайных людей в рабочей одежде, оказавшихся на посадочной площадке, были сразу же срезаны беглым огнём вывалившихся из катера бойцов. Сарэф выпустил пару зарядов в спину убегающим и в голове возникли странные размышления: насколько оправданы все эти жертвы, даже во имя дела Императора? «Что, опять? Откуда этот голос?»

В коммуникаторе раздался бас Фороса.

– Всё, работаем по схеме! Первая группа зачищает двигательный отсек, вторая – блокирует трюм, остальные за мной!

Едва ступив на палубу, Сарэфа чуть не подкосило резко усилившееся чувства беспокойства и ощущения присутствия чего-то странного и опасного. Даже гигант Форос вблизи не излучал такой дикой опасности. Вылезший из кабины пилот сильно выделялся своим стран-

ного вида комбинезоном с изящными пласталевыми вставками и вытянутым герметичным шлемом. Он казался слишком долговязым и худощавым для человека, но при этом каждое его движение было преисполнено неестественной грацией, коей не было даже у знаменитых танцоров из пикт-записей. Ещё большее внимание привлекало его оружие. Гладкие плавные линии белоснежной вытянутой винтовки были совершенно не похожи на любое виденное им ранее оружие. Казалось эта штука даже не стреляет и просто для красоты. А ещё этот голос... певучий мужской тембр с причудливым акцентом практически звенел в воздухе.

– Всё, Фолос! Это был послений лаз, когда тхы меня заставил сидеть в кабине настойко бездално собланного аппалата! Всё! Хоть убей, не полезу! Сам пофедёшь. О, *Vaul, ine asun'* я думаль эта штука ласфалится на каждом вилаже!

– Этот катер, между прочим, вышел мне в приличную сумму и довольно добротный.

– По каким мелкам? До истелики меня довести хочешь?

– Анарель! Заткнись уже!

Вместо ответа долговязый играючи вскинул свою винтовку и с тихим шелчком послал в коридор перед ними маленький мерцающий клубок, который, перед тем как встретиться со стеной, угодил точно в грудь внезапно выбежавшему из-за угла человеку. С такого расстояния было трудно разглядеть, но, похоже, от того остались лишь красные брызги на стене. В ответ на изумлённые взгляды банды пилот картинно пожал плечами.

– Мне просто нужно было кого-нибудь убить...срочно.

Робкий и неточный ответный огонь, только разозлил Фороса и тот рванул вперёд, забрасывая противника голубоватыми сгустками раскалённой плазмы, от соприкосновения с которой мгновенно вскипали металлические переборки испарялись люди вместе с оружием и бронёй. Сарэф же, как и все остальные, решил придерживаться более сдержанной тактики и, методично укрываясь за элементами небогатого, но стильного интерьера, продвигался в сторону капитанского мостика. Каждый шаг давался труднее предыдущего из-за сковывающего страха. По непонятной причине хотелось просто сбежать, не оглядываясь.

По тому, как обстановка становилась всё роскошнее, а картины на стенах всё величественнее, было понятно, что двигаются они в правильном направлении. От всё более ожесточённой перестрелки мраморные статуи начинали защищать всё хуже и не переживали даже короткой стычки. Ни садовые композиции, ни картины. Битва поглощала всё. Несколько охранных сервиторов и авто-турелей преградили им путь, заполнив каждый метр пространства ворохом лазерных лучей и плазменных зарядов.

– Говоришь «всего пара человек охраны»? Ну ну.

Чередa нецензурной брани и криков возвестили о растущем числе раненых раньше чем Сарэф увидел, как голова одного, невовремя высунувшегося, стрелка растеклась подобно воску после касательного попадания сгустка плазмы и решил даже не надеяться высунуться, поэтому просто выставлял ладан над головой и постреливал вслепую. Неизвестно, попал ли он, или кто-то другой, или кому-то удалось удачно метнуть гранату, но раздался мощный оглушающий хлопок в районе оборонительной линии и вражеский огонь на короткое мгновение затих, чем сразу же воспользовался долговязый, выпустив несколько своих мерцающих клубочков над головой Сарэфа по турелям, отчего те рассыпались на множество идеально срезанных деталей. Такой героизм сумел воодушевить даже наёмников и навалившись всем скопом отряд прожёл приличные дыры в броне сервиторов, потеряв при этом всего двух человек.

Пропитанный густой вонью жжёного мяса и дымом воздух стал совсем непригодным для дыхания и все натянули дыхательные маски. С начала штурма ударная группа поредела, но всё ещё представляла из себя боеспособное подразделение, пусть и израненое. Внезапно прекратилось гудение двигателей корабля, ставших уже привычным фоном, а вот наступившая тишина, напротив вызвала дискомфорт. Форос довольно кивал, выслушивая доклады по воксу от двух других групп. Корабль был уже почти полностью под контролем. Осталось только вскрыть

командную рубку. В тёмно-сером дыму вечно довольное лицо лысого мужчины выглядело ещё более неприятным. Полный триумфа он нёс к бронированным дверям два тяжёлых мelta заряда, способных, как шутили наёмники, расплавить даже задницу Императора, однако на заводской маркировке значилось только до полуметра адамантита. Довольная улыбка команды резко исчезла, когда из спины лысого, принявшегося закреплять заряды, вырвался конец ревущего цепного меча, а разъехавшиеся двери явили миру исполина, рядом с которым даже Форос казался мальчишкой. Внутренности лысого разлетелись по коридору как от гранаты. Огромная фигура, сжимавшая меч, оказалась закована в тёмно-зелёный силовой доспех, отчего занимала собой весь дверной проём. Глазницы шлема горели огнями ауспексов, прямо сейчас показывающих исполину чьи кишки логичнее намотать следующими. Он стряхнул труп с меча так, словно тот ничего не весил и загрохотал леденящей сердце поступью. Если бы не яростный крик Фороса, открывшего беспорядочную стрельбу, остальные так и застыли бы в параличе предсмертного ужаса. Правда для великана это ничего не изменило. Лазерные и плазменные заряды оставляли на броне только сколы эмали с раскалёнными красными точками. Сказали бы Сарэфу раньше, что при таком весе и габаритах можно быть проворным, он бы покрутил у виска. Но великан двигался на порядок быстрее любого из них, даже слишком быстро...

Два оглушающих выстрела из тяжёлого болт-пистолета прозвучали практически одновременно и ещё до того, как остатки двоих бойцов упали на пол, ещё трое поочерёдно оказались перемолоты зубьями цепного меча, оставив после себя лишь кровавые ошмётки на стенах. От перегрева плазменная винтовка Фороса начала плавиться прямо у него на руках и он гневно отбросил её, доставая из ножен здоровенный тесак, которому позавидовал бы любой орк. «Вот только на что он надеялся?» Великан развернулся к нему и Сарэф решил приблизиться, чтобы разрядить батарею прямо в стык керамитовых пластин. Перед глазами промелькнула эмблема на наплечнике. Позолоченный клинок, обрамлённый ангельскими крыльями. Сама по себе она ему ни о чём не говорила, но в голове всплыли неожиданные мысли: «Герб ордена тёмных ангелов? ... Настоящий космический десантник, а это значит, что жить им осталось всего несколько секунд». Сарэфу эти неожиданные знания ничем не помогли, а бояться ещё больше было уже некуда. Заметив его приближение, десантник резко взмахнул мечом назад. Так быстро, что Сарэф, лишь благодаря невероятной удаче, успел пригнуться. Даже при скользком ударе зубья пиломеча в миг содрали пластину бронежилета на спине. Этой секундной заминки хватило Форосу, чтобы накинуться на святого воина Императора, который закрылся от нацеленного под шлем тесака своим пистолетом. И грациозным пируэтом отсек одним движением правую ногу и руку Фороса, а Сарэф встретился с окованной керамитом ногой, удар которой подбросил его до потолка и вышвырнул из всей этой смертельной реальности.

Очнувшись на вибрирующем от шагов полутонного воина полу, Сарэф смог наблюдать лишь калейдоскоп из дыма и окровавленных переборок корабля. Чуть дальше великан отмахивался от выстрелов долговязого пилота как от мух, не прекращая своего натиска. Выпад, пируэт, снова выпад и серия финтов. Сарэф не мог поверить своим глазам: Анарель уходил от каждого молниеносного удара без царапины, изгибаясь и кувыркаясь как змея и при этом продолжая осыпать десантника ворохом мерцающих клубочков, разбивающихся о броню как стекляшки. Тот же, молча наступал, хладнокровно и методично убивая всех остальных одним мимолётным ударом. Сарэф понимал, что они не смогут победить. Даже Анарель начинал уставать и двигаться всё медленнее. Великан же напротив, был неутомим. Несколько очередей по стыкам брони и ничего, даже если Сарэф и попал куда-нибудь, для разъярённого десантника это оказалось несущественным. Поэтому, пытаясь вытерпеть боль от сломанных рёбер и пульсирующей раны на затылке, Сарэф решился на отчаянный шаг. Сбежать он не мог, поэтому просто взял один из мelta зарядов и поковылял к месту смертельного танца. Трудно сказать, осознанная это была жертва, или же акт отчаянного безумия, но пара наёмников под покровом дыма смогла бросить исполина под ноги несколько гранат и повредить тому очередями узлы

сервоприводов, перед тем, как быть уничтоженными парой точных выстрелов даже не глядя. Сарэф метнул в него заряд как раз в тот момент, когда он заносил меч над уставшим пилотом и примагнитившаяся к пояснице взрывчатка издала писк готовности. Бессильный удар кулаком по детонатору. Хлопок. Гигант исчез в облаке раскалённого газа, а взрывная волна отбросила Сарэфа в конец коридора не хуже предыдущего керамитового пинка.

Сколько прошло времени с того момента сказать было трудно, но пожар уже успели потушить, а его самого тащили выжившие бойцы. Судя по относительной их свежести, это ребята из другой группы, которой повезло больше. Голова всё также гудела и кружилась, а сломанные рёбра болезненно впивались в лёгкие. Хромающий и обожжённый Анарель помогал Форосу обкалываться стимуляторами и останавливать кровь, потому что с одной рукой тому это явно не удавалось. Даже выдавшим всякое головорезам становилось не по себе от того количества расчленённых и выпотрошенных тел вокруг, что представало перед ними. Сарэфа самого стошнило пару раз и он не знал кого благодарить за то, что они всё-таки выжили.

– Чего зенки вылупили? Живо в рубку! Анарель, завязывай изображать медикессу, забирай Её и валим нахрен, а то я не доживу до Ванессы.

– Потелпи, немного осталось.

Пилот кивнул безликим шлемом Сарэфу и они поковыляли к свету командного мостика. Внутри свербило от моргания многочисленных экранов когитаторов и аварийных огней. Навигатор трясся в своей люльке под капитанской кафедрой и нашёптывал себе под нос какие-то молитвы. Сколько Сарэф себя помнил, его всегда воротило от всех этих юродивых колдунов и ещё больше от их нечестивого колдовства, хотя и назвать себя истово верующим тоже не мог. Те офицеры, что пережили захват рубки, гордо выстроились в ряд перед пультом управления и сложили свои пистолеты в аккуратную стопку.

– Жалкие пираты! За ваши преступления не видать вам света Императора! Вы...

Завидев пыхтящего Фороса, подпрыгивающего на оставшейся ноге, в дверном проёме капитан осёкся и, как будто, захлебнулся собственной желчью.

– Что, Вандий, думал сбежишь от нас со всем барахлом? Экий ты наивный... ай!

– Такие как вы, недостойны владеть ей! К тому же вы опоздали, её давно уже нет на борту, так что победа за нами!

– Если мы говорим об одном и том же, то понятие «достойны» здесь вообще неуместно, капитан Вандий.

Вклинившийся в разговор, Анарель с расслабленным видом сел за контрольный когитатор и начал что-то очень быстро вводить. Один из четырёх офицеров, тот, что помоложе, сдержанно рассмеялся, глаза остальных округлились и наполнились замешательством.

– Влад? Что происходит?

– Как вы любите выражаться, господин капитан: «служить с вами было большой честью для меня». Нет, серьёзно, таких идеалистов, как вы, мне встречать ещё не приходилось.

– Что? Постой... ты не отправил её с шаттлом? Я же лично вручал контейнер капеллану ордена!

– Ну, в таком случае, вам, пожалуй, не стоит так переживать, я прав?

– Столько лет вместе... поверить не могу! Неужели всё... всё, что между нами было, на самом деле предательское притворство?

По лицу капитана было видно, как бурлит в нём ярость и отчаяние, как бледнеет его кожа в преддверии сердечного приступа. При этом Влад сменил ухмылку на несколько печальный вид.

– Нет, последнее, пожалуй, было настоящим и единственно приятным, дорогой мой старичок, но есть вещи и люди, которым я, всё-таки, верен в большей степени... увы.

Вандия затрясло от переизбытка чувств, а Влад лишь развернулся и пошёл к облокотившемуся об косяк Форосу и помог тому стянуть помятый шлем. Увидев его волчью морду, остальные головорезы тревожно зашептались, а Анарель снял свой и бросил ему.

– На-ка надень, если налезет, а то у тебя из пасти воняет так, что даже дышать невозможно стало.

Как Сарэф и полагал, Анарель не был человеком. Его лицо походило на людское, только более заострено и вытянуто. Жёсткие черты мужчины средних лет с необычно длинными бровями и кончиками ушей, выглядывающих из-под шевелюры густых синевато-чёрных волос, свисающих до поясницы. Но самое главное – это глаза: изумрудные, бездонные, наполненные странной силой и мудростью. Голос внутри пробубнил много чего, но разобрать получилось только одну фразу: «...Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу живого эльдара и сам при этом останусь жив...» Сарэфу вся эта нечеловеческая мерзость и то, что он чудом выжил, было не по душе, но даже так, всё это было лучше его прошлой жизни.

– Всё, Сарэф, мы здесь закончили. Кончай этих и топай на катер.

Глядя на Сарэфа, неуверенно поднимающего пистолет в приступе внезапной внутренней растерянности, старый офицер что-то понял, но просто встал по стойке смирно и посмотрел, задумчиво, куда-то в даль.

– Император защищает!

«Да не усомнимся в свете Его» – раздалось в голове Сарэфа в момент, когда он нажал на кнопку пистолета...

Глава 10

Вы говорите, что Император запретил подобное знание, но вы извращаете его слова. Скорее, он предписывал нам совершенствовать все средства спасти человечество, какие только есть в нашем распоряжении. Наш долг в том, чтобы каталогизировать и использовать чудеса Галактики, а не в том, чтобы прятаться, как робкие дети, за обрывками догм. Вы видите мудрость и принципы – я вижу лишь пустые послания, написанные слабым человеком, который пытается контролировать то, чего не понимает

Инквизитор Хелинна Валерия, незадолго до экстерминатуса планеты Кавлок.

Дыхание далёких звёзд

Пустота... Холодная, чёрная и ... бескрайняя. Здесь не было ни звуков, ни запахов, только тягучая, ледяная чернота. Её тесные объятия длились так долго, что Сарэф был уже готов на что угодно, лишь бы почувствовать хоть что-нибудь кроме этого. И вот, непроглядный мрак сменился слепящим белым светом люминисфер, усеивающих потолок незнакомого помещения, похожего на жилой отсек какого-нибудь вельможи.

Среди роскошно обставленных интерьеров, переполненных имперским декадансом, стояла молодая женщина в просторном бархатном платье, расшитым золотой и серебряной нитью. Её смоляные волосы были наполовину выбриты, открывая взгляду контакты для целых пучков кабелей, входящих в височную и затылочную часть татуированного черепа.

Утончённые руки женщины держали позолоченный переносной инкубатор, слегка покачивая его и прижимая к груди. Она пристально вглядывалась через смотровое стекло и робко улыбалась... очень красиво улыбалась.

Сарэф не мог пошевелиться, как ни старался, поэтому вынужден был просто наблюдать. Сколько он себя помнил, ему ещё не приходилось ощущать нечто подобное. Нет, ему, конечно же, снились сны, но совсем не такие яркие и детальные.

Вдруг ему жутко захотелось чихнуть и шум разнёсся по огромной зале, как эхо гиганта. Женщина испуганно стала вглядываться в то место, где стоял Сарэф, но по её глазам явно читалось, что никого она там не видит, однако заинтересованности в ней сей факт не убавлял. Женщина осторожно обошла хрустальный подсвечник в человеческий рост и посмотрела парализованному Сарэфу прямо в глаза. Её ладонь прошла прямо сквозь его лицо и та задумчиво отвернулась.

Едва различимые шаги в дальнем коридоре становились всё отчетливее и несли с собой необъяснимую тревогу. Женщина прижала инкубатор сильнее к груди и с решительным видом поспешила в противоположный сводчатый проём. Сарэф смог лишь проводить её взглядом, встретившись, почти вплотную, со своим отражением в огромном роскошном зеркале.

Было как-то странно... словно не он смотрит на себя в зеркале, а тот, другой, с мерцающими золотом глазами сверлит его обжигающим взглядом.

Первобытный страх стал подниматься из глубин разума подобно уровню воды в затапливаемой каюте. Сарэф широко распахнул глаза, когда отражение, само по себе, ухмыльнулось уголком рта и хотел было закричать, но снова провалился в бездонную тьму...

* * *

Мир постепенно заполнялся монотонным гудением, бегущим по металлическим переборкам как отзвуки далёкого водопада, приносимые ветром. А лениво разлипающиеся веки открывали взору медленно проясняющиеся очертания аскетичной общей каюты, освещаемой лишь налобным фонарём какого-то мужчины. Низкорослая, но коренастая фигура копалась в электросхемах под напольной панелью. Широкие плечи, неестественно густая и пышная, заплетённая в тугие косы, борода до колен.

Несмотря на чрезвычайную увлечённость пайкой, мужчина заметил краем глаза начавшееся ленивое копошение неподалёку.

– О! Глаза продрал уже?

– Что? Ах, прости, я долго спал?

– Да нет, эй-эй, погоди! Куда так резко встал! Ты ж поломанный... был, вроде как.

Сарэф ощупал своё тело под повязками, но ничего более обычных синяков и ссадин не обнаружил.

– Наверное не так уж и сильно.

– Это хорошо, сможешь мне значица. Цапай распределитель и прижми к обводному коннектору.

Сарэф никогда не был на обучении у механикумов, но кустарные умельцы из его армейского прошлого иногда привлекали к работе и он, в общих чертах, хотя бы мог предположить, что из всего того хлама, разбросанного по полу, мог иметь ввиду мужчина. Запахло жжёными полимерами.

– Не дурак, это радует, пригодишься значица.

– Мы всё ещё летим?

– Не заставляй меня думать, что я поторопился с выводами, парень. Сколько по-твоему нужно дышащему на ладан варп-приводе, чтобы перетащить мою старушку через пасть?

В этот момент перед Сарэфом промелькнули воспоминания о последних событиях: их шайка горе-пиратов, точнее её окровавленные остатки, после налёта на грузовое судно отправилась к самой крайней точке системы, где в центре огромного газового облака скрывался под маскирующими полями совершенно необычный корабль. За всё время он не видел ничего похожего. А повидать он успел немало. Вытянутое на десяток километров узкое судно расширилось к носу в виде шляпки многочисленных отсеков передней части, придававшей кораблю вид диковинного гриба. Все детали корпуса выглядели так, будто их грубо высекли из камня и не нанесли ни одного священного символа. Немедля ни мгновения, судно перешло в варп как только их шлюпка влетела в стыковочный ангар и почти весь отряд погрузили на медицинские каталки.

– Я Сарэф... просто Сарэф.

Мужчина не сразу ответил на рукопожатие своей мускулистой натруженной рукой, по сравнению с которой, рука Сарэфа походила на девичью.

– А моё имя, мил человек, ты не выговоришь и во второй раз, неужели не помнишь? Адвальд Дагергуст, последняя надежда для моей развалюхи. Мы с тобой вчера разговаривали, ты правда весь хмурый ходил как туча, болело небось всё, а теперь вон лыбишься.

– Правда? Я совсем не помню...

Память Сарэфа была похожа на бесплодные пустыни Эндрита и пыталась нащупать вертящееся на поверхности слово, но постоянно упускала.

– Ты же... к... арлик?

После этих слов сначала могло показаться, что мужчина собирается разразиться наигрязнейшими ругательствами, какие только могли быть созданы, но, в последний момент выдохнул.

– Фу как некультурно, молодой человек, я скват! Самый что ни на есть! Чистокровный. А не вот это унижительное прозвище. Откуда вообще словечки такие берутся? Ух!

– Прости, прости, я не хотел... просто ходят слухи, что вы все...

– Съедены? Ха! Как бы не так! Мы костлявые и невкусные. У нидов случилась изжога, чтоб их! И я прямое тому подтверждение! Видал какой рубец? Это от их злобучей кислоты!

Адвальд раздвинул бороду и рубаху под ней, обнажив обезображенную, как смятый лист бумаги, кожу на груди и животе.

Волна неприятной вибрации прошла по корпусу с лязгом незакрепленных деталей и они оба застыли в ожидании тревожной сирены, но ничего не произошло.

– Вот те на! Пошли-ка быстро, Сарэф, подсобишь кое с чем!

Побросав все свои инструменты, скват так резво побежал на своих коротких ногах, что Сарэф еле успевал за ним и запрыгнул в транспортный модуль прямо перед закрытием створок.

– А что случилось то?

– Надеюсь ничего. Если мы задели шторм, то это будет крайне немилосердно со стороны бедолаги Бревиса.

– Почему ты его так называешь?

Секунду Адвальд смотрел на Сарэфа снизу с вопросительной миной.

– Ах, ты же с ним не знаком ещё. Как увидишь, сам всё поймёшь.

Когда створки транспорта разъехались, стало понятно, что они находятся прямо под командной рубкой. Пучки кабелей и труб ветвились вдоль стен как корни старого дерева и странное чувство чего-то очень знакомого почти захлестнуло Сарэфа, хотя он не мог припомнить, чтобы раньше спускался в подобные места. В техническом коридоре, по решётчатому потолку которого то и дело топали сапоги и доносились оживлённые перекрикивания экипажа было душно от перегретых электросхем, но Сарэф неустанно следовал за семенящим Адвальдом и мельком взглянул в панорамное окно мостика, открывающее замыленный вид на пульсирующие, переливающиеся всеми возможными цветами вихри энергии и туманностей. Завораживающая картина. «Как только навигаторы могут хоть что-то разобрать во всей этой мешанине?» Одно его успокаивало. Поле Геллера работало исправно. В противном случае экипаж имел бы заметно большее ускорение, если бы каким-то чудом ещё был жив.

– Вот! Держи фонарь, а то не видно нихрена с тех пор, как разбили проецирующий кристалл.

Адвальд стал быстро водить своими толстыми пальцами по приборной панели в стене и на ней стали мигать разным цветом группы символов и технической информации, о которой Сарэф не имел представления.

– Аксис... Аксис, твою мать! Ты там сдохла что ли?

– С кем ты разговариваешь?

– С кем, с кем. С дурой этой!

Адвальд указал на потрескавшуюся гладкую панель в стене, которая быстро моргала плохо различимыми образами. Внезапно раздался дребезжащий и искажённый статическими помехами женский голос.

– Ваши оскорбления, господин Дагергуст, не способствуют оптимизации процесса. Введите запрос...

– Доломать тебя надо, а не запрос! Запускай диагностику.

– Сбор данных... многочисленные дефекты корпуса в секторе 2, нарушение работы вспомогательного энергоконтура.

– Эт я и без тебя знаю, с ходовой что?

– Сбор данных... признаки повторного неавторизованного вмешательства в работу главного двигателя. Сброс энерго уровня, до минимального. Органические формы жизни в реакторном отсеке.

– Ох, будь они неладны! Только этих паразитов вывели. Всё, Сарэф, потопали в реакторную. Конец диагностики.

– Диагностика завершена.

Перед тем как погаснуть, панель ещё раз моргнула и выдала комок смешанных звуков, в котором Сарэфу показалось, что он услышал «Сам дурак!».

– Это был дух корабля?

– Самый сварливый дух, какой только можно найти.

– Но как? Непосвященные же не могут общаться с ними. Механикусы же...

– Знаю, шестерёночки те ещё мутные типы, но этот корабль сам умеет говорить, и вообще она очень болтлива и надоедлива, заранее предупреждаю.

Сарэф так ничего и не понял, но, раз такое спокойно воспринимается, решил не волноваться. Они вдвоём забрались на скоростной палубный транспортник и всего через минуту оказались у массивных стальных ворот реакторного отсека. Трёхметровые створки с резьбой в виде гигантских морских чудовищ медленно и с гудением разъехались в стороны, как только Адвальд приложил к замку свой медный перстень. Группы снующих туда-сюда сервиторов, по своему обыкновению, не обращали на них никакого внимания. За воротами открылся вид на исполинских размеров галерею, состоящую из рядов многометровых плазменных генераторов, которые слепяще ярко светились, после полумрака других помещений. Их гул заставлял вибрировать все внутренности, а каскады статических молний словно так и норовили превратить их в горстку пепла посреди гранитной дороги. Почему-то именно в этот момент Сарэф подумал, что, возможно, его мечта стать пустотоплателем действительно может осуществиться. Неожиданно Адвальд протянул ему ручной фонарь.

– Два зуба даю, что ты ещё не слышал об «Умбрах», поэтому поверь на слово, нет во вселенной ничего, чего бы они боялись больше света.

– Я... слышал кое-какие рассказы в доках, от случайных прохожих и в забегаловках, но считал, что это байки, не более.

Скват удивлённо приподнял свою густую правую бровь, почти плавно переходящую в левую, на что Сарэф довольно ухмыльнулся.

– Не бойсь, мне зубы твои даром не сдались.

– Дык, едрить! Это было просто выражение такое, дурень.

Короткий смешок несколько разрядил обстановку.

– Короче, не знаю как их звать правильно, но эти хероборы любят варп приводы сильнее, чем ты свою мамку, поэтому прогнать их очень трудно, но они, сука, липнут к приводу и сосут энергию. В остальном безобидные, главное не злить их.

– Никто, из встреченных мне ранее, не называл их безобидными...

– Так ясное дело, когда ты видишь непонятную такую штуку у себя на корабле, то, первым делом, угостишь парочкой-другой лаз – зарядов. Ничего удивительного, что они отвечают. Сам лично видел, как они выпотрошили двоих матросов их собственными тенями. И даже не спрашивай меня как такое возможно.

Сарэф не стал спрашивать и лишь крепче сжал фонарь. Помещение варп-двигателя оказалось странным. Вместо просторной кельи с высоким сводчатым потолком, он обнаружил компактный отсек без единой росписи или печати механикуса. Привычным было только обилие толстых кабелей, беспорядочно разбросанных по полу, словно лианы на его родном мире. Все кабели сходились в центре и оплетали клубком громоздкую сферическую конструкцию, под стальными рёбрами которой, в разных плоскостях, вращались кольцевидные контуры. Сколько Сарэф себя помнил, его всегда восхищали чудесные творения жрецов механикуса, больше похожие на колдовство, нежели на то, что можно познать человеческим разумом. Тусклый свет, то и дело гаснущих светосфер, нагонял неприятные мысли.

– Всё, теперь тише, парень. Обходи привод с другой стороны и будь готов, по команде, светить прямо на чёрную херобору, размером с голову. Ни с чем не спутаешь.

Сарэф кивнул и начал приземистым шагом двигаться вокруг невероятного агрегата. В постоянно моргающей игре теней было трудно ориентироваться, но описанное Адвальдом нечто действительно выделялось. Идеально гладкая чёрная сфера, напоминающая полированный оникс в суспензорном поле, совершенно бесшумно висела в воздухе, не реагируя на окружение. Сарэф уже направил фонарь на сферу, как заметил странное шевеление слева от себя. Мрак плохо освещённых углов словно клубился и дышал. Каждая, даже самая малая, тень на полу, на потолке, на стенах, на одежде... Шевелилась и жила своей жизнью. Его собственная же и вовсе стала изображать совсем другие движения, нежели он производил. Она где-то раздобыла нож и направила к собственному горлу. Сердце заколотилось бешеным темпом и он не выдержал, включив фонарь в её направлении. Тень исчезла, но на горле остался тонкий порез и в этот момент Сарэф начал думать, что сходит с ума. Поверить в байки оказалось куда труднее, чем казалось поначалу. В этот момент Адвальд направил свой фонарь прямо на сферу с яростным криком.

– Не стой столбом! Свети или сдохнешь!

Сарэф поборол дрожь и последовал примеру сквата, поймав лучом фонаря начавшую метаться с, неизвестно откуда доносящимся, утробным рокотом сферу. Перекрестьем лучей её удалось отогнать к краю реакторного помещения и даже этого хватило, чтобы энергоядро «вздохнуло» с облегчением. Удар массивным кулачищем сквата по главному рубильнику перезагрузил систему и весь отсек словно ожил ото сна. Светосферы вспыхнули в полную силу. От этого умбра завывала ещё громче. Сначала Сарэф решил, будто она исчезла и прикрыл от яркого света глаза, чтобы разглядеть. Адвальд успел только предупредительно взвизгнуть «Не!...». Едва Сарэф поднёс ладонь к бровям, как резкая боль в правом глазу чуть не сбила его с ног. Ощущения были такие, как если бы кто-то разодрал ему всю правую половину лица в попытке зацепиться и выбраться из глазницы. Собственный крик заглушил даже гул генераторов, а ладони стали мокрыми от крови. Нечто всё ещё копошилось в глазнице, пока Адвальд не упёр луч своего фонаря прямо Сарэфу в лицо.

– Вот же ж паскуда! Держись, парень! Я везде выкрутил освещение на максимум, эта тварь умчалась в самый тёмный угол, если не сдохла, конечно. Сенека тебя подлатает, не переживай, для неё это царапина.

От боли у Сарэфа сводило челюсть и он не мог даже выругаться. Просто надрывно мычал. Коренастый Адвальд легко перекинул, держащегося за окровавленное лицо, парня и потащил обратно к транспортнику. Минуты пути показались Сарэфу вечностью. Шумы, голоса, все звуки смешивались в кашу.

– Где это его так угораздило? Что случилось?

– Умбра... Умудрилась напасть на него прямо из его зрачка... Не ожидал я такого.

– Ну пророком ты не был никогда, так что лучше помоги и привяжи его... Боги, только недавно же восстанавливала! Такими темпами парнишка здесь долго не протянет.

– Будет тебе, Сен. Ну поцарапался чутка, с кем не бывало, у тебя самой то уже...

– Заткнись.

– А-а-а! А-а-а!

– Вот дерьмо! Эта падла распидорасила ему весь зрительный нерв... А у меня нет таких длинных коннекторов.

– Могу попробовать удлинить...

По мере того, как всё больше препаратов поступало в кровь, голоса и образы становились всё более расплывчатыми и Сарэф окончательно потерял связь с окружающим. Даже отвратительное копошение холодными инструментами в его ране уже отошло на второй план и он провалился в пучину, наползающих как снежный ком, причудливых образов.

* * *

Горячий сухой ветер трепал волосы как изорванный стяг. Его жаркие потоки иссушали губы, кожу и глаза до состояния потрескавшейся корки, коей стала почва вокруг, а вихри, поднятого ветром, песка больно хлестали по любому открытому участку кожи и готовы были её содрать.

Посреди всего этого, казалось, невозможно существовать чему то живому и красивому, но Сарэф наткнулся на ростки самого настоящего цветка. Алые бутоны издевательски легко колыхались в песчаной буре и манили. Приблизившись, он заметил и другие такие же. Целая поляна невероятных для такого места растений, цветущих не хуже чем в тропиках. Однако, любованию не продлилось долго. Меж листьев Сарэф задел рукой за что-то острое, но вместо камней обнаружил белёсые обломки костей. Множества костей, без сомнения человеческих, коими поляна была усеяна в изобилии. Вся эта лужайка оказалась огромным похоронным венком для невероятных размеров братской могилы. От этого у Сарэфа перехватило дыхание, несмотря на то, что он, когда-то, уже был на войне.

«Что это за место? Похоже на Эндрит, но там ничего не растёт, кроме колючек». Впереди, за стеной жёлтой пыли, промелькнули человеческие образы. Сарэф осторожно приблизился и замер от замешательства. Посреди мелкого поселения из глиняных домиков разворачивалось нечто противоестественное и сумасшедшее. Группа людей в ветрозащитных плащах пинками и тычками прикладов сгоняла полуголых жителей в кучку. Тех, кто сопротивлялся били ещё сильнее и тащили за волосы из хижин. Сарэф узнал в их руках «хэллганы» гораздо более мощное оружие, нежели то, чем он владел в армии: усовершенствованные фокусирующие трубки, соединённые толстым кабелем с батареей на спине могли выдавать непрерывный лазерный луч, способный располосить даже лёгкую бронетехнику. Такие выдавали только элитным бойцам из штурмовых подразделений гвардии.

Несколько человек в плащах нараспев читали некий текст с гравированных табличек. Ни слова разобрать не удалось, но внутри всё холодело. Среди всей вооружённой толпы особенно выделялось двое: богато разодетый и явно не вписывающийся в общую картину тип походил на знатного аристократа, который всем своим видом показывал гордость за происходящее и закованный в облегчённый и уменьшенный, под обычного человека, вариант силовой брони мужчина с жёсткими чертами лица. Голос второго подходил ему своей грубостью. На фоне ветра был почти металлическим.

- Что ж, господин Кул, смею заметить, вы меня приятно удивили своими талантами.
- Не зря же вам меня рекомендовали. Осталась всего пара деталей и мы начнём.
- Только в этот раз, надеюсь, вы, в отличие от своего предшественника, знаете что делать с этим маяком.
- Конечно, я знаю! Я хранитель знаний или торговка с базара?
- Довольно! Мне нужны факты, а не очередной испорченный «маяк».
- Мы проводили тесты на «компасах», которые вы нашли и выяснили, что они реагируют только на поражённую кровь. Местные жители достаточно долго находились рядом с маяком, чтобы их тело стало более восприимчивым к заражению.

Аристократ осмотрел каждого из пленников и подозвал одного из солдат к себе. Тот приволок трясущегося и бормочущего что-то, на своём наречии, себе под нос мужчину. Его смуглая кожа выглядела как истёртый пергамент, а глаза словно заволокло туманом.

Видя такие подробности в условиях песчаной бури, Сарэф осознал, что приблизился слишком близко, но окружающие совсем не обращали на него внимания, поэтому он предположил, что это очередной его странный сон.

Тот, что в силовом доспехе, непринуждённым движением поднял несчастного и стал рассматривать, наподобие подопытного животного. В этот самый момент один из солдат стал озирается по сторонам и, даже, на какое-то время задержал взгляд на том месте, где стоял Сарэф.

– Что такое, Орэлл?

– Просто показалось, сэр! Ветер...

Секундной заминки хватило сухощавому мужичку, приподнятому над землёй, чтобы, на удивление резво извернуться и припустить со всех ног от настолько дурно пахнущего мероприятия. Далеко, однако, он убежать не успел. Короткий всполох голубого луча повалил человека лицом в песок с, пронзающим слух, визгом боли.

Никаких комментариев не последовало. Солдат повторно приволок уже обмякшее от болевого шока тело и отошёл с оружием на изготовку.

Аристократ склонился с ножом в руке над быстро и поверхностно дышащим человеком, чья чёрная обугленная рана на груди всё ещё дымилась и источала вонь жжёного мяса.

– Вы позволите?

Бронированный кивнул, протянув в керамитовой ладони нечто, напоминающее серебряную брошь. Аристократ расковырял обугленную рану ножом так, чтобы оттуда стала сочиться кровь и затолкал брошь внутрь, преодолевая возобновившиеся визги и конвульсии мужчины.

Больше минуты все просто стояли и пялились на ставшее бездыханным тело мужчины, пока тот внезапно не обрёл посвежевший вид и не вскочил, осматривая всех кристально ясными глазами. Те двое, что сделали это с ним, явно не были удивлены, в отличие от солдат, которые, несмотря на их явный опыт и выучку, замешкались на несколько ударов сердца. За это время мужчина успел добраться до одного из бойцов, пригнувшись от очереди и голыми руками разделил штурмовика на две части. Ворох последовавших лучей лишь остеклил песок. «Этого не может быть! Человек физически не способен так быстро двигаться!»

Сарэф даже не успел понять как так произошло, но в следующую секунду мужчине преградил путь человек в силовом доспехе и ударил бронированным кулачищем с такой силой, что грудная клетка шуплого человека сплющилась, а сам он отлетел на десяток метров.

Никто бы не выжил после такого, но мужчина почти сразу встал, а его грудь с хрустом восстановила форму. Сарэф ошеломлённо смотрел на всё это и не мог поверить. Правда в этот момент смертельный танец уже лаконично закончился. Несколько лучей прожгли мужчине живот насквозь, а другие мгновенно отсекали конечности, оставив обрубок туловища трепыхаться на оплавленном песке.

Человек в броне, не торопясь, взял то, что осталось от мужчины, за волосы на уцелевшей голове и под восторженные возгласы аристократа потащил куда-то в сторону.

– Ох! Это восхитительно! Какая интенсивность интеграции, какая глубина!

– Надеюсь ваше ликование оправдано, Кул, ибо я начинаю терять терпение.

– Не сомневайтесь, в этот раз всё точно просчитано.

– Для вашего же блага...

Вся процессия направилась к яме на некотором отдалении от селения. Яма оказалась разрытым вручную карьером с чем-то очень странным на дне. Будто бы здоровенный кусок чёрного мрамора обтесали в форме трёхгранной пирамиды и отполировали до идеального блеска.

Бронированный швырнул обрубок мужчины на дно, но тот, к ещё большему удивлению Сарэфа, стал мельтешить маленькими, заново отрастающими руками и ногами. Златовласый вельможа спустился к нему и воткнул в район солнечного сплетения металлический штырь, искрящийся тонкими электрическими дугами, после чего, с торжественным видом, достал вычурный кривой нож, больше напоминающий коготь кошмарного зверя. Уверенное, короткое движение и из горла парализованного «обрубка» заструилась алая кровь, забрызгавшая одну сторону пирамиды.

Всего через секунду мрамор тускло засветился символами, которых Сарэф никогда раньше не видел. Они словно извивались и перепрыгивали с места на место, отчего у него начиналось тошнотворное головокружение, а всё усиливающийся звон придавливал к земле даже всех этих бывалых вояк вокруг. Даже сквозь настолько пронзающий шум стали доноситься крики. Всё больше. Сарэф уже ничего не видел. Только леденящие душу возгласы, а затем мощный хлопок и ударная волна...

* * *

– Ооох... За что мне это?

Помещение медотсека было типичным до такой степени, что Сарэф даже не сразу вспомнил, где находится. Правая половина лица болезненно пульсировала и оказалась туго перевязана. Попытки встать не привели ни к чему, хотя он чувствовал себя вполне сносно. Лишь порываясь ещё немного, Сарэф, наконец, понял, что прикован ремнями к кровати.

– Эй, есть здесь кто нить? Чё за ботва, народ?

– Смотрите – ка какой громкий.

Мелодичный женский голос раздался раньше, чем из-за ширмы выплыла фигура. Проморгавшись левым глазом, Сарэф разглядел только бесформенный серый столб и лишь мгновение спустя понял, что это защитный комбез. За респираторной маской лица было не разглядеть, но и без этого было понятно, что перед ним не человек. Руки были слишком подвижными, чтобы иметь кости и, как оказалось, их было больше двух. Но самое странное, это был голос... Он был настолько чистым и совершенно непонятно откуда он доносился. Будто бы отовсюду сразу, даже из него самого.

– Твой страх естественен для человека, не покидавшего оккупационную зону.

– Чавось?

– Ах, ну да, у вас там принято считать, что вы живёте на родных мирах, коими законно владеете и стойко обороняетесь от жестоких «чужих»... прости, я редко встречаю имперцев.

– Я всё ещё не въезжаю...

– Из-за травмы и наркоза, могут быть проблемы с восприятием, нужно тебя проверить. И можешь звать меня «Ванесса», вашему виду так комфортней контактировать с другими индивидами.

Существо провело гибкими руками по активационным рунам нескольких аппаратов рядом с кроватью и принялось изучать выдаваемые ими данные на голопроециях.

– Э, я чёт не понял, ты меня крайним хочешь сделать в каких-то тёрках?

– Уровень стрессовых метаболитов выше нормы на 22%, видимо по причине плохой анестезии. Твоё сознание не отключалось полностью вне зависимости от дозировки, словно... У тебя их два... Хм... Нет, при подобных расстройствах психики гармоника потенциалов мозга асинхронны. Спишемся на индивидуальную непереносимость.

Крепления на руках и ногах исчезли и Сарэф смог сесть.

– Мы... всё ещё в варпе?

– Нет, когда вы с Дагергустом восстановили питание пси-привода, корабль смог вернуться. Подробности рекомендую узнать на мостике, я в их дела не лезу.

– Ясно... А Форос, выжил? У него ко мне должок.

– Представители его вида обладают довольно высокими показателями клеточной регенерации, так что я бы за него не беспокоилась.

Сарэф хотел было спросить про одежду, но успел найти стопку своего тряпья под кушеткой. То, что назвалось Ванессой, удалилось обратно за ширму и он совершенно не собирался выяснять чем оно там занимается.

От медотсека до бортового транспортника вёл длинный аскетичный коридор, украшенный только барельефом поверх металлических стен. Непривычно ополовиненное поле обзора не позволило вовремя заметить сервитора – машиниста и его дёрганные движения рефлекторно были восприняты Сарэфом как опасность, отчего он едва не вывалился из пассажирской кабины.

– Пункт назначения...

Скрипучий голосовой динамик, вместо рта, выдал монотонную фразу, от которой Сарэф даже поёжился. Сколько он себя помнил, привыкнуть к ним, у него не получалось.

– Командный мостик.

Транспортная платформа с гулом двинулась по плохо освещаемому тоннелю и Сарэф начал размышлять, почему его вообще взяли на борт и о том, что карьера пустотоплывателя не задалась как-то с самого начала.

То, что он, поначалу, принял за лязганье деталей транспортника, оказалось накатывающими волнами шёпота, будто бы разносящегося многократно повторяющимся эхом по тоннелю. Обрывки слов накладывались друг на друга и давили на слух какофонией звуков.

– Опять ломка... Грёбанная колымага, катись быстрее!

– Повышение скорости не предусмотрено конструкцией.

– Ещё ты, сука, мне на ухо бубнишь.

Из другого динамика послышался голос Аксис:

– Психологическая матрица сервитора не имеет паттернов эмоционального восприятия, господин Сарэф. Ваша агрессия не может изменить управляющие алгоритмы.

– Да заткнись ты!

– Советую обратиться в медотсек за психологической помощью.

– Заткнись!

Уткнувшись лбом в сиденье и заткнув уши, он, всё-таки, доехал до мостика. На главной палубе даже самые навязчивые глюки перебивались стоявшим здесь ором. В перепалке участвовало трое: высокая человеческая фигура в просторных одеяниях и неопределённого пола, странная женщина со смуглой кожей и множеством механических вставок, превращающих её в живую мозаику и Форос, обзаведшийся новыми металлическими конечностями. Все они, активно жестикулируя, создавали такой шум, что, возможно, даже стопорили вербальную коммуникацию на мостике.

– Ну давай, скажи ещё, что я сама зашла и переключила ограничители, не засветившись ни на одном датчике. Я что, по-твоему, призрак?

– Эм... Ну вообще-то да.

– Я «газообразная форма жизни», Сен, как ты сама меня называешь, а для того, чтобы сдвинуть рычаги на контрольной панели нужно что-то посильнее дуновения ветра.

– Ну, а сбой аппаратуры? Почему вы так уверены, что с железками всё в порядке?

– Потому, дорогой мой пушистый друг, что элементы механического управления не сдвигаются при вылете электронных схем.

– Ладно, когда это произошло?

– Практически сразу, как «Юрика» перешла на дрейф...

Заметив Сарэфа, троица молча стала разглядывать уверенно направляющегося к ним парня с перевязанной головой.

– Это ещё кто?

– Просто человек с пограничной станции. Я нанял его для вылазки. Это он спас мою шкуру. Глядишь сгодится.

– А, вспомнила, я его оперировала, подранок тот, ещё всё думала, почему его раньше не видела...

Как только Сарэф приблизился на расстояние вытянутой руки он стал сурово втыкать пальцем в кожаный жилет Фороса каждое своё слово.

– Я... чуть... не сдох... А теперь... у меня... ломка! Знаешь, сука, как меня кошмарит! ...И я... требую платы!

Морда Фороса оскалилась и можно было предположить, что он зол, но для этого его поза была скорее нервной, нежели агрессивной.

– Хотя ты и мелочен, но ты заслужил. Не думай, что я не держу своего слова.

В руку Сарэфу упал маленький электронный ключ.

– Аванс там, остальное после завершения всех дел, в ближайшем порту.

«Хоть какая-то действительно радостная новость за всё это время». Сарэф с нескрываемым удовлетворением направился к своему ящику и услышал в след лишь:

– У тебя 14 часов, насладись платой, потом сбор!

«Уж в этом не сомневайся».

* * *

Холодная, почти ледяная, вода бежала по мраморным желобкам среди густой тропической растительности и Сарэф с упоением набирал её в ладони, чтобы попить и освежиться. Мягкий жёлтый свет неизвестной звезды ласкал кожу тёплыми лучами, а многообразная живность вокруг наполняла воздух мелодичными звуками. Любуясь на собственноручно возведённый сад, Сарэф не мог скрыть своего восхищения. Какая же, всё-таки ему улыбнулась удача несколько лет назад встретить Фороса и его компанию. Вместе с ними он побывал в стольких местах, столькими богатствами овладел, что ему даже захотелось остепениться с одним замечательным представителем его бывшей команды. Смотритель бортовой вентиляции по имени Кан. Они так сблизились, что уже не смогли жить друг без друга и вот прямо сейчас, он готовит вкуснейший ужин, а ночью... Гм...

Впрочем, его до сих пор не покидала мысль, что их счастье возможно только здесь, далеко за пределами его старой родины – империума. Там их бы преследовали только потому, что Кан не похож на стандартного человека. Там почему-то решили, что те, у кого больше конечностей или органы устроены по-другому не достойны счастья и даже права на существование. Что уж говорить о таких как Осма, Форос, или, тем более, Вин'аар. Хорошо, что он с Каном поселился здесь.

– Эй, ты всё ещё копаешься? Да сколько можно?

Кан мягко обнял Сарэфа своими раздвоенными на уровне локтевых суставов руками. От него пахло специями, пробудившими в Сарэфе дикий аппетит.

– И правда, пошли домой, что-то я увлёкся. Зато смотри какой сад получился.

– Ты чего несёшь, Сар? Какой нафиг сад?

В этот момент Сарэф перестал понимать происходящее. Действия и интонация голоса Кана, говорили о том, что он в недоумении, но его лицо продолжало излучать теплоту и заботу. Потом он и вовсе ощутил, словно его окунули в бочку с водой прямо посреди дорожки.

Вытащив голову из воды, он уже не чувствовал тёплых лучей и пения птиц. Мир снова стал сплошь металлическим с рядами тусклых ламп и здоровенными вентиляторами в два человеческих роста. Прямо над ним нависал Кан с обеспокоенным выражением лица.

– Ты специально ввёл себе два деления, вместо одного?

– Ага... Хахах!

– Ох, ладно, поднимайся давай, у нас дел полно.

Сарэф чувствовал себя слишком легко, чтобы думать в принципе, не то, чтобы о каких-то делах и с дебильноватым видом игриво лизнул Кана за ухом.

– Какие дела? Мы же собирались хорошенько развлечься.

- Так я об этом и говорю! Ты уже бывал в трюме?
- Неа! Хахах! Ты чего такой сурьёзный, Кани?
- Меня просто уже отпустило...немного.
- На! У меня осталось.
- Хочешь опять вытаскивать меня из мусорокомпрессорной?
- Эм, не... Я тогда провонял.

Вдвоём они прошли по просторному вентиляционному тоннелю, обдуваемые свежоотре-генерированным воздухом, который за сотни циклов уже почти ничем не отличается от затх-лых болотных испарений. Каждый их шаг разносился по шахтам гулким металлическим эхом.

- А чего мы забыли то? В... ха-ха, ну в этом... трюме в этом?
- О-о-о... хахах! Увидишь!

Лукаво подмигнув, Кан исчез в люке под напольными решётками. Винтовая аварийная лестница, оплетающая железный столб, тонула во мраке и где-то внизу раздавалось шипение скользящего по столбу Кана. Опьянение отодвинуло любые опасения на задний план, поэтому Сарэф, немедля ни мгновения, обнял холодный столб и сиганул следом. Через минуту руки уже стало жечь от трения и Сарэф с благодарностью встретил возобновившийся ляг под ногами.

Дежурные огни в трюме светили ещё унылее, хотя, казалось бы, куда уж больше.

– Знаешь, Кани, хоть я и под кайфом, но, тем не менее, догадываюсь, что содержимое трюма, не совсем наше дело. И, чувствую, капитанша будет злючая-злючая.

– Да брось, сейчас будет весело, обещаю.

Коридоры грузового отсека почти ничем не отличались от остального убранства корабля, только спящие ячейки охранных турелей и боевых сервиторов попадались особенно часто и угрожающе мигали красными огоньками. Памятуя о недавней мясорубке на грузовом челноке, Сарэф резко протрезвел.

– Знаешь, не самое подходящее место для развлечений.

– Вон, смотри!

Кан указал на массивные алмазные ворота в конце коридора с множеством преду-преждающих знаков.

– Ты совсем уже? От нас мокрого места не останется?

– Я тоже так думал, но меня так влекло туда... сам не знаю... будто за руку тянули и, на днях, я обнаружил вот что.

Кан уверенно подошёл к сканерам ворот и те тихо затрещали машинным кодом, после чего одна из створок медленно стала отъезжать в сторону. Сарэф всё ещё стоял столбом и не находил подходящего комментария. Происходящее казалось чем-то неправильным и опасным, но химическое легкомыслие взяло верх и они со смешками проскользнули внутрь. Ни одна охранная система не реагировала.

– Гляди!

В центре заставленного аппаратурой помещения возвышалась стальная конструкция, оплетённая проводами, а на вершине поблёскивало что-то чёрное, похожее на полированный и огранённый камень.

– Что это за хрень?

– Хотел бы я знать...

– погоди, что ты делаешь?

Кан что-то нажал на одном из агрегатов и у Сарэфа на секунду потемнело в глазах. Кровь стала приливать к голове и болезненно стучаться в висках. Самому Кану тоже стало нехорошо.

– Что ты, мать твою, только что сделал?

– Не знаю, мне... Просто захотелось...

– Валим отсюда!

Броне дверь за ними автоматически закрылась как только они покинули помещение. Они бежали не оглядываясь до самого отсека с каютами и лишь там поняли, что странные неприятные ощущения уже давно прошли. Мимо них по коридору в этот момент проходил Форос, полумеханическая женщина и ещё несколько незнакомых людей.

– Чего это с вами? Будто увидели Сенеку без одежды.

– Э-э-й!

Металлический манипулятор Сенеки крепился к пояснице как хвост и поэтому, совершенно неожиданно, отвесил Форосу приличный подзатыльник.

– Полегче! Самой же зашивать.

– В этот раз не буду!

Пропустив всю процессию вперёд, Форос потёр затылок и косо посмотрел на хихикающих вперемешку с одышкой парней.

– Короче, как тебя там? Сарэф, вот. Иди в арсенал, снаряжайся и жди в ангаре, а тебя, Кан, ждёт Адвальд. Говорит закоротило где-то. Всё, живет торчки, шевелите булками!

Что произошло и зачем ему вооружаться Сарэф предпочитал не спрашивать. Так уж заведено у пиратских шаек, да и он здесь никто, чтобы перед ним отчитывались. Главное доля в добыче есть и работа интересная. Поцеловав Кана, он поспешил к транспортнику.

Арсенал располагался впритык к ангарному отсеку из, видимо, привычного для пиратов убеждения, что их самих абордаж не коснётся. И в нём, как обычно, было людно. Хотя это вряд ли подходящее слово для сборища нелюдей и мутантов всех сортов, чисто номинально похожих на людей. Прямо перед Сарэфом в очереди стоял здоровенный бугай, чья голова крепилась к массивному телу кожно-мускульным мешком, отчего тот был похож на жука. К выходу же, танцующей походкой, плыл Анарель, поглаживая в руках своё странное и изящное оружие.

– An'yegal kheila mensha neyad!

Эльдарский язык казался Сарэфу очень странным и совершенно чуждым, что вводило его в замешательство, ведь каждый раз, когда он сталкивался с Анарелем на палубе, его слова отзывались внутри чем-то знакомым, хоть смысл и был непонятен.

Бугай тоже получил своё оружие: нечто похожее на самозарядное полевое орудие, которое Сарэф как-то таскал во время службы при помощи ещё двух парней и тележки. Чтобы увидеть его широко распахнутые от удивления глаза, бугай должен был развернуться весь, ибо не имел возможности обернуться. Правда с такой силищей и стволом это, может и не очень нужно.

– Чего так смотришь, малец?

Спокойный низкий голос не сразу вывел Сарэфа из удивлённого состояния и разглядывания изрытого рубцами лица с маленькими глазками.

– Да я это... Просто так.

– погоди, это же про тебя мне рассказывали, что ты завалил того десантника? Не верится даже... Сам мечтал потягаться с ними. Каких богов ты умилоствовал, чтобы остаться в живых?

– Случайно вышло, просто повезло.

Чтобы обратиться к заведующему арсеналом долговязому типу с рептилоидной внешностью и кучей перьев на голове, бугай снова развернулся всем телом.

– Слышал да? Наш новый головорез не приносит жертвы богам. Ему понадобится оружие получше, чем та зажигалка, что ты ему приготовил.

Ящерица в перьях недовольно вздохнула и достала из ряда стеллажей сильно истрёпанное, но внушительных видов оружие настолько странной конструкции, что Сарэф даже не понял как его взять в руки.

– Я, пожалуй, со своей зажигалкой повоюю...

Громила и интендант переглянулись, но ничего не сказали.

* * *

Всё тот же катер нёсся в беззвучной пустоте и Сарэф сел на то же место недалеко от Фороса. Вот только компания в этот раз состояла уже не из случайных рубак с пограничной станции, а из хорошо сработанных бойцов, которые просто молча готовились к чему-то. Среди них был и тот парень с имперского транспортника. Влад. Единственный не вооружённый тип на палубе. И также единственный, кто ухмылялся чему-то. Видимо своим же шуткам у себя в голове.

– Мне сказали ты новенький, это так?

Сарэф кивнул синхронно с опусканием крышки корпуса своего лазгана.

– У нас не случилось оказии пообщаться на борту «Ветра» так что собираюсь ликвидировать этот недочёт пока Анарель лавирует в облаке обломков и астероидного крошева.

Сарэф выглянул в смотровую прорезь с бронекристаллом и увидел, как они проносятся мимо огромного количества кусков камня и льда размером с квартал улья каждый.

– Не думал, что это важно, раз мне до сих пор ничего не сказали.

– Не буду говорить за других, а мне не по себе, от того что у меня за спиной будет стоять чувак, который не в курсе того, что вообще происходит.

– Хех... Разумно.

– Так вот, раз уж ты с нами, то должен знать, что мы не те пираты, про которых чаще всего слышат. Мы охотимся за уникальными реликвиями и не ради наживы, поэтому, если рассчитываешь остаться, то нужно узнать насколько ты ненавидишь Империум?

– Ну они выкинули меня сначала из Муниторума, потом вообще хотели вклеить мне срок за контрабанду. Как по-твоему, достаточно?

– Для начала, вполне.

– Тока я не въехал всё равно что за хрень вы творите.

Форос отвлёкся от беседы с типом в такой же панцирной броне и рывкнул в их сторону.

– Влад, хорош трепаться! У него уже есть дружок.

– Я не виноват, если ты такой озабоченный.

Говорили ли они ещё что-либо, Сарэф уже не обращал внимания. Его приковало то, что стало видным за облаками космического мусора: странный объект был явно искусственного происхождения. Вытянутая конструкция напоминала наконечник стрелы, или нечто подобное. Большая часть объекта, по видимому, скрывалась под толстым слоем льда, но он предположил, что размерами конструкция не превышает имперский крейсер среднего тоннажа. Если бы это была обычная станция или корабль, Сарэф бы даже не вглядывался, но это... Ни одно из сотен судов, что ему довелось видеть, не обладало такой конструкцией и полным отсутствием внешних деталей корпуса. Даже «Солнечный ветер» был далеко не настолько странным...

Чувство настороженности и удивление усилилось ещё больше, когда катер приблизился к объекту вплотную. Ни одного сочленения, словно корпус состоял из единого куска металла, в котором пробурили внутренние пространства. Из соседнего помещения катера раздался перевозбуждённый вопль Сенеки.

– Раздели меня на ноль! Вы только посмотрите на это!

А посмотреть было на что. Даже самые изысканные суда вольных торговцев или Адептус механикус выглядели ржавыми корытами орков по сравнению с этим произведением инженерного искусства. Хотя Сарэф и мало что в этом понимал, но чисто наглядно. Невозможно было поверить, чтобы человек мог такое создать, но, тем не менее, размеры и компоновка стыковочного шлюза были точь в точь как на имперских судах. Словно взяли обычный корабль и многократно усовершенствовали.

Их катер сел внутри ангара, который, на удивление, функционировал, потому что сразу же раздался гул заполняемого воздухом пространства, ещё секунду назад, бывшего одним целым с бескрайней пустотой космоса. Сенека выбежала первой. Словно ошпаренная и в наркотическом угаре она лихорадочно разглядывала каждую деталь и устройство в ангаре, которые для Сарэфа, были даже незаметны. То, что он заметил первым, был воздух. Сначала он решил, что его укачало, но воздух, на самом деле, оказался таким, каким он его запомнил на своём родном агромире. Потом в глаза бросилось полное отсутствие кабелей на полу и каких-либо элементов декора.

– Поразительно! Реактор до сих пор работает! И системы жизнеобеспечения! Когда мне сказали, я думала это глупая шутка...

– Скажи спасибо Её величеству.

Влад и Сенека возглавили процессию из обвешанных оружием и снаряжением персон в сторону ворот. Те бесшумно разъехались и пропустили всех в широкий просторный коридор. Врученный Сарэфу тяжеленный контейнер немного накренился и задел за полированную стену, оставив на ней заметные полосы. Сенека так топала к нему, что он уже решил, что ему конец, однако её интересовали только царапины.

– Невозможно... Смотрите, он восстанавливается!

И правда, если бы не она, Сарэф подумал бы, что у него галлюцинации. Царапины разглаживались прямо на глазах.

– Это ещё что такое Сен?

– Наверное какой-то аналог стазисного поля с памятью формы... Я не могу этого знать. Видела такое только у некронов, но чтобы так быстро...

– Пойдём, нам нужна твоя помощь в другом месте.

По мере осторожного продвижения вглубь судна Сарэфа не покидало ощущение присутствия чего-то очень большого и страшного в каждой пылинке окружающего пространства и его напряжение разделяли многие. Это место слишком странное. Всё вроде сделано под людей, но следов самих людей нет совсем. Покинуто и нетленно. То и дело встречаются трафаретные надписи. Почти все буквы соответствуют низкому готику, но ни одного слова понять не удалось. Одна сплошная белиберда.

Едва группа вошла в следующее помещение, как их обдало жаром. Воздух здесь оказался разительно горячее, нежели в других. Сарэфу сразу вспомнились Сегестийские бани, которые он так любил в детстве, но жар исходил совсем не от электро спиралей. В центре зала парила женская фигура. Её ступни, обмотанные бинтами, лишь изредка задевали пол, а над лишённой волос головой дрожал воздух точно также, как над самым настоящим костром. Её глаза были открыты, но не похоже, чтобы она видела входящих. Светящиеся изнутри белым светом глаза, видимо, смотрели туда, куда обычный человек не заглянет по доброй воле.

Все члены группы приветственно склонили головы и Сарэф решил не выделяться.

– Принцесса. Ваш план сработал и мы готовы, к тому, чтобы продолжить.

Глаза женщины поблели и за её вниманием уже можно было проследить. Вот только голос, как оказалось, звучал так, что у Сарэфа все внутренности вибрировали, несмотря на то, что говорила она негромко.

– Я видела вас, друзья мои. Вы хорошо справились, но что-то всё равно пошло не так. Я чувствую, как червь, не своей жизнью живущий, грызёт ваше сердце, но не могу увидеть беду, будто она сама не знает, как выглядит...

По группе пошло тихое бормотание.

– Что она несёт?

– Да как обычно не в себе.

– Забей.

Вперёд вышел Форос и протянул женщине небольшой контейнер, при этом, стараясь не приближаться ближе пяти шагов, как если бы даже его замкнутый костюм не справлялся с исходящим от неё жаром. Контейнер взмыл в воздух и плавно проплыл к женщине, попутно открыв своё содержимое. Сарэфу становилось дурно от настолько невероятной и подавляющей мощи колдуньи, но он продолжал смотреть. Из контейнера в руки женщины вылетел камень, чем-то похожий на тот, что он видел в странном агрегате вместе с Каном. Она перекатывала этот камень в ладонях и её глаза вновь засветились, а в помещении стало ещё жарче. Кровь в голове пульсировала, а каждое слово женщины стало звучать как удар по голове.

– Это... он... Да... ключ к нашему прошлому и будущему. Подойди сюда, Сенека, я покажу тебе, что вижу сама, ибо только ты поймёшь мои видения.

Сенека осторожно приблизилась только после того, как Влад её подтолкнул и недовольно виляла своим единственным механодендритом из стороны в сторону.

– Ох, не нравится мне это... Лучше пустите меня к когитаторам, я...

Сенека взмыла под потолок выгнувшись как в приступе эпилепсии и затряслась, а через пару секунд бессильно упала на пол, грохнув по нему всеми своими металлическими частями. Форос было кинулся к ней, но она сама отстранила его, очнувшись практически сразу.

– Что? Что ты видела?

– Это... даже большее, чем мы надеялись найти... Этому судну больше 20 тысячи лет... Я видела людей, похожих на богов и много того, что даже не могу описать. Очень много прекрасных и... ужасных вещей.

– Ты видела, как открыть эту дверь?

– Кажется да, здесь располагалась резервная рубка, если такой термин применим... Сейчас активна только какая-то подсистема и нужно получить доступ к реактору... Мне нужно осмотреться.

Сенека встала и неуверенно зашагала вдоль стен и неактивных металлических стоек, напоминающих кафедры техножрецов Марса с множеством гнёзд под их, откуда угодно торчащие провода и штейкеры. Каждое её касание создавало едва заметные волны мерцания по поверхности металла и странный звук, похожий на эхо в глубокой пещере. Затем она встала в центр круглой площадки и расставила руки в стороны. Площадка под ней внезапно засветилась рядами голубых огней, а саму Сенеку окружило целым костюмом из голопроекций, реагирующих на каждое малейшее движение. Неведомо откуда раздался мягкий женский голос, пытавшийся что-то донести на непонятном языке. Единственное, что Сарэф смог понять, это искажённый вариант слова «Внимание» на низком готике.

– Кто это говорит, Сен? Ты её понимаешь?

– Скорее всего дух корабля. Он говорит на языке древней Терры и его уже никто не сможет понять.

Движениями, напоминающими первые попытки огрина танцевать, Сенека создала вокруг себя ещё больше голопроекций с массивом текста и символов. Были и трёхмерные движущиеся модели планет, систем и даже всей галактики. Сарэф всё не мог понять, что ему кажется странным, но потом понял. Он так привык к нечётким, постоянно дрожащим изображениям, что вид полностью стабильной голо-проекции вызывал недоверие. Сенека в очередной раз взмахнула руками и по кораблю прошла небольшая волна вибрации, после чего он ожил. Загорелось столько осветительных и сигнальных огней, что вся компания чуть не начала стрелять от испуга, а неведомый дух корабля возобновил длинную и непонятную тираду, сопровождая её множеством динамичных пикт – изображений, которые, из-за обилия технической информации, не проясняли ровным счётом ничего.

Голографический костюм Сенеки исчез и она, сияя от счастья, побежала к дверям, которые, предусмотрительно, открылись.

– Я сделала это! Я гений!

В этот момент Влад недоверчиво шепнул Форосу:

– А чего Её величество просто не вынесло двери своей крутизной?

– Пыталась, но сразу же включалось какое-то поле, которое даже она не смогла пробить.

В тот раз тут всё раскалилось до красна и не верится даже, что ничего не повредилось.

Вся группа последовала за Сенекой на подъёмную платформу, которая доставила их в совершенно неожиданное место. Даже на Сегестии Сарэф не помнил настолько красивых и умиротворённых видов. Кругом всё было заполнено аккуратной растительностью, перемежающейся журчащими потоками воды и необычными приспособлениями, похожими на лежаки. Из динамиков доносилась симуляция звуков фауны. Всё выглядело так, словно было покинуто только вчера и Сарэф совсем не собирался верить словам Сенеки про целых 20 тысяч лет.

В этот момент ему стал слышаться приглушённый мужской плач и, судя по переглядывающимся спутникам, не ему одному. Мысль о том, что здесь кто-то может быть мгновенно встrepенула всю группу и каждый, у кого было оружие, приготовился к бою.

Плач доносился из-за оплетённой цветами колонны. Когда несколько бойцов обошли её, плач не исчез и продолжал звучать в воздухе. Форос даже пнул пустоту в том месте, но ничего не произошло. Из разных точек стали доноситься голоса, смех и возгласы, что натянуло нервы каждого до опасного уровня пока не вмешалась парящая женщина.

– Ткань реальности здесь тонка и вы легко можете слышать отголоски душ, уже давно поглощенных имматериумом.

– Нам от этого не легче, принцесса! Что делать то?

– Игнорируйте, мы заберём только то, зачем пришли и уйдём.

Сарэф не дал себя обмануть, ещё ни один мародёр, пусть даже если она сумасшедшая колдунья, добровольно не откажется как следует обшарить безхозное добро, ведь он сам не так давно был мародёром. Как правило ему мешали другие претенденты...

Вдобавок ко всему его беспокоила странная похожесть его рубца на шее после клеймения в СПО и такого же рубца у колдуньи. Вряд ли она служила в армии.

Тем временем группа вышла на большой перекрёсток и ожидала указаний. Направления ничем друг от друга не отличались, кроме буквенного обозначения. Сенека повела их как будто в случайном направлении, но через минуту они уже стояли перед большими раздвижными воротами, которые, на этот раз, её манипуляциям не поддавались.

– Заблокированы изнутри... Что за?

Сенека отпрянула от ворот, когда по ним побежали нити изморози и стал раздаваться шёпот. Он о чём-то просил, но понять конкретнее было невозможно. После нескольких таких просьб шёпот утих. Влад хотел было обратиться к летающей женщине, но невероятной силы рёв и грохот оглушили всех. Покрытые инеем двери вмялись в их сторону так, словно с той стороны в них врезался целый танк.

– Это тоже отголоски, надеюсь?

– Нет...

Резко стало тяжело дышать, когда женщина приблизилась к воротам. Скрежет выворачиваемого металла заставил всех зажать уши, но Сарэф не смог оторваться от зрелища того, как по воле хрупкой женщины сталь толщиной в полметра сминается и рвётся как бумага.

– Здесь никого нет. Оно просто питается вашими страхами.

– Оно? Это кто ещё? Ты же говорила здесь никого нет!

– Физически. Но если пробудем здесь, дрожа коленками, ещё пару часов, то, непременно, появится и мой барьер будет уже не так для вас спасителем.

Возражать больше никто не захотел и проверять правдивость её слов, судя по всему, тоже. За раскуроченными воротами находилось небольшое помещение с висящим в воздухе шаром колыхающейся жидкости, напоминающей ртуть. В некоторых местах стены были покрыты уже «заживающими» глубокими бороздами, словно от ужасно больших когтей. Раздались

выстрелы. Несколько замыкающих членов группы пытались подбить подлетевшие к воротам металлические сферы, которых заряды плазмы совершенно не беспокоили и они, абсолютно неизвестным способом, продолжали расщеплять ворота, будто бы просто растворяя металл в воздухе и собирая его вновь на нужном месте в первоизданном виде.

От увиденного почти все замерли в замешательстве. И только парящая женщина продолжила целенаправленно заниматься делом. Она достала из шкатулки тот самый кристалл и погрузила в жидкий шар. Через минуту кристалл выплыл наружу, а на возникшей рядом голо-проекции галактики ярко засветилась точка на самом конце «северного» рукава.

– Мы закончили, возвращаемся.

– Что, всё? Вот так просто.

– Почти. С этим мы сможем отомстить. С этим мы уничтожим сначала Сцинтиллу, а за ней и весь сектор. Боги получают свою плату.

– Сарэф понятия не имел о чём они говорят, но на всякий случай тоже поднял руки в радостном жесте.

* * *

На борту «Солнечного ветра» Сарэфа ждал сюрприз. Как говаривали матросы, капитанша устроила чистку, потому что на корабле начались случаи «вопиющего неповиновения и нарушения субординации». Всё это его мало волновало бы, если б под горячую руку не попал его Кан и даже сам Адвальд. Всех закрыли в, предусмотренных для этого, казематах.

– О, Сарэф! Я знал, что ты придёшь! Ты же не считаешь меня виновным, правда?

– Нет, конечно, Кани, я даже представить не могу что вы такого успели с Адвальдом сделать за те несколько часов, что нас не было.

Глаза Кана округлились и он схватился за решётку всеми четырьмя руками.

– Часов ты сказал? Вас не было неделю и мы не знали уже что и думать!

– Ты настроен шутить, значит не всё так плохо.

– Нет плохо! Нас обвиняют в предательстве! Якобы мы передавали зашифрованные данные втихаря!

– Кому? Что за данные?

– Вот и я хотел бы знать, дорогой мой! Вообще такого не было! Мы чинили этот грёбанный варп привод опять, а на нас брешут! Вон Дагергуст не даст соврать.

Из тёмного угла камеры донеслось грустное бормотание пожилого сквата.

– Едрить их в просак всех... Вот так работаешь, не покладая рук и вот так тебя благодарят...

Сверху раздался голос Аксис:

– Командование посчитало данные объективного анализа достаточным доказательством, господин Дагергуст. Здесь не было элемента личной неприязни.

– И ты с ними ссука...

Раздался отдалённый грохот и скрежет металла, а гравитационные векторы корабля тряхануло так, что все попадали с ног. Потом ещё и ещё... В глазах у Сарэфа всё плыло в густом тумане, когда он обнаружил себя в углу перекошенного тюремного отсека. Потолок пробили балки и кругом искрились электроэлементы разорванных стен. Сквозь гул тревожных сирен удалось услышать вопли Кана. Его придавило решёткой и Адвальд, крепко матерясь, пытался вытащить парня из-под металлических обломков. Проблему решила в конец отрубившаяся гравитация и они втроем стали плавать в кроваво красном, от аварийных светосфер, дыме. О судьбе остальных заключённых было неизвестно ничего потому, что, судя по всему, остальная часть отсека вовсе сместилась в сторону и перед ними была только груда обломков.

Дым становился всё более удушливым и, распускающийся в невесомости, как смертоносный бутон, огонь грозил добить их. Благо депрессия Адвальда не парализовала его ум и он быстро смог перезапустить двери.

– Нужно попасть в визорную, парни! Пока не поймём что за ебота происходит, никуда не будем рыпаться. Подсобите-ка!

Кан и Сарэф молча помогли сквата зацепиться за верхнюю часть поломанной решётчатой лестницы и по ней попали в относительно уцелевшее помещение, заполненное аппаратурой для слежения за многочисленными бортовыми сервиторами. Многие экраны показывали лишь шум и потерю сигнала. По тем же отрывочным пикт- и видеофрагментам, что остались, удалось установить, что основная масса повреждений пришлась на центральную часть судна, которая в буквальном смысле развалилась, оставив две половинки корабля свободно дрейфовать в пустоте. Затем стали видны всполохи взрывов и странные "лучи темноты", рассекающие узлы корабля на куски.

– Вот же ж! Походу нам кто-то вогнал по самые гланды...

– Что? Кто?

– А хер его знает! Вон смотри! На абордаж пошли...

Изображение одного из экранов запестрило росчерками разноматсных снарядов и выстрелов. На других стали появляться странные человекообразные фигуры в зловещих чёрных шипастых латах и с не менее пугающего вида оружием. Кто-то из матросов пытался оказывать сопротивление, но практически сразу оказывался разорван неведомыми снарядами из самой тьмы или расчленён настолько быстрыми взмахами зубчатых клинков, что различить хоть какие-то детали было невозможно. Один за другим экраны гасли. Адвальд судорожно пытался связаться хоть с одним из постов на командном мостике.

– Кто-нибудь ответьте, мать вашу!

– Кш-ш-ш... той! А...ш-ш-ш...

– Госпожа! Капитан, это Дагергуст! Что делать? Мы в визорной!

– В... рюм... очно! Они... ят захватить ключ! Он в вашей половине кор... Продержитесь!

– Повторите! Проблемы со связью, повторите! ... Сука!

Удар кулачищем Адвальда окончательно доломал вокс-передатчик и его сигнальные огни погасли.

– Бежим, парни! Нужно найти путь в трюм и помочь ребятам, что там окопались. У меня есть идентификатор, чтобы заблокировать хранилище и этим гадам до нашего добра не добраться.

– Нет... я пойду один...

– Сарэф, ты совсем долбанулся? Вон у тебя кровь идёт!

Кан и Адвальд в недоумении наблюдали как напуганное лицо их друга приобретает ожесточённый вид. Бывшие до этого сочувственными, глаза стали холодным и безжалостным взглядом, пронзающим насквозь, а шрам на щеке закровоточил маленькими алыми капельками, разлетающимися в невесомости.

– Сарэф? Что...

Кан не мог пошевелиться. Всё его тело словно пронзили тысячи игл и он только скулил, наблюдая как Адвальд, дрожащей рукой протягивает свой перстень этому, ставшему незнакомым, человеку.

– Э? Это что сейчас было? Как ты? ... Откуда у тебя мой перстень? Эй!

Адвальд было потянулся одёрнуть уплывающего Сарэфа, как тот лишь оглянулся и сквата отбросило неведомо чем с такой силой, что тот проломил спиной приборный шкаф в другом конце комнаты и не издал больше ни звука. Кан всё также бессильно наблюдал как человек, которого он считал близким, наводит на него пистолет.

– Сар... Я же...

Человек напротив замешкался лишь на секунду.
– Еретик, не более.
Выстрел...

* * *

В грузовых отсеках гравитация ещё функционировала и Эл, полный мрачной решимости, спешил довести свой план до конца. Любой ценой. Атака друкаев пришлось раньше, чем было нужно, но даже так можно было считать затею удавшейся. Избирательный гипноз матросов дал богатый урожай и разворошил это осиное гнездо еретиков лучше, чем ожидалось. Главное успеть добраться до хранилища так тщательно собираемого ими археотеха раньше абордажных групп. Хоть они и не знают что на самом деле находится в здешних трюмах, но быстро догадуются по силе обороны. Беда лишь в том, что с еретиками он справится, а вот с друкаями...

Звуки выстрелов и взрывов раздавались всё громче и он наткнулся на скопление разбросанных трупов. Среди обезображенных останков людей, в луже крови, лежало изящное полуголое тело девушки с очень бледной кожей. Её защищали только редкие металлические накладки и минимум одежды, а в груди красовалось приличных размеров рваное отверстие, оставленное болт-зарядом. Пока Эл пытался разжать её мертвецкую хватку на изогнутом клинке, он обратил внимание на то, как её вытянутые черты лица похожи на Анареля. «Может дальние родственники? Или они все на одно лицо?» Клинок оказался настолько лёгким и сбалансированным, что даже не верилось, что такое возможно, но Эл, всё равно прихватил ещё и стабберную винтовку.

Когда вдаль стали виднеться баррикады, он мысленно поблагодарил Императора, за то, что та женщина – псайкер осталась на другой половине корабля, как он и надеялся. В противном случае она в миг бы раскусила его слетевшую личину, которая ещё билась в глубине сознания, моля остановиться. Когда он встретил её впервые на том древнем судне, то даже не поверил, что человек может вообще существовать, не будучи разорванным такой невероятной силой. Такая мощь... Уровень «альфа» не меньше. Даже в голову не приходило, кто бы смог тягаться с ней, а те меры, что Женевиан пытался предпринять, думая, будто бы она явится в Тарсус, грубо говоря, смехотворны.

Из-за баррикады слышались человеческие голоса.

– Это свои!

– Кто?

– Не помню, как его звать, но я его видел.

Внутри оказалось больше людей и мутантов, чем Эл предполагал, но даже не стоит сомневаться, что их продуманная эшелонированная оборона с множеством участков перекрёстного огня ничего не сможет противопоставить атакующим. Даже против штурмовиков гвардии они бы выстояли хоть до возвращения Императора, но им очень не повезло.

– Занимай позицию за теми турелями! Живо!

Эл даже не обернулся на того, кто тут командовал и продолжил бежать в сторону тех ворот, которые он приказывал Кану саботировать вместе с Адвальдом. Практически сразу раздалась оглушительные взрывы. Некоторые совсем рядом, отчего Эла повалило лицом прямо на решётки.

Защитники сопротивлялись отчаянно, сомневаться в этом не приходилось, ведь они даже не успели дрогнуть. Вихрь дезинтегрирующих лучей и блестящих от крови клинков превращал каждого в месиво из оголённых внутренностей. Каким-то образом, при всём при этом, большинство не умирало сразу и наполняло весь трюм истошными воплями невыразимой боли. Те, кто это с ними сделал, напротив, визжали от наслаждения агонией их жертв.

Эл понимал: скорее всего он не уйдёт отсюда живым, а значит он должен выполнить свой долг прямо сейчас. Игнорируя хаос за спиной он подобрал связку крак – гранат и готовился к тому, чтобы подорвать себя вместе со скоплением аппаратуры неизвестного назначения. Механикус проклянул его, но нельзя допустить, чтобы древние, выходящие за всякие рамки понимания, секреты достались ксеносам.

В момент, когда его рука тянулась к активационной руне, голову наполнил такой силы ворох шёпота и голосов, какого он уже давно не слышал. Среди них особенно громко прозвучала фраза «An' ugelai!» и резко обострившееся чувство самосохранения заставило его развернуться. Шипастая размытая тень в сегментированных доспехах двигалась так быстро, что даже просвистевший мимо плеча клинок смог порезать его. Последовавшие следом две серии ударов сверху и слева, слившихся от скорости в один, удалось отразить, скорее всего, по праздной легкомысленности атакующего. Эл чисто физически не успевал парировать следующий выпад, который настиг его и зазубренная сабля пронзила его живот насквозь. Пинком друкай снял Эла со своего клинка и приподнял шлем, чтобы слизать кровь. По всей видимости лезвие было смазано специальным ядом, потому что никакое ранение не способно приносить настолько сильную боль, что у Эла стали крошиться зубы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.